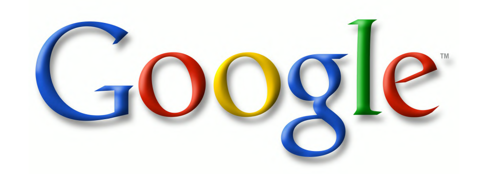


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ANSC

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

IV.

ВЫПУСКЪ 1.

СОФІЯ

ДЪРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА

1899.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
DEC 1 1981

DK20
A3
f
v. 4
pt. 1

Печатано на основаніи § 4 Устава Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Директоръ **Ѳ. Успенскій.**

Оглавленіе.

въ с. Германъ.

Надпись царя Самуила.

Ѳ. И. Успенскаго.

На озерѣ Преспѣ находится пограничная этнографическая черта между славянами и албанцами. Между тѣмъ здѣсь въ концѣ X-го и въ началѣ XI-го вѣка былъ центръ славянской политической дѣятельности, здѣсь имѣлъ свою столицу царь Самуилъ. По берегамъ малонаселеннаго въ настоящее время Преспанскаго озера, въ особенности же на островахъ его, именуемыхъ Градъ и Градиште, находятся остатки старыхъ монументальныхъ построекъ, церквей и монастырей, на окружающихъ озеро скалахъ можно еще видѣть слѣды славянскихъ надписей. Мѣста эти посѣщались весьма немногими учеными изслѣдователями, профессоръ Григоровичъ видѣлъ Преспу мимоходомъ (Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, изд. 2^е^, стр. 113).

Въ селеніи Германъ, по близости отъ Преспы, находится славянскій памятникъ первостепенной важности. Это надгробная плита, найденная, какъ говорятъ мѣстные жители, при постройкѣ новой церкви въ 1888 году и имѣющая славянскую надпись. По продольной линіи плиты высѣчены три креста, по бокамъ коихъ замѣтны пробоины, указывающія на то, что сохранившіяся нынѣ углубленія сдѣланы были для металлическихъ крестовъ, прикрѣпленныхъ къ плитѣ гвоздями. Надпись выбита не по всей плитѣ, а занимаетъ только верхній уголъ ея. Объ этой надписи встрѣчается разъ глухое упоминаніе въ болгарскомъ изданіи „Сборникъ за народни умотворения“ кн. 4 (1891 г. стр. 40). Авторъ, скрывшій свое имя подъ тремя звѣздочками,

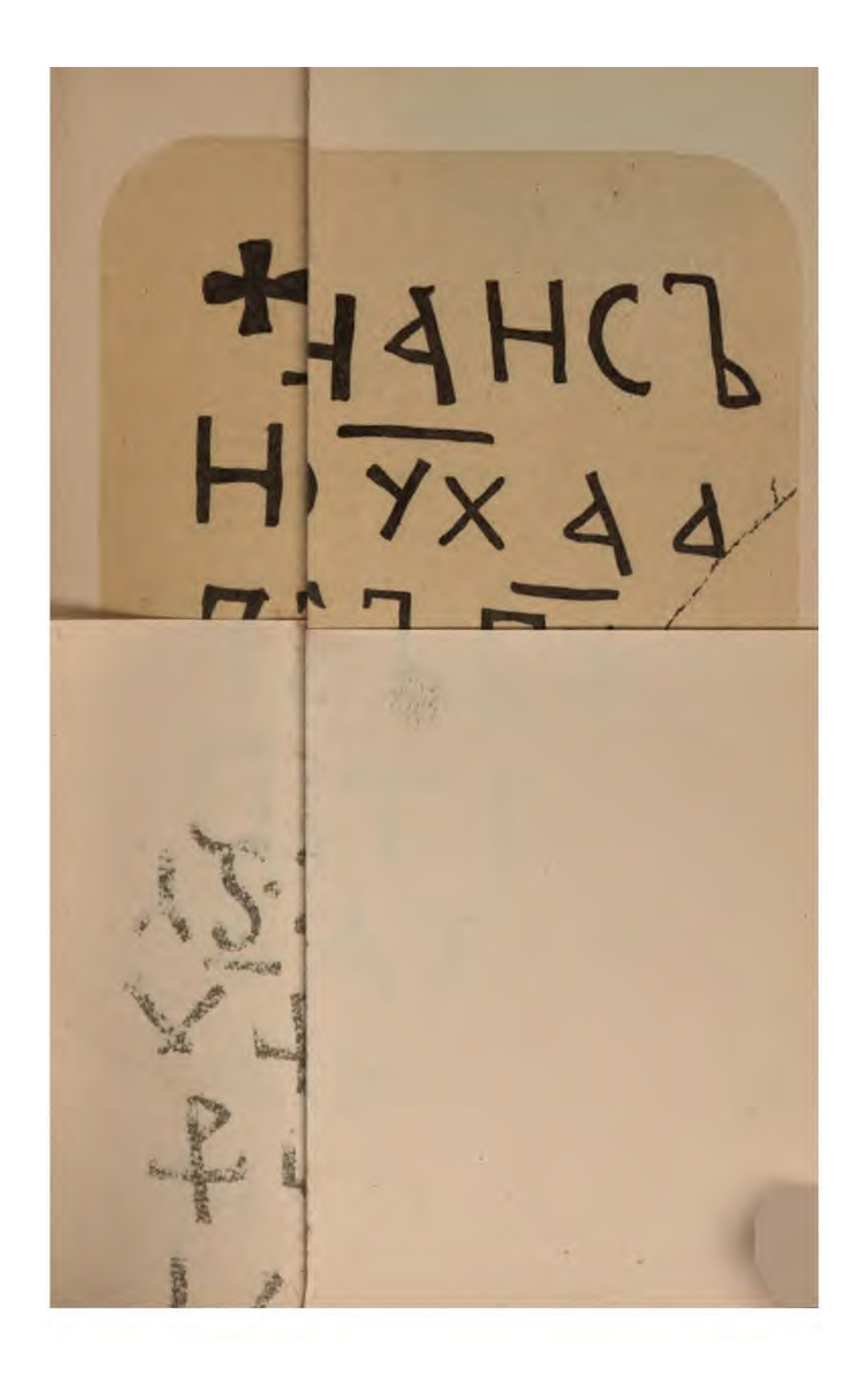
разсказываетъ, очевидно, на основаніи слуховъ слѣдующее. Поселяне говорятъ, что когда-то въ ихъ селѣ жилъ патріархъ св. Германъ — очень добрый человѣкъ. Когда онъ умеръ, его похоронили въ старой церкви св. Германа. Нынѣ, говоритъ авторъ уже отъ себя, его гробъ находится подъ новой церковью, сооруженной недавно. Надъ святыми его костями находится плита съ болгарской надписью, эта плита теперь покрыта землей. Одинъ житель Рѣсны снялъ эту надпись, когда плита еще не была зарыта въ новой церкви, но копія оказалась утраченной. При этомъ подъ чертой, въ примѣчаніи, добавлено, что г. Кинтанчевъ видѣлъ копію съ надписи, но отдѣльныя буквы такъ оказались стертыми, что онъ могъ прочесть только слово *Самоилъ*.

Въ этомъ извѣстіи сущность вѣрна, но подробности перепутаны. Занимающая насъ плита не имѣетъ отношенія къ гробницѣ св. Германа, которая дѣйствительно находится подъ поломъ церкви, и которой мы не могли видѣть. Въ высшей степени интересно конечно разслѣдовать, не окажется ли надъ останками св. Германа плиты съ надписью, но та плита, съ которой снялъ копію житель Рѣсны, и гдѣ читается между прочимъ имя Самуилъ, найдена не на гробѣ св. Германа, а по близости отъ него, и при томъ эта плита хранится въ настоящее время на поверхности земли въ самой церкви. Эпитропія мѣстной болгарской общины правда принимаетъ мѣры, чтобы плита не бросалась въ глаза посѣтителямъ, для чего прикрыла ее досками. Стоило не малаго труда и продолжительныхъ переговоровъ, чтобы получить доступъ къ этому памятнику. Каменная плита дл. 1,25 м., шир. 0, 52 м.

Содержаніе надписи свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ семейной усыпальницей Шишмановичей, и что скромная Германовская церковь скрываетъ подъ собой могилу, можетъ бить, и самого Самуила.

Надписъ изображена на прилагаемой при семъ таблицѣ, представляющей фотографическій снимокъ съ эстампажа, и заключаетъ въ себѣ слѣдующее чтеніе:

Въ имѧ ѡтьца и съ=
ина и с(вѧ)таго доуха а=
зъ Самоилъ рабъ Бож(и)
полагаѫ памѧть (ѡтьц)



МНІГВ✝
ТЭНАЙН
ОЧАЭΖТ
АТАЛОП
ТАЧНꙋ
ТЭꙄЧꙁІА
ТАЧЭНН

ꙋ и матери и брат(ꙋ н)
а кръстѣхъ си(хъ си)
имена оусъпъш(ихъ ни)
жола рабъ Божи (....)
ѣ дав(ы)дъ, написа(сѧ въ)
лѣто отъ сътво(ренїꙗ миро)
ѵ ѕѳфа инъди(ктъ ѕ)

По отношенію къ чтенію нѣкоторыя затрудненія встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надпись отбита. Вполнѣ сохранились двѣ первыя строки. На третьей рѣзчикъ допустилъ ошибку въ имени, вырѣзавъ самоипъ, и исправилъ ошибку тѣмъ, что надъ п поставилъ букву л. Конецъ 4-й строки на эстампажѣ сохранилъ слѣды закругленнаго очертанія ს, которое можетъ быть разсматриваемо какъ составная часть буквы ѡ. Конецъ 5-й строки дополняемъ двумя буквами ꙋ н. Конецъ 6-й строки можетъ нуждаться въ четырехъ буквахъ: хъ си; конецъ 7-й строки оканчивается двумя чертами литеры ш и дополняется такъ: ихъ ни. Конецъ 8-й скроки въ особенности заставляетъ сожалѣть о порчѣ камня, такъ какъ здѣсь находилось имя матери Самуила, не сохраненное источниками, отъ этого имени удержалась только одна послѣдняя буква на слѣдующей строкѣ, именно ѣ. Въ началѣ 11-й строки видна черта, представляющая слѣды начертанія ѵ, конецъ строки дополняется литерами: ктиѡнъ ҁ или ктъ ѕ.

Филологическій и историко-литературный интересъ, представляемый настоящей надписью, долженъ быть оцѣниваемъ съ той точки зрѣнія, что это есть живой памятникъ славянскаго языка и письма той эпохи, отъ которой не сохранилось или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не открыто памятниковъ. Наша надпись поэтому ставитъ на очередь новые вопросы по славянской палеографіи и филологіи, восполняя весьма существенный пробѣлъ въ этомъ отношеніи между языкомъ перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ и литературными памятниками XI—XII столѣтія. Независимо отъ того надпись бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на культурное состояніе этой совсѣмъ темной эпохи славянской исторіи. Уже самое примѣненіе славянскаго языка къ такимъ обиходнымъ потребностямъ, какъ

начертаніе надгробной надписи, есть фактъ весьма важный въ разсужденіи эпохи царя Самуила, которая чрезъ изученіе сохранившихся и скрывающихся подъ землей памятниковъ въ Преспѣ ждетъ еще своего разъясненія и оцѣнки. Въ высшей степени любопытно, наконецъ, и то обстоятельство, что царь Самуилъ чтитъ здѣсь память лишь трехъ членовъ своей семьи: отца, матери и брата Давида. Ясно то, что всѣ эти лица погребены въ одной усыпальницѣ, въ церкви св. Германа. Почему не упомянуты Моисей и Ааронъ, которые въ 993 году повидимому уже не были въ живыхъ (Дриновъ, Период. Списание Болг. Кн. Дружества, кн. IX и X стр. 58—61 и Южные Славяне и Византія въ X в., стр. 90, 116—117, оттискъ изъ Чтеній въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей 1875 кн. 3), на этотъ счетъ невозможно дать рѣшительнаго отвѣта. Гораздо любопытнѣе, что отецъ Самуила Шишманъ является подъ именемъ Николы. Допуская, что это было монашеское имя Шишмана, можно бы высказать догадку, что тяготѣющее надъ Самуиломъ обвиненіе въ убійствѣ отца неосновательно.

Нѣсколько замѣчаній о надписи царя Самуила.

Т. Д. Флоринскаго.

Надпись болгарскаго царя Самуила безспорно представляетъ собой драгоцѣнный памятникъ славянской старины. Независимо отъ важнаго значенія, какое она должна имѣть какъ новое историческое свидѣтельство о царѣ Самуилѣ, надпись заслуживаетъ особаго вниманія какъ древнѣйшій датированный памятникъ славянской письменности. Всѣ извѣстные до сихъ поръ памятники славянскаго письма съ опредѣленными датами не восходятъ далѣе второй половины XI в. Самый ранній изъ нихъ — знаменитое Остромирово Евангеліе 1056 г. Теперь, благодаря новой находкѣ, наука обогащается точно датированнымъ образцомъ славянскаго письма и языка отъ конца X вѣка. Надпись царя Самуила старше Остромирова Евангелія на 63 года. Значеніе ея увеличивается благодаря тому обстоятельству, что она ведетъ происхожденіе изъ предѣловъ стараго Болгарскаго царства, изъ Македоніи, гдѣ дѣйствовали ученики св. Меѳодія послѣ изгнанія ихъ изъ Велико-Моравскаго княжества. Одинъ изъ нихъ Климентъ, епископъ Бѣличскій, скончался въ 916 г. (Житіе св. Климента). Слѣдовательно, всего 77 лѣтъ отдѣляютъ нашъ памятникъ отъ рукописной традиціи учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія.[1])

---

[1]) Въ ученой литературѣ давно уже сдѣланы указанія на три памятника славянскаго письма, будто бы относящихся къ X в., но принадлежность ихъ именно этому столѣтію подвергается сильному сомнѣнію. Архимандритъ (впослѣдствіи епископъ) Амфилохій на первомъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ сообщилъ доставленныя ему А. Ѳ. Гильфердингомъ копіи двухъ македонскихъ надписей, которыя и воспроизведены литографически въ Приложеніяхъ къ „Трудамъ“ съѣзда (Т. II. 862 и Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда л. 46 и 47). Съ содержаніемъ одной изъ нихъ, найденной въ Охридѣ, познакомилъ ученый свѣтъ еще В. И. Григоровичъ въ своемъ „Очеркѣ Путешествія по Европейской Турціи (116, 2-е изд. стр. 99). Она читается слѣдующимъ образомъ: Въ лѣт. ҂ѕ҃ѕ҃к҃д҃ мѣсѧца і҃ѕ ли прѣставише с҃тъ Климѣтъ Ѡхритьски. Однако

Отсюда не трудно понять, какой высокій интересъ представляетъ новооткрытая надпись для изслѣдователя древнѣйшихъ судебъ славянскаго письма и языка. Исполняя лестное для меня порученіе многоуважаемаго Ѳ. И. Успенскаго, я предлагаю ниже нѣсколько замѣчаній о палеографическихъ и филологическихъ особенностяхъ памятника.

Надпись сохранилась на камнѣ въ слѣдующемъ видѣ:

✠ВЪНМАѠТЬЧАНСЪ
НИАНСТАГО ДОУХА А
ЗЪСАМОНЛЪ РАБЪБ*
ПОЛАГАѪПАМАТГ
ѸНМАТЕРННБРАТ
АІСРЪСТѢХЪСН
НМЕНАОУСЪПЪШ
ІСОЛАРАБЪБ*Н
ѢДАВДЪНАПНСА
ЛѢТООТЪСЪТВС
ѴЅ ФАННЪ Д Н

Нельзя, конечно, не пожалѣть о томъ, что надпись сохранилась не въ полномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе большая и самая существенная часть ея уцѣлѣла. Содержаніе надписи вполнѣ

уже самъ Григоровичъ высказалъ убѣжденіе, что надпись вырѣзана гораздо позднѣе обозначеннаго на ней 916 года. Архимандриту Амфилохію также казалось страннымъ, что Климентъ уже въ годъ смерти, какъ значится въ надписи, былъ признанъ святымъ. Но болѣе всего возбуждаетъ подозрѣніе самый характеръ письменъ, слишкомъ мало отзывающійся стариной. Тоже самое нужно сказать о другой

ясно. Недостающія части ея легко возстановить почти во всѣхъ 11 строкахъ, за исключеніемъ восьмой, конецъ которой долженъ былъ заключать остающееся неизвѣстнымъ имя матери царя Самуила, и одиннадцатой, въ которой могъ быть точно отмѣченъ не только индиктъ, но и мѣсяцъ. Полный текстъ памятника представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ:

1. † в(ъ) нма ѡ҃тьца и съ
2. н҃на и ст҃аго доѵ҃ха а
3. ѕъ самоиӏъ рабъ бж҃(и)
4. полагаѫ памать (ѡтьц)
5. ѹ҃ и матери и брат(ѹ и)
6. а кр҃ъстѣхъ си(хъ)
7. имена оѵсъпъш(ихъ ии)
8. кола рабъ бж҃и (мари?)
9. ѣ давдъ написа (...въ)
10. лѣто отъ сътв(орениꙗ миро)
11. ѵ ҂ѕ҃ф҃а҃ индиктъ

Скобки содержатъ предполагаемое чтеніе недостающихъ мѣстъ надписи.

При воспроизведеніи имени „Самуилъ" рѣзчикъ ошибочно вывелъ букву п, которую поправилъ стоящимъ на-верху л.

Начальное ѣ въ 9-й строкѣ, вѣроятно, представляетъ собой окончаніе имени женскаго рода вм. ꙗ. Какое это было имя, къ сожалѣнію неизвѣстно.

Если вѣрно предположеніе (а въ этомъ едва ли можно сомнѣваться), что послѣднія двѣ буквы седьмой строки были

македонской надписи, открытой А. Θ. Гильфердингомъ въ Прилѣпѣ. И здѣсь древность начертанія письменъ представляется весьма сомнительной. При томъ въ этой надписи можно разобрать только три слова: лѣто ѕфд Стѣпъ. Третій мнимо-древній памятникъ славянскаго письма — глаголическая запись на греческомъ актѣ Иверскаго монастыря 982 г. (6490), открытая Преосв. Порфиріемъ (Извѣстія Археологическаго Общества V, стр. 13), который прочиталъ запись такъ: знк (т. е. знакъ), Григорі попъ. Извѣстный знатокъ славянской палеографіи И. И. Срезневскій, изучавшій памятникъ по семи фотографическимъ снимкамъ, не могъ открыть въ надписи словъ *Григорій попъ,* и только нашелъ нѣсколько глаголическихъ буквъ, о которыхъ трудно утверждать съ достовѣрностью, что онѣ современны греческому акту. (Древніе глаголическіе памятники Спб. 1866. 10—14. Извѣстія, Археологическаго Общества Т. V. 13. примѣч. Славяно-русская палеографія. Спб. 1885 стр. 94.)

нн, то въ надписи открывается второе христіанское имя для Шишмана, отца Самуила: онъ назывался Николаемъ. Современные византійскіе лѣтописцы, какъ извѣстно, не упоминаютъ о царѣ Шишманѣ. Анна же Комнина (VII. 3) называетъ отца Самуила Мокромъ (ἀφ᾽ οὗ δὲ Μόκρος ὁ τῶν Βουλγάρων βασιλεὺς καὶ οἱ ἐξ ἐκείνου γενόμενοι καὶ προσέτι γε Σαμουὴλ ὁ τελευταῖος τῆς Βουλγαρικῆς δυναστείας . . .). Возможенъ вопросъ: не есть ли это непонятное Μόκρος — неправильное чтеніе или искаженіе первоначальнаго Νικόλαος?

При изученіи памятника въ палеографическомъ отношеніи приходится сравнивать его исключительно съ древнѣйшими рукописями, такъ какъ другихъ древнихъ южно-славянскихъ надписей (за исключеніемъ указанныхъ выше сомнительныхъ) пока не извѣстно. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что воспроизведеніе письменъ на камнѣ не совсѣмъ тоже самое, что письмо на пергаменѣ. Въ надписяхъ степень близости буквъ къ опредѣленному типу данной эпохи можетъ зависѣть не только отъ искусства рѣзчика, но и отъ свойствъ камня, напр. большей или меньшей его твердости. Вполнѣ естественно, что даже умѣлый мастеръ въ виду техническихъ трудностей, какія могутъ встрѣтиться при рѣзьбѣ на камнѣ, иногда не выдерживалъ правильности линій и вообще упрощалъ начертаніе буквъ. Разсматривая нашу надпись съ этой точки зрѣнія, мы находимъ слѣдующее. Въ общемъ характеръ письменъ тотъ самый, какой представляютъ южно-славянскія рукописи XI—XII вв. Это — хорошо извѣстный крупный уставъ, какой видимъ, напр. въ Супрасльской рукописи, или въ Слѣпченскомъ Апостолѣ, или въ Струмницкомъ Октоихѣ. Рѣзчика, повидимому, нисколько не затрудняло выполненіе округлыхъ очертаній буквъ. Изображеніе каждой буквы отличается у него опредѣленнымъ, достаточно выдержаннымъ типомъ. Видно, что мастеръ, изготовлявшій надпись, вполнѣ владѣлъ своимъ искусствомъ, не сбивался въ усвоенной имъ манерѣ воспроизведенія письменъ. Даже при болѣе внимательномъ взглядѣ на письмо памятника не чувствуется замѣтнаго различія между нимъ и письмомъ на древнихъ пергаменахъ. Въ этомъ отношеніи надпись царя Самуила значительно отличается, напр. отъ древнѣйшей русской надписи 1068 г. на Тмутороканьскомъ камнѣ,[1]) въ которой довольно рѣзко высту-

[1]) Ср. напр. И. И. Срезневскій, Славяно-русская палеографія XI—XIV в. Спб. 131 - 134, или Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-е изд. 18.

паетъ недостатокъ правильности и выдержанности очертаній письменъ, вѣроятно, зависѣвшій отъ свойствъ камня, на которомъ вырѣзана надпись. Такимъ образомъ надпись царя Самуила въ значительной степени можетъ служить образцомъ и книжнаго письма X вѣка.

Въ расположеніи строкъ и размѣщеніи въ нихъ буквъ нѣтъ строгой послѣдовательности. Рѣзчикъ, повидимому, не разсчиталъ, сколько мѣста займетъ текстъ надписи. Вслѣдствіе этого первыя пять строкъ воспроизведены болѣе крупными буквами, причемъ разстояніе какъ между строками, такъ и между буквами значительно шире, чѣмъ во второй половинѣ надписи, гдѣ буквы въ общемъ меньшаго размѣра и стоятъ тѣснѣе. Впрочемъ, въ 8-й и 11-й строкахъ письмена по размѣрамъ опять приближаются къ буквамъ первыхъ строкъ. Придавая каждой буквѣ вполнѣ ясную и опредѣленную форму, исполнитель надписи въ тоже время старался подгонять всѣ письмена въ строку и заботился о томъ, чтобы рядомъ стоящія буквы были одной величины. Одна только буква ему не удавалась. Это — **д**, которое во 2-й и 11-й стр. стоитъ выше, чѣмъ нужно, по размѣрамъ мало соотвѣтствуетъ другимъ письменамъ и не вездѣ имѣетъ одинаковую форму (ср. слово **давдъ** на 9-й стр.).

Въ надписи встрѣчаются слѣдующія буквы: **а, б, в, г, д, є, ж, ӡ, ѕ, и, к, л, м, н, о, ѡ, п, р, с, т, оу, ȣ, ф, х, ц, ѣ, ъ, ь, ъи, ѧ, ѫ**. Отсутствуютъ слѣдующія начертанія старославянской азбуки: **і, щ, ү, ш, ꙗ, ѥ, ѩ, ѯ, ѱ, ѳ, ѵ**.

Весьма любопытно употребленіе титла, которое представляетъ собой довольно длинную горизонтальную линію, совершенно прямую, безъ загибовъ на концахъ. Такой видъ титла наблюдается очень рѣдко въ древнихъ рукописяхъ; пока онъ отмѣченъ, сколько мнѣ извѣстно, только въ Саввиной книгѣ.[1]) Въ однихъ случаяхъ титло стоитъ совершенно на мѣстѣ, надъ словами, написанными сокращенно: **сто҃го, бж҃и** (2 раза) и надъ числительными **҂ѕ҃ф҃ѳ҃**. Въ другихъ оно находится тамъ, гдѣ его можно считать лишнимъ, — надъ словами, которыя воспроизведены безъ всякаго сокращенія: **ѡ҃тьца съ҃ина, доу҃ха, кр҃стѣхъ**. Какъ объяснить послѣднее явленіе? По всей вѣроятности —

---

[1]) См. *В. Н. Щепкинъ*, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги. (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ 1898. III. 1. 184.) Ср. *Е. Карскаго*, Изъ лекцій по славянской Кириллской палеографіи, 1899. 110.

привычкой писать такія общеизвѣстныя слова какъ **сн҃ъ, дх҃ъ, кр҃сть** сокращенно, подъ титлами: считая болѣе удобнымъ передавать въ надписи указанныя слова полностью, безъ сокращеній, или, быть можетъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ указаніямъ извѣстнаго рукописнаго образца, рѣзчикъ тѣмъ не менѣе безсознательно ставилъ надъ ними титло, такъ какъ привыкъ видѣть ихъ съ такимъ надстрочнымъ знакомъ. Впрочемъ, иногда въ рукописяхъ встрѣчается и болѣе странное употребленіе титлъ, напр. въ Струмницкомъ Октоихѣ: **мол҃итвами, бл҃жє, пр҃оропи,**[1])

Рисункомъ буквы надписи болѣе всего напоминаютъ буквы Супрасльской рукописи.[2]) Въ частностяхъ нельзя не замѣтить сходства и съ письменами другихъ южно-славянскихъ памятниковъ, напр. Слѣпченскаго Апостола, Охридскаго Апостола, Струмницкаго Октоиха, Погодинской псалтыри, Болонской псалтыри и др. Характерная особенность нѣкоторыхъ буквъ заключается въ томъ, что онѣ по рисунку еще ближе стоятъ къ греческимъ буквамъ IX—X в., чѣмъ письмена южно-славянскихъ рукописей XI—XII в.

Начертанія **в, к, г, н, ж, ц, к, л** почти тожественны съ начертаніями тѣхъ же буквъ въ Супрасльской рукописи. Въ частности особенно характерны: **ж**, образованное тремя пересѣкающимися прямыми (⋇), **ц** — не выходящее нижнею частью за строку, **к**, состоящее изъ двухъ частей, которыя не соприкасаются между собою. Начертаніе **а**, имѣющее себѣ соотвѣтствіе въ Супрасльской рукописи, Григоровичевомъ Паремейникѣ и Охридскомъ Апостолѣ, представляетъ ту особенность, что лѣвая сторона его (кружокъ) слишкомъ мала, меньше даже, чѣмъ въ указанныхъ рукописяхъ. Подобный видъ нерѣдко имѣетъ греческое α въ рукописяхъ IX и X в. и раньше. (Ср. *Gardthausen,* Griechische Palaeographie. Leipzig. 1879. Табл. 1, 2, 5, и *Савва,* епископъ Можайскій, Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей М. 1863. табл. 5 и 6. Арх. *Амфилохій,* Приложенія къ ст. „Общія замѣчанія о вліяніи гре-

---

[1]) Арх. *Амфилохій,* О самодревнѣйшемъ Октоихѣ XI вѣка юго-славянскаго юсоваго письма, найденномъ въ 1868 г. А. Ѳ. Гильфердингомъ въ Струмницѣ. М. 1874. 2-й л. палеографическихъ снимковъ.

[2]) Ср. снимки при изданіи Миклошича, Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi, 1851. Отдѣльные листы, изданные Обществомъ Любителей древней письменности въ 1879—1880 г. L.—LXV. (Два листа Супр. рук. принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ).

ческой письменности на славянскую", Труды Перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1869. II. Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ Перваго Археологическаго съѣзда. Табл. XXXVI).

Начертаніе **а** отличается крайнею простотой. Оно состоитъ изъ двухъ кривыхъ линій, расположенныхъ въ обратномъ порядкѣ, и писалось въ два пріема: ∧ ∨ (∧∨). Совершенно такое начертаніе этой буквы, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается въ рукописяхъ. Но несомнѣнно въ близкой связи съ нимъ находится встрѣчающаяся въ Остромировомъ Евангеліи (въ мелкомъ почеркѣ) и въ другихъ рукописяхъ особая форма **а**, въ которой внутренняя часть представляетъ короткую толстую линію, вверху развѣтвляющуюся на двѣ тонкія (Y). Близкую параллель къ своеобразной формѣ **а** нашего памятника представляетъ начертаніе греческой α въ нѣкоторыхъ рукописяхъ VIII—X в. (ср. образцы α изъ греческихъ рукописей 714 г., 914 г., 919 г., 943 г. въ снимкахъ арх. Амфилохія (ср. выше), табл. XXXVI.). Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія, что кирилловское **а** составляетъ передѣлку греч. α.

Начертаніе **м** представляетъ ту особенность, что округлая середина буквы не спускается до низа строки, какъ это наблюдается въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ, а доходитъ едва до половины вертикальныхъ столбиковъ. Образцы **м** подобнаго начертанія также попадаются въ греческихъ рукописяхъ VIII—X в. (ср. особенно форму этой буквы у Амфилохія изъ рукоп. 950 г., также у Gardthausen'а табл. 2).

Буква **є** по значительной величинѣ округлой части и длинѣ горизонтальной черты также представляетъ больше сходства съ греческимъ ε многихъ рукописей VII—X в., чѣмъ съ начертаніемъ той же буквы въ южно-славянскихъ рукописяхъ XI—XII в.

Начертаніе **д**, какъ уже замѣчено, затрудняло исполнителя надписи. Въ 9-й стр. оно отличается несоотвѣтствіемъ частей: верхняя половина буквы очень мала, а спускающіеся внизъ загибы слишкомъ велики. Параллель подобнаго начертанія, хотя не совсѣмъ близкую, представляютъ образцы греч. δ изъ рукописей VIII—X в. въ снимкахъ пр. Саввы. (Дополненія табл. V.)

Начертаніе **р** умѣщается цѣликомъ въ строкѣ, между тѣмъ какъ во всѣхъ древнихъ южно-славянскихъ рукописяхъ нижняя

часть буквы всегда спускается ниже строки. Въ греческихъ рукописяхъ IX и X в. встрѣчается та и другая форма этой буквы. Другую особенность даннаго начертанія ρ составляетъ очень малый размѣръ кружка.

ъ и **ь** отличаются крайне слабымъ развитіемъ нижней закругленной части. Нижній кружокъ у нихъ совсѣмъ маленькій. Начертанія **ъ** и **ь** такого типа, кажется, не встрѣчаются въ древнихъ рукописяхъ.

Рисунокъ буквы **ʒ**, сравнительно съ типами ея въ греческихъ и славянскихъ рукописяхъ, представляетъ нѣкоторое упрощеніе въ нижней части.

Начертанія **ȣ** и **ω** очень близко напоминаютъ соотвѣтствующія начертанія греческихъ буквъ X в., напр. въ рукописи 980 г. (Gardthausen табл. 2) и 967 г. (Амфилохій табл. XXXVI).

ъи. Такая передача звука *ы* встрѣчается не особенно часто въ древнихъ рукописяхъ. Мы находимъ ее, между прочимъ, въ Слуцкой псалтыри, Слѣпченскомъ Апостолѣ, Болонской псалтыри. Въ нашемъ памятникѣ замѣчательно раздѣленіе этого начертанія при переносѣ **(ъ-и)**.

Приведенныя выше частныя замѣчанія объ отдѣльныхъ буквахъ даютъ возможность сдѣлать заключеніе, что въ общемъ письмена новооткрытаго памятника носятъ на себѣ отпечатокъ большой старины.

Объ *языкѣ* надписи, въ виду незначительнаго объема текста, можно сказать очень немного. Несомнѣнно это тотъ самый старославянскій языкъ, какой представляютъ древнѣйшія кирилловскія и глаголическія рукописи.

Носовые гласные **ж** и **ѧ** строго различаются; начертанія того и другаго стоятъ тамъ, гдѣ должны находиться: **имѧ, памѧть, полагаѫ.**

Различіе между **ъ** и **ь** также выдержано: **азъ, рабъ, оуспъш, давдъ, отъ сътк . . . , ѡтьца**; но **кръстѣхъ** (вм. **крьстѣхъ**) какъ часто и въ древнѣйшихъ южно-славянскихъ рукописяхъ. Странно **ъ** въ **инъди** (въ послѣдней строкѣ).

Въ языкѣ надписи обнаруживается присутствіе нѣкоторыхъ чертъ, которыя свойственны Саввиной книгѣ, Супрасльской рукописи и другимъ южно-славянскимъ памятникамъ и которыя разсматриваются какъ діалектическія особенности. Сюда относятся: **ж** вм. **ѭ** въ **полагаж** и **ѣ** вм. **ꙗ** въ началѣ 9-й строки,

если только вѣрно предположеніе, что это ѣ — окончаніе именит. пад. един. числ. жен. р. (Ср. *И. И. Срезневскаго,* Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, Спб. 1868. стр. 155, 158 и др.).

Заслуживаетъ вниманія народная форма собств. имени (Ни)кол*а*.

Въ словѣ **Самоилъ о** стоитъ вм. **оу**. Примѣры подобнаго употребленія *о* вм. *у* можно указать и въ древнихъ рукописяхъ, напр. въ Супрасльской рукописи — (**херовимъ**) и Слѣпченскомъ Апостолѣ (**врожи, холаше**).

Къмъ Самуиловия надписъ отъ 993 година.

Отъ Д-ръ Л. Милетичъ.

Преди петнадесеть години покойниятъ Трайко Китанчевъ бе получилъ отъ г. А. Ляпчевъ, отъ гр. Ресенъ, неясенъ преписъ на единъ надписъ, въ който добре е личало името *„Самоилъ“*.[1]) За жалость този преписъ тогава не излезе на яве, а скоро следъ туй се забрави и самиятъ надписъ (вж. и Минист. Сборн. IV. 40). Ето сега благодарение на г-да профес. Успенски и Милюковъ същиятъ надписъ повторно се открива и за щастие той се указва наистина отъ няколко страни важна придобивка за славянската наука. Съ него твърде се обогатява преди всичко скудната ни сбирка отъ старобългарски каменни надписи. Известно е, че най-стариятъ до сега познатъ български камененъ надписъ не е по-старъ отъ началото на XIII. в. — той е именно Асеновскиятъ надписъ на мраморната колона въ Търновската лавра отъ 1230. год., издаденъ първомъ отъ Х. С. Даскалова въ ст. Открытія въ древней столицѣ болгарской Терновѣ (вж. „Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. Росс. при Моск. Универс.“, кн. 2, 1859; вж. и И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки и пр. № 4). Вториятъ, ощетенъ надписъ, който въ изданието на Даскалова следва подиръ надписа отъ

[1]) Презъ 1880 год. братътъ на г. Ляпчевъ билъ закупилъ десетъкътъ въ с. Германъ въ Преспа. Като узналъ за съществуването на каменна плоча съ славянски надписъ, издействувалъ у местните чорбаджии-гъркомани позволение, да се изрови плочата. Той тогава снелъ отъ надписа няколко своеобразни снимки: върху наложена надъ буквите бяла хартия той търкалъ съ синь моливъ, докато не излезли буквите, ала неясно. Отъ тия снимки г. А. Ляпчевъ въ София предалъ една и г. Китанчеву на 1883. год.

1230. год. и който сега се намира пренесенъ въ Народния музей въ София, се указва по-новъ, понеже въ края на втория редъ вместо „црѣ іѡ асѣнѣ“, както погрѣшно е челъ Даскаловъ, ясно личи „црѣ іѡ алексан(дра)“. Подиръ надписа отъ 1230. год. по старость иде унищожениятъ вече надписъ на Асеня II. отъ 1231, г. при гр. Станимака (вж. и Български Прегледъ, г. IV, кн. VII. 70), а следъ него надписътъ отъ Батошевския манастиръ (сега въ Народния музей въ София), който се отнася къмъ царуваньето на Михаила Асена, сир. къмъ 1246.—1257. год. (вж. изданието на В. Добруски въ Минист. Сборн. XIII. 440). Като прибавимъ още Боянскиятъ надписъ, отъ времето на Костадина Асена, датуванъ отъ 1259. год. (вж. И. Срезневскій, op. c. IV), и твърде незначителниятъ и неграмотенъ надписъ на единъ каменень стълбъ, който сега се намира въ Пловдивския музей и въ който се чете името на предпоследния български царь Іоанъ Александъръ, ние свършваме съ старобългарскитѣ каменни надписи. Всичко друго отъ тоя родъ, което имаме до сега прибрано въ нашия музей въ София, е отъ по-ново време. Има само единъ надписъ на кръгла каменна колона, който по начертанието на някои букви човекъ би билъ наклоненъ да отнесе къмъ старобългарската епоха. Ала и този надписъ, който е намеренъ въ Кюстендилско и състои отъ два реда, що се четатъ тъй: **Боленовь камикь кнѧзь оть крьчина**, съ присътствието на **и** вм. **ꙑ** въ „**камикь**“ явно показва, че тъй също е отъ по-ново време. Очевидно е, че старите българи ще да са имали повече обичай да турятъ надписи върху мазилката на зидовете по черквите и по други здания, а не да ги дълбаятъ въ камъкъ. Отъ запазените старобългарски записи по ръкописните книги найстаръ досега е записътъ въ Болонския псалтирь, който не ще да е по-сетнешенъ отъ 1196. година. Следъ него иде грамотата на Асена II, която не е по-стара отъ 1218. година. Като веземемъ въ внимание, че Самуиловиятъ надписъ е 237 години по-старъ отъ търновския надписъ на Асеня II и до 203 години по-старъ отъ Болонския ръкописъ, ясно стая, отъ каква важность за насъ е новооткритиятъ въ Преспа датуванъ български паметникъ, чиято подпълна научна оценка ще стане въ бъдъще следъ по-обстоятелни изучвания. За сега азъ тукъ ще прибавя къмъ историчните и палеографичните бележки на г. г профес. Успенски и Флорински няколко свои събра-

жения, които най-вече засягатъ значението на паметника по отношение къмъ въпроса за старостьта на кирилицата въ България и особно въ югозападна България.

Освенъ сравнително голямата древность на нашия паметникъ, която го туря на първо място между всички досега известни датувани славянски писмени паметници, особно бие въ очи и мястото, гдето е намеренъ — най-крайниятъ югозападенъ предѣлъ на Македония — между двете столици на царя Самуила. Колкото и да можемъ още да се двоумимъ относително точните граници на св. Климентовата епархия, не можемъ отказа, че градътъ Охридъ, въ чиято околность и днесъ още традицията живо спомня името на св. Климента, е влизалъ въ непосредствената сфера на неговата просветителна деятелность (вж. и съчин. на Г. Баласчевъ, Климентъ, епископъ словѣнски, София, 1898. XII. и след.). Само 77 години отделятъ времето, когато е билъ дълбанъ нашиятъ надписъ, отъ Климентовата смърть — 916 год., и като знаемъ, колко консервативни са хората, кога е работата да се заменява едно въведено отъ авторитетни лица писмо съ друго, по-ново, не можемъ допустна, че Климентъ ще да е подържалъ и разпространявалъ въ Македония само азбуката на своите учители — глаголицата. Отъ друга страна славистите не престаятъ да считатъ западна Македония и тъкмо Охридско, ако и не въ смисълъ на първото Шафариково мнение, за „първоначално ограничено отечество на глаголитизма,“ то все за областъ, гдето глаголическата писменость е била хванала най-дълбокъ корень и гдето е господствувала и презъ целия X. векъ (Срав. и Ягичъ, Четыре критико-палеографическія статьи, 140—141). Ето сега нашиятъ надписъ надъ всяко съмнение ни принужда да поставимъ началото на кирилската писменость и въ западна Македония много по-рано, именно поне въ половината на X. в. Въпреки глаголическите следи въ Болонския псалтирь, които само доказватъ, че и сетне дълго време са съществували стари глаголически оригинали въ Охридско, ние ще се съгласимъ сега съ мнението на Iv. Črnčića, че Ассемановото глаголическо евангелие, въ чиито синаксарь се спомня св. Климентъ, не е могло да бъде писано много по-късно отъ 916 година (Assem.

izborno evangjelje LXXIII), а също тъй можемъ вече да допустнемъ, че най-старите кирилски приписки въ него са поне отъ края на X. в.

Щомъ авторитетътъ на донесената отъ Панония глаголица е билъ вече въ X. векъ толкова падналъ въ западна Македония, че и царь Самуилъ надписалъ надгробната плоча на своите роднини съ кирилско писмо, можемъ ли да се съмняваме още, че глаголицата никакъ не ще да е била въ употребение въ източна България дори и въ Симеоновския векъ? Мисъльта, че на царь Симеоновите интенции се дължи окончателната победа на кирилицата надъ глаголицата въ източната половина на царството му, е съвършено приемлива и напълно се сгажда съ факта, че досега откритите най-стари български писмени паметници, чието потекло сочи именно къмъ източна България, са само кирилски. Щомъ е тъй, изглежда твърде убедително, че векътъ на свободното разпространение само на глаголицата въ Македония отъ страна на Методиевите ученици, въ числото на които на първо място иде св. Климентъ, ще да е траялъ твърде кратко време, именно докато Симеонъ не е почналъ силно да влияе и върху хода на книжовните работи. Кой ще да е билъ оня авторитетенъ мъжъ, който ще да е прокаралъ въ съгласие съ царя новата, преустроена гръцка азбука? Поне за Македония не ще да е билъ другъ някой освенъ Климентъ. И тъй Климентъ може и да не е дочакалъ да види на практика прокарана новата азбука, ала неговата ръка и неговиятъ авторитетъ ще да са взели участие въ тази работа та са осигурили скорешната ѝ победа. Черноризецъ Храбъръ тъй също ще да е билъ съвременникъ само на реформата, докато тя е била още проектъ или само въ първото начало на нейното прилаганье, и въ този смисълъ стаятъ ясни думите му: „понеже сѫ пострадаѭтъ и еще“. Също така и думите на малкото Климентово житие: „ἐσοφίσατο . . . πρὸς τὸ σαφέστερον“, колкото и да не имъ се отдава голямо значение (вж. Archiv f. slav. Philologie III. 79. IV. 115), все запазватъ известна исторична вероятность, (Ср. А. Вороновъ Главнѣйшіе источники для исторіи Кирилла и Мееодія 144; Баласчевъ, op. c. LVIII нт.).

Като се вземъ въ палеографичните особности на нашия надписъ, виждаме, че той и съ своята графика показва, че

наистина датува отъ началния периодъ на преустроената гръцка азбука — кирилицата. Преди всичко въ нея още ясно се съзира силна зависимость отъ глаголическите правописни начала. Именно забѣлѣжително е, че въ азбуката на надписа още нѣма букви за йотовани гласни. Това заключаваме по думата „полагаѫ“ и по онова ѣ въ началото на деветия редъ, което сигурно е окончание на женско собствено име — името на Самуиловата майка. Наистина глаголицата има знакъ за ѭ, ала ние виждаме, че кирилицата не се е повела по него, понеже както глаголическото ж не е послужило за моделъ на кирилското ѫ, толкова по малко е било сгодно ѭ да стане образецъ за ѭ. Щомъ въ нашия надписъ нямa ѭ и ꙗ, то безъ съмнение и ѩ не е било още познато, толкова повече, когато и въ другите най-стари кирилски паметници като Супрасълския и Савината книга, въ които вече има ѭ, още не е развито ѧ. И тъй нашиятъ надписъ откъмъ тая страна представя най-старъ типъ на кирилицата, и споредъ това би трябало да отнесемъ къмъ малко по-сетнешно време — къмъ първата половина на XI. в. най-старите паметници отъ типа на Супрасълския и Савината книга. Щомъ веднъжъ се явила буквата ѭ, наверно много скоро по неинъ образецъ е употребено і за знакъ на йотация и при другите гласни букви. Отъ нашия паметникъ за жалость не можемъ заключи, дали вече е съществувало ю, ала вероятно е, че именно то е послужило за образецъ, по който е било начертано и ѭ. Сѫщиятъ елементъ съдържа и ы. Въ нашия паметникъ има само ъи, и то дори разделено въ два реда, въ края на първия и въ началото на втория редъ. Азъ мисля, че и ы не ще да е съществувало преди да е имало поне ѭ и ꙗ, следъ които ще да е последвало ѥ и най-сетнѣ ѩ.

Особно тряба да изтъкнемъ формата на ѧ въ нашия паметникъ: тя напълно потвърдява мисъльта, че ѧ па дори и ѫ не са нищо друго освенъ гръцко унциално алфа (Geitler, Albanesische und slavische Schriften, 92). Ако допускаме, че за назално є е могло да послужи алфа — а въ туй не може вече да има съмнение, понеже ѧ въ Самуиловия надписъ напълно представя двата гръцки унциални типа на алфа: съ шилестъ върхъ (въ първия редъ: имѧ) и съ пресеченъ върхъ чрезъ хоризонтална линия, която на единия край стърчи, както

е въ четвъртия редъ: памѧть (вж. у Гайтлера ц. д. 92, у Ягича, Четыре критико-палеогр. статьи, таблица III), — тогава не зная, какво би могло вече да ни спира да се съгласимъ, че и въ глаголическото ⰰ, което въ Савината книга действително има значение на ѧ, се крие малко преправено гръцко унциално алфа, както безъ съмнение и въ ⰰ на Супрасълския паметникъ (вж. Ягичъ op. c. 132, 164. Archiv 456). Това схващанье тъкмо се съгласява съ духовитата догадка на Ягича относително произхода на кирилските ъ, ь и ѣ, именно че първиятъ съставитель на кирилицата, който следъ като споредъ първата буква на гръцката азбука дотъкмилъ потребните ѧ, ѫ, по-нататъкъ направо споредъ втората буква на азбуката — гръцкото унциално в — съчинилъ ъ, ь и ѣ (Чет. кр. пал. ст. 169). И Гайтлеръ бе изказалъ близка мисъль съ думите: der untere Theil des в kann auch ganz dreieckig werden, so wie es cyrill. jer, mit dem es in Bezug auf den Ductus zumeist parallel läuft (op. c. 110). И наистина такава, триъглеста е долнята часть на в, ъ, ь, ѣ въ нашия надписъ, и като гледа човекъ, какъ изглеждатъ съпоставените едно срещу друго в и ъ въ третия редъ на надписа — въ думата рабъ, — неможе да се отърве отъ мисъльта, че потеклото имъ е еднакво.

Въ особното начертание на д, съ малката четвероъгълна главичка и дължки крачка, които не излизатъ подъ линия, струва ми се прозира още влияние на глаголическия навикъ, да се пише д цяло въ линията съ еднакво развити размери на горнята и долнята часть. И видътъ на м въ третия и петия редъ (въ Самоилъ, матери) напомня нещо глаголическо, въ всеки случай гръцки курсивъ, което се вижда и отъ другата фигура на м въ първия и седмия редъ, въ думите имѧ и имена. И р както и а съ малката си шийка и дължка опашка иматъ такъвъ характеръ. Колкото се отнася до к, то е наистина характерно унциално к съ разделени части, досущъ както е и въ 2-та таблица у Ягича (Четыре крит. пал. статьи). Само че толкова раздѣлени двете части, както са въ нашия надписъ, не бяхъ виждалъ досега ни въ единъ кирилски паметникъ. Като вземемъ още въ внимание, че и з е особно съ слабо извитата си долня часть, можемъ каза, че нашиятъ надписъ съ своята кирилица наистина представя най-старъ неинъ типъ. И откъмъ тая страна, колкото и да е малъкъ, дава немалко ма-

териалъ за палеографични сравнения. За жалость не такъво е значението му отъ езикова страна: краткото му съдържание не допуска да се каже повече освенъ туй, че чисто „старословѣнската“ правилность на езика наистина ни прави впечатление, като говори въ полза на старобългарската теория, споредъ която българските „словѣне“ въ Македония са говорили езикътъ на Кирила и Методия. Още едно ще забележа. Въ началото на последния редъ стои ɣ предъ цифрите ҂ѕ̄ф̄а̄, което по всяка вероятность е окончание на мироɣ, следователно представя забележителенъ посесивенъ дативъ и въ този толкова старъ паметникъ.

София I. 1899.

Христіанскія древности Западной Македоніи.

По матеріаламъ, собраннымъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ втеченіе лѣтней экскурсіи 1898 года.

П. Н. Милюкова.

Церковныя зданія, фрески и надписи христіанской и въ особенности славянской эпохи, представляютъ отдѣлъ, на который до сихъ поръ наименѣе обращалось вниманія изслѣдователями Македонской старины. Естественно, что изученіе этого отдѣла македонскихъ древностей составило одну изъ главныхъ задачъ экскурсіи, предпринятой г. директоромъ Русскаго Археологическаго Института, Ѳ. И. Успенскимъ, въ сопровожденіи автора предлагаемой статьи лѣтомъ 1898 года. Принявъ на себя порученіе г. директора приготовить къ печати описаніе собраннаго по указанному отдѣлу матеріала, я считаю долгомъ, прежде всего, точно обозначить тѣ предѣлы, въ которыхъ исполненіе задачи оказалось возможнымъ въ данной статьѣ. При обиліи и разнообразіи христіанскихъ памятниковъ Македоніи, при большомъ хронологическомъ періодѣ, который они обнимаютъ (VII—XIX в.), не представлялось никакой возможности сдѣлать каждый отдѣльный памятникъ предметомъ спеціальнаго изученія. Поэтому, лишь наиболѣе важные изъ нихъ, именно древнѣйшія славянскія надписи, выдѣлены были для особыхъ изслѣдованій, частью уже напечатанныхъ Ѳ. И. Успенскимъ въ предыдущемъ и въ этомъ выпускахъ изданія Института. По остальнымъ же настоящая статья имѣетъ цѣлью сообщить болѣе или менѣе полный матеріалъ, дальнѣйшая научная обработка котораго потребуетъ болѣе спеціальныхъ знаній и болѣе тща-

тельнаго изученія на мѣстѣ. Несмотря на то, что публикуемыя такимъ образомъ данныя нуждаются, большею частью, въ дальнѣйшихъ фактическихъ пополненіяхъ и въ спеціальной научной обработкѣ, едва-ли было бы цѣлесообразно оставить ихъ, на этомъ основаніи, въ записныхъ книжкахъ экскурсіонистовъ. Пользуясь собранными во время экскурсіи свѣдѣніями, хотя бы и неполными, будущій изслѣдователь сможетъ составить себѣ, по крайней мѣрѣ, предварительное понятіе о томъ, чего именно онъ долженъ ожидать отъ христіанскихъ памятниковъ посѣщенныхъ нами мѣстностей Македоніи. Въ виду полнаго почти отсутствія въ литературѣ даже такихъ свѣдѣній, — что и помѣшало, кстати сказать, поставить цѣль нашей экскурсіи спеціальнѣе, — предлагаемое описаніе представитъ необходимый исходный пунктъ для всякой дальнѣйшей работы по описанному здѣсь матеріалу. При быстромъ ходѣ разрушенія христіанскихъ памятниковъ Македоніи, — вслѣдствіе времени, вслѣдствіе невѣжества или политическихъ соображеній, можно опасаться, что иныя изъ видѣнныхъ нами древностей окажутся уже утраченными для послѣдующихъ изслѣдователей, — какъ и для насъ нѣкоторые памятники, существовавшіе всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ передъ нашей поѣздкой, оказались погибшими (см. соотвѣтствующія указанія ниже). Къ сожалѣнію, не всегда хватало времени для болѣе детальнаго описанія встрѣченнаго во время экскурсіи матеріала; очень жаль также, что по техническимъ условіямъ, большей частью не оказалось возможнымъ снять фотографій съ фресокъ внутри церквей; между тѣмъ, этотъ родъ памятниковъ особенно подверженъ дѣйствію времени и невѣжественному или злонамѣренному разрушенію со стороны мѣстныхъ духовныхъ властей. Быть можетъ, настоящая публикація побудитъ послѣднія относиться внимательнѣе къ сохраненію старыхъ фресокъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, — и съ другой стороны, вызоветъ новыхъ компетентныхъ изслѣдователей на изученіе восточной церковной живописи XIV—XVII в. в. по приведенному нами въ извѣстность драгоцѣнному, но и хрупкому матеріалу. Снаряженіе особой экспедиціи для этой спеціальной цѣли представлялось бы очень желательнымъ.

То же самое разнообразіе памятниковъ, которое сдѣлало невозможнымъ исчерпывающее изученіе ихъ въ предѣлахъ настоящей статьи, опредѣлило и порядокъ ихъ описанія. Наиболѣе удобнымъ казалось мнѣ расположить это описаніе въ

порядкѣ нашего маршрута. Въ концѣ статьи читатель найдетъ резюмирующее заключенiе, въ которомъ положительные результаты предлагаемаго описанiя сведены въ хронологическомъ порядкѣ; желающiе сразу орiентироваться въ содержанiи статьи могутъ прямо начать знакомство съ ней съ этого заключенiя.

Напечатанные въ текстѣ рисунки — сдѣланы по моимъ наброскамъ художникомъ Л. Биненбаумомъ; приложенныя въ концѣ цинкографiи изготовлены и напечатаны въ заведенiи Шимани, въ Прагѣ, по фотографiямъ, сдѣланнымъ во время экскурсiи и составляющимъ (за исключенiемъ фотографiи церкви двѣнадцати апостоловъ) собственность Института.

I.

Салоники. Отдѣльныя замѣчанiя о базиликѣ св. Димитрiя и церкви св. Софiи Катакомба возлѣ ц. св. Софiи. Вопросъ о времени построенiя церкви „двѣнадцати апостоловъ." Фонтанъ съ византiйскимъ звѣринымъ (стилизованнымъ) орнаментомъ. Эмальированная мраморная икона. Поѣздка на Лазарицу. Византiйская крѣпость „Авретъ — Хиссара."

Салоники были исходнымъ пунктомъ экспедицiи. Христiанскiя древности этого города за послѣднее время снова стали предметомъ усиленнаго вниманiя спецiалистовъ. Въ особенности, это относится къ мозаикамъ и надписямъ знаменитыхъ древнехристiанскихъ храмовъ Солуни: базилики св. Димитрiя и церкви св. Софiи. Наше пребыванiе въ Солуни было слишкомъ кратковременно, для того чтобы мы могли задаться цѣлью спецiальнаго изученiя обоихъ памятниковъ. Бѣглое посѣщенiе ихъ, однако, не могло не убѣдить насъ лишнiй разъ, до какой степени эти капитальной важности памятники христiанскаго искусства еще нуждаются въ дальнѣйшемъ изученiи. Такъ, сравнивая на мѣстѣ рисунки и планы базилики св. Димитрiя, изданные Тексье и Пулланомъ, съ дѣйствительностью, мы могли замѣтить въ нихъ массу неточнаго и даже прямо фантастическаго. Напримѣръ, монограмматическiй крестъ, съ такимъ изобилiемъ фигурирующiй у Тексье, въ качествѣ орнамента на балюстрадахъ галлереи надъ колоннами средняго нефа базилики, въ дѣйствительности тамъ вовсе не встрѣчается. Рисунки капителей колоннъ, и въ особенности ихъ распредѣленiе между отдѣльными колоннами — распредѣленiе, на которомъ издатели считали возможнымъ даже строить нѣкоторые выводы, оказывается тоже несоотвѣтсвующимъ дѣйствительности. Совсѣмъ не отмѣчены или плохо выражены у Тексье характерныя капители съ головами барановъ и съ

фигурами птицъ, распустившихъ крылья, — а также капители съ какъ-бы развѣвающимися отъ вѣтра листьями аканта.

У одного изъ входовъ въ базилику замѣчены были два длинныхъ мраморныхъ фрагмента, составлявшихъ часть надписи на фризѣ, въ настоящее же время служащихъ ступенями лѣстницы, ведущей въ храмъ. На одномъ изъ нихъ надпись † Ναὸς σεβάσμιος τοῦ ἐν ἁγίοις . . .

На другомъ продолженіе предыдущей надписи:

Ἡμῶν καὶ ἀρχιεπισκόπȣ Κονσταν . . . .

Въ полуразрушенной пожаромъ церкви св. Софіи особенное вниманіе привлекаютъ въ послѣднее время монограммы сѣверной и южной стороны вимы, а также надпись въ бордюрѣ, окружающемъ мозаику Вознесенія на сводѣ. То и другое имѣетъ первостепенное значеніе при опредѣленіи хронологіи мозаикъ храма. Въ виду этого интереса мы сличили опубликованные рисунки монограммъ съ оригиналами.

Ближе всего къ истинѣ оказались снимки Курта, но и съ послѣдними есть немало различій въ оригиналахъ. Крайная монограмма сѣверной стѣны отчетливѣе, чѣмъ по прежнимъ снимкамъ читается: δεσπωτȣ (съ ω). Каппа въ средней монограммѣ (Κωνσταντίνου) имѣетъ форму IC. Наоборотъ, каппа въ лѣвой монограммѣ южной стѣны имѣетъ видъ K (въ противоположность въ томъ и другомъ случаѣ рисункамъ Курта — и удобнѣе для чтенія монограммъ). Рядомъ съ последней буквой подъ горизонтальной чертой, на этой монограммѣ замѣчена маленькая іота. Средняя монограмма южной стѣны (Εἰρήνης) отличается отъ снимка Курта очертаніемъ нижнихъ буквъ M.

Относительно надписей въ бордюрѣ мозаики купола, какъ мнѣ кажется, можно было бы сдѣлать нѣкоторую поправку къ заключеніямъ проф. Смирнова, высказаннымъ въ недавней статьѣ его (Византійскій Временникъ, т. V). Этотъ изслѣдователь предполагалъ именно, что надписи были втиснуты въ отведенное для нихъ черное поле и для этого даже обрѣзаны съ начала и съ конца. На самомъ же дѣлѣ, исполнитель надписей не ограничился чернымъ полемъ и вышелъ за его предѣлы, изобразивъ крайнія буквы уже на фонѣ бордюрнаго рисунка.

Это наблюденіе имѣетъ значеніе при обсужденіи вопроса о хронологической датѣ, начало которой читается въ одной изъ этихъ надписей (S . . . т. е. 6.000). Очевидно, слѣдуетъ внимательно изслѣдовать сосѣднія части бордюра, гдѣ могутъ найтись недостающія для полнаго обозначенія времени цифры. Слѣдующаго за S цифроваго знака можно также искать и подъ нимъ.[1])

Любопытная надгробная плита съ именемъ Велисарія, вдѣланная въ полъ абсиды и, вѣроятно, поэтому мало обратившая на себя вниманія раньше, послужитъ предметомъ отдѣльнаго сообщенія.

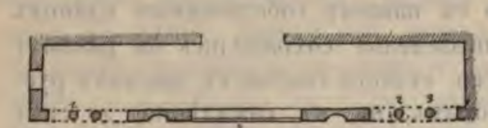
По сосѣдству съ церковью св. Софіи 24 іюня 1892 года было случайно найдено небольшое подземелье, состоящее изъ круглой входной камеры, къ которой ведетъ длинный ходъ, и трехъ прямоугольныхъ камеръ, средняя изъ которыхъ, непосредственно сообщающаяся съ упомянутой круглой, значительно ўже двухъ боковыхъ. Изъ правой боковой камеры ведетъ узкій ходъ по направленію къ ἁγίασμα τῆς ἁγίας Μαρίνης, гдѣ, по сообщенію одного мѣстнаго любителя археологіи, также есть катакомбы. Тотчасъ послѣ открытія подземелье было описано мѣстнымъ археологомъ Папагеоргіу въ двухъ небольшихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Ἑστία за 1892 г. При второй статьѣ приложенъ и планъ, довольно вѣрный, какъ мы могли судить по сличенію съ нашимъ собственнымъ планомъ катакомбы. На стѣнахъ подземелья сохранились въ разныхъ мѣстахъ любопытныя фрески, отчасти снятыя въ краскахъ русскимъ художникомъ Бобровымъ, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не публикованныя. Входъ въ катакомбу въ настоящее время засыпанъ; съ разрѣшенія мѣстныхъ властей для насъ откопали одно изъ отверстій въ потолкѣ лѣвой камеры, служившее, какъ и другія подобныя (по три въ боковыхъ двухъ, одно въ круглой камерѣ), для вентиляціи катакомбы. Къ сожалѣнію, попытка сфотографировать, при помощи магнія, фрески катакомбы — оказалась неудачной.

Другіе христіанскіе храмы Салоникъ представляютъ преимущественно архитектурный интересъ, — особенно тѣ изъ нихъ, которые относятся къ такъ наз. эпохѣ втораго расцвѣта ви-

---

[1]) Послѣ того, какъ эти строки были написаны, ученый секретарь института, Б. В. Фармаковскій, разсматривалъ, по моей просьбѣ, надпись и пришелъ къ тому же заключенію, что „скорѣе всего надписи вовсе не были урѣзаны“. Послѣ S онъ „разсмотрѣлъ остатки или Σ или Ȥ, далѣе З и, наконецъ, △“.

зантійской архитектуры. Этимъ памятникамъ христіанской старины менѣе посчастливилось, чѣмъ упомянутымъ выше. До сихъ поръ повторяется относительно нихъ слишкомъ суммарная характеристика, восходящая къ наблюденіямъ Тексье. Между тѣмъ, внимательное изученіе ихъ въ ряду подобныхъ же — и въ томъ числѣ датированныхъ — церквей Македоніи могло бы, какъ мнѣ кажется, привести къ раздѣленію всей этой группы на нѣсколько подъ-отдѣловъ. Не предупреждая того, что будетъ сказано ниже по этому вопросу, остановлюсь здѣсь только на одномъ памятникѣ, относительно котораго поправка къ предыдущимъ мнѣніямъ можетъ быть выведена изъ него самого. Рѣчь идетъ о знаменитой церкви „двѣнадцати апостоловъ". Довольно единодушно ее относили и относятъ къ XI столѣтію. Между тѣмъ, еще Bayet и Duchesne въ своемъ Mémoire sur une mission au mont Athos (Paris 1876, стр. 59—60), отмѣтили монограммы и надписи въ нартексѣ этого храма, изъ которыхъ съ очевидностью вытекало совсѣмъ иное заключеніе. Прилагаю, прежде всего, болѣе точное описаніе, основанное на наблюденіяхъ ученаго секретаря Института, Б. В. Фармаковскаго. Надписи находятся на капителяхъ, въ люнетахъ и надъ дверью наружной стѣны нартекса. Положеніе ихъ на прилагаемомъ планѣ нартекса (фиг. № 1) слѣдующее. На кемпферахъ колоннъ — первой налѣво и двухъ въ правомъ пролетѣ (цифры 1, 2, 3) — помѣщаются три монограммы въ медальонахъ, высѣченныхъ на камнѣ, на абакѣ кемпфера (см. изображеніе внизу, слѣва, буква *a*). На первой: Νίφων (бѣлыя буквы на голубомъ фонѣ); на двухъ остальныхъ:



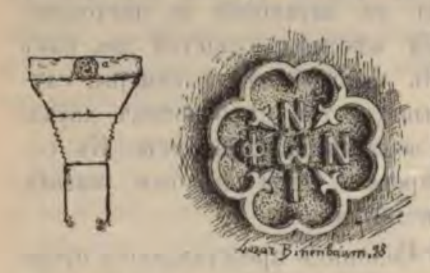


Рис. № 1. Церковь „двѣнадцати апостоловъ", Солунь.

Π   Κ
ΑΤΧ   ΤΩΡ
    Η

т. е. Πατριάρχ(ης); κτήτωρ.

На верхнемъ карнизѣ мраморной двери, находящейся посрединѣ между двумя пролетами, читается: (цифра 4)

ПАТРІАРХНС ⁝ О ⁝ КАІ КТНТѠР

На мѣстѣ обозначенномъ точками, по три справа и слѣва отъ средняго кружка, имѣются слѣды гвоздей, прикрѣплявшихъ, вѣроятно, пластинку съ именемъ „патріарха и ктитора" Нифонта. Наконецъ имя Νίφων и титулъ πατριάρχης еще разъ, хотя менѣе отчетливо повторены въ люнетахъ, надъ двумя крайними колоннами съ лѣвой и правой стороны.

Указанныя монограммы и надписи прочтены были еще Texier, а Bayet и Duchesne указали на личности двухъ Нифонтовъ: перваго, бывшаго патріархомъ константинопольскимъ въ 1312—1315 г. г., и втораго — занимавшаго то же положеніе въ 1481—1512 г. г. (при Баязетѣ). Однако же, изслѣдователи извлекли изъ своей справки лишь слѣдующій выводъ: „въ такомъ случаѣ, мы имѣемъ имя не строителя церкви, а лишь ея реставратора, потому что, судя по стилю, она, несомнѣнно, восходитъ ко времени раньше XIV вѣка". При этомъ сдѣлана ссылка на рисунки Тексье и Пульана, — кстати сказать, дающіе очень слабое понятіе о дѣйствительной церкви двѣнадцати апостоловъ. Я думаю, однако же, что ссылка на стиль не можетъ, въ данномъ случаѣ, служить серьезнымъ аргументомъ и перевѣшивать документальное показаніе надписей. Помимо архитектурной конструкціи церкви, свойственной нѣсколькимъ столѣтіямъ подрядъ и, слѣдовательно, не могущей служить вѣрной основой для хронологіи церкви, самой характерной особенностью ея стиля — остается удивительная игра кирпича, образующаго эффектные фестоны и причудливые узоры (см. цинкографію № 7). Этотъ кирпичный орнаментъ дѣлаетъ церковь „двѣнадцати апостоловъ" особенно живописной. Между тѣмъ, эту черту — кирпичную кладку съ орнаментомъ — мы не разъ встрѣтимъ въ дальнѣйшемъ описаніи македонскихъ церквей: и всякій разъ, когда при этомъ можно опредѣлить время построенія церкви, — оказывается, что она относится къ XIV столѣтію. Такимъ образомъ, если что-либо можетъ составить затрудненіе при хронологическомъ пріуроченіи церкви двѣнадцати апостоловъ, то это — именно обычное отнесеніе ея къ XI-му вѣку, ни на чемъ, какъ мнѣ кажется, не основанное, кромѣ недостаточнаго знакомства съ параллельными памятни-

ками церковной архитектуры этого типа. Напротивъ, принимая указанную надписями дату — начало XIV вѣка, мы выводимъ солунскую церковь изъ того изолированнаго положенія, какое она занимала до сихъ поръ, и находимъ для нея самое подходящее мѣсто въ группѣ аналогичныхъ церквей Македоніи. На основаніи этихъ соображеній, я не колеблясь принимаю свидѣтельство монограммъ о „ктиторствѣ" патріарха Нифонта, относя притомъ это свидѣтельство къ Нифонту I и датируя такимъ образомъ постройку церкви „двѣнадцати апостоловъ" — началомъ XIV вѣка. Прежніе изслѣдователи солунской старины не въ одномъ этомъ случаѣ грѣшили черезчуръ ранними датировками, и предлагаемая поправка едва-ли можетъ показаться черезчуръ смѣлой и рискованной. Ея оправданіе читатель найдетъ въ дальнѣйшихъ параллеляхъ кирпичнаго орнаментальнаго стиля изъ внутренной Македоніи.

Изъ памятниковъ, оставляя въ сторонѣ извѣстные монолитные амвоны Салоникъ, укажемъ:

1) Возлѣ *Eski-Djuma* (св. Параскевы) старинный саркофагъ, служащій фонтаномъ, съ византійскими стилизованными

Рис. № 2. Фонтанъ возлѣ Эски-Джума, Солунь.

изображеніями звѣрей: грифона, крылатаго льва и птицы, обернувшей голову и клюющей свою спину. Изображенія звѣрей отдѣлены другъ отъ друга архитектурнымъ орнаментомъ: двойными колонками съ типичной перевязью въ серединѣ; надъ колонками — капители съ растительнымъ орнаментомъ; надъ капителями архиволътъ съ растительнымъ орнаментомъ между арочками. Надъ двумя крайними изображеніями звѣрей сохранились монограммы, надъ двумя средними видно только мѣсто

ихъ; въ одномъ изъ этихъ среднихъ полей — и самое изображеніе звѣря — изгладилось. Буквы сохранившихся монограммъ читаются очень легко, но смыслъ имъ остался для меня неразгаданнымъ.

2) Очень оригинальное по техникѣ изображеніе, исполненное эмалью на мраморной доскѣ, длиной 1 м. 5 с., вышиной 0,58, толщиной 0,4. Доска представляетъ изображеніе Іакова, Филиппа и Лука. Очеркъ лица и всей фигуры предварительно выдолбленъ въ мраморѣ; контуры оставлены въ видѣ перегородокъ; потомъ внутренность перегородокъ заполнена пастой разныхъ цвѣтовъ. Теперь паста почти совсѣмъ отвалилась въ изображеніи Іакова, но во многихъ мѣстахъ сохранилась въ изображеніяхъ Филиппа и Луки, у послѣдняго даже на лицѣ и въ вѣнчикѣ. Бордюръ и фонъ между фигурами тоже были заполнены пастой. Цвѣта на одеждѣ Филиппа — бѣлый и голубой, на одеждѣ Луки — бѣлый, голубой, коричневый и зеленый; на евангеліи у послѣдняго — пять красныхъ камней (см. цинкографію № 31).

3) Рельефъ Богоматери въ церкви св. Аѳанасія, въ стѣнѣ, при входѣ въ дворъ направо. Ликъ Богородицы и младенца обломаны, правая рука Богородицы протянута. Въ вѣнчикѣ младенца три луча. На Богородицѣ — длинный хитонъ, поверхъ котораго короткая мантія.

4) Въ церкви Ὑπαπαντή въ стѣнѣ вдѣланъ обломокъ мраморной плиты съ очень оригинальнымъ орнаментомъ (рис. № 3).

Для хронологическаго пріуроченія орнамента, можетъ быть, послужитъ вдѣланная тутъ же, надъ входомъ въ церковь, слѣдующая, трудно читаемая надпись, очевидно, обломанная съ лѣвой стороны:

Рис. № 3. Мраморная плита въ ц. Ὑπαπαντή, Солунь.

ΟΝ ΑΡΙCΤЄVΜ[illegible] ΤΟΝ
C ЄΡΓΑΓЄΝΝΑ·Α
ȣ ΚΑΝΙΚΛЄΙΟΥ
(Μ)ΙΧΑΗΛ CΤЄΦΗΦΟΡȣ
(ΚΟΝCΤΑ)ΝΤΙΝȣ Τȣ ΝЄȣ ::
· (ΙΝΔ)Ζ Є ΤȣCΗΨΠ (6780=1272)
+

Изъ Салоникъ сдѣланы были мною двѣ поѣздки въ окрестности. Результаты одной изъ нихъ излагаются въ статьѣ Θ. И. Успенскаго о пограничной надписи Симеона. Другая имѣла цѣлью посѣщеніе горы Лазарицы, въ 50 километрахъ къ сѣверу. отъ Салоникъ и въ 2 килом. отъ села Женско (Авретъ-Хиссаръ). По существовавшимъ въ печати свѣдѣніямъ, жители села ежегодно на святой недѣлѣ ходятъ на Лазарицу для совершенія религіозныхъ церемоній: служатъ тамъ молебенъ и проводятъ нѣсколько часовъ, закусывая принесенными съ собой запасами. Основа обряда — несомнѣнно языческая: на связь обряда съ славянскимъ языческимъ богослуженіемъ указываетъ также названіе одного близлежащаго села (Хърсово). Выборъ мѣста для исполненія обряда объясняется особеннымъ характеромъ горы, на верху которой, по сообщенію предыдущихъ наблюдателей, расположены въ искуственномъ порядкѣ, — именно въ кругѣ, — большіе камни; въ срединѣ находится по тѣмъ же свѣдѣніямъ возвышеніе изъ камней, въ формѣ исполинскаго стола. Предположивши, по этимъ описаніямъ, существованіе на Лазарицѣ мегалитическаго памятника, я рѣшился поѣхать на мѣсто съ цѣлью провѣрить только-что приведенныя свѣдѣнія. Въ результатѣ поѣздки, однако, оказалось, что камни, находящіяся на Лазарицѣ, принадлежатъ къ ея составу и приняли форму, похожую на искусственную, вслѣдствіе естественныхъ геологическихъ процессовъ. Это не уничтожаетъ интереса къ Лазарицѣ, какъ къ мѣсту древняго языческаго богослуженія; и связь камней съ выборомъ Лазарицы для этой цѣли — нельзя считать случайной. Но къ числу мегалитическихъ памятниковъ камни на поверхности Лазарицы — отнесены быть не могутъ. На обратномъ пути были осмотрѣны остатки укрѣпленія на холмѣ, возвышающемся

надъ селомъ Женско (Авретъ-Хиссаръ). Планъ этихъ укрѣпленій снятый на мѣстѣ и не претендующій на полную точность, при-

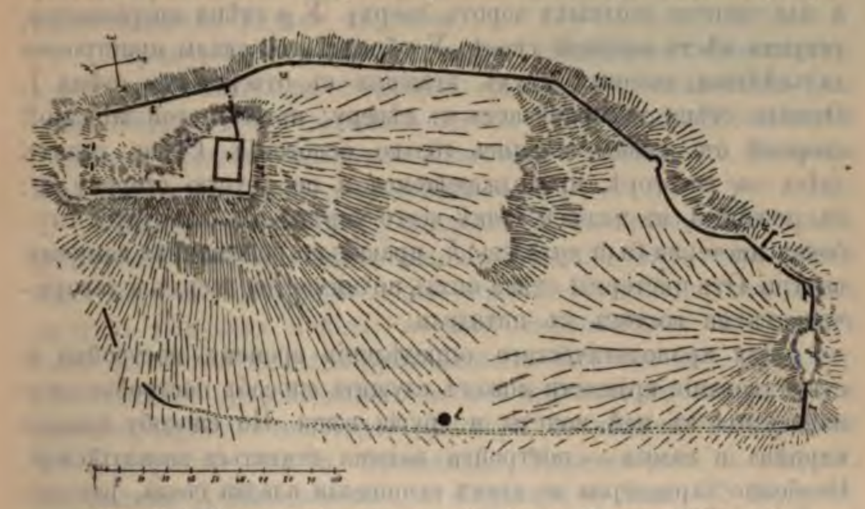


Рис. № 4. Планъ укрѣпленія на горѣ „Авретъ-Хиссаръ" (Женско). Масштабъ въ шагахъ.

лагается здѣсь. Какъ видно изъ плана, укрѣпленіе имѣетъ форму продолговатаго пятиугольника, въ с. в. углу котораго находится цитатель. На высшей точки цитадели (и всей горы) помѣщается четыреугольная башня (А); отъ нея къ сѣверу спускаются двѣ стѣны В. и С. Стѣна В. построена въ видѣ ряда арокъ, глухихъ снаружи и открытыхъ внутри. Стѣна С, какъ и всѣ внѣшнія стѣны, сложена изъ неправильной формы камней. Отъ остальной крѣпости цитадель отдѣлена стѣной D съ воротами *a*. Башня тоже съ внѣшней стороны окружена двумя стѣнами E и F; отъ первой остались только слѣды. Точно также, почти совершенно разрушилась и сѣверная стѣна цитатели, оставивъ слѣдъ только въ двухъ мѣстахъ (*b*, *c*). Внѣ цитадели, у G, верхній край стѣны имѣетъ форму правильныхъ выступовъ, служившихъ или зубцами или простѣнками для окошекъ. До поворота *d* сохранившаяся стѣна достигаетъ высоты больше человѣческаго роста надъ уровнемъ внутренней площадки. За поворотомъ, уровень внутренней площадки понижается, стѣна же спускается до высоты прежняго уровня площадки. У *e* есть слѣды воротъ, и внѣ ихъ, остатки наружнаго укрѣпленія Н. Съ этой стороны гора, дѣйствительно, представляетъ наиболѣе отлогій спускъ, служившій, вѣроятно, дорогой въ цитадель. У *f* устроена ам-

бразура между двумя стѣнами, но кончается она крутымъ обрывомъ стѣны: очевидно, эта амбразура служила не для выхода, а для защиты входныхъ воротъ сверху. У *g* стѣна прерывается, уступая мѣсто высокой скалѣ. У обрыва этой скалы пристроена дальнѣйшая, высокая, двухъ, этажная съ отверстіями стѣна I. Отсюда стѣна поворачиваетъ къ сѣверу: на всей этой западной сторонѣ отъ стѣны остались только основанія. Стѣна стоитъ здѣсь на косогорѣ, продолжающемся и по другую сторону ея: въ ложбинѣ, въ низшей точкѣ всего укрѣпленія, находится глубокая цистерна (или колодезь) *h*, правильно обложенная камнемъ внутри. Отъ цистерны стѣна опять поднимается вверхъ и заворачиваетъ на востокъ къ цитадели.

Для хронологическаго опредѣленія времени постройки и существованія крѣпости можетъ служить способъ постройки ея и найденныя въ ней монеты и другія вещи. По способу кладки кирпича и камня — постройка должна считаться византійской. Особенно характерна въ этомъ отношеніи кладка свода, раньше отдѣлявшаго второй этажъ башни отъ перваго. Теперь второй этажъ почти не существуетъ и сводъ упалъ; но то, что осталось, достаточно для характеристики архитектурныхъ особенностей свода. Видно, именно, что сводъ былъ сведенъ по византійски, безъ кружала. До извѣстной высоты шла, какъ обыкновенно, горизонтальная кладка кирпичей, переходившая въ наклонную въ верхнихъ рядахъ, но на самой высотѣ. А опять выровненная горизонтально. На этой высотѣ начиналась вертикальная византійскаякладка, причемъ ряды кирпичей клались одинъ на другой нѣсколько наклонно.

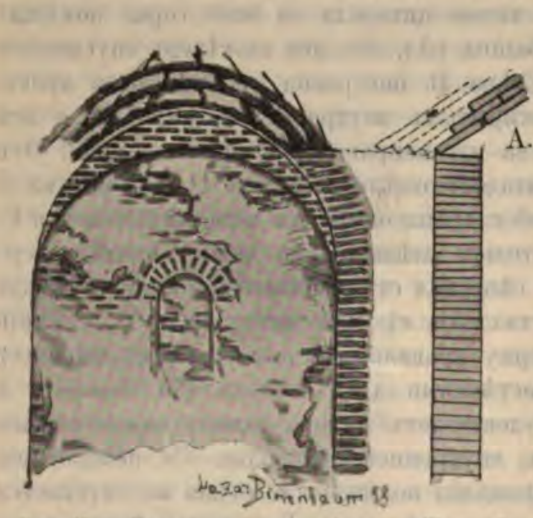


Рис. № 5. Кладка свода въ крѣпости „Женско“.

На прилагаемомъ рисункѣ видны лежащіе другѣ на другѣ три слоя этихъ кирпичей, единственный уцѣлѣвшій остатокъ свода.

Вся линія свода была подвышена надъ линіей полукруга; надъ глухой аркой стѣны сдѣлано соотвѣтствующее заполненіе горизонтальными рядами кирпича.

Кирпичъ имѣетъ форму большихъ квадратныхъ пластинокъ, тонкихъ сравнительно съ длиной; фабричныхъ знаковъ не удалось найти; вѣсъ — довольно легкій. Ряды кирпичей отдѣлены толстыми слоями извести. Известка — бѣлая съ мелкими камешками, безъ толченаго кирпича.

Что касается монетъ, найденныхъ въ крѣпости и пріобрѣтенныхъ отъ крестьянъ, изъ нихъ могли быть опредѣлены одна монета Констанція и двѣ монеты Юстиніана; изъ двухъ другихъ римскихъ монетъ, *по всей вѣроятности* найденныхъ тоже въ крѣпости, одна принадлежитъ Константину Великому. Изъ монетъ, происходящихъ *не изъ* крѣпостнаго холма, а изъ другихъ окрестностей Авретъ-Хиссара, не подлежатъ сомнѣнію: 1) серебряная монета Александра Македонскаго и мѣдныя: 2) Филипа II Македонскаго, 3) Коммода; 4) Льва VI Мудраго, 5) Іоанна I Цимисхія (двѣ монеты), 6) Константина XII Мономаха. Вѣроятны: двѣ монеты Траяна, одна Юстиніана и одна Констанція. Изъ неопредѣленныхъ возможны, судя по внѣшней формѣ, монеты Комненовъ[1]).

На основаніи этихъ монетъ можно заключить, что поселеніе (вѣроятно, укрѣпленіе) на горѣ Авретъ-Хиссара существовало уже во времена первыхъ византійскихъ императоровъ. Въ теперешнемъ же своемъ видѣ — крѣпость представляется, по всей вѣроятности, такою, какой застало ее, въ концѣ XIV вѣка, турецкое завоеваніе[2]).

II.

Водена. Агіазма XVII столѣтія. Окладъ евангелія мѣстной филигранной работы XVII вѣка. Капитель церкви св. Богородицы.

Такъ какъ главной цѣлью поѣздки было ознакомленіе съ христіанскими древностями большихъ озеръ западной Македоніи, Преспы и Охриды, то изъ Саловикъ мы отправились на западъ по желѣзной дорогѣ Салоники—Монастиръ. По дорогѣ была осмотрѣна интересная въ археологическомъ отношеніи мѣстность Водены.

---

[1]) Опредѣленія монетъ сдѣланы Б. В. Фармаковскимъ.

[2]) Хаджи-Калфа относитъ взятіе Авретъ-Хиссара турками къ 1373 — 1374 году.

Въ Воденѣ, древней Эдессѣ, старѣйшей столицѣ македонскихъ царей, сохранилось много античныхъ остатковъ; и каждый годъ число ихъ увеличивается случайными находками. Систематическія раскопки могли бы дать здѣсь обильную жатву. Къ античнымъ надписямъ примыкаютъ здѣсь древнехристіанскія, опубликованныя отчасти уже Антониномъ. Напротивъ, средневѣковыхъ остатковъ мы почти вовсе не встрѣчали въ Воденѣ; нѣсколько болѣе интересныхъ памятниковъ, которые мы отмѣчаемъ далѣе, всѣ принадлежатъ къ XVII столѣтію. Сюда относятся, во 1-хъ, небольшой мраморный сосудъ для св. воды (агіасма), сохраняющійся въ церкви Воденской греческой митрополіи. Сосудъ имѣетъ форму четыреугольнаго ящика съ сужающимися книзу сторонами; онъ утвержденъ на круглой мраморной колоннѣ, стоящей въ свою очередь на четырехугольномъ широкомъ постаментѣ. На одной сторонѣ сосуда высѣченъ (и раскрашенъ довольно грубо красками) орнаментъ, изображающій крестъ въ кругу; по обѣ стороны круга снизу вверхъ вьется вѣтвь съ листьями и цвѣтами; на верху двѣ птицы пьютъ изъ сосуда надъ крестомъ; надъ ними два изображенія рыбъ. Конечно, эта древняя тема разработана здѣсь въ стилѣ эпохи. На другой сторонѣ агіасмы — надпись, интересная для исторіи охридской патріаршей каѳедры.

† δέησης τοῦ δούλου τοῦ
Θεοῦ Ἀγγελάκη καὶ μέγα λο
γοθέτα τῆς α̃ (πρώτης) Ἰουστι
νιάνης καὶ πάσης Βουλγαρίας ἔτους
Зрκз (7127=1619) ДĪ Ꙟ ОС.

Въ церкви св. Іоанна Богослова сохранились остатки старой фресковой росписи. Новѣйшая надпись на стѣнѣ сообщаетъ, что церковь построена въ 7148 году (1640) — διὰ συνδρομῆς κὺρ Διαμαντῆ, при епископѣ Діонисіи, и вновь перестроена въ 1863 году. Фрески могутъ относиться ко времени первой постройки, т. е. къ XVII вѣку. Подобныя же фрески, — можетъ быть того же мастера, — встрѣчены въ небольшомъ параклисѣ ἁγία Κυριακή.

Митрополичья церковь владѣетъ рукописнымъ Евангеліемъ, серебряный окладъ котораго представляетъ собою интересный

образчикъ мѣстной славянской филигранной работы, до сихъ поръ составляющей спеціальность болгарскихъ мастеровъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Македоніи (см. цинкографію № 32).

Кругомъ верхней доски сдѣлана черныю слѣдующая надпись:

Васкрисенние Христово сие евангелние |||(к?) светомꙋ Атанасие ѿ Вохрища манастрие ктитор кир Хачина попъ Димьче и ктитро кир иеромонахъ Ѡкимь и положише ф҃ драма сребро те имь ста денадесет хилиаде аспре Мастор Панаютъ ѿ Скопие и Ѡно ѿ Пазар и почеше иꙋни дни і҃е и се направи іꙋлиа к҃е дни ѿ Христово Роздаство АХНѲ (1659) **и богородице представление. . . . .**(?)

По угламъ доски символы четырехъ евангелистовъ; въ серединѣ мѣдная пластинка съ изображеніемъ распятія, надъ нимъ — продолговатая пластинка, изображающая сошествіе во адъ, внизу — такая же съ изображеніемъ Успенія Божіей Матери. Поле все украшено растительнымъ орнаментомъ (вѣтви съ листьями и цвѣтами) филигранной работы.

Рис. №. 6. Капитель ц. св. Богородицы. Водена.

Что болѣе древніе христіанскіе остатки могутъ быть находимы и въ Воденѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ интересная капитель въ храмѣ св. Богородицы (митрополичьемъ), весьма похожая на отмѣченныя выше капители базилики св. Димитрія въ Солуни. По угламъ капители изваяны головы барановъ; по обѣ стороны каждой головы, т. е. близко къ серединѣ плоскихъ сторонъ капители выступаютъ изъ мрамора согнутыя ноги барановъ, кончающіяся копытами. На самой серединѣ плоскихъ сторонъ, между парой

ногъ, помѣщается шаровидное возвышеніе, подерживаемое снизу маленькою человѣческою фигуркой въ согнутой позѣ съ руками, опертыми на выдавшіеся впередъ колѣни, съ круглой остроконечной шапочкой на пригнутой внизъ головѣ. На верхнюю часть шара опираются перистыя лапы большой птицы; распущенныя крылья ея занимаютъ все пространство между рогами барановъ. Ноги каріатидъ и барановъ опираются на сильно выступающія впередъ своими отогнутыми концами акантовыя листья[1]).

III.

Поѣздка по дольней Преспѣ. Церковь села Германъ. Островъ „Градъ": церковь св. Петра. Островъ Аилъ: „великая церковь", развалины другихъ церквей, церковь монастыря св. Богородицы. Церковь возлѣ с. Винени. Пещерныя церкви южнаго берега Преспы. Церковь „св. Петки" на островѣ „Малый градъ".

Въ Битолѣ организована была поѣздка на озера Преспу и Охридъ. Въ противоположность предыдущимъ путешественникамъ, выбиравшимъ шоссейный путь отъ Битоля на Ресенъ, т. е. на сѣверную оконечность озеръ, мы рѣшились ѣхать болѣе труднымъ горнымъ путемъ, прямо черезъ высокій хребетъ, отдѣляющій Преспу отъ долины Битоля. Путь этотъ, который возможно совершить только верхомъ, приводитъ къ южному берегу озера, т. е. къ такъ назыв. Дольней Преспѣ, гораздо менѣе изученной, чѣмъ сѣверная.

Направившись изъ Битоля мимо селъ Буково и Ореово, оставивъ въ сторонѣ два албанскихъ села и переваливъ черезъ Баба-планину, мы къ вечеру того же дня были на восточномъ берегу Преспы, близко къ южной оконечности озера, и остановились въ селѣ Германъ. Это село интересовало насъ, какъ связанными съ его именемъ воспоминаніями о жившемъ здѣсь Константинопольскомъ патріархѣ Германѣ (715—730), такъ и слухами о найденной здѣсь древней славянской надписи. Слухи эти дѣйствительно оправдались; намъ показали спрятанную въ новой церкви с. Германъ мраморную плиту съ тремя углубленіями для крестовъ и съ надписью 6501 года въ 11 строкъ, вырѣзанной въ одномъ изъ угловъ плиты. Подробное изслѣдованіе этой надписи, съ приложеніемъ снимка, см. въ предъидущихъ статьяхъ этого выпуска.

---

[1]) О подобныхъ капителяхъ см. „Раскопки Херсонеса" *Бертье-де-Лагарда*, стр. 24—26.

Старая церковь села Германъ помѣщается возлѣ самой новой, примыкая своимъ нартексомъ къ ея алтарю. Форма церкви — однокупольная.[1]) Куполъ, сведенный на довольно длинной шеѣ, опирается на четыре арки, поддерживаемыя четырьмя столбами. Отъ арокъ во всѣ четыре стороны выведены коробовые своды; наконецъ внѣшніе углы образовавшагося такимъ образомъ креста заполнены четырьмя болѣе низкими пристройками. Изъ этихъ пристроекъ юго-западная служитъ для входа, въ сѣверо-западной помѣщается гробница св. Германа, прикрытая каменной плитой неправильной формы (см. планъ А.); сѣверовосточная составляетъ „жертвенникъ“, юго-восточная „діаконникъ“. У западной стѣны пристроенъ небольшой притворъ. Въ алтарной части — три выступа. Церковь нѣсколько разъ поправлялась; послѣдній разъ весьма недавно, какъ сообщили намъ поправлявшіе ее рабочіе. Но въ своихъ основныхъ чертахъ она сохранила весьма старый типъ.

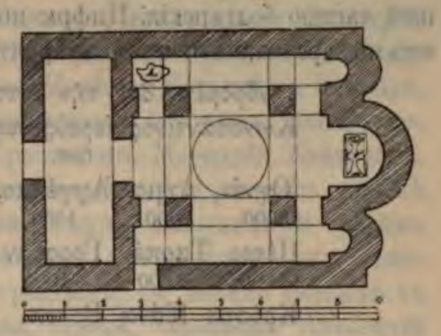


Рис. № 7. Планъ ц. Св. Германа. Преспа.

Внутри — церковь вся расписана фресками. Объ исторіи росписи находимъ свѣдѣнія, — правда не совсѣмъ надежныя въ ихъ древнѣйшей части, — въ слѣдующихъ надписяхъ.

Надпись въ нартексѣ надъ дверью (буквальная копія):

† ἐδὸ ἐγράψαμεν τῶν παλεων ἔτος ἀνηκοδομίθη εἰς τὸν κερῶν τȣ̀ ἁγίȣ Γερμανȣ́ πατριάρχου Κονσταντινȣπόλεος· κε παλην ἡ δευτερα ἱστορία εὐρηκαμεν τον ἔτος ἀπὸ Χριστοῦ ͵ΑϚ (1006?) χρονι κε ἑ τȣτη ἦνε τρίτη οἱστρία εἰς ͵ΑΨΜΓ (1743).

Надпись въ церкви на западной стѣнѣ:

† ἀνιστορήθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ȣ̃τος ναός τȣ ἐν ἁγίοις πατρος | ἡμῶν Γερμανȣ̃ πατριάρχου Κωνσταντινοπόλεος διά ἐξόδον τῶν χριστηανων | τῆς χόρας Γερμανις ἀρχηερατεύοντος τȣ θεφιλεστατȣ κυρίȣ κυρίȣ Παρθενίȣ τȣ̃ ἁγίȣ Πρεσπὸν κε τȣ̃ εὐλαβεστάτȣ ἐφημερεος κυριȣ Κωνσταντινȣ | ἐν ἔτι ἀπὸ Χριστου 1743 ἐν μηνι σεπτεμβρίȣ.

---

[1]) Внѣшній видъ церкви см. на цинкографіи № 18.

Въ жертвенникѣ, въ лѣвой нишѣ находится еще надпись, перечисляющая жертвователей XVIII в. Собственныя имена — большей частью болгарскія. Цифры подъ именами, очевидно, означаютъ пожертвованныя суммы (вѣроятно въ грошахъ = 20 сант. теперь).

† σηνδρομίτε δια τῆν ἴστορίαν
Κωνσταντινος ἱερεύς παπ Στασῃ Δάμο Μἶλε
600 2000 8000 400
Ὀγνέν, Δήμο, Ἀγγέλκο, Στοίκο, Ιωβανε, Καραφῆλ
3000 2000 1300 8000 2000 1200
Πέτρε Ταρπέν Γροσβάν Βλαίκο Νετέλκο Γιώβαν
1000 1000 1000 700 50
Κρόστα Ιβάνα Βολκο.

Такимъ образомъ, нынѣ существующая роспись стѣнъ церкви св. Германа восходитъ не далѣе средины XVIII вѣка. Весьма возможно, однако, что эта послѣдняя роспись лишь воспроизводитъ и реставрируетъ болѣе старую. Едва-ли можно принять, конечно, показаніе первой надписи и относить эту старую роспись къ XI вѣку. Между проблематической „второй росписью" 1006 г., на которую реставраторы „нашли" указаніе въ старыхъ надписяхъ храма, и ихъ собственной „третьей" росписью 1743 г., надо думать существовала еще одна промежуточная.

Изображенія распредѣлены въ трехъ ярусахъ, одни надъ другими. Нижній ярусъ, кругомъ всей церкви занятъ изображеніями святыхъ во весь ростъ. Въ алтарѣ изображены въ этомъ ярусѣ святые Григорій, Василій, Іоаннъ Златоустъ и Кириллъ Александрійскій; далѣе, направо отъ алтарной ниши: св. . . . . . (пробѣлъ) Чудотворецъ, св. Діонисій Ареопагитъ, на столбѣ напротивъ св. Игнатій. Налѣво отъ алтарной ниши: св. Сильвестръ, папа Римскій, св. Лазарь и Григорій Двоесловъ. Въ боковыхъ нишахъ: въ правой Григорій Палама, Спиридонъ, Антипа, Модестъ; въ лѣвой — Стефанъ (Первомученикъ) и Романъ (Сладкопѣвецъ). На сѣверной стѣнѣ, внутри алтаря, изображеніе „τίς σου τόν χιτῶνα, σῶτερ, διῆλε: Іисусъ Христосъ въ видѣ безбородаго юноши въ разодранныхъ одеждахъ протягиваетъ руку Петру Александрійскому; Іоаннъ Милостивый. Внѣ алтаря въ томъ же нижнемъ ярусѣ продолжаются изображенія во весь ростъ: на южной — святые: Германъ, Харлампій, Петръ, Павелъ, Козма, Даміанъ. На сѣверной стѣнѣ: свв. Николай, Аѳанасій, Ахиллій Ларисскій, Евфимій, Константинъ и Елена. На противоположной алтарю сторонѣ ближайшихъ

къ нему столбовъ: на южномъ Климентъ, на сѣверномъ Ермолай. На двухъ другихъ: на сѣверо-западномъ: Ѳеодоръ Тиронъ и св. Георгій; на югозападномъ Ѳеодоръ Стратилатъ и Димитрій. Во входѣ западной стѣны: св. Несторъ и св. Ѳалалей. Наконецъ въ притворѣ: Святыя Параскева, Недѣля (Κυριακή) и Варвара, Гавріилъ, Михаилъ, Зосима (причащаетъ изъ чаши колѣнопреклоненную фигуру въ туникѣ), Христофоръ, Меркурій, Екатерина.

Надъ этимъ поясомъ, опять черезъ всю церковь (кромѣ апсиды) тянется другой, узкій поясъ, заполненный рядомъ круглыхъ медальоновъ, соединенныхъ орнаментомъ изъ виноградныхъ вѣтвей, листьевъ и гроздьевъ, съ ликами святыхъ въ каждомъ медальонѣ. (Свв. Авива, Провъ, Протасій, Авксентій Евгеній, Евстратій, Мардарій, Орестъ, Мина, Викентій, Викторъ, Елпидифоръ и нѣкоторые другіе). Въ алтарѣ, на мѣстѣ этого пояса медальоновъ помѣщено изображеніе ἡ θῆα λειτουργία. Надъ алтарнымъ окномъ — Іисусъ Христосъ въ царскомъ вѣнцѣ и архіерейскомъ облаченіи (бѣломъ омофорѣ съ крестами); по правую сторону три ангела, несущіе трикирій, дискосъ (на головѣ, съ поднятыми руками) и потиръ. Налѣво пять фигуръ ангеловъ несутъ плащаницу. Всѣ ангелы въ бѣлыхъ одеждахъ. Внѣ алтарной ниши, надъ арками, соединяющими восточную стѣну съ внутренними столбами, это изображеніе продолжается: направо — три ангела съ лжицей, копіемъ и евангеліемъ; налѣво, два архангела со свѣщей и крестомъ; въ срединѣ два кольца шестокрилыхъ серафимовъ.

Наконецъ, третій, верхній ярусъ храма расписанъ слѣдующимъ образомъ. Въ конхѣ абсиды — Богородица съ младенцемъ, въ коробовомъ сводѣ, направо, возносящійся Христосъ въ медальонѣ, который поддерживаютъ ангелы, внизу Богородица, ангелы и апостолы. Налѣво — Ѳома влагаетъ персты въ рану Спасителя: фонъ архитектурный.

Въ куполѣ — Господь Вседержитель; ниже, въ барабанѣ, пророки. Въ парусахъ свода, на который опирается куполъ, — Евангелисты; между ними — икона Спасителя на убрусѣ („нерукотворенный образъ“) и ангельскіе лики. По обѣ стороны алтаря, надъ столбами (въ „тріумфальной аркѣ“) — Благовѣщеніе. Въ коробовыхъ сводахъ и въ верхнемъ ярусѣ боковыхъ стѣнъ праздники; въ южномъ Рождество и Крещеніе, между ними на южной стѣнѣ Срѣтеніе, въ западномъ сводѣ — Входъ въ Іерусалимъ и Преображеніе; между ними на западной стѣнѣ

Воскрешеніе Лазаря; въ сѣверномъ сводѣ — Распятіе и Воскресеніе; между ними на сѣверной стѣнѣ — жены мироносицы у гроба. Ниже, надъ входомъ въ церковь на западной стѣнѣ — Успеніе; на одной высотѣ съ нимъ, на лѣвой стѣнѣ западнаго свода — взятіе Христа въ саду Геѳсиманскомъ, на правой — несеніе креста. Подъ Успеніемъ по обѣ стороны входа: св. Алипій и Симеонъ Столпникъ.

Въ притворѣ, надъ входомъ въ церковь изображенъ Деисусъ, подъ нимъ этимасія. Выше — изображеніе страшнаго суда (ἡ δικαῖα κρίσις). Ангелы свертываютъ небесный свитокъ со звѣздами, луной и солнцемъ. Ниже ихъ двѣнадцать апостоловъ — по шести съ каждой стороны. Еще ниже, налѣво отъ входа, въ пяти медальонахъ лики апостоловъ и мучениковъ идутъ на судъ; подъ ними толпа праведниковъ въ вѣнцахъ спускается къ райскому саду, обведенному оградой. Въ самомъ низу, въ нишѣ, помѣщены Авраамъ и благоразумный разбойникъ. Направо отъ входа святой ведетъ на судъ толпу людей въ темныхъ облаченіяхъ. За толпой ведомыхъ на судъ сидятъ четыре царя: Киръ, Поръ, Дарій и Александръ. Ниже толпы спускается внизъ огненная рѣка (ὁ πυρινός ποταμός), въ ней видны фигуры грѣшниковъ. Правѣе толпы трубящій ангелъ; ниже, въ правомъ углу, земля, звѣри и море отдаютъ своихъ мёртвыхъ. Въ коробовомъ сводѣ притвора, налѣво отъ входа, воины направляютъ рядъ копій противъ сидящей фигуры въ вѣнцѣ; направо отъ входа изображено мученіе св. Мины и Викентія. Святой повѣшенъ головою внизъ, между двумя палачами; рядомъ святой лежитъ у горящаго костра, надъ нимъ сидитъ палачъ съ молоткомъ; лѣвѣе, у святаго отсѣчена голова. На сѣверной стѣнѣ притвора св. Георгій поражаетъ дракона, впереди стоитъ женская фигура въ черномъ одѣяніи и держитъ въ рукѣ веревку, другой конецъ которой подходитъ къ шеѣ дракона. На южной сторонѣ — св. Димитрій на конѣ; позади его пораженный воинъ. Въ нижнемъ ярусѣ притвора — единоличныя изображенія перечисленныя выше.

Въ алтарѣ верхней доской престола служитъ мраморная плита съ изображеніемъ креста, оканчивающагося съ трехъ стронъ расширенными лопастями, а съ четвертой опирающаяся на подножіе въ видѣ лѣстницы изъ четырехъ ступеней.

Изъ с. Германъ, по узкой песчаной косѣ между Большимъ и Малымъ озеромъ (Преспа и Вентрокъ на картахъ) мы пе-

реѣхали въ расположенное на южной сторонѣ Преспы, въ довольно глубокой бухтѣ, село Нивицу. Отсюда, какъ изъ болѣе центральнаго мѣста, предприняты были въ слѣдующіе дни поѣздки на интересные въ археологическомъ отношеніи пункты нижней Преспы и Малаго озера. Описаніе этихъ поѣздокъ слѣдуетъ далѣе въ такомъ порядкѣ: 1) Поѣздка на островъ „Градъ" на Преспѣ. 2) поѣздка на островъ Ахилъ („Аилъ") на Маломъ озерѣ и въ турецкую деревню Винени на томъ же озерѣ. 3) Поѣздка по юго-западному берегу Преспы и на небольшой островъ т. назыв. „Малый Градъ", въ той же части озера.

Небольшой островъ, сохранившій знаменательное имя „Градъ", имѣетъ форму четыреугольника, оріентированнаго съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Со всѣхъ сторонъ берега спускаются къ водѣ крутыми скалистыми обрывами; только въ двухъ мѣстахъ, на юго-западной и сѣверо-восточной сторонѣ острова есть удобные подъемы наверхъ, хотя мы и не могли найти на нихъ слѣдовъ мостовой, о которой говорятъ болгарскія описанія острова[1]). Поверхность острова, совершенно пустыннаго (на немъ пасется лишь нѣсколько коровъ и овецъ), довольно ровна, безъ значительныхъ возвышеній, и заросла колючимъ кустарникомъ.

Подъѣхавъ къ острову съ югозападной строны, мы прежде всего остановились у углубленія въ скалистомъ берегу, которое наши гребцы называли именемъ св. Николы. Въ этомъ углубленіи, впрочемъ, мы ничего не нашли, кромѣ безчисленнаго количества змѣй. Поднимаясь далѣе на западъ, мы пристали къ пещерѣ, надъ которой читаются остатки слѣдующей надписи, сдѣланной краской:

(IC)|(X)C
NH|(KA

..КНПРѢС...
...ЬѢТНХВАѦН'....
...NЄКЪЛНПОМЄ....
.НПОМЪNЄТМ....
...ZАБЛОЖШѴ...
..ГI КРТ

Правѣе этой надписи также есть слѣды буквъ, еще хуже сохранившіеся. Пещера представляетъ естественную неглубокую разсѣлину, безъ всякихъ остатковъ старины.

[1]) Сборникъ за народни умотворения, IV, статья: „Битолско, Прѣспа и Охридъ."

Вскорѣ за поворотомъ на сѣверозападную сторону острова встрѣчается небольшая искусственно выглаженная скала, на которой бѣлой краской сдѣлано изображеніе осмиконечнаго креста (нижная перекладина, какъ и вся эта часть креста-стерлись). По обѣ стороны нижней части креста помѣщенъ орнаментъ въ видѣ спиральныхъ завитковъ, отвѣтвляющихся отъ главной вѣтви вьющагося растенія; въ верхней части, тоже по обѣ стороны, вертикальными рядами буквы (см. рисунокъ № 8:)

Рис. № 8. Изображеніе на скалѣ острова „Градъ". Преспа.

Хотя лѣвые два ряда буквъ очень плохо сохранились, но видно, что они представляли болѣе или менѣе полную симметрію съ двумя правыми рядами. Для средняго ряда, повидимому, недостаетъ другаго симметричнаго, который могъ помѣщаться на сильно поврежденномъ мѣстѣ скалы, направо отъ креста. По сравненію съ другими подобными крестами (см. ниже) можно возстановить этотъ недостающій рядъ, вмѣстѣ съ предыдущимъ, слѣдующимъ образомъ:

IC	XC
H	K
Φ	X
Φ	П
T	K
П	Г

Буквы обоихъ рядовъ прочитываемыя горизонтальными рядами означаютъ:[1] „Ἰησους Χριστος νικα· φῶς Χριστοῦ φαίνει πᾶσιν.[2]) Τόπος κρανίου παράδεισος γέγονεν. Рисунокъ можно отнести къ началу XV вѣка, опять-таки по сравненію съ формами другихъ подобныхъ, датированныхъ крестовъ.

Огибая далѣе островъ и поворачивая на его сѣверо-восточную сторону, мы останавливаемся у спуска. Налѣво отъ

[1]) Объясненіе криптограммъ см. у Покровскаго, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 396.

[2]) См. византійскій крестъ, изданный у *Schlumberger*, Une épopée byzantine, стр. 632.

спуска — высокая, но не особенно глубокая пещера, безъ всякихъ остатковъ старины; рядомъ — другая, меньшихъ размѣровъ. Поднявшись отсюда на верхнюю площадку острова, мы направляемся къ единственной, сколько нибудь уцѣлѣвшей церкви, извѣстной у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *церкви св. Петра*. Развалины церкви находятся недалеко отъ подъема. Уцѣлѣла только алтарная часть и двѣ стѣны — южная и западная, съ двумя низкими входами.[1]) Кладка стѣнъ довольно грубая; камни, на углахъ правильно обтесанные, безпорядочно чередуются съ узкими и длинными кирпичными плитами; то

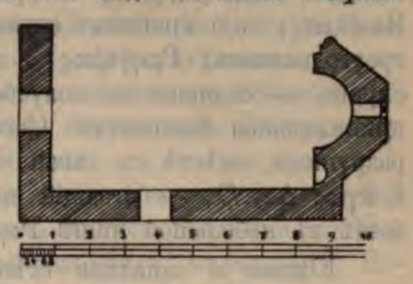


Рис. № 9. Планъ ц. св. Петра на островѣ „Градъ". Преспа.

и другое связано толстыми прослойками извести. Конха апсиды сложена изъ грубо обтесанныхъ камней (moellons), безъ кружала; камни уложены не рядами („постелями" lits), а ребрами (tranches) въ наклонныхъ плоскостяхъ, пересѣкающихся посрединѣ абсиды.[2])

Рис. 10. Кладка кирпича въ конхѣ апсиды ц. св. Петра. Преспа.

Фрески въ апсидѣ (см. цинкографію № 17) сохранились плохо. Верхняя часть совсѣмъ разрушена; можно только угадывать, что бѣлая одежда, падающая складками съ колѣнъ (въ серединѣ фрески), принадлежитъ младенцу Іисусу; а темное одѣяніе кругомъ — массивной фигурѣ Божіей Матери. (Направо, повидимому, складки рукава). Справа сохранилась фигура ангела съ шаромъ (?) въ правой рукѣ. Ниже изображенія Богоматери, надъ окномъ, жертвенникъ съ блюдомъ, на которомъ лежитъ младенецъ Христосъ въ видѣ агнца; надъ нимъ по-

---

[1]) Цинкографія № 16 изображаетъ видъ алтарной части снаружи и уголъ между двумя уцѣлѣвшими стѣнами — внутри.

[2]) Объ этомъ способѣ византійской кладки см. въ сочиненіи *Choisy*, L'art de bâtir chez les Byzantins.

кровъ и звѣздица; возлѣ потиръ. Сзади престола — два простертыхъ и два отогнутыхъ кверху крыла, за ними двѣ рипиды. По обѣ стороны жертвенника — по двѣ фигуры святителей въ крестчатыхъ ризахъ, со свитками въ рукахъ; на свиткахъ надписи. Надъ вторымъ изображеніемъ слѣва слѣды надписи Βασίλειος; надъ крайнимъ справа: ὁ ἅγιος (въ звѣздѣ изъ двухъ треугольниковъ) Γρηγόριος ὁ Νίσας. На тріумфальной аркѣ справа — сидящая въ полуоборота фигура Божіей Матери, принимающая благовѣстіе. Сзади — палаты. Фигура архангела разрушена, вмѣстѣ съ лѣвой частью арки. Ниже Богоматери ὁ ἅγιος Δανιήλ, — стоящій по поясъ въ оградѣ (на столпѣ); возлѣ въ небольшой нишѣ Ρομάνος ὁ Μελοδός.

Южная и западная стѣны расписаны въ четыре ряда. Верхній рядъ фресокъ не сохранился. Въ слѣдующемъ ряду идутъ изображенія изъ жизни Богоматери; повидимому, въ честь Богоматери, а не ап. Петра была прежде освящена и церковь. Ближайшее къ апсидѣ изображеніе-поцѣлуй Іоакима и Анны, далѣе слѣдуетъ Рождество Богородицы[1]): Анна въ сидячемъ положеніи, на сильно покатомъ ложѣ; сзади ложа, справа, нагибается къ ней служанка; далѣе за ложемъ — палаты, правѣе другія палаты, изъ дверей которыхъ выглядываетъ фигура; внизу, въ правомъ углу, лежитъ спеленатый ребенокъ, направо отъ него сидитъ, въ бѣлой одеждѣ, бабка. Надъ палатами сверху надпись ἡ γένησις... θ(εοτό)κв. Слѣдующій рисунокъ изображаетъ ласканіе Божіей Матери родителями: (ἡ κολακία τῆς θεοτόκου) юная Марія стоитъ передъ сидящими направо отъ нея родителями и протягиваетъ руки навстрѣчу ихъ рукамъ. Далѣе привѣтствіе іереевъ: Іоакимъ приноситъ на рукахъ Марію къ столу, за которымъ сидятъ три бородатыхъ фигуры въ митрахъ. На западной стѣнѣ эта серія продолжается изображеніемъ введенія во храмъ. Захарія нагибается къ маленькой Маріи, сходя со ступеней сѣдалища подъ киворіемъ. На немъ бѣлая риза съ орнаментомъ, составленнымъ изъ горизонтальныхъ рядовъ буквъ, по-очередно написанныхъ красной и желтой краской. Имѣютъ-ли буквы связь между собой и составляютъ-ли слова, опредѣлить не удалось. Въ киворіи сзади Захаріи, у лѣваго края рисунка видно изображеніе ангела, наклоняющагося, кажется, къ другой фигурѣ дѣвы Маріи, сидящей на

---

[1]) См. эту часть фресокъ южной стѣны на цинкографіи № 22.

сѣдалищѣ. Для лучшаго уясненія этой подробности, какъ и вообще всей композиціи описываемыхъ фресокъ, могутъ служить извѣстныя мозаики Кахріе-Джами въ Константинополѣ. Правѣе, за юной Маріей, оживленная группа Дѣвъ (6 фигуръ), выходящихъ изъ палатъ; съ краю направо фигуры родителей Богоматери, хорошо задрапированныя. Композиція этого рисунка представляетъ въ особенно выгодномъ свѣтѣ описываемыя фрески. Слѣдующее изображеніе, уцѣлѣвшее только съ лѣваго края, изображаетъ Богоматерь на ложѣ, окруженную фигурами въ нимбахъ: повидимому это — Успеніе.

Ниже сценъ изъ жизни Богоматери идетъ по южной стѣнѣ узкій поясъ медальоновъ (числомъ 14) съ поясными изображеніями. Изъ надписей при изображеніяхъ сохранились: Εὐστάθιος, Μαρκίανος, Μαρτύριος. Въ нижнемъ поясѣ, продолжающемся и на западной стѣнѣ, изображены святые во весь ростъ. Надписи уцѣлѣли при изображеніяхъ: Μερκύριος, Ἀντόνιος, Εὐθύμιος (въ рукахъ у него свернутый свитокъ съ буквами такого же характера, какъ на ризѣ Захаріи) Ἀρσένιος, Σάβας; на западной стѣнѣ: Εὐφρεμ ο Σιρος, Θεοδόσιος ὁ κοινονάρχης, Ναφαν . . ., Константинъ (въ царскомъ одѣяніи съ орлами) и Елена.

На наружной сторонѣ южной стѣны, ближе къ западной, сохранились также остатки росписи въ трехъ ярусахъ. Въ среднемъ ярусѣ, фигура въ длинномъ бѣломъ костюмѣ и бѣлой повязкѣ на головѣ вродѣ чалмы, держитъ три осѣдланныхъ лошади; сзади видны три фигуры, направляющіяся къ лошадямъ (поклоненіе волхвовъ? Ср. фреску Кахріе-джами и *Kondakoff*, II, 66). Далѣе, повидимому, изображена сцена бѣгства въ Египетъ: Божія Матерь съ младенцемъ на фонѣ скалъ, сзади фигура старца въ нимбѣ (Іосифъ); впереди фигура юноши, показывающая путь. Позади этой фигуры — палаты. Еще далѣе, въ томъ-же среднемъ ряду, Срѣтеніе. Въ нижнемъ ярусѣ уцѣлѣли греческія надписи. Въ выходной двери западной стѣны изображены двое святыхъ (налѣво Зосима).

Не берусь высказать рѣшительное сужденіе о времени описанной постройки. Византійскій пріемъ кладки апсиды не можетъ, кажется, самъ по себѣ свидѣтельствовать въ пользу глубокой древности церкви; съ другой стороны, грубость кладки и заполненіе пространства въ сторонѣ отъ архитектурныхъ линій агломератомъ неправильныхъ камней и густо положен-

наго цемента — не могутъ еще свидѣтельствовать о позднемъ времени кладки. Композиція фресокъ дышетъ глубокой стариной и не разъ напоминала намъ параллели изъ Кахріе-джами, т. е. XI—XIII столѣтія. Но, съ другой стороны, тоны, въ которыхъ выдержаны фрески, не настолько густы, какъ слѣдовало бы ожидать отъ красокъ эпохи Самуила. Замѣчу, кстати, что утвержденіе болгарскихъ наблюдателей, будто бы надписи въ церкви прежде были славянскія, и потомъ замѣнены греческими, — и настолько грубо, что слѣды славянскихъ надписей сохранились, — это утвержденіе оказывается совершенно неосновательнымъ. Надписи, какъ мы видѣли, — греческія и несомнѣнно, современны самимъ фрескамъ.

Точно также, не оправдывается и ходячее преданіе, будто на островѣ сохраняются остатки семи церквей и многихъ другихъ зданій, въ томъ числѣ темницы и палатъ царя Самуила. Кромѣ описанной церкви мы нашли еще развалины лишь одной церкви Св. Димитрія, — на югъ отъ Св. Петра. Здѣсь, однако, сохранилась лишь незначительная часть апсиды съ остатками фресковой живописи такого же рода, какъ и въ церкви Св. Петра: въ центрѣ изображеніе агнца на престолѣ, по бокамъ святители со свитками. Еще двѣ-три груды камней, не носящихъ никакихъ слѣдовъ обработки, — вотъ все, что осталось отъ другихъ „церквей". Небольшая прогулка внутрь острова, въ разныхъ направленіяхъ, также не обнаружила ничего напоминающаго слѣды не только Самуилова, но хотя бы какого-нибудь „града" на поверхности острова. Это впечатлѣніе — конечно, не есть еще окончательный выводъ; но оно должно сильно понизить ожиданія ученыхъ отъ мѣстности, „въ которой доселѣ не былъ никто изъ спеціалистовъ" по замѣчанію Шлюмберже.

Слѣдующая поѣздка была предпринята на Малое озеро, на *островъ Аилъ,* имѣющій, какъ оказалось, несравненно болѣе права, чѣмъ „Градъ" считаться резиденціей болгарскаго царя Самуила. Прежде всего, по размѣрамъ своимъ этотъ островъ значительно превосходитъ „Градъ". Затѣмъ и его очертанія болѣе отвѣчаютъ потребностямъ походной столицы царя — завоевателя. Островъ представляетъ собой продолговатую полосу, которая тянется въ направленіи отъ с. с.-зап. къ ю. ю.-в. Въ ю. ю.-в. трети этой полосы поверхность острова поднимается въ формѣ высокаго холма, имѣющаго почти правильную круглую форму и оканчивающагося на верху небольшой ровной

площадкой. Въ серединѣ этой площадки, имѣющей видъ неправильнаго треугольника, находится курганъ, какъ бы нарочно насыпанный для того, чтобы служить наблюдательнымъ постомъ. Съ кургана открывается огромный видъ на оба озера, Большое и Малое, и на всѣ окрестныя высоты, на югъ и на востокъ отъ Преспы. Жители острова называютъ этотъ холмъ — *кале* (крѣпость). Никакихъ слѣдовъ укрѣпленія теперь не видать на холмѣ, но правильное очертаніе краевъ, а также большое количество камня около верхней площадки наводитъ на предположеніе, что тутъ стояла нѣкогда каменная стѣна. Здѣсь, очевидно, нужно искать слѣдовъ крѣпости, построенной Самуиломъ ʼεν τῇ λεχθέισῃ λίμνῃ по словамъ Кедрина, (XI стр. 469 Бонн. изд.).

Важнѣйшій археологическій остатокъ „Аила“ представляютъ развалины грандіозной (по сравненію со всѣми другими мѣстными сооруженіями) церкви на сѣверовосточной сторонѣ острова. У мѣстныхъ жителей эти руины слывутъ подъ названіемъ „Великой церкви“. Церковь построена въ базиличной формѣ. Массивными простѣнками, (вмѣсто колоннъ), отдѣляющими центральный нефъ отъ боковыхъ, она напоминаетъ сирійскія базилики (а также развалины базилики въ Никеѣ). Еще ближе къ нашей базиликѣ стоитъ старая митрополія въ Мисимври (Месемврія.[1]) Надъ нижнимъ ярусомъ простѣнковъ и соединяющихъ ихъ арокъ надстроенъ еще второй этажъ, болѣе высокій, чѣмъ первый.[2]) Высокіе пролеты верхнихъ оконъ, ширина которыхъ въ четыре раза меньше длины, сообщаютъ всему зданію характеръ легкости. У подножія верхнихъ оконъ со стороны боковаго нефа вложенъ въ каменную кладку рядъ продольныхъ и поперечныхъ деревянныхъ балокъ, составлявшихъ основаніе пола верхней галереи. Какъ и въ другихъ двухъ-ярусныхъ базиликахъ эта галлерея, очевидно, предназначалась для женщинъ (гинекей). Боковые нефы кончались квадратными камерами, надъ арками которыхъ сведенъ былъ, на барабанѣ, куполъ (какъ и въ никейской базиликѣ.) Къ восточной, открытой аркѣ камеры примыкали боковыя апсиды. Въ апсидѣ средняго нефа устроено тройное окно. Наконецъ, въ западной

---

[1]) См. рисунки въ болгарскомъ Сборникѣ за народни умотворения etc. т. III.

[2]) См. цинкографіи № 1 и 2. Первая представляетъ видъ сѣвернаго нефа, съ замыкающей его камерой, крытой куполомъ; вторая — ту же стѣну со стороны средняго нефа, отъ апсиды.

части церкви видны остатки колоннъ: четыре колонны составляютъ правильный квадратъ, расположенный симметрично на

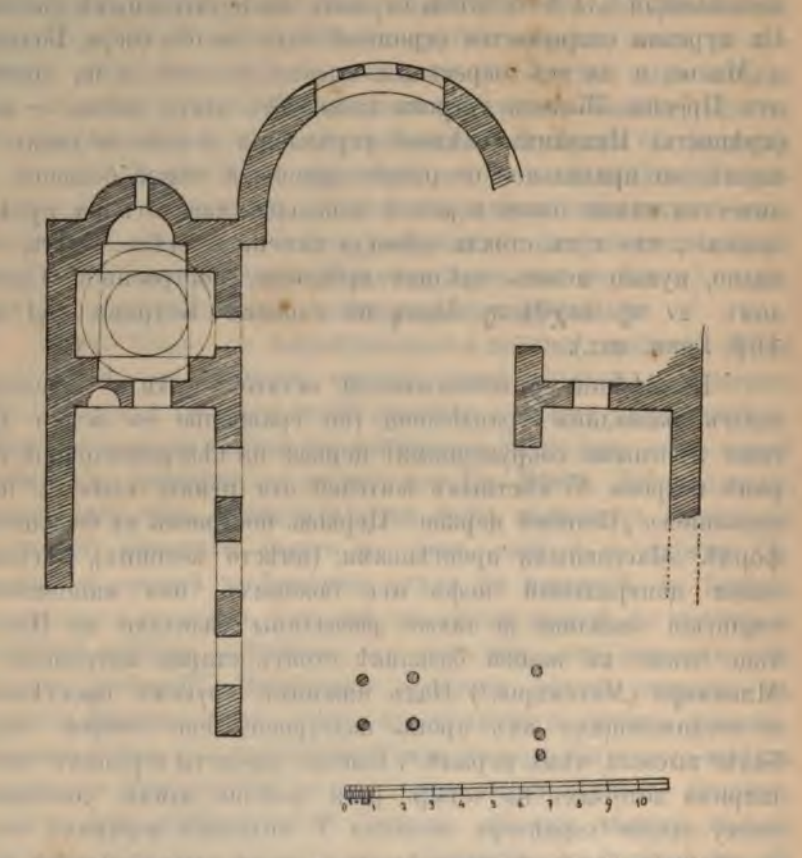


Рис. № 11. Планъ „Великой церкви" на островѣ „Аилъ". Преспа.

оси средняго нефа. Надо полагать, что это остатки киворія. Три другія колонны расположены по линіи стѣны, отдѣлявшей средній нефъ отъ южнаго; наконецъ, на небольшомъ разстояніи отъ внѣшней южной стѣны стоятъ, параллельно ей еще двѣ колонны. Арх. Антонинъ далъ въ приложеніи къ своему описанію путешествія гораздо болѣе полный планъ „великой церкви", чѣмъ прилагаемый нами; но въ настоящее время отъ всей западной части сооруженія не осталось и слѣдовъ на поверхности земли. Судя по рисункамъ о. Антонина не видно, впрочемъ, чтобы и сорокъ лѣтъ назадъ существовали тамъ слѣды, нане-

сеные имъ на его планѣ.[1] Нѣсколько полнѣе, сколько можно судить по тѣмъ же рисункамъ, сохранялись тогда развалины юговосточной части. Во всякомъ случаѣ, планъ о. Антонина, очень неточный вообще, можетъ быть окончательно провѣренъ только послѣ раскопки фундамента базилики.

Кладка стѣнъ базилики представляется болѣе или менѣе правильной только около архитектурныхъ линій и конструктивныхъ частей зданія. Сводъ апсиды[2]) выложенъ правильно обтесанными камнями, большею частью обернутыми наружу своей узкой стороной. Ряды камней чередуются съ рядами кирпичныхъ плитъ. Точно такъ же сложенъ и барабанъ боковаго купола. Въ кладкѣ простѣнковъ преобладаютъ кирпичныя плиты, густо прослоенныя цементомъ; въ верхнихъ частяхъ простѣнковъ встрѣчается кладка изъ массивныхъ, правильно-обтесанныхъ камней съ прослойками кирпича въ три ряда. Всѣ менѣе отвѣтственныя части зданія сложены изъ неправильныхъ кусковъ камня безъ соблюденія рядовъ.

На каменной кладкѣ уцѣлѣли мѣстами остатки нѣсколькихъ слоевъ штукатурки, со слѣдами нѣсколькихъ послѣдовательныхъ росписей. Штукатурка въ конхѣ апсиды почти вся обвалилась: уцѣлѣли лишь остатки надписи въ нижнемъ поясѣ, опирающемся на рядъ выступающихъ изъ кладки тонкихъ мраморныхъ плитъ можно разобрать остатки словъ εἰς μακρῶτι (τα ἡμερῶν).

ΤѠΨΚΙ ΓΙΛ ΕΙC ΙΑΚΡѠΤΙ

Ниже мраморнаго кронштейна виденъ рядъ единоличныхъ изображеній святителей во весь ростъ, en face; на нижнемъ слоѣ штукатурки слѣды такихъ же изображеній. Посрединѣ, надъ тройнымъ окномъ, рисунокъ раздѣленъ на три поля, но чѣмъ они заполнены, не видно. Наконецъ, нижній поясъ апсиды, прерываемый посрединѣ тройнимъ окномъ, разрисованъ рядомъ арочекъ и колонокъ, между которыми оставлены мѣста для надписей, почти совершенно вывѣтрившихся. Подъ этимъ рисункомъ на нижнемъ слоѣ штукатурки виденъ былъ другой такой,

[1]) Однако-же, въ пользу предполагаемой о. Антониномъ длины базилики говоритъ то, что при этомъ условіи киворій (не отмѣченный у о. Антонина) придется какъ разъ на серединѣ базилики, какъ и слѣдуетъ ожидать. Колонны южнаго нефа могли бы, въ такомъ случаѣ, означать мѣсто боковаго входа въ базилику.

[2]) См. цинкографію № 3.

же, сдѣланный блѣднорозовой краской. На поляхъ между колонками сохранились на этомъ нижнемъ рисункѣ мѣстами слѣды буквъ такого же (т. е. блѣдно-розоваго же) цвѣта, потомъ затертыхъ; надъ ними черной краской сдѣланы болѣе явственныя надписи, перечисляющія „троны“ и и митрополичьи престолы, входившія, очевидно, въ составъ архіепископіи Преспы. Въ виду интереса этихъ надписей мы сняли верхній слой штукатурки надъ мѣстами надписей, и обнаружили подъ нимъ рядъ именъ, отчасти удобочитаемыхъ, отчасти подлежащихъ возстановленію съ помощью конъектуры.

Какъ видно изъ нашего снимка апсиды (№ 3), надписи расположены въ отдѣльныхъ компартиментахъ по обѣ стороны тройнаго окна. Число этихъ компартиментовъ — 15: изъ нихъ девять слѣва отъ оконъ и шесть справа; остальные три съ этой стороны, очевидно, находились на разрушенной части стѣны апсиды (см. планъ). Въ первомъ и послѣднемъ компартиментѣ изъ указанныхъ пятнадцати мы не могли найти никакихъ слѣдовъ надписей. Въ остальныхъ (2—14) надписи идутъ въ порядкѣ рисунка № 12.

Реставрація этихъ отрывочныхъ надписей представляетъ значительныя затрудненія. Предлагаемое мною чтеніе далеко не разрѣшаетъ всѣхъ этихъ затрудненій.

Рис. № 12. Надписи, перечисляющія троны, въ апсидѣ „Великой церкви“. Преспа.

2. (ϑ)ρον(ος) π(ο) ..πεδ...
3. † ϑρον(ος) π(ȣ) Βιϑήνη(ς).
4. † ϑρον(ος) Κε(φα)λονίας.
5. ϑρ(όνος) π(ο) Βερ(ρο)ίας.
6. † ϑρόν(ος) πο Ἡρακλ(είας).
7. ϑρ(όνος) πο Β..υλ..ȣ(?)
8. ....π...

9. θρον(ος) Σελα(σφόρου).
10. (θρό)νος πȣ Σκωπίων †
11. † θρον(ος) πο Σαρδικῆς.
12. θρόν(ος) πȣ ʽεδρου (?)
13. θρό(νος) πο ιςρις (?)
14. † θρόν(ος) . . . . νου.

Несомнѣнно значеніе только пяти изъ этихъ тринадцати надписей: именно 3) епархія Виддинская. 5) епархія Верріи. 6) епархія Гераклеи (Lyncestis, т. е. Пелагоніи). 10) епархія Скопья и 11) епархія Сардики (= Тріадицы = Софіи). Къ нимъ слѣдуетъ присоединить 4) епархію Кефалонійскую (=Главиницкую и 9) епархію Селасфора — древнее названіе Дѣвольской, позднѣе корченской епархіи.[1]) Εδρου (12) можно сближать съ Πετρου извѣстныхъ хризовуловъ 1020 года.[2])

При всей неполнотѣ этого списка епархій, изъ него, однако же, можно сдѣлать нѣкоторые выводы. Размѣры болгарской архіепископіи представляются здѣсь такими, какими они были въ моментъ самаго широкаго ея распространенія, при Петрѣ и Самуилѣ — до войнъ послѣдняго съ императоромъ Василіемъ Болгаробойцей. Уже въ самомъ началѣ этой войны Виддинъ былъ отнятъ у Болгаръ (1002), а затѣмъ были отняты также Веррійская и Петрская епархіи.[3]) Такимъ образомъ, составъ епархій вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, какимъ онъ долженъ былъ быть въ моментъ перенесенія архіепископіи изъ Водены въ Преспу Самуиломъ, — т. е. въ концѣ X вѣка. Отсюда въ Охриду архіепископія была перенесена Самуиломъ уже въ сократившемся составѣ. Правда, послѣ окончательной побѣды надъ болгарами императоръ Василій возстановилъ болгарскую архіепископію въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, какіе она имѣла при Петрѣ, — но тогда средоточіемъ архіепископіи былъ уже Охридъ, а не Преспа. Конечно, не исключена возможность, что базилика, построенная Самуиломъ, продолжала считаться архіепископской церковью и послѣ перенесенія архіепископіи въ Охридъ; —

[1]) Ср. *Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, болгарской etc. м. 1871, стр. 77, 121. и *Григоровичъ*, оч. пут., стр. 104: ἐν τῇ Κεφαληνία μετονομασθεῖσαν δὲ τῇ Βουλγάρων φωνῇ Γλαβένιτζαν).

[2]) *Θ. И. Успенскій* читаетъ еще 2) θρόνος Πελ(λῶν) и 13) θρόνος Πρισ(δριανῶν). См. его статью: Двѣ историческія надписи въ Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, III, Софія, 1898, стр. 189.

[3]) *Голубинскій*, о. с. 49, 72.

въ этомъ случаѣ, наши надписи могли продолжать служить (или быть возобновлены) и послѣ возстановленія старыхъ размѣровъ охридской архіепископіи, т. е. послѣ 1020. *Вновь* дѣлать ихъ долго спустя послѣ этого момента — едва-ли имѣло смыслъ, такъ же какъ и строить здѣсь базилику. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе вѣроятная датировка нашихъ надписей все же можетъ быть установлена лишь въ предѣлахъ очень тѣснаго хронологическаго періода: отъ времени построенія базилики до 1002 года или непосредственно послѣ 1020 года. Припоминая, что въ оригиналѣ — надписи, повидимому, вновь сдѣланы черной краской и что подъ ними сохраняются слѣды стертыхъ буквъ, нарисованныхъ той же розовой краской, какъ и окружающія рамки, мы придемъ къ заключенію, представляющемуся мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, — что первоначальныя надписи сдѣланы одновременно съ росписью, — одной съ нею краской — при первой отдѣлкѣ базилики, затѣмъ стерты, — болгарами или греками, — какъ переставшія соотвѣтствовать дѣйствительности, и, наконецъ, снова подновлены черной краской при реставраціи старыхъ размѣровъ архіепископіи императоромъ Василіемъ.[4])

Изъ остальной росписи сохранились только, и то плохо, фрески на простѣнкахъ нижняго яруса. Лучше сохранился и здѣсь — нижній слой фресокъ. Передъ первой (отъ апсиды) аркой сѣверной стѣны, со стороны средняго нефа видны два изображенія: налѣво — въ женской одеждѣ, направо святитель въ нимбѣ съ бородой, въ архіерейской одеждѣ: по обѣ стороны шеи надпись: ⓐ Αχιλης. Далѣе, на первомъ простѣнкѣ, два святыхъ въ одеждѣ воиновъ: при лѣвомъ, надпись: ⓐ /.\НС,СΣТȣ<

(ἅγιος Νέστορος). Изъ изображеній въ аркахъ между простѣнками, лучше другихъ сохранились: во второй аркѣ святой М.. РОФАΝΙ и О АГІОС ПАΝТЕΛЕНМОΝ. Безъ надписей: въ первой аркѣ

[4]) Противъ послѣдняго предположенія могло бы говорить то, что въ составѣ епархій нашего списка не упомянута ни одна епархія изъ отданныхъ въ вѣдомство охридской архіепископіи *вторымъ* указомъ Василія, а изъ епархій, отданныхъ *третьимъ* указомъ, упомянута одна Верріа. Между тѣмъ, по мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя этого вопроса, именно вторый и третій указы потеряли силу при преемникахъ Василія, и слѣдовательно, разбираемый списокъ соотвѣтствуетъ скорѣе всего тѣмъ размѣрамъ Охридской архіепископіи, которые установились (не считая вновь открытыхъ епархій) въ XI—XII вв., до учрежденія Тырновскаго патріархата. См. *Gelzer*. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeihnisse d. orientalischen Kirche въ Byzantinische Zeitschrift, 1893, II B. pp. 58—59. При состояніи нашихъ надписей и при неполнотѣ другихъ источниковъ трудно было бы дѣлать въ данномъ случаѣ рѣшительные выводы.

архангелъ съ шаромъ въ лѣвой рукѣ, въ третьей — женская фигура и въ сводахъ арокъ — нѣсколько святителей.

Едва-ли можно сомнѣваться, что построеніе „Великой церкви" относится ко времени Самуила, т. е. къ концу X и началу XI вѣка. Уже по чисто апріорнымъ соображеніямъ трудно выбрать иное время, когда могло бы быть здѣсь выстроено такое великолѣпное зданіе. Списокъ престоловъ въ апсидѣ указываетъ на то, что церковь имѣла значеніе архіепископской, т. е. относитъ фрески ко времени перенесенія архіепископіи изъ Водены въ Пресну. Это было время, когда царь устроилъ здѣсь свою резиденцію и построилъ себѣ (по Кедрину) дворецъ. Извѣстно, что изъ своего побѣдоноснаго похода противъ Лариссы (986) Самуилъ привезъ съ собой мощи ларисскаго епископа Ахилла. Это былъ наиболѣе естественный поводъ для того, чтобы построить для помѣщенія мощей новый храмъ, выдающійся своимъ великолѣпіемъ. Скоро резиденція царя и архіепископа перешла въ Охриду; тамъ создалась и другая базилика (см. ниже стр. 86—87).

Кромѣ „Великой церкви" на Аилѣ сохранились также развалины нѣсколькихъ другихъ старыхъ церквей. Тотчасъ за переваломъ, на югозападномъ берегу острова находятся развалины церкви „двѣнадцати апостоловъ." Сохранившіеся остатки стѣнъ — довольно поздней кладки. Въ кучѣ камней возлѣ развалинъ попадаются и болѣе старые фрагменты, въ томъ числѣ камень съ латинской надписью, изданной о. Антониномъ[1]), канеллированная колонна, колонна съ изображеніемъ креста, кемпферъ, колонка — пилястра, какія употреблялись для балюстрады (рис. № 13), небольшой камень въ формѣ жертвенника.

Рис. № 13. Фрагментъ въ развалинахъ церкви „двѣнадцати апостоловъ", о. Аилъ. Преспа.

Отъ другой церкви — *„св. Димитрія"* — сохранилась лишь часть апсиды съ фресками ниже конхи. Изображенъ св. престолъ; на одномъ краю его агнецъ, на другомъ — потиръ; сзади того и другаго — два херувима. По бокамъ престола — святители: Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Василій Великій. На двухъ внѣшнихъ столбахъ, примыкающихъ къ апсидѣ также есть слѣды живописи.

---

[1]) „Изъ Румеліи", табл. X.

Ближе къ южной оконечности острова на сѣверо-восточномъ берегу, подъ описаннымъ выше холмомъ находится *монастырь св. Богородицы;* при немъ есть также церковь съ старыми фресками. Время росписи опредѣляется слѣдующими надписями:

Надъ входными дверями (ошибки подлинника здѣсь какъ повсюду, сохранены):

† Ἀνηγέρθη καὶ ἀνιστορήθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς οὗτος τῆς ὑπεραγίας Θ-κοῦ διὰ συνδρόμοις κόπȣ καὶ 'εξόδου τȣ̃ τιμιωτάτου Θεοδοσίου ἱερομονάχȣ σὺν τῷ γαμτγρῷ αὐτοῦ Νικολάου ἱερέος καὶ ἑτέρου Νικολάȣ ἱερέος Θεοδοσίου ἱερομονάχου αὐταδέλφȣ ἐπὶ ἔτους ,ζ̄λ̄β (7032=1524) ἰνδ ιϐ.

Надъ окномъ южной стѣны:

Ἀνηστορίθη δὲ τὸ ἄγιος βίμα καὶ τοῦτο τὸ δεξιὸν μέρος ἐν ἔτη ,ΑΨΜΑ (1741) διὰ ἐξόδου ὅλων τῶν χριστιανῶν τῶν περιχορήων ἀρχηιερατεύοντος δὲ του κῦ κῦ Παρθενίȣ καὶ ἐφημερέβοντος δὲ του παπα Ταρπένος πρὸ τȣτον τον χρόνον ἔναν ἐ(το)ς ,ΑΨΜ ἔγινεν ἡ μεγάλε γήνα το κηλὸ[1]) σητάρι δέκα γρόσια· ὄκαδες λε̄· εις όλην τὴν Ρȣμελη.

Дѣйствительно, роспись апсиды носитъ черты поздняго времени; реставрація же южной стѣны въ XVIII в. была, повидимому, простымъ подновленіемъ или воспроизведеніемъ росписи XVI вѣка.

Въ конхѣ апсиды изображена Богородица, ниже агнецъ въ видѣ благословляющаго Христа-младенца въ чашѣ, дискосъ и евангеліе. Около престола четыре святителя. Въ тріумфальной аркѣ — Господь Вседержитель и св. Духъ, направо шествіе ангеловъ, налѣво несеніе плащаницы. Ниже: налѣво отъ апсиды Романъ Сладкопѣвецъ и Стефанъ первомученикъ; еще лѣвѣе въ нишѣ — Pietá. Подъ послѣднимъ изображеніемъ мѣсто для записи именъ для поминовенія: записанныя имена — болгарскія. Направо отъ апсиды — изображенія свв. Германа, Ахилла, Спиридона.

На остальныхъ стѣнахъ изображенія идутъ въ три яруса. Въ нижнемъ единоличныя фигуры святыхъ во весь ростъ (на-

---

[1]) Τὸ κηλὸν — мѣра сыпучихъ тѣлъ; сравн. тур. kilé — въ Константинополѣ, равняется 45 килограмм. На основаніи нашей записи, *кило* равнялось на Преспѣ 35 окамъ. Такое кило пшеницы стоило въ урожайный 1740 годъ во всей Румеліи десять грошей.

чиная отъ ю.-в. угла): свв. Іоаннъ Милостивый, Харлампій Климентъ, архіепископъ Охридскій, Николай, Аѳанасій, Артемій Ѳеодоръ Тиронъ, Косма, Даміанъ, Пантелеймонъ, Христофоръ (съ собачьей головой), Трифонъ, Илія, Евфимій, Антоній, ἄρχων Μιχαήλ, Варвара, Марина, Параскева, Недѣля, Меркурій, Прокопій, Ѳеодоръ, Мина, Димитрій, Георгій, Деисусъ.

Второй поясъ состоитъ изъ медальоновъ, съ виноградным орнаментомъ, весьма похожимъ на тотъ, который находится въ церкви Германа.

Въ третьемъ ярусѣ идутъ евангельскія изображенія, начиная, по обыкновенію, съ южной стороны, — въ слѣдующемъ порядкѣ: на южной стѣнѣ Благовѣщеніе, Рождество Христово Срѣтеніе, Крещеніе, Преображеніе; на западной: входъ въ Іерусалимъ; надъ входными дверьми Успеніе. На сѣверной стѣнѣ: Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду (на первомъ планѣ Петръ рѣжетъ ухо Малху), Христосъ передъ Каіафой, Несеніе креста, Распятіе, Снятіе со креста, сошествіе во адъ. Эти фрески заслуживаютъ болѣе внимательнаго изученія, на которое, къ сожалѣнію, у насъ не хватило времени.

Надо прибавить, что всѣ надписи въ церкви — греческія; только на старомъ деревянномъ косякѣ у входной двери виднѣется славянская надпись: **СТН ДМИТРЬ**. Есть также, на одной старой иконѣ вотивная славянская надпись: **† ГРНМН ГО МОЛЕНЕ БОКОН** (Бойко ?).

Съ острова Аилъ мы переправились на югозападный берегъ Малаго озера, къ турецкой деревнѣ *Винени*. Недоходя до деревни, близко къ берегу озера, находятся развалины древней церкви, интересной въ архитектурномъ отношеніи[1]). Церковь представляетъ небольшое четыреугольное зданіе, около

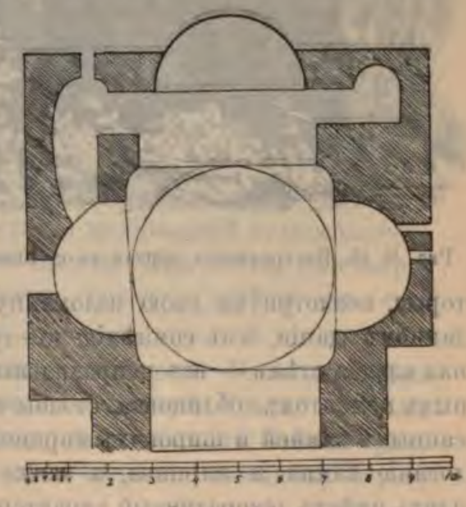


Рис. № 14.
Планъ церкви въ с. Винени. Преспа.

[1]) См. цинкографію № 15 и прилагаемые рисунки №№ 14 и 15.

10 метровъ длины и 8, 7 метровъ ширины. Сѣверная и южная стѣны зданія построены въ формѣ двухъ нишъ, покрытыхъ полукуполами; западная и восточная — въ формѣ двухъ арокъ; къ восточной аркѣ примыкаетъ апсида, теперь полуразушенная. На двухъ аркахъ и двухъ полукуполахъ центральнаго пространства (4, 7 метра въ діаметрѣ) сведенъ куполъ, стѣны котораго покрываютъ почти все зданіе, за исключеніемъ угловъ и апсиды. Кладка свода — византійская, безъ кружала; ряды кирпичей положены вертикально, сходясь къ ключу свода спиралью. Очень интересны огивальныя арки, которыя, несмотря на свою изломанную линію, принадлежатъ въ данномъ зданіи, безъ сомнѣнія, до-турецкому періоду. Внутренняя кладка стѣнъ — изъ неправильныхъ камней, обильно смазанныхъ цементомъ; облицовка, столбы и арки — изъ правильно тесанныхъ камней и широкихъ кирпичныхъ плитъ. Снаружи чередованіе камня и кирпича, а также расположеніе кирпичныхъ плитъ имѣетъ декоративный характеръ, благодаря чему наружныя стѣны пріобрѣтаютъ очень оживленный видъ, напоминающій церковь „двѣнадцати апостоловъ“ въ Салоникахъ.

Рис. № 15. Внутренность церкви въ с. Винени. Преспа.

Примѣры см. на прилагаемомъ рисункѣ № 16:

Стѣны сѣвернаго и южнаго полукуполовъ срѣзаны по направленію къ западу, такъ что входная западная стѣна состоитъ только изъ боковыхъ столбовъ, поддерживающихъ арку. Напротивъ, къ востоку стѣны полукуполовъ идутъ прямо, составляя прямой уголъ съ восточной стѣной и оставляя внутри зданія мѣсто для двухъ боковыхъ камеръ съ небольшими нишами. Одна, очевидно, имѣетъ значеніе жертвенника; входъ и выходъ изъ нея, видные на нашемъ рисункѣ № 15, покрыты низенькими арочками, опирающимися съ одной стороны на стѣны, съ другой — на сѣверо-восточный столбъ, поддерживающій арки. Юговосточный столбъ составляетъ одинъ массивъ съ южной стѣной; входъ въ правую камеру, играющую роль діаконника, — только одинъ.

Рис. № 16.
Кладка стѣнъ въ церкви с. Вивени. Преспа.

Подъ полукуполами, со стороны входа, сохранились, хотя довольно плохо, остатки фресокъ, изображающихъ двѣ фигуры святыхъ въ костюмѣ воиновъ; одинъ вынимаетъ мечъ изъ ноженъ; другой опирается на щитъ. Обѣ позы свойственны святымъ Димитрію и Георгію, изображаемымъ часто вмѣстѣ[1]. На парусахъ — сохранились остатки изображеній евангелистовъ, фономъ для которыхъ служатъ палаты. При входѣ, на сѣверо-западномъ столбѣ видны остатки свитка у одного изъ святыхъ съ греческими буквами.

Третья поѣздка, предпринятая изъ села Нивицы, имѣла цѣлью осмотръ острова, называемаго „Малый Градъ,“ а также изображеній на скалахъ и пещерныхъ храмовъ, цѣлый рядъ которыхъ тянется по южному и отчасти по западному берегу Преспы. . . . .

[1]) См. напр. барельефъ X—XI в. в. у *Schlumberger,* L'éporée byzantine, стр. 13.

1. Первой въ этомъ ряду встрѣтилась, въ четверти часа разстоянія отъ села Нивицы, на одной съ нимъ сторонѣ залива, въ которомъ расположена Нивица — небольшая церковка среди скалъ. Стѣны сложены изъ камней; уцѣлѣла теперь только часть юго-восточной стѣны съ апсидой; въ послѣдней видны остатки фресокъ. Въ конхѣ апсиды изображена Богоматерь съ младенцемъ; ниже агнецъ и чаша на престолѣ; по сторонамъ престола — по два святителя (сохранились изображенія свв. Григорія, Василія и часть ризъ третьяго святителя). Слѣва отъ апсидной ниши видна часть Благовѣщенія (архангелъ). Еще лѣвѣе въ нишѣ изображеніе Pietá. (Христосъ, по поясъ обнаженный, стоитъ во гробѣ; сзади Богоматерь, которая лобызаетъ его). У народа эта церковка слыветъ подъ именемъ: *„св. Аѳанасій“*.

2. Далѣе, на противоположномъ лѣвомъ берегу той же самой бухты, гдѣ помѣщается село Нивица, встрѣтилось изображеніе на скалѣ *иконы Богоматери* съ греческой надписью новаго времени, довольно неразборчивой.

Ἀνακαινίθη ὁ τοπος οὗτος δῆα σην(δρομῆς) τοῦ

Μ...ι...α καὶ τῆ(ς) σ(υ)νβήϰ ἀυ(τῦ) Ἀρισκα (sic).

3. Еще немного далѣе, въ томъ же заливѣ, находится *другая икона Богоматери;* справа отъ нея невысокая стѣнка, выложенная изъ камня, закрываетъ входъ въ небольшую пещеру, расположенную на обрывѣ, такъ что войти въ нее нельзя. Насколько можно разсмотрѣть въ бинокль, внутри видны однѣ голыя стѣны. Подъ иконой — древняя греческая надпись курсивомъ:

Рис. № 17.
Надпись подъ иконой Богоматери. Пресна.

Т. е. Μνίσθητι Κύριε τὰς ψυχὰς τῶν δουλ(ων)

σου(?) Μιχαηλ και . . . καὶ Μανουηλ τον σω

πλ . . . σπον καὶ . . . ρ . . . ἐν τῷ νῦν αἰῶνι, καὶ ἐν

τῷ μέλλοντι εἶναι . . . αὖτο . . . ρχ . . . νομ . . . καλό

Ниже надписи имѣется еще мѣсто для нѣсколькихъ строкъ какъ бы нарочно стертыхъ. Въ третьей строкѣ послѣ καὶ имя

также вытерто; среди рѣзкихъ черныхъ чертъ осталась лишь буква ρ. Если эти остатки позволительно реставрировать въ видѣ слова καίσαρ(ος или α, причемъ предыдущія два слова будутъ: τὸν θεοπιστὸν), а также предположить слово καίσαρος и послѣ имени Μιχαηλ (2-я строка), то въ описываемой надписи мы имѣемъ память объ императорахъ Михаилѣ и Мануилѣ, — всего вѣроятнѣе, отцѣ и сынѣ. Въ такомъ случаѣ, можно было бы предположить, что наша надпись сохраняетъ память о кровавой семейной драмѣ въ семьѣ Андроника II Палеолога, — именно, объ убійствѣ внука его, Мануила, и смерти, восемь дней спустя, отца послѣдняго Михаила (1320)[1].

4. За поворотомъ изъ залива на западъ, по южному берегу построено нѣсколько старинныхъ пещерныхъ храмовъ. Первый изъ нихъ у мѣстныхъ жителей слыветъ подъ именемъ *„Большаго Спаса"*. Это небольшая церковка, имѣющая видъ прямоугольника длиной въ 4 м., шириной 1,83, высѣченная въ скалѣ съ коробовымъ сводомъ, выложеннымъ изъ кирпича и камней. Въ глубинѣ находится апсида и по сторонамъ ея двѣ ниши. На сводѣ сохранились остатки фресокъ. Иконостасомъ служитъ нѣсколько деревянныхъ досокъ, укрѣпленныхъ горизонтально на деревянныхъ столбикахъ и оставляющихъ мѣсто для сѣверныхъ и южныхъ вратъ. На иконостасѣ — новая икона Воскресенія. Есть остатки стараго

Рис. № 18.
Пещерная церковь „Большой Спасъ". Преспа.

[1]) См. Finlay, III, 410.

рѣзнаго иконостаса, именно слѣдующая доска, служившая, можетъ быть тябломъ.

Рис. № 19. Деревянный орнаментъ въ церкви „Большаго Спаса“. Преспа.

5. Далѣе, по томуже берегу, довольно высоко на горѣ находится другая церковь: *„Малый Спасъ“*, тоже имѣющая форму прямоугольника 3,3 м. длины, 2,7 м. ширины. Южная стѣна высѣчена въ скалѣ, сѣверная сложена изъ камня и часть коробоваго свода — изъ кирпича. Уцѣлѣли фрески въ апсидѣ: Божія Матерь съ младенцемъ; подъ ней престолъ съ агнцемъ (младенецъ на дискосѣ), рядомъ потиръ. По бокамъ престола святители: св. Василій и Златоустъ. Въ тріумфальной аркѣ (надъ нишей апсиды) — сошествіе св. Духа на апостоловъ, сидящихъ полукругомъ. Въ части свода, ближайшей къ восточной стѣнѣ, ἀνάληψις. Надписи греческія.

6. Еще далѣе, въ естественной пещерѣ огромныхъ размѣровъ, въ нѣсколькихъ ярусахъ видны слѣды каменной кладки. Внизу, повидимому, — остатки разрушеннаго зданія; выше — цѣльная небольшая церковка (по мѣстному *„св. Петръ“*), такой же формы, какъ предыдущія, т. е. четыреугольникъ 3,76 м. длины, 2,20 ширины, крытый коробовымъ сводомъ, надъ которымъ — крыша на два ската. Снаружи стѣны оштукатурены и выкрашены бѣлой краской, по которой красными полосами разрисованъ орнаментъ, на подобіе кирпичной кладки.

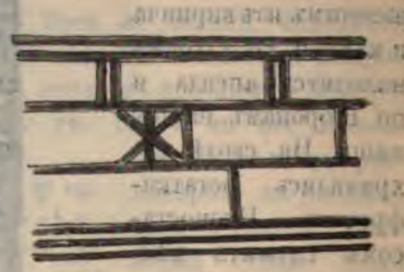


Рис. № 20. Подражающая кирпичной кладкѣ раскраска ц. Св. Петра. Преспа.

Надъ дверями — икона Божіей Матери. Надъ иконой надпись, подражающая тоже кирпичной кладкѣ. Лѣвая половина надписи закрыта деревьями; видна только правая:

6ΕΥCΙC·ΤΔ ΔΤΘ·ΧΠΛΗΠΕΡ ΚΤΗΥΙΟC

Рис. № 21. Надпись надъ входомъ ц. Св. Петра Преспа.

т. е. δέυσις τοῦ δοῦλου (τοῦ θεου?) τȣ πανηπέρβμȣ-κτήτορος. Πανηπέρβμȣ, очевидно, значитъ πανυπέρτιμου, но буквы послѣ τοῦ δοῦλου остаются невполнѣ разобранными.

Внутренность церкви расписана. Въ апсидѣ Божія Матерь, ниже агнецъ (Христосъ — младенецъ) на престолѣ, по краямъ котораго два святителя. На сводѣ благословляющій Христосъ, далѣе архангелъ, опять Христосъ на престолѣ. На сѣверной и южной стѣнахъ — возлѣ восточной стѣны по ангелу, указывающему на сидящаго на престолѣ (въ сводѣ) Христа. Далѣе, на южной стѣнѣ въ одномъ ряду съ ангеломъ (въ верхнемъ) — Крещеніе и Преображеніе; ниже (средній рядъ): Рождество Христово, Введеніе въ храмъ, Воскрешеніе Лазаря. Въ нижнемъ, третьемъ ряду: въ алтарной части стѣны св. Кириллъ Александрійскій, далѣе: Богородица съ благословляющимъ младенцемъ, св. Параскева, неназванный святитель въ крестчатыхъ ризахъ. На сѣверной стѣнѣ, вверху: такой же ангелъ, какъ на южной, жены мироносицы у гроба, распятіе; во второмъ ряду: Шествіе на осляти, Положеніе во гробъ, Сошествіе во адъ. Въ нижнемъ ярусѣ: въ алтарной части Петръ Александрійскій, далѣе деисусъ, двое святыхъ въ военныхъ доспѣхахъ: одинъ вынимаетъ мечъ изъ ноженъ, другой держитъ мечъ на плечѣ, опираясь другой рукой на щитъ.[1]) На западной стѣнѣ св. Антоній, надъ дверьми — Успеніе. Во входѣ св. Варвара и осьмиконечные кресты съ такимъ же орнаментомъ, завитками, какъ описанный выше на скалѣ острова „Градъ"; но здѣсь по обѣ стороны креста прибавлены въ вертикальномъ положеніи копье и губа съ оцетомъ. Буквы у крестовъ слѣдующія:

IC	XC	
—	X̅X̅X̅X̅	
		КЅ
N̅ E̅E̅	E̅E̅	
Ф̅	X̅Ч̅	
		⅂
Ф	П	
A̅B̅Δ̅Б	AI ΘΥ	
TK	ПГ	

На другомъ крестѣ — одни обычныя криптограммы: IC XP N K ФXФП.

[1]) Ср. выше, стр. 57 церковь въ с. Винени.

Нѣсколько деревянныхъ досокъ и тутъ замѣняютъ иконостасъ.

Время росписанія и сооруженія церкви опредѣляется надписями. Надъ входными дверями, подъ иконой Успенія находимъ (ошибки сохранены):

† Ἀνηγέρθη καὶ ἀνηστωρηθι ὁ ἱερὸς καὶ πάνσεπτος ναὸς τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ὑμῶν . . . . παρθενιου Μαρίας διὰ συνδρομίς κόπου τε καὶ ἐξόδȣ τιμιοτάτȣ ἐν ἱερομονάχοις κυρίου Σαβα καὶ κυρίου Ιακοβ (καὶ Β)αρλαάμ τῶν κτιτόρον

αὐθέτης ὁ Βλȣκασινος (Влъкашинъ)

ἐπί ἔτȣς ЯЭІН (6918=1410).

На южной стѣнѣ, надъ нишей, находящейся выше изображенія св. Параскевы, — другая надпись:

ἄληπτε θεαρχία, ληπτὸν με ὄντα σῶσον ·⁝·
Ιω νίκιος ἱερομοναχος καὶ ζωγραφόν ·⁝·

7. Слѣдуетъ далѣе по берегу *„св. Архангелъ“:* два углубленія въ скалахъ, заложенныя стѣнами изъ камня. Входъ въ нижнее углубленіе, надъ которымъ виднѣется изображеніе Божіей Матери, недоступенъ. Поднимаясь выше по деревьямъ, скаламъ и по обрубленному стволу, служащему лѣстницей, можно добраться до двери, ведущей въ верхнюю пещеру 4,5 м. длины и 4,3 м. ширины. Изъ нея другая дверка ведетъ въ маленькое углубленіе въ скалѣ (2,30 м. длины и 2,25 ширины), въ концѣ котораго выложена камнемъ апсида и ниша налѣво отъ нея. Въ апсидѣ сохранилось изображеніе Божіей Матери съ благословляющимъ младенцемъ. Ниже — агнецъ (ребенокъ на дискосѣ) и потиръ на престолѣ, по обѣ стороны котораго изображены ангелы съ рипидами, а по ихъ сторонамъ — святители — Василій и Златоустъ. Въ лѣвой нишѣ изображеніе Стефана Первомученика. Между апсидой и боковой нишей — надпись:

Μνήσθητι, Κύριε, τῆς ψυχῆς τȣ δούλου τȣ θεοῦ Βησαρήȣ ὑερομοναχȣ.

Возлѣ церкви „св. Архангела“ на выглаженной и оштукатуренной плоскости скалы видны также слѣды надписи; но отъ нея сохранились лишь отдѣльныя буквы.

8. Переѣжая съ этого мѣста берега черезъ озеро на его западную сторону, мы останавливаемся у мыса „Наколъ“. Здѣсь на береговой скалѣ, возлѣ которой пристаютъ рыбаки, изобра-

жена совсѣмъ новая икона *„св. Никола“*, съ надписью, датированной 1840 годомъ. Слѣва отъ нея сохранились остатки старой фрески (св. Николая?); въ правомъ углу — остатки надписи.

⁝ δέυ(σι)
σ γα
λο

Надъ новой иконой видны остатки рисунка, очень грубо и примитивно начерченнаго коричневой краской на бѣломъ фонѣ штукатурки. Изображены двѣ фигуры святыхъ; ниже всадникъ на лошади оборачивается и прикасается рукой къ локтю одного изъ святыхъ. Выше — другой всадникъ на лошади и позади него (правѣе) стоящая фигура съ поднятой правой рукой и съ чѣмъ-то вродѣ копья въ лѣвой. Между фигурами — знаки звѣзды (два пересѣкающихся треугольника).

9. Поднимаясь на сѣверъ по тому же западному берегу Преспы, встрѣчаемъ заброшенный *монастырь св. Марины* (монаховъ нѣтъ), на землѣ принадлежащей селу Туминецъ. Старая церковка монастыря обновлена въ 1888 году. Надъ входной дверью внутри сохранились остатки старыхъ фресокъ и полустертая греческая надпись:

ἀνεκ (αινίσθη ὁ πανιερὸς) κ(αὶ) πανσ(επτο)
ς ναὸς ȣτος τῆς . . . . υμεν . . . . (πανιε)ῤ(ας) Μαρη(α ς)
διὰ σ(υν)δρομῆς κόπ(ου καὶ ἐ)ξόδȣ (τοῦ) εὐλαβε-
στάτȣ ἱερομονα(χου . . . . .) κυρȣ

Снаружи, надъ апсиднымъ выступомъ, видна старая фреска, изображающая святителя въ крестчатой ризѣ; въ лѣвой рукѣ у него — Еванґеліе; правая благословляетъ; надъ правой половиной изображенія сохранилась надпись . . . δρέας.

10. Въ небольшомъ разстояніи на сѣверъ отъ монастыря (противъ острова „Градъ“) находится въ скалѣ *пещерная церковь св. Марины*. Внутри церкви сохранилась фресковая живопись. Въ апсидѣ изображена Богородица, въ тріумфальной аркѣ — Благовѣщеніе, по бокамъ свв. Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ. Въ коробовомъ сводѣ церкви — Вознесеніе, въ притворѣ: Рождество Христово, Срѣтеніе, Преображеніе. На стѣнахъ въ верхнемъ поясѣ: на южной стѣнѣ Крещеніе, Воскрешеніе Лазаря, Входъ во Іерусалимъ; на сѣверной: Распятіе, Положеніе во

гробъ, Сошествіе во адъ. Въ нижнемъ поясѣ стѣнъ единоличныя изображенія свв. Николая, Димитрія, Александра, Параскевы; на западной стѣнѣ — Константина и Елены. Надписи надъ изображеніями — греческія.

Надъ входными дверями внутри церкви читается надпись (съ сокращеніями):

ἀνηστορίθη δ[1]) καὶ πάνσεπτος ναὸς ȣτος τῆς ὑπεραγίας θεοτόκȣ ἐκ βαθρȣ κοπȣ τε καὶ ἐξόδȣ τȣ πανοσιοτάτȣ Παρθενίȣ μοναχȣ ἰγȣμενε(ύοντος) τȣ πανοσιοτάτȣ Παγησιȣ ἱερομονάχȣ καὶ κτήτορος.....

На наружной стѣнѣ — икона Богородицы al fresco; подъ ней надпись, которую; въ виду трудностей чтенія, помѣщаю въ факсимиле.

Рис. № 22. Надпись въ пащерной церкви св. Марины. Преспа.

ἀνηστωρίθη ἡ θεια πύλη παρ᾽ ἐμȣ τȣ ταπεινȣ τȣ ἁμαρτολȣ Παρθενίȣ καὶ τῆς συνω

διας ἡμõν πάσης ο δ(ε) θ(εο)ς συ(γ)χορισι (αὐτοὺς?) ⁝ προεδόθησαν (π)εν(ιντα) ασπρ... ὁ καματος ὅλος

.... τȣ Ιω(άννȣ) τȣ Ζογράφȣ

Къ сожалѣнію, конецъ надписи я не могъ разобрать. Предшествующія, тоже трудно читаемыя слова, я предлагаю возстановить: προεδόθησαν πενῆντα ἄσπρα ὁ κάματος ὅλος, т. е. „уплачено пятьдесятъ бѣлыхъ — весь трудъ“ или: „весь доходъ?“ Въ послѣднемъ собственномъ имени, можетъ быть, кроется разгадка хронологической даты церкви св. Марины. Іоаннъ Зографъ — историческое лицо: извѣстенъ митрополитъ этого имени, современникъ Вукашина и Краля Марка[2]). Если онъ тожественъ съ Іоанномъ Зографомъ нашей надписи, — что болѣе чѣмъ вѣроятно, — то церковь св. Марины должна относиться къ концу XIV вѣка. Можетъ быть, первыя двѣ буквы третьей строки надо читать,

[1]) Пропущено въ оригиналѣ слово θεῖος.
[2]) См. *Miklošich*, Monumenta Serbica, 182.

какъ цифры ͵ϛЭ: тогда мы имѣли бы и самый годъ 6900=1392. Тогда слѣдующіе буквы ἐ и нѣчто вродѣ ξ можно было бы читать за сокращеніе ἔτους.

Надъ церковью видны въ скалѣ еще надстройки изъ камня. Въ этотъ второй ярусъ вели деревянныя двери, выходившія, повидимому, на галлерею, отъ которой теперь сохранились только поддерживавшія ее три балки. Другая дверь отъ церкви ведетъ въ боковую пристройку, сложенную изъ камня; надъ послѣдней тоже имѣлся еще второй ярусъ. Тамъ виднѣется другая икона Богородицы въ позѣ оранты съ младенцемъ.

11. Возвратившись отсюда назадъ въ югозападную часть озера Преспы, мы посѣтили находящійся здѣсь островъ *„Малый Градъ“*. Размѣры этого островка очень не велики. Какъ и большой „Градъ“, онъ спускается въ озеро отвѣсными скалами и совершенно необитаемъ. На южной сторонѣ островка, въ огромной естественной пещерѣ[1]) мы нашли церковь, построенную въ видѣ прямоугольника съ коробовымъ сводомъ и крытую на два ската тесомъ. Передъ церковью былъ, повидимому, притворъ, отъ котораго сохранились только остатки южной боковой стѣны. На теперешней внѣшней стѣнѣ находятся двѣ надписи — одна вверху, другая внизу ниши, помѣщающейся надъ входомъ въ церковь. Надпись, находившаяся надъ нишей, въ настоящее время почти совершенно стерта и несимметрично обрѣзана съ обѣихъ сторонъ краями изображенія страшнаго суда. Такое положеніе этой надписи само по себѣ наводитъ на мысль, что она должна быть старше фрески страшнаго суда. Вторая надпись, подъ нишей, сохранилась очень отчетливо мѣстами, но въ ней не хватаетъ важныхъ частей, отбитыхъ вмѣстѣ со штукатуркой, а сохранившіяся части не всѣ могли быть прочтены. Надпись эта слѣдующая:

† ἀνεγέρθην ἐκ βα(θροῦ καὶ ἀν)ιστορήθη ὁ θῆος καὶ πάν-
σεπτος ναὸς τις θ(εο)τ(όκου) δηὰ συνδρομῆ(ς . . . . .) κ(. . . . .)
πηληπημανθέακαντονηνο(?.) ἐπ' ἔτ(ους)
ȘPIξ μηνί δηκεβρηο $\frac{\text{εις τεс}}{\bar{\text{ζ}}}$

Такимъ образомъ эта надпись, повидимому, свидѣтельствуетъ о полной перестройкѣ и новой росписи церкви въ началѣ

[1]) См. цинкографіи № 11 и 12.

XVII вѣка (7116—1607 г.). Однако, другія надписи внутри церкви, также какъ и характеръ другихъ фресокъ, даютъ возможность предполагать, что передѣлкѣ подверглась не вся церковь и не вся фресковая роспись. Мы только что указали на то обстоятельство, что фреска страшнаго суда нарушила симметрію верхней надписи; по содержанію своему и по положенію (въ притворѣ) эта фреска, дѣйствительно можетъ относиться къ XVII вѣку, такъ какъ и сюжетъ и мѣсто вполнѣ соотвѣтствуютъ правиламъ аѳонской стѣнной росписи, установившимся въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Но когда художникъ разрисовывалъ свою фреску страшнаго суда, онъ, очевидно, былъ стѣсненъ существовавшими уже фресками которыя долженъ былъ сохранить. Чтобы найти мѣсто для Спасителя — судіи, пришлось нарушить симметрію верхней надписи. Но симметрію въ самомъ изображеніи не удалось соблюсти. Христосъ изображенъ сидящимъ въ ореолѣ на правой сторонѣ надъ нишей, а не въ центрѣ; очевидно, потому, что иначе пришлось бы потревожить верхнее изображеніе, существовавшее, стало быть, ранѣе, чѣмъ была написана фреска страшнаго суда[1]). Подъ медальономъ Христа — два пересѣкающихся кольца съ крыльями на наружной сторонѣ. Въ pendant къ фигурѣ Христа изображена налѣво фигура съ сѣдой бородой, въ пастушеской одеждѣ, съ голыми ногами и съ двумя длинными посохами въ рукахъ, перекрещивающимися въ видѣ буквы X. На верхнихъ частяхъ посоховъ укрѣплены, — повидимому, — связки веревокъ, приходящіяся у плечей фигуры; отъ плеча къ плечу тоже идетъ веревочная гирлянда. На головѣ фигуры шапочка въ видѣ остроконечнаго колпака. Ниже изображены на сѣдалищѣ 12 апостоловъ, по шести съ каждой стороны. Еще ниже, въ слѣдующемъ ярусѣ послѣ апостоловъ, налѣво отъ ниши изображена этимасія: на бѣломъ покровѣ сидитъ птица, вродѣ голубя; надъ ней осьмиконечный крестъ; по обѣ стороны копіе и трость, которыя, однако, здѣсь имѣютъ форму рипиды и посоха. Подъ этимъ изображеніемъ, помѣщеннымъ въ кругломъ медальонѣ, стоятъ двѣ фигуры: мужская, въ нѣсколько согнутой нозѣ, съ молитвенно поднятыми руками, и женская. Вѣроятно, это — Адамъ и Ева. Противъ этимасіи и двухъ фигуръ направо отъ ниши помѣщено изображеніе

[1]) См. цинкографіи № 12.

вѣсовъ, одна чашка которыхъ перетянута внизъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ недостатокъ мѣста заставилъ разбить на двое изображенія, обыкновенно помѣщаемыя въ центрѣ картины страшнаго суда.

Правѣе вѣсовъ течетъ огненная рѣка, начинающаяся у крылатыхъ колецъ, отъ подножія ореола Христа, протекающая черезъ ярусы апостоловъ и слѣдующій подъ нимъ и впадающая въ самомъ нижнемъ ярусѣ въ широкую пасть дракона, олицетворяющаго адъ. Еще правѣе рѣки помѣщена фигура святаго въ нимбѣ, указывающая, повидимому, на Судію двумъ фигурамъ старцевъ, стоящихъ позади ея. Наконецъ, у праваго края описываемаго яруса помѣщаются двѣ фигуры ангеловъ: одинъ, въ летящей позѣ держитъ въ рукахъ бѣлый, кругообразно застегнутый плащъ, изъ котораго выглядываетъ человѣческое лицо (изображеніе вѣтра). У другаго ангела (поясное изображеніе, находящееся подъ первымъ) въ рукахъ — свивающійся свитокъ, на которомъ какія-то изображенія (вѣроятно, солнца и луны).

Въ слѣдующемъ ярусѣ, подъ ангелами, находимъ изображеніе земли и моря, отдающихъ своихъ мертвыхъ. Море изображено въ видѣ сидящей, обнаженной до пояса женщины, окруженной бѣлыми черточками по синему фону. Земля — поясная женская фигура en face, съ воздѣтыми руками. Лѣвѣе и ниже обѣихъ фигуръ — упомянутая пасть ада, съ вливающейся въ нее огненной рѣкой, а по лѣвую сторону рѣки, подъ вѣсами, фигура въ вѣнцѣ (архангелъ Михаилъ?) опустившая лѣвую руку къ самой пасти ада, а въ поднятой лѣвой держащая длинное копье, конецъ котораго не сохранился. Ниже должны были находиться мѣста адскихъ мученій, раздѣленныя чертами одно отъ другаго; но эта часть фрески почти совершенно разрушена.

Налѣво отъ дверей, тотчасъ подъ изображеніемъ апостоловъ и лѣвѣе описанной этимасіи съ фигурами Адама и Евы помѣщены группы праведниковъ (цари, святители и др.), тѣснящихся у наружной стѣны рая. Рай изображенъ въ видѣ града, окруженнаго толстыми стѣнами съ башнями и воротами. Внутри стѣнъ — садъ съ деревьями въ видѣ кипарисовъ и съ цвѣтами въ видѣ вьющихся растеній. У самыхъ воротъ рая стоитъ благоразумный разбойникъ съ осьмиконечнымъ крестомъ въ рукѣ. На противоположной сторонѣ — Авраамъ, лѣвѣе — Богородица. Подъ изображеніемъ рая проведена черта,

ниже которой, вѣроятно, тоже помѣщались разрушенныя теперь изображенія адскихъ мученій.

Въ нишѣ надъ входомъ изображено Рождество Богоматери: на первомъ планѣ лежитъ спеленатая Богоматерь съ сидящей рядомъ бабкой, лѣвѣе — Анна въ полусидячемъ положеніи на кускѣ матеріи. Сзади — палаты, передъ которыми стоятъ рядомъ двѣ служанки (? — женскихъ фигуры) у каждой одна рука поднята, другая опущена. Правѣе изъ за палатъ видна третья женская фигура; лѣвѣе, черезъ стѣну выглядываетъ Іоакимъ, протягивающій лѣвую руку Аннѣ, а правой дѣлающій жестъ удивленія.

Надъ описаннымъ изображеніемъ страшнаго суда и нишей находится изображеніе Богоматери съ младенцемъ (позади ея — тронъ); по обѣ стороны Богоматери помѣщены во весь ростъ четыре замѣчательныя портретныя фигуры, изображающія ктиторовъ храма. По соображеніямъ, ранѣе высказаннымъ, а также и по содержанію изображеній, эту часть фрески надо считать болѣе древней, чѣмъ нижнюю. Личности, изображенныя здѣсь удостовѣрены надписями, и относятся къ концу XIV вѣка. По правую руку отъ Богоматери (см. цинкографію № 20) помѣщается изображеніе мущины съ сѣдыми длинными волосами и широкой бородой въ царской одеждѣ изъ парчи, отороченной узорнымъ бордюромъ и украшенной жемчугомъ. Надпись въ медальонѣ надъ лѣвымъ плечо́мъ: πανευτυχέστατος κέσαρης ὁ Νόβακος. Лѣвѣе его, съ края, пожилая женская фигура въ такой же одеждѣ, но съ головой, покрытой бѣлой повязкой, спускающейся на плечи, и увѣнчанной діадемой, три пластинки которой надъ лбомъ, вѣроятно, представляютъ изображенія святыхъ. Надпись: πανευγενεστάτη κεσαρισα κυρ(ια) Καλῆ. По лѣвую руку отъ Богоматери изображены двѣ другія фигуры, съ болѣе молодыми, красивыми лицами. При первой, женской фигурѣ въ такой же одеждѣ, какъ предыдущая, но съ болѣе широкими бордюрами, въ діадемѣ и головной повязкѣ, надпись плохо сохранилась, но легко возстановляется: πανευγενεστάτη κυρ(ια) Μαρία θηγ(ατηρ αὐτοῦ). Наконецъ, при правой съ края юношеской фигурѣ въ болѣе скромной, но тоже царской одеждѣ съ оплечьемъ, съ непокрытой головой, надпись: ὁ πανευγενέστατος Ἀμηράλης ὑιὸς αὐτοῦ.

Личность Новака, какъ основателя церкви, а также и *время ея основанія* и первоначальной росписи еще разъ удо-

стовѣряется надписями, находящимся внутри зданія. Налѣво отъ входа здѣсь читаемъ слѣдующую надпись:

Ἀνηγέρθη ἐκ βάθρȣ καὶ κόπȣ καὶ μόχθȣ ὁ θίος κὲ πάνσεπτος ναὸς ȣτος τῆς ὑπεραγίας

δεσπίνης ἡμῶν θ-κȣ καὶ ἀνηστορίθην παρὰ τȣ αὐφθέντȣ

αὐτȣ, πανευτυχεστάτȣ κέσαρος Νοδάκȣ, ἡγȣμενέδωντος δὲ Ιωνὰ μοναχοῦ, αὐφθεντέυδτος πανυφιλο-

τάτȣ κραλῆȣ τȣ Βεληκασίνȣ, ἀρχαιερατεύωντος δὲ τῆς ἁγιοτάτης ἀρχεπη-

σκοπῆς τῆς πρότης Ιȣστινηανῆς ÷ ἔτους ςωοζ (6877=1369)

Надъ маленькимъ окномъ, на южной стѣнѣ, имѣется другая надпись:

† τοῦτον τὸν οἶκον ὁ πατὴρ ὀκοδώμησεν,

τȣτον τὸν οἶκον ὁ ὑιὸς ἐστερέωσεν· τȣτον τόν οἶκον

πνεῦμα τὸ ἅγιον ἀνεκένησεν· τὸ φωνάζων καὶ ἱστηρίζων καὶ ἁγιάζων τ(ὰς) ψυχ(ὰς) ἡμῶν †

Въ апсидѣ подъ изображеніемъ Богоматери встрѣчаемъ третью надпись:

† δέησης τȣ δȣλȣ τȣ θ(εο)ῦ Μπάειкȣ καὶ Εὐδωκείας, τῆς εὐγενεστάτης· καὶ τὸν τέκνον αὐτῆς· ἀνηστωρῖθεν, τὸ βίμα παρ αὐτὸν ἔτους ς ωνγ ἐ(6853=1345).

Приведенныя надписи вызываютъ нѣкоторыя недоумѣнія. Первая изъ нихъ очень некстати вводитъ въ текстъ выраженія καὶ κόπȣ καὶ μόχθȣ и пропускаетъ собственное имя ἀρχιερατεύοντος τῆς πρῶτης Ἰουστινιανῆς. Первое обстоятельство объясняется, правда, общей безграмотностью надписи, свидѣтельствующей о плохомъ знаніи греческаго языка. Замѣтимъ, кстати, что та же — очевидно, стереотипная — ошибка повторена въ надписи описываемой ниже церкви XIV столѣтія возлѣ селепія Боріи (см. стр. 75). Но второе — можетъ наводить на мысль, что вообще надпись эта скопирована съ болѣе правильнаго образца. Была ли такимъ образцомъ болѣе древняя надпись, обновленная при общей реставраціи храма въ 1607 году? Это предположеніе невольно

напрашивается, но противъ него говоритъ форма начертанія буквъ ж, ∞, εὐ, ф и др., кажется, не встрѣчающаяся въ надписяхъ XVII вѣка. Поэтому остается возможность также и другаго предположенія, что надпись была передана съ искаженіями и пропусками уже при первомъ своемъ исполненіи. Другое недоумѣніе вызывается сравненіемъ годовъ первой и третьей надписи: при такомъ сравненіи оказывается, что апсида расписана за 24 года до построенія и расписанія самой церкви. Такъ какъ въ правильности нашей копіи у насъ нѣтъ основанія сомнѣваться, то остается предположить въ третьей надписи ошибку: вмѣсто N должно было по всей вѣроятности стоять или Гг или Ч, начертанія которыхъ близки къ N. Въ такомъ случаѣ, роспись вимы слѣдуетъ относить не къ 1345, а или къ 1375, или 1385 году, т. е. или черезъ 6 или черезъ 16 лѣтъ послѣ постройки и общей росписи храма (послѣ 1369 г.). Первое, конечно, болѣе вѣроятно. Интересно отмѣтить собственное имя благотворителя: Бойко, а также титулъ благотворительницы (его жены?), относящей ее къ составу „кесарскаго“ семейства Новака, члены котораго носятъ тотъ же титулъ εὐγενέστατοι только съ усиливающей приставкой παν.

Съ именемъ Новака извѣстно нѣсколько сербскихъ вельможъ XIV столѣтія, но ни одинъ изъ нихъ, сколько я знаю, не носитъ имени Кесаря. 1) „Великій воевода“ Стефана Уроша II Милутина, посланный имъ въ 1312 году на помощь Андронику Палеологу противъ османскихъ турокъ, — Новакъ по прозвищу Гребострекъ. См. хиландарскій хрисовулъ Милутина (Цитир. у Новаковича, Срби и Турци XIV—XV вв. Беогр. 1893, стр. 82) и Домаћи извори за српску историју (Гласникъ, VII, стр. 230). 2) Новакъ (въ подл. Новавак) „Пециа“, упоминаемый въ призрѣнскомъ хрисовулѣ Стефана Душана (около 1348), съ титуломъ „властеличичь царства ми“ и, можетъ быть, всего ближе подходящій къ нашему Новаку. (См. Гласникъ, XV, 272). 3) Новакъ Маћедоль (или Макюдонь) — прозвище, которое какъ разъ указываетъ на его связь съ Македоніей, — державшій на откупѣ имѣнія короля босанскаго Твртка въ 1389 г. (См. Пуциħ, Споменици Беогр. 1862, стр. 33, 35. 4). Новакъ Докмановичъ, убившій Марка Кралевича (1394); Новаковичъ, о. с.; стр. 190. 5) Новакъ Бѣлоцркничъ, возставшій съ нѣсколькими другими властелями противъ деспота Стефана въ 1397—98 году. (Новаковичъ, ibid. 306, 311, 324).

6) Воевода Новакъ, „приложившій“, вмѣстѣ съ женой Видославой, церковь Іоанна Предтечи въ окрестностяхъ Ипека, (см. хрисовулъ Стефана Пантелеймоновскому монастырю, 1395 года). Три послѣдніе не подходятъ по возрасту къ Новаку нашей надписи, бывшему старикомъ уже въ 1369 году и едва-ли могшему прожить еще больше четверти вѣка. Два послѣдніе не подходятъ также и по мѣсту, такъ какъ дѣятельность ихъ связана съ мѣстностями лежащими дальше на сѣверо-западъ отъ Преспы.

Когда эти строки были уже набраны, я получилъ отъ г. Љуб. Ковачевича еще слѣдующую справку по поводу имени Новака. „У меня имѣются“, пишетъ мнѣ уважаемый ученый въ отвѣтъ на мой запросъ, „два хрисовула, одинъ Краля Вукашина, другой — деспота Углеши; оба даны въ Скопье въ 1348 году. Въ нихъ жертвуется русскому монастырю св. Пантелеймона село Копрavляни, которое „приложил властелик Новак Мрасоровиђ“.

По времени этотъ Новакъ, также какъ и указанный выше подъ № 2, — если только онъ не есть одно и то же лицо съ Новакомъ Мрасоровичемъ, — ближе всего подходятъ къ личности ктитора церкви на о. „Малый Градъ“. Что касается сына Новака, Амиралиса, г. Ковачевичъ напоминаетъ мнѣ „᾿Αμιράκλης'а“ эпирской хроники, котораго около 1367 года Тома Прелюбовичъ сперва заперъ въ крѣпость, а потомъ принялъ въ милость. Въ текстѣ этотъ ᾿Αμιράκλης носитъ названіе „Мирсіотскаго кавалера“, (τοῦ καβαλλαρίον Μυρσιῶτου τοῦ ᾿Αμιρακλῇ) и причисляется къ „благороднѣйшимъ архонтамъ (τῶν εὐγενεστάτων ἀρχόντων)[1]).

Внутренность церкви вся расписана. По обѣимъ сторонамъ входной двери — помѣщены кресты съ криптограммами. На тріумфальной аркѣ изображенъ Деисусъ; ниже, Спаситель въ нимбѣ, поддерживаемый ангелами. Съ двухъ сторонъ апсидной ниши ангелы указываютъ на него ученикамъ, сгруппированнымъ съ каждой стороны по шести въ разнообразныхъ позахъ. Въ апсидѣ — Богоматерь; ниже — остатки престола, окруженнаго святителями. На продольныхъ стѣнахъ нижній ярусъ занятъ изображеніями святыхъ во весь ростъ: св. Димитрій (вынимаетъ

---

[1]) Гласникъ друштва србске словесности, XIV, Ιστορικὸν Κομνηνοῦ μοναχοῦ καὶ Πρόκλου μοναχοῦ περὶ διαφόρων δεσποτῶν τῆς Ἠπείρου καὶ τοῦ τυραννοῦ Τωμᾶ τοῦ δεσπότου καὶ Κομνηνοῦ τοῦ Πρελούμπου, стр. 244.

мечъ изъ ноженъ), архистратигъ Михаилъ (съ мечемъ и щитомъ), Θеодоръ Тиронъ, Θеодоръ Стратилатъ. Выше идетъ поясъ круглыхъ медальоновъ съ изображеніями святыхъ. Еще выше, въ два ряда по обѣимъ стѣнамъ, сѣверной и южной, доходя съ каждой стороны до середины коробоваго свода, изображены евангельскія событія. На южной сторонѣ: Рождество, Срѣтеніе и Крещеніе; во второмъ ряду: Христосъ передъ Каіафой, передъ Пилатомъ, Заушеніе Христа. На сѣверной сторонѣ: Входъ въ Іерусалимъ, Преображеніе, Лобзаніе Іуды; во второмъ ряду: Распятіе, Воскресеніе (Жены мироносицы у гроба) и Сошествіе во адъ. На западной стѣнѣ: Бѣгство въ Египетъ и Успеніе, выше еще третье изображеніе, содержаніе котораго трудно разсмотрѣть. По характеру исполненія — всѣ фрески представляютъ большой интересъ. Не отступая отъ традиціоннаго типа, они въ то же время вносятъ въ него большое оживленіе. Интересны особенно по композиціи массовыя сцены: Христосъ передъ Каіафой, Пилатомъ, Заушеніе Христа; художникъ здѣсь, очевидно, меньше связанъ былъ традиціей. Въ другихъ изображеніяхъ самостоятельность художника проявляется въ позахъ и выраженіяхъ лицъ. Для примѣра опишемъ подробнѣе четыре изображенія сѣверной стѣны, съ которыхъ удалось снять фотографіи.[1])

Входъ въ Іерусалимъ: Христосъ не на ослѣ, а на лошади, напоминающей по типу лошадей въ Кахріе-джами, въ церкви св. Петра въ „Градѣ", на скалѣ, возлѣ гор. Прилѣпа („Марко-Кралевичъ"). Въ противность традиціи, онъ обернулъ голову назадъ и имѣетъ видъ бесѣдующаго съ идущими сзади, въ оживленныхъ позахъ учениками. Впереди, передъ конемъ, согнутая фигура мальчика, снимающаго съ себя верхнюю одежду и остающагося въ одной рубашкѣ. Руки и голова, кромѣ затылка, скрыты въ снимаемой одеждѣ. Мускулатура здѣсь рельефно обрисовывается при помощи пробѣловъ. Направо двѣ фигуры въ короткихъ костюмахъ встрѣчаютъ Христа на лѣстницѣ, у воротъ города; за воротами видны верхи зданій.

Преображеніе Господне. Христосъ въ миндалевидномъ нимбѣ, стоитъ на вершинѣ горы; на двухъ сосѣднихъ вершинахъ — Моисей и Илія; внизу Петръ, Іаковъ и Іоаннъ въ обычныхъ позахъ. На учениковъ и на Моисея съ Иліею па-

---

[1]) *См. цинкографію* № 21.

даютъ отъ фигуры Христа лучи въ видѣ тонкихъ нитей, пересѣкающихъ нимбъ.

Распятіе. Христосъ на семиконечномъ крестѣ, въ короткомъ передникѣ: тѣло, оттѣненное бликами, изображено въ сильно изогнутой позѣ; голова свѣсилась направо. Отъ двухъ ранъ на ногахъ текутъ крупныя капли крови и падаютъ на черепъ Адама, помѣщенный въ пещерѣ, подъ скалой, на которой утвержденъ крестъ. Изъ праваго бока брызжетъ струей кровь. Впереди группы предстоящихъ женщинъ, налѣво отъ креста, Богоматерь въ обычной позѣ: лѣвая рука у щеки, правая протянута. Но въ выраженіи страданія на ея лицѣ художникъ остался самостоятеленъ. То же должно сказать объ Іоаннѣ, самая поза котораго, болѣе согнутая, чѣмъ обыкновенно, выражаетъ сильное чувство. За Іоанномъ на той же сторонѣ, направо отъ креста, стоитъ Логинъ Сотникъ въ нимбѣ, въ военномъ костюмѣ, жестикулирующій правой рукой, обращенной къ Христу По сторонамъ — палаты. Надъ крестомъ, по сторонамъ, солнце и луна въ видѣ человѣческихъ лицъ, выглядывающихъ изъ рамки, закругленной наружу и оканчивающейся острыми углами внутрь. Надпись IC. XC. находится не на верхней дощечкѣ, покрывающей крестъ, а на поляхъ фрески.

Жены мироносицы у гроба. Ангелъ въ свѣтлыхъ одеждахъ сидитъ на отверстомъ гробѣ (въ формѣ саркофага) и указываетъ на его пустую внутренность мироносицамъ. Выраженіе лицъ мироносицъ и ангела, движеніе рукъ, позы и складки костюмовъ — все это передано чрезвычайно живо. Внизу — фигуры лежащихъ воиновъ.

Многія подробности описанныхъ фресокъ, какъ напр. лошадь вмѣсто осла, саркофагъ вм. пещеры, изогнутая поза Христа, миндалевидный нимбъ указываютъ на сравнительно позднее время фресокъ: но однакоже между этими чертами нѣтъ ни одной, которая не могла бы встрѣтиться въ концѣ XIV столѣтія. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить большой сдержанности художника, оставшагося, несмотря на обнаруженную имъ самостоятельность, въ рамкахъ традиціи. — Если сопоставленіе этихъ наблюденій дастъ возможность отнести наши фрески ко времени первоначальной росписи храма въ XIV столѣтіи, а не къ его реставраціи въ XVII, то мы имѣемъ въ описываемомъ храмѣ чрезвычайно любопытный и рѣдкій

памятникъ, свидѣтельствующій о какомъ то самостоятельномъ движеніи въ мѣстномъ искуствѣ уже въ такую раннюю эпоху. —

IV.

Поѣздка въ долину Корчи. Церковь Спаса въ с. Борія. Церкви возлѣ болгарскихъ селъ Дрѣнова и Бобоштицы. Поѣздка на Охридское озеро. Монастырь св. Наума. Церковь „Заумъ". Городъ Охридъ. Св. Софія. Св. Климентъ. Плащаница Андроника Палеолога. „Старый Климентъ".

Послѣ осмотра древностей нижней („дольней") Преспы, предпринята была поѣздка на югозападъ отъ озера въ долину Корчи. Теперь долина населена албанцами, отчасти сохранившими православіе. Но славянскія названія деревень здѣсь, какъ и во многихъ другихъ населенныхъ албанцами мѣстностяхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что раньше населеніе было здѣсь славянское. Большое количество церквей XIV—XVII вв., теперь запустѣлыхъ и полуразрушенныхъ, показываетъ, что албанизирована была эта славянская страна сравнительно недавно.

Изъ старинныхъ церквей сохранившихся въ окрестностяхъ Корчи представляетъ интересъ *церковь Спаса* (Ἀνάληψις) въ селѣ Ἐμπόρια *(Борія)*, въ получасѣ разстоянія отъ города. Церковь состоитъ изъ зданія старинной кирпичной кладки и пристроеннаго къ нему съ южной и западной стороны позднѣйшаго притвора[1]). Старинное сооруженіе имѣетъ форму продолговатаго четыреугольника, составленнаго двумя широкими и двумя узкими глухими арками. Надъ квадратнымъ пространствомъ, образуемымъ четырьмя арками, сведенъ куполъ на осьмигранной шеѣ. На цинкографіи эти старыя части, правильно и красиво сложенныя изъ кирпича, легко отличить отъ неправильной каменной кладки съ деревянными прослойками, изъ которыхъ состоятъ стѣны притвора.

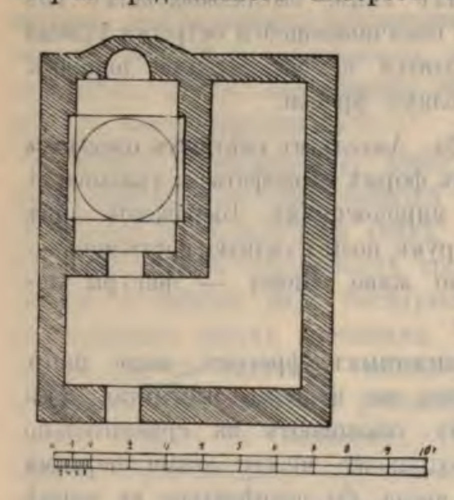


Рис. № 22. Планъ церкви Спаса въ с. Эмпорія, возлѣ Корчи.

---

[1]) *См. цинкографію № 13.*

Надпись надъ входомъ храма ставитъ его въ близкую связь съ только что описаннымъ храмомъ на о. Малый Градъ. Самыя начертанія буквъ тожественны съ надписями, датированными тамъ XIV вѣкомъ. Надпись слѣдующая:

† Ἀνειγέρθη ἐκ βάθρȣ καὶ κόπȣ καὶ μόχθȣ ὁ θεῖος κα. πάνσεπτος ναῶς ἔτος τȣ κυρίου ἡμων Ι(ησ)ȣ Χ(ριστ)ȣ ζωοδωτȣ̃ καὶ ἀνειστωρήθη παρὰ τȣ κτήτορος τȣ πανιεροτάτȣ ἐπισκόπȣ κυρ(ιου) Νίμφωνος αὐφθεντεἰοντος δὲ τοῦ Ἀμηραλάδος αὐταδελφοῦ πανευτυχεστάτου σεβαστοκράτορος Ιωαν(νȣ) καὶ πανυφιλοτάτȣ δεσπότȣ κυρ(ιου) Θεοδώρου ἔτους ,ϚѠЧН (6898 = 1390): (ἰ)ν(δικτίονος) ΙΓ (13).

Ἀμηραλάδος, въ род. падежѣ, напоминаетъ намъ Ἀμηράλης, сына Новака: надо думать, что это одно и тоже лицо. Въ такомъ случаѣ, сынъ занялъ въ 1390 г. мѣсто αὐθέντης, которое еще въ 1369 носилъ его отецъ, Новакъ. Севастократоръ Іоаннъ и деспотъ Ѳеодоръ безъ сомнѣнія суть Іоаннъ V Палеологъ и его сынъ, деспотъ Морейскій, явившійся въ Misithra въ 1388 г. въ качествѣ управителя византійской провинціи подъ верховной властью отца, умершаго въ слѣдующемъ году послѣ нашей надписи. (1391; см. Finlay, III, 469, IV, 233.). Названіе „αὐταδελφου", повидимому, нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ.

Надъ окномъ южной стѣны читаемъ другую надпись:

⁘ ἄναξ. ἄναρχε. χ(ριστ)έ. χ(ριστ)έ μȣ· λόγε. δέδεξαι κἄμου τὴν ἴκτραν οἰκεσίαν. ὁ ταπινὸς ἐπίσκοπος Νίμφων. κρατο δὲ τὸν ναῶν τὸν θεῖον μετάποτμ(ον). ἀρχ(ὴν) γάρ ἀνήγειρα ἐκ βαθρου τὲ καὶ κοπου με χριστὸν ἡμ(ῖν) λέγει. τοῖς θέλουσι σωθεῖναι. Λ'VC "Γϡ Ετοπολων ἀμλ. κυματῶ (?).

Замѣтимъ настойчивую ошибку, — κόπου и μόχθου, поставленныя послѣ βαθρου въ обоихъ предыдущихъ надписяхъ — эта ошибка еще разъ сближаетъ наши надписи съ надписью Новака въ церква „Малаго Града."

Внутри церковь вся расписана, хотя работа гораздо грубѣе, чѣмъ въ церкви Малаго Града. Въ апсидѣ изображена Богоматерь (съ надписью ἡ πάντων χαρά, вставленной въ двѣ звѣз-

дочки ✡), въ позѣ оранты съ „Эммануиломъ“ въ медальонѣ. Ниже агнецъ на дискѣ, надъ нимъ покровъ и звѣздица, направо, потиръ. По обѣ стороны престола по два святителя: свв. Григорій, Василій, Аѳанасій и (Златоустъ?). Надпись при этомъ: ὁ μελισμὸς — καὶ ποίησις.

На тріумфальной аркѣ — Благовѣщеніе; подъ нимъ по краямъ апсиды, св. Кириллъ и св. Стефанъ. На южной стѣнѣ, сверху: Входъ во Іерусалимъ, Поцѣлуй Іуды; на сѣверной: Распятіе и жены мироносицы у гроба. Ниже — изображенія во весь ростъ: на сѣверной стѣнѣ Ѳеодоръ Тиронъ, Ѳеодоръ Стратилатъ, Св. Димитрій и Св. Георгій; на южной Св. Михаилъ и ἁγιότατος ἐπίσκοπος κύριος Νίμφων κὲ κτίτορ. На западной стѣнѣ: Константинъ и Елена, Симеонъ Столпникъ. Въ куполѣ фрески почти разрушены; въ барабанѣ слѣды изображеній пророковъ; въ парусахъ евангелисты. Съ наружной стороны западной стѣны (въ притворѣ) — изображеніе страшнаго суда.

Нѣсколько далѣе Борія, въ $1^{1}/_{2}$ часахъ ѣзды отъ Корчи находятся два села, Бобоштица и Дрѣново, доселѣ сохранившія свою славянскую національность и нѣкоторыя особенности древнѣйшей славянской рѣчи (юсы). Въ окрестностяхъ этихъ селъ осмотрѣны были слѣдующіе остатки мѣстной церковной старины.

Около деревни Бобоштицы, на лугу подъ монастыремъ Св. Богородицы, находится церковь *Св. Николы,* вся перестроенная въ позднѣйшее время. Слѣды болѣе старой кладки замѣтны лишь въ апсидѣ, въ южной сторонѣ алтаря. Иконостасъ — двойной и датированъ 1737 годомъ, также какъ и одна изъ иконъ. Иконы Спасителя и Богоматери по обѣ стороны царскихъ вратъ — московской старой работы, XVII вѣка съ славянскими надписями. Славянскими буквами изображенъ также и годъ на одномъ изъ иконостасовъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь, повидимому, дѣло съ русскимъ пожертвованіемъ, свидѣтельствующимъ о давнихъ сношеніяхъ Россіи съ славянствомъ этой глухой окраины.

Недалеко отъ Св. Николы находится церковь *Іоанна Крестителя.* Одинъ уголъ и вся сѣверная стѣна выложены пра-

вильно, слоями изъ камня и кирпича. Характеръ кладки виденъ изъ прилагаемаго образца (кирпичи заштрихованы).

Надъ входной дверью, слѣва, на наружной стѣнѣ, читается слѣдующая надпись:

ἡ δέησις τον δȣλον τȣ θῦ
Nῦτ.κο(,) Μηλκȣ(,) Μέηνȣ
Hερηνα: Μήλε: Χρισο . . .
ἐπὴ ετȣc·: ͵ζ҃ч҃θ ἰνδ. ῆ.

Дату надписи можно читать, какъ кажется, двояко: или ͵**ZЧΘ**, т. е. 7099 (1591), или же ͵**SЦΘ**6909=1401? Послѣднее было-бы вѣроятнѣе, судя по характеру кладки.

Рис. № 24. Кладка стѣны церкви св. Николы, въ с. Бобоштица возлѣ Корчи.

Внутри — церковь вся расписана, но работа фресокъ грубая; притомъ же роспись носитъ слѣды позднѣйшихъ реставрацій. Фрески идутъ въ три яруса, не считая бордюра изъ медальоновъ съ изображеніями святыхъ, идущаго между вторымъ и третьимъ рядомъ. Во второмъ ряду сѣверной стѣны помѣщенъ рядъ изображеній изъ жизни Іоанна Крестителя, въ честь котораго сооружена церковь. На наружной стѣнѣ — изображеніе Страшнаго Суда.

Третья церковь, тоже около первыхъ двухъ, во имя *св. Димитрія* представляетъ мало интереса. Кладка стѣнъ повсюду поздняя; фрески грубы и поздней работы; надпись надъ входными дверями не содержитъ ни собственныхъ именъ, ни даты.

Всѣ три церкви имѣютъ видъ прямоугольниковъ съ коробовымъ сводомъ; крыты на два ската.

Нѣсколько дальше отъ села находится церковь *св. Николы*. Наружная стѣна притвора — совсѣмъ новой кладки. На западной стѣнѣ храма, снаружи, изображеніе страшнаго суда и надпись, очень плохо сохранившаяся; читаются слова:
. . . κληρονομίσατε τὴν (ἑόνιον) . . . . βασιλ . . τῶν οὐρανῶν . . .
. . Nικολὰ . . . . ᾱχ҃ο҃η҃ ((1678 г.)

На внутренней сторонѣ той же стѣны, надъ дверью, находится другая надпись:

Ἀνηγέρθη ἐκ βαθροῦ καὶ ἀνιστορίθη οὗτος ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τοῦ ἁγίου ἐνδόξου προφίτου Ηλίου τοῦ θεσβίτου διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ εὐλαβεστάτου Ι%ΗС. τοὺς τιμιοτάτους ἄρχωντες κυρ Χρίστος, κὲ ὁ κυρ Πογτάνος καὶ ὁ κυρ Ιωάνης. Τζέλκος (наверху курсивъ: ἔξαρχος) κε ὁ κυρ Τόλκος κε ο κυρ Μήλιος κε ι ἐπιλυ (sic). χριστιανῆ μικρὶ τε κε μεγάλη. κὲ ὁ Πητ(α?)ς κὲ ὁ κυρ Βούλτζιος κὲ ὁ κυρ Νικολ(αος). ἕνεκεν ψυχικῆς σοτηρί(ας) κὲ μνήμης τῶν γονέον αὐτοῦ. Κε ὁ κυρ Βούλτζιος ὁ ὑπερέτης: Τελτζε Κόλιο ἐπὶ ἔτους ҂зрпд. ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ ᾳχος (1676; — слѣдуетъ 1675 по нашему счету, ибо годъ сентябрскій) ἐν μηνῆ ὀκτοβρίο ῖ.

На внутренней сторонѣ западной стѣны сохранились также изображенія свв. Константина и Елены, св. Саввы; надъ дверями — изображеніе Успенія Богоматери и Преображенія. Внутри входныхъ дверей — кресты съ криптограммами: трость и копье помѣщены наклонно, сходясь къ основанію креста, изображенному въ видѣ площадки съ спускающимися по обѣ стороны ступенями.

Въ *монастырѣ св. Николая* — церковь новая; единственные остатки старины, которые мы могли тутъ найти, заключаются въ надписи, теперь исчезнувшей, но сохранившейся въ новой рукописной копіи (Ἰδȣ ὁ τίτλος τῆς ἐκκλησίας замѣчаетъ мѣстный лѣтописецъ).

Ανηγερθη ἐκ βάθρων κε ἐκ θεμελίων οὗτος ὁ θεῖος καὶ πανσεπτος ναὸς τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν καὶ ἀρχιεράρχου Νικολάȣ Μύρων τῆς Λυκίας τȣ θαυματȣργοῦ διὰ... δαπάνης τȣ ἐντιμιοτάτȣ ἄρχοντος κυρίȣ Πέτρου χαρτοφύλακος καὶ ὑιȣ αὐτȣ κυρίȣ τȣσσα (sic) καὶ Τυνήτȣ κυρία Κῶμνα. εἰς μνημόσυνον αὐτῶν ἐν ἔτη ἀπὸ κτήσεως κόσμȣ: ζιά (7011=1503).

Слѣдъ дальнѣйшей передѣлки старой церкви сохранился на мраморной плитѣ, находящейся въ полу теперешняго храма. *На плитѣ вырѣзанъ* контуръ звѣзды, составленной изъ двухъ

пересѣкающихся треугольниковъ. Между отдѣльными выступами звѣзды сдѣлана затѣмъ круговая надпись:

ЕП ЕТ Δ Χ П Ϛ

т. е. ἐπ᾽ ἔτους ͵αχπϛ (1686).

Намъ показали также монастырскую печать съ изображеніемъ св. Николая и съ надписью:

† Σφραγίς τȣ̃ ἁγίȣ πατρὸς ἡμῶν Νικολάȣ τȣ̃ θαυματȣργȣ̃ τῆς Μοποστητζας (т. е. Бобоштицы) 1739.

Въ деревнѣ Дрѣново находится еще нѣсколько старыхъ церквей, не представляющихъ, впрочемъ, особаго интереса. Въ церкви *св. Николая* сохранилась только одна старая стѣна съ сильно поврежденными фресками, безъ надписи и даты.

Около деревни, на высокомъ холмѣ, въ церкви *св. Ильи,* уцѣлѣла старая кладка на западной и отчасти на южной стѣнѣ. Незначительные остатки фресокъ сохранились только въ апсидѣ.

На верху горы, возлѣ деревни находится еще церковь *св. Константина,* вся расписанная внутри; но подняться туда намъ не хватило времени.

Внизу, подъ деревней, имѣется еще церковь *св. Богородицы (Панагія).* Старыя фрески сохранились здѣсь только въ апсидѣ; остальное выбѣлено и самое зданіе — поздней кладки. Мѣстный учитель сообщилъ намъ старую надпись, бывшую надъ входными дверями.

Ἱστόρηται τὸ ἱερὸν τοῦτο τέμενος τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου τῆς κεκοιμημένης δαπάνῃ μὲν τῶν τὴν κώμην οἰκούντων, προτροπῇ δὲ τοῦ ἐντιμιοτάτου Κ-ου Νᾶνου, ἐφημερεύοντος τοῦ αἰδεσιμωτάτου Κ-ου π(ρωτο)π(αππα) Ῥίπκου 1767, ἰουνίου 13. Γραφέως δὲ οὔνομα, χριστότοκε, ζωῆς ἐν βίβλῳ γράφον.

Недалеко отъ церкви св. Богородицы находится еще одна церковь, *св. Іоанна Богослова.* Здѣсь уцѣлѣлъ отъ старины, не особенно, впрочемъ, далекой, нижній ярусъ фресокъ. Въ апсидѣ — изображеніе престола, на которомъ стоятъ потиръ и дискосъ, между ними лежитъ *рыба.*

Изъ долины Корчи мы возвратились опять на сѣверъ и, переваливъ черезъ окаймляющія долину горы, въ тотъ же день прибыли на южный берегъ Охридскаго озера, въ *монастырь св. Наума.* Къ сожалѣнію, наше пребываніе въ монастырѣ совпало съ годичной ярмаркой, и это обстоятельство помѣшало

наружу. Аналогію для этого способа покрытія, впрочемъ, тоже можно указать въ Салоникахъ (церковь св. Троицы въ Казанджиларъ).

Датировать постройку довольно трудно. Не безъинтересно для этой цѣли отмѣтить тѣ колонки пилястры, на которыя, какъ сказано, опирается куполъ притвора. Эти коротенькія колонки употребляются обыкновенно (см. только что упомянутую церковь), какъ пилястры для оконъ или для балюстрады верхняго этажа. На кемпферѣ, покрывающемъ лѣвую колонку (см. рисунокъ № 26) изваяно изображеніе латинскаго креста, по обѣимъ сторонамъ котораго — симметрично расположенные листы аканта, неглубоко вырѣзанные. Какъ этотъ рисунокъ, такъ и самое употребленіе кемпфера относятъ нашу постройку (въ случаѣ, если колонки стоятъ in situ) ко времени династіи Македонской или Комненовъ. (Strzygowsky, Wasserbehälter). Другихъ данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали въ пользу столь отдаленной древности нынѣ существующаго храма, не имѣется. Напротивъ, датированная церковь св. Климента въ Охридѣ, близкая по строительной техникѣ къ только что описанной, отодвигаетъ время ея постройки къ эпохѣ Палеологовъ. (см. ниже, стр. 90—91). Надпись надъ входной дверью свидѣтельствуетъ только о недавнемъ происхожденіи теперешней росписи храма.

Ἀνιστορήθη ὁ παρῶν ȣ̓̈τος καὶ σεβάσμιος ναὸς τȣ ὁσίȣ καὶ θεοφόρȣ πατρὸς ἡμῶν Ναȣμ τȣ̃ θαυματȣργȣ δὲ ἐξόδων καὶ ἐπιστασίας τȣ̃ πανοσιοτάτȣ καθηγουμένȣ κυρ Στεφάνȣ ἐκ Φιλιππȣπόλεως τȣ κα̃ὶ νέȣ κτήτορος ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τȣ̃ πανιεροτάτȣ Μ(ητ)ροπολίτȣ ἁγίȣ Πρεσπῶν κυρίȣ Καλλινίκȣ καὶ τȣ̃ συνδρομίτȣ χατζή κυρίȣ Ιακόβȣ καὶ τȣ̃ ἐπιτρόπȣ τῆς ἱερᾶς ταύτης μονῆς κὺρ Ιωάννȣ Γαβριήλ. Διὰ χειρὸς ἐμȣ̃ Τέρπȣ ζωγράφȣ ὑιȣ̃ Κωνσταντίνȣ Ζωγράφȣ ἐκ Κοριτζᾶς ἐπὶ ἔτος ͵αωϛ (1806), σεπτεμβρίȣ ϛ (6).

Нынѣ существующій иконостасъ датированъ 1711 годомъ. Изъ предметовъ старины въ монастырѣ хранится плащаница 1796 года, пріобрѣтенная сюда, впрочемъ, недавно изъ Янины. Надпись на пеленѣ:

Ὁ παρὼν ἐπιτάφιος ἀφιερώθη εἰς τὴν τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου μητροπολιν τῶν Ιοαννινῶν παρὰ κηρίου παναγιωτάτου χατζῆ Ν(ίκου) εἰς ψυχικὴν αὐτοῦ σωτηρίαν — Anno 1796 Marina Ruheland acu pinxit.

Рисунокъ плащаницы — вполнѣ западный и никакого отношенія къ мѣстному искусству не имѣетъ.

Изъ монастыря св. Наума на лодкѣ мы переправились въ „Заумъ“. Такъ называется небольшая, полуразрушенная церковь въ южной части восточнаго берега Охридскаго озера. Берегъ здѣсь скалистый: церковь помѣщается у самой воды, на небольшомъ выступѣ, окруженномъ скалами.[1]) Притворъ церкви въ настоящее время разрушился, за исключеніемъ небольшихъ остатковъ боковыхъ стѣнъ. Самая церковь представляетъ однокупольное зданіе; куполъ сведенъ, при помощи парусовъ, на четырехъ, аркахъ, опирающихся съ одной стороны на внѣшнія стѣны, а съ другой на четыре внутреннія колонны.[2]) Колонны производятъ впечатлѣніе взятыхъ изъ другаго мѣста. Базы колоннъ стоятъ на грубо вытесанныхъ каменныхъ плитахъ; на двухъ колоннахъ, ближайшихъ къ апсидѣ, есть капители, очень плохо сохранившіяся: можно однако разобрать коринѳскій стиль; листья аканта, изваянные въ два ряда, значительно выдавались изъ корпуса капители, — что и было причиной ихъ разрушенія. На капителяхъ, вмѣсто кемпферовъ, стоятъ опять грубо обработанныя каменныя плиты, на которыхъ уже сложены изъ камня съ кирпичными прослойками, массивные четыреугольные столбы, соединяющіеся со стѣнами посредствомъ арокъ. Въ наружной кладкѣ кирпичъ и камень чередуются съ декоративной цѣлью; обращаетъ вниманіе сѣтчатая кирпичная кладка на наружной сторонѣ западной арки. Интересъ церкви „Заумъ“ усиливается благодаря тому обстоятельству, что церковь датирована. Надъ входной дверью, на внутренней сторонѣ, читаемъ:

Рис. № 27. Планъ церкви „Заумъ“ Охридское озеро.

ἀνηγέρθη ἐκ βάθρων ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τῆς ἱπεραγίας θ(εοτο)κȣ τῆς Ζαχλουμήστισας δι'ἐξόδȣ τȣ πανευτυχεστάτȣ καίσαρος Γούργουρα καὶ κτήτωρος, ἀνιστορίθην δὲ παρὰ τȣ πανιερο τάτȣ ἐπισκόπου Δεαβόλαιων καὶ πρωτοθρονȣ κυρ Γρηγορίȣ καὶ

[1]) См. цинкографію № 9.
[2]) См. цинкографію № 10.

κτήτωρος ἐπὶ τῆς βασιλείας Στεφάνȣ τȣ Οὔροσιοι μηνὶ αὐγȣ́στω· κε (25) ἔτους ,ςωξθ (6869=1361) ἰνδ. ιδ (14).

Итакъ, храмъ былъ построенъ въ 1361 году во имя св. Богородицы „Захлумской“ (что объясняетъ теперешнее названіе „Заумъ“) въ царствованіе Стефана Уроша иждивеніемъ „кесаря Гургуры“ и росписанъ епископомъ Дѣвольскимъ Григоріемъ. Имя и титулъ „кесаря Гургура“ еще одинъ разъ упоминается въ сербскихъ памятникахъ, именно въ приштинскомъ хрисовулѣ Стефана Душана[1]) Проф. Флоринскій затруднялся отождествить этого „кесаря“ съ какимъ либо извѣстнымъ историческимъ лицомъ; но наша надпись, прибавляя къ имени и титулу хронологическую дату, помогаетъ намъ разрѣшить загадку. „Кесарь“ Гургуръ есть сынъ „Севастократора“ Бранка[2]), „господина града Охриды“, какъ послѣдній называется въ одномъ недавно опубликованномъ хрисовулѣ 1365 года, — и братъ знаменитаго въ сербскомъ эпосѣ Вука Бранковича, коссовскаго „предателя“[3]).

Такъ какъ въ хрисовулѣ 1365 года Гургуръ названъ впереди Вука, то онъ долженъ былъ быть его старшимъ братомъ. Такъ какъ, однако, во всѣхъ дальнѣйшихъ историческихъ событіяхъ упоминается въ источникахъ одинъ Вукъ, то мы должны заключить, что Гургуръ умеръ въ ближайшіе годы послѣ 1365, и всего вѣроятнѣе, раньше ноября 1366 года, т. е. возстанія Вукашина противъ Уроша, въ связи съ которымъ дѣйствуетъ и упоминается источниками только Вукъ, какъ самостоятельный владѣтель (но уже не „кесарь“: титулъ брата къ нему, очевидно, не перешелъ). Этой ранней смертью должно объясняться также и то, что „кесарь Гургуръ“ остался неизвѣстенъ лѣтописи и и исторіи. Объяснивши такимъ образомъ личность Гургуры, мы получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность объяснить, почему построенная имъ церковь освящена во имя Богородицы *Захлумской*. Какого бы ни были происхожденія Бранковичей, т. е.

---

[1]) См. *Флоринскій*, Законодательные памятники Стефана Душана, стр. 101—103

[2]) Титулъ и владѣніе въ Охридѣ и Прилѣпѣ даны Стефаномъ Душаномъ. см. Срећковић, II, 527.

[3]) Текстъ хрисовула Бранковичей см. въ изданіи Стојановића (Споменикъ, III), стр. 31. Хрисовулъ Уроша, подтверждающій первый, см. въ Monumenta Serbica. 172. Ср. также статью Ковачевича „Вук Бранковић“ въ „Годишњица Никола Чупића, X, стр. 217. (впервые цитировалъ этотъ хрисовулъ еще Григоровичъ, стр. 52; но *тамъ братъ Вука названъ* „Гюргъ“, а не “Гургуръ“).

происходятъ они, или нѣтъ отъ Вукана Нѣманича (См. полемику по этому поводу въ статьѣ Ковачевиħа), во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что по своему прошлому они связаны съ Требинье и Дубровникомъ, т. е. съ мѣстностями, близкими къ босанскому Захлумью (по р. Неретвѣ). Строя на Охридскомъ озерѣ церковь въ честь Богородицы Захлумской, Гургуръ, очевидно, переносилъ въ новое господарство отца память о мѣстной святынѣ своей „баштины". „Храмъ пресвятой Богородицы" упоминается, дѣйствительно, въ одной лѣтописи, какъ средоточіе первой изъ двѣнадцати епископій, созданныхъ въ 6727 году архіепископомъ Саввой, — именно, епископіи „въ захолмской землѣ".[1])

Къ сожалѣнію, роспись церкви сохранилась очень плохо. Въ бывшемъ притворѣ, надъ входной дверью, изображенъ деисусъ: Спаситель, въ видѣ юноши, въ царскомъ вѣнцѣ и архіерейскомъ облаченіи, сидитъ на престолѣ; правая рука сложена для благословенія, въ лѣвой — свитокъ. По сторонамъ — Богоматерь и Предтеча. По обѣ стороны дверей находилось по три изображенія во весь ростъ. Первыя два, изображающія святыхъ, трудно различимы; въ двухъ крайнихъ нельзя не признать фигуръ ктиторовъ, къ сожалѣнія сильно попорченныхъ временемъ. Направо отъ входа — фигура мущины зрѣлаго возраста, въ длинномъ царскомъ одѣяніи съ чередующимися полосами: круговъ, въ которыхъ видны византійскіе орлы и бордюровъ, отдѣланныхъ въ два ряда жемчугомъ. Костюмъ опоясанъ; поверхъ костюма, повидимому, накинута мантія; правая рука согнута къ бедру, лѣвая протянута въ молитвенномъ обращеніи. Налѣво отъ входа, другая, повидимому, юношеская фигура въ такомъ же точно костюмѣ; руки сложены молитвенно на груди.[2]) Во входной двери — крестъ обычнаго типа съ криптограммой, нарисованный въ одинъ тонъ, красной краской.

Внутри храма, въ концѣ апсиды Богоматерь съ сохранившейся половиной надписи, по которой легко возстановить и другую половину:

(МР) | ΘΥ
(ἀχειρο) | ποιητος.

---

[1]) Љуб. Стојановиħ, Стари српски хрисовули etc. въ Споменикѣ III. Стр. 124. Гласникъ XI. стр. 145.

[2]) Обѣ фигуры очень неясно вышли на цинкографіи № 9.

Ниже, поясъ святыхъ въ медальонахъ; подъ ними престолъ съ агнцемъ (въ видѣ ребенка) и потиромъ; около престола по обѣ стороны по два святителя въ крестчатыхъ ризахъ.

По обѣимъ сторонамъ алтарной ниши изображены на высокихъ столбахъ съ капителями два столпника (Симеонъ? и) Даніилъ. На западной стѣнѣ надъ отмѣченной выше надписью — Успеніе Богоматери. Въ нижнемъ ряду фресокъ идутъ кругомъ церкви изображенія святыхъ во весь ростъ; кромѣ нихъ въ томъ же ряду изображены благословляющій Спаситель на престолѣ, Богоматерь съ младенцемъ на престолѣ, Петръ Александрійскій въ молитвенной позѣ передъ Христомъ въ нимбѣ, съ обычной надписью: τίς σου τὸν χιτῶνα, σῶτερ, διεῖλεν;

Отъ „Заума" по восточному берегу Охридскаго озера мы пріѣхали въ гор. Охридъ. Главнѣйшія церкви Охрида не разъ уже были предметомъ описанія путешественниковъ и изслѣдователей.[1]) Относительно св. Софіи наблюдатели согласно пришли къ заключенію, что зданіе состоитъ изъ двухъ частей: болѣе древней части — собственно храма и пристроеннаго къ нему позднѣе съ западной стороны подъ прямымъ угломъ, притвора съ трехъярусньмъ портикомъ. Послѣдній датируется обломками надписи, сдѣланной изъ кирпичей по фризу верхняго яруса. Онъ построенъ, несомнѣнно, упомянутымъ въ надписи Григоріемъ въ 1317 году (6825). Что касается собственно храма, относительно него мнѣнія расходятся: Антонинъ, которому охридскій храмъ напоминаетъ никейскую базилику св. Софіи, полагаетъ, что онъ существовалъ уже въ X вѣкѣ и построенъ, можетъ быть, въ VII вѣкѣ, при Иракліи II; къ послѣднему онъ относитъ одну надпись, вдѣланную въ стѣну храма.[2]) Другіе держатся рукописной замѣтки одного Index'а епископовъ, приписывающей

---

[1]) См. *Григоровича*, Очеркъ путешествія по европейской Турціи, *Hahn*. Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar. Wien. 1867. *Арх. Антонина*, изъ Румеліи, съ планомъ, фасадами и внутреннимъ видомъ св. Софіи. Aus Makedonien въ Deutsche Bauzeitung, 1895, №№ 34—41 и въ Списание на Българското Инженерно-Архитектурно Дружество въ София ч. II, кн. 6 (съ видомъ св. Софіи); также статью „Битолско, Преспа и Охридско", въ Сборникѣ за народни умотворенія IV и въ приложеніи къ ст. Спространова, Джеладинъ-бей, въ т. XIV того же Сборника. Цинкографическій рисунокъ, изображающій позднѣйшій портикъ церкви, см. у Gopčević, Makedonien und Alt-Serbien. Wien 1889. Прилагаемая въ концѣ цинкографія (№) изображаетъ св. Софію сзади, т. е. со стороны древнѣйшаго, базиличнаго зданія.

[2]) Антонинъ читаетъ эту надпись: DOMINONOSTRO ERA CONSTAN NOB. CAESARI (табл. V); но у Hahn'а находимъ болѣе осторожное чтеніе. DOMINONOSTR E || ABCONSTANNOBC ||| S(?) A(?) ΩI FA (?) HYCI PR (стр. 352). *По указанію послѣдняго*, надпись вмазана въ стѣну западнаго фасада южной

построеніе храма архіепископу Льву, неизвѣстно, когда жившему, и стараются пріурочить время жизни этого Льва къ эпохѣ Самуила, построившаго эту церковь по преданію. Намъ также представляется несомнѣннымъ сходство св. Софіи Охридской съ Никейской; но послѣдняя сходна также и съ „Великой церковью,“ построенной, всего вѣроятнѣе, Самуиломъ на островѣ Аилъ. Перенеся митрополію отсюда въ Охридъ, Самуилъ, несомнѣнно, долженъ былъ и тутъ устроить для нея „великую церковь:“ къ этому моменту всего вѣроятнѣе относить происхожденіе св. Софіи Охридской.

Какъ замѣтили предыдущіе наблюдатели, подъ теперешней штукатуркой скрываются въ св. Софіи фрески, которыя легко обнаружить, отбивъ едва держащійся на нихъ верхній слой. На южной стѣнѣ церкви обнаруживаются даже два слоя фресокъ: подъ довольно грубымъ орнаментомъ бордюра, окаймляющаго окна, виденъ здѣсь другой, гораздо болѣе древній.[1]) Такимъ образомъ, тщательное изученіе внутренней отдѣлки св. Софіи могло бы дать важные результаты и для хронологіи церкви.[2])

Рис. № 28. Орнаменты въ ц. св. Софіи, Охридъ.

купольной башни, т. е. находится въ позднѣйшей части зданія и притомъ буквы обращены низомъ вверхъ, что тоже отнюдь не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы надпись находилась in situ. Къ сожалѣнію, мы не видали этой надписи.

[1]) Эти рисунки сняты не мною лично, а позднѣе, по моей просьбѣ; первый изъ нихъ, старо-византійскаго стиля (верхній), сколько могу припомнить, соотвѣтствуетъ видѣнному мною орнаменту нижняго слоя штукатурки; но не могу ручаться за второй (нижній) орнаментъ. Характеръ послѣдняго — совершенно восточный.

[2]) Привожу, въ дополненіе, болѣе подробное описаніе фресокъ церкви св. Софіи, сдѣланное въ время втораго посѣщенія Охрида директоромъ института, Ѳ. И. Успенскимъ. „Въ апсидѣ фрески совершенно замазаны, — до такой степени, что изъ-подъ замазки ничего нельзя разобрать. Въ южномъ нефѣ сохранилось изображеніе Вседержителя. Въ сѣверномъ нефѣ надъ окномъ апсиды тоже изображенъ Вседержитель. Въ нижнемъ поясѣ представлено здѣсь нѣсколько фигуръ безъ одежды, съ повязкой на чреслахъ; въ срединѣ — одна фигура въ полулежачемъ положеніи. Подобныя же сцены, повидимому, и съ другой стороны той же ниши. Повидимому, картина представляетъ мучениковъ, ибо поверхъ фигуръ-

камня изваяны въ видѣ двойныхъ, тонкихъ стержней, перевитыхъ посрединѣ ленточной перевязью. Надъ колонками, на карнизѣ помѣщены четыре монограммы въ медальонахъ, опредѣляющія до нѣкоторой степени хронологію интереснаго памятника. На двухъ монограммахъ читается Γρηγόριος и Γρηγόριως; на двухъ другихъ — ἀρχιεπίσκοπος Βουλγάρων.[1]) Съ именемъ Григорія мы знаемъ двухъ архіепископовъ — строителя портика передъ храмомъ св. Софіи (1317) и строителя придѣла св. Григорія Богослова при церкви св. Климента (1348, см. ниже 1364). Естественнѣе, конечно, относить устройство описываемаго амвона къ первому (хотя въ надписи онъ и не носитъ титула архіепископа). Какъ бы то ни было, позднѣе XIV вѣка нашъ памятникъ, конечно, датированъ быть не можетъ; скорѣе можно было бы датировать его вѣкомъ раньше, — если бы мы не имѣли на немъ имени Григорія.

Рис. № 31. Монограммы амвона въ ц. св. Софіи. Охридъ.

Церковь св. Климента, подобно предыдущей, также описывалась уже не разъ. Антонинъ и авторъ анонимной статьи въ болгарскомъ „Сборникѣ“ (т. IV), публиковали копіи и факсимиле главныхъ надписей храма[2]). Изъ нихъ видно, что по-

---

[1]) Дриновъ прочелъ на первыхъ двухъ вмѣсто Γρηγόριος БЛГЯРII, а четвертой не замѣтилъ. Источникомъ ошибки было очевидно, желаніе найти въ комплексѣ Γρ славянское начертаніе Б. Четвертая монограмма сильно пострадала, но смыслъ ея достаточно ясенъ.

[2]) Для удобства читателя перепечатываемъ эти надписи. I) надъ входомъ въ церковь, во второй нартексъ: † ἀνηγέρθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς οὗτος πανυπεραγίου δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου τῆς περιβλέπτου διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου κῦρ Προγόνου τοῦ Σγούρου μεγάλου ἑταιρειάρχου καὶ τῆς συζύγου αὐτοῦ κυρᾶς Εὐδοκίας καὶ γαμβροῦ τοῦ κρατίστου καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐτοκράτορος βασιλέως ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου καὶ Εἰρήνης τῆς εὐσεβεστάτης αὐγούστης ἀρχιερατεύοντος δὲ Μακαρίου τοῦ παναγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας ἔτους ,ςωγ, ἰνδ. β'. Четверо албанскихъ вождей, носящихъ имя „Scura (вар. Sgura)“ заключили договоръ съ Norjaud de Toncy, неаполитанскимъ намѣстникомъ Албаніи, въ 1274 году (Sevasto Maurus Scura, Zacharia и Георгъ Scura, Sewasto Demetrius Scura). Двое *изъ нихъ* (? Димитрій и Захарія Sgurà — Hahn отличаетъ ихъ отъ первыхъ четырехъ) были интернированы, въ качествѣ заложниковъ, въ Аверeѣ. См. *Hahn*, 278. Имени „Прогона Сгуры“ здѣсь мы не встрѣчаемъ, но врядъ-ли это — нарицательное имя. Одинъ „Прогонъ“ (Progano) упоминается въ числѣ членовъ фамиліи Sguros, въ таблицѣ составленномъ Гопфомъ, въ приложеніи къ его Chroniques Gréco-Romaines, Berlin, 1873, стр. 531. Но онъ датированъ 1393 годомъ. — слишкомъ поздно для нашей надписи. Γαμβρὸς Ан-

стройка церкви (во имя Богородицы Перивлепты) относится къ 1295 году, а постройка придѣла при ней (во имя Григорія Богослова) къ 1365. Въ дополненіе, помѣщаемъ слѣдующее описаніе внутренности храма, сдѣланное Θ. И. Успенскимъ при второмъ посѣщеніи Охрида. „При входѣ, во внѣшнемъ нартексѣ, съ правой стороны дверей находится надпись: πορεύετε ἀπ᾽ ἐμȣ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰόνιον το ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτȣ и т. д. Слѣдовательно, здѣсь должна быть картина страшнаго суда. На лѣвой сторонѣ рай, на правой — адъ. Съ сѣверной стороны нартекса (внѣшняго) — поклоненіе волхвовъ и сошествіе во адъ. Роспись въ алтарѣ и по стѣнамъ до такой степени покрыта налетомъ пыли и дыма, что нѣтъ возможности разобрать подробностей. Въ коробѣ свода надъ входомъ въ церковь: въ сводѣ — Распятіе и Входъ въ Іерусалимъ — съ одной стороны; съ противуположной — Воскресеніе. Подъ этими картинами: а) подъ Воскресеніемъ — ѡтърицаніе петрово и судъ у Пилата, б) подъ распятіемъ — несеніе креста. Ниже — медаліоны. Въ среднемъ куполѣ, вокругъ иконы Вседержителя есть надпись греческая (разобрано... αὐτὴν καὶ... δεξιᾷ). Вѣроятно, естъ надпись на желѣзномъ обручѣ подъ главнымъ куполомъ, на которомъ привѣшено цѣпями паникадило Прохора. Говорятъ, что подъ сводомъ есть надпись, но при настоящемъ состояніи копоти — ничего нельзя было обнаружить.“

Различныя древности церкви св. Климента, — плита надъ гробомъ святаго, надпись надъ гробомъ Остои (1379), деревянный тронъ архіепископа Прохора, икона св. Климента — были описаны и изданы упомянутыми выше авторами. Прибавимъ славянскую надпись на роскошномъ паникадилѣ — „хоросѣ,“ которая даетъ полный ти-

Рис. № 32. Надпись на панакидимъ въ ц. св. Климента. Охридъ.

дроника II Палеолога, присоединяемый къ предыдущему имени „Прогона Сгура“ посредствомъ союза καὶ (слѣд. особое лицо) и не названный въ надписи, тоже остается загадкой. Милутинъ сдѣлался зятемъ Андроника только въ 1299. Можетъ быть „γαμβρὸς“ имѣетъ болѣе широкій смыслъ. Родственниковъ императорской

тулъ архіепископа Прохора и устраняетъ „странность,“ замѣченную Антониномъ (стр. 40):

Рис. № 33. Портретная фреска Остои надъ его могилой въ ц. Климента. Охридъ.

ПРОХѠР МАСТИЮ БЖИЮ АРХІЄПКПЬ ПРЬВІИ ѸСТІНІАНЫ БАГЪРОМ И СРЬБАІЄМЬ И ГР(ЄК)Ѡ(МЬ) КЬ АѢТ ,ZНЗ (7057 = 1549).

Для надписи Остои[1]) важнымъ коментаріемъ и дополненіемъ можетъ служить греческая надпись старой церкви Климента (стр. 95). Заслуживаетъ вниманія портретная фреска, помѣщенная подъ надписью, упомянутая, но не описанная Антониномъ. Фреска изображаетъ молодаго человѣка съ распущенными длинными волосами, открытой шеей и стройной таліей. Руки фигуры подняты въ молитвенномъ обращеніи къ изображенной правѣе Богоматери. Одежда — длинный малиновый кафтанъ, — съ разрѣзомъ на груди и на подолѣ. Разрѣзы и рукава оторочены золотымъ (желтый цвѣтъ) шитьемъ съ отдѣлкой жемчугомъ (бѣлыя точки.) По заднему шву рукава посаженъ рядъ пуговицъ въ формѣ бубенчиковъ.

семьи среди мелкихъ династовъ и высшихъ чиновниковъ — было тогда не мало. Титулъ „великаго гетеріарха“ (о значеніи этого придворнаго титула см. Дюканжа, s. v.) — давался въ числѣ другихъ пышныхъ титуловъ этимъ мелкимъ владѣтелямъ. Одинъ изъ такихъ династовъ, деспотъ морейскій Giovanni Musaki, въ своихъ запискахъ, составленныхъ въ началѣ XVI вѣка, перечисляетъ эти титулы въ слѣдующемъ іерархическомъ порядкѣ: 1) кесарь, 2) деспотъ, 3) севастократоръ, 4) Megacissate (? μέγας δομέστικος по Гопфу) и 5) πανυπερσεβαστος. (*Hopf*, Chroniques Gréco-romaines, p. II). Надъ входной дверью въ придѣлъ, съ внутренней стороны: Ἀνηγέρθη καὶ ἀνιστορίθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως Γρηγορίου τοῦ θεολόγου διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ πανιεροτάτου ἐπισκόπου Διαβώλεως Γρηγορίου σιτι Σελασφόρου. ἐπὶ τῆς βασιλείας Στεφάνου τοῦ Οὐρέσι. Ἀρχιερατεύοντος δὲ τῆς πρώτης Ιουστινιανῆς τοῦ πανιερωτάτου ἀρχιεπισκόπου Γρηγορίου Ἐπὶ ἔτους ϛωοΓ ινδ. ιΓ.

[1]) См. факсимиле надписи (съ пропускомъ) у *Антонина*, табл. I. Текстъ, болѣе полный, ibid. 47 и у анон. автора статьи въ „Сборникѣ“, стр. 56: „† прѣстависе рабь бжіи шестоа Рамковик (или ч)ь по гоусломь Ѹгарчикь. и сбродникъ крала

На нижней части кафтана виденъ шитый узоръ: по три круга съ византійскими орлами внутри, по обѣ стороны разрѣза. Ниже таліи, на бедрахъ свободно лежитъ кожаный поясъ весь покрытый металлическими бляхами ромбоидальной формы; внизъ свѣшиваются до самаго пола длинные концы, заканчивающіеся продолговатыми металлическими орнаментированными пластинками; третья пластинка, на самомъ поясѣ, играетъ роль пряжки.

Изъ другихъ предметовъ старины особенный интересъ представляетъ древняя плащаница, датированная именемъ Андроника Палеолога, — конечно, того самаго, при которомъ воздвигнута церковь Св. Богородицы Перивлепты. (1282—1328). Плащаница, длиной 1, 94, шириной 1, 15 метра[1]) представляетъ собой, на шелковомъ полѣ, усѣянномъ шитыми крестами, (равноконечными), шитое же изображеніе тѣла Христова, надъ нимъ поясныя изображенія двухъ ангеловъ съ рипидами; по тремъ угламъ въ четвертяхъ круга эмблемы евангелистовъ съ надписями: Ματθαῖος, Ιω(αννη)ς, Λȣκας.[2]) Лѣвый уголъ внизу былъ занятъ четвертымъ такимъ же изображеніемъ, какъ видно изъ куска бордюра, аналогичнаго бордюрамъ другихъ угловъ (см. цинкографію). Что изображеніе евангелиста тутъ, дѣйствительно, было, видно изъ сохранившихся буквъ Μ͡Κ (Μάρκος)[3]). Но затѣмъ надъ этимъ изображеніемъ нашитъ былъ на плащаницу четвероугольный платъ, расшитый тоже надписями и изображеніями, весьма интересными. На этомъ четыреугольномъ кускѣ находимъ, именно, изображеніе киворія; формы киворія — и особенно верхнія части — близко напоминаютъ амвонъ въ церкви св. Софіи. По лѣвую сторону стоитъ священнослужитель въ нимбѣ.

Марка. зеть жѹпана гршпе. лѣтѡ ѕѡпи мсца октѡмвріа ĩ інд. г҃. Вась же молю братіѧ моѧ любимаѧ прочитающе простите а рабь, ѣко вы можете б(ы)ти како ѧ, а ѧ како вы — николіже." Формула обращенія къ читателямъ надписи, употребленная здѣсь, встрѣчается и на другихъ аналогичныхъ памятникахъ, см. Glasnik zemalskog muzeja u Bosni i Herzegowini, 1890, I. Ви ћете бити, како ђ, а ђ морахь бити како и си"; „ђ смь биль каковы есте ви, ви ћете бити каковь самь ђ" (статья Dr. Ватрослава Іагића: Неколико риjечи о босанским натписима на стећцима).

[1]) Эти значительные размѣры заставляютъ смотрѣть на описываемый памятникъ, именно, какъ на эпитафію, а не какъ на воздухъ, — и вмѣстѣ сообщаютъ ему особенный интересъ для церковной археологіи.

[2]) См. цинкографію № 30.

[3]) Такимъ образомъ разрѣшается недоумѣніе *Hahn*'а, см. его Reise durch die Gebiete d. Drin und Wardar, стр. 119.

Налѣво и направо отъ изображенія — плохо сохранившаяся надпись, прочтенная Θ. И. Успенскимъ слѣдующимъ образомъ:

ΘΥΕΤΑΙΟΑ	ЄΙCΑΝΑΜΝΗ
ΜΝΟCΤΥΘΥ	C(ΙΝ) ΤΚΥ
ΟΑΙΡѠΝ	ΚΑΙΘΥΚΑΙ
ΤΗΝΑΗΑΡ	CΡCΗΜѠΙΥ
ΤΙΑΝΤΟΥ	ΧΥ
ΚΟCΜΟΥ	ⓞ
Ⓢ . . . . Ιѡ	Β CΙΛΕΙ
ο C	Ο
☧	
ΗΘ	

т. е. θύεται ὁ ἀμνὸς τοῦ Θεοῦ ὁ αἴρων τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου εἰς ἀνάμνησιν τοῦ κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ниже слѣдуетъ, повидимому, читать ὁ ἅγιος Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος и ὁ ἅγιος Βασίλειος.

Посрединѣ, между колонками киворія читаются только отдѣльныя буквы — первый рядъ — между двумя средними колонками, второй — у праваго края:

ЄΡ
ΜѠ ѠΙΝ
ΙΝ
ΚΑ
ΠЄΡ

Плащаница (*не* нашитый на нее платъ) датирована надписью, идущей по верхнему краю передней стѣнки того ложа, на которомъ лежитъ тѣло Спасителя:

† Μέμνησο, ποιμὴν Βουλγάρων, ἐν θυσίαις :·
'ἄνακτος Ἀνδρονίκου Παλαιολόγου :·

Мы только что видѣли, что такъ называемая церковь Св. Климента напрасно носитъ это имя и собственно была освящена въ честь Св. Богородицы. Больше правъ на имя Св. Климента имѣетъ другая церковь, называемая „Старымъ Климентомъ“. Здѣсь находимъ интересную надпись:

† Ἀνηγέρθη καὶ ἀνιστορήθη ὁ θεῖος ȣ̓τος ναὸς εἰς ὄνομα τȣ̃ αὐθέντȣ ἡμῶν καὶ θαυματȣργȣ μεγάλȣ ἁγίȣ Κλ(η)μεντος διὰ συνδρομῆς, ἐξόδου . . . . . . καὶ κόπȣ οἰκείȣ τȣ̃ θεοσεβεστάτȣ ἱερέως Στεφάνȣ τȣ̃ προφήτȣ ἐπίκρατȣ̃σης τῆς λαμπρᾶς πόλεως ταύτης Ἀχρίδος θεοσώστȣ τȣ̃ πανευ(γ)ενε(σ)τάτȣ αὐθέντȣ ἡμῶν μεγάλȣ Ζουπάνȣ κυρ Ἀνδρέα τȣ Γρώπα, ἀρχιερατευοντος πανάγιοτάτȣ ἀρχιεπισκόπȣ τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας κυρ Γρηγορίȣ ͵μηνὶ ͵ἰȣλίῳ ͵ἰνδ.Ϛ ἔτους

͵ϚѠНϚ (6856=1348).

Такимъ образомъ, надпись церкви стараго Климента подтверждаетъ чтеніе имени „жупана Гропе“, извѣстное изъ надписи Остои, и пополняетъ его имя, титулъ, и наши свѣдѣнія о его личности. „Великій жупанъ Андрей Гропа“ очевидно, оставался „αὐθέντης“ славнаго города Охриды за весь промежутокъ времени отъ 1348 г., къ которому относится наша надпись, до 1379 г., которымъ датирована надпись Остои. Въ спискѣ представителей этой мѣстной династіи[1]) „Андрей Гропа“ соотвѣствуетъ, надо думать, неназванному по имени „Гропѣ, властителю Охриды“, женатому на дочери Андрея II Мусаки, Киранне,[2]) Это предположеніе даетъ возможность пролить нѣкоторый свѣтъ и на личность Остои. Въ числѣ сыновей Андрея II значится „Стоя“, приходившійся, такимъ образомъ, братомъ Кираннѣ и своякомъ Гропѣ, охридскому владѣтелю. Напомню, что и въ надгробной своей надписи „Остоя“ называетъ себе „зятемъ жупана Гропы“, т. е. нашего Андрея. Если, такимъ образомъ, можно съ увѣренностью отождествить „Остою“ охридской надписи со „Стоей“, сыномъ Андрея Мусаки и братомъ Киранны, жены Андрея Гропы, то дата его смерти должна быть принята во вниманіе при изложеніи мѣстныхъ событій, довольно противорѣчиво и сбивчиво излагаемыхъ источниками. По свѣдѣніямъ одного изъ потомковъ ди-

[1]) См. *Hopf*. Chroniques Gréco-Romaines, Berl. 1873. стр. 532. *Hahn* 303.
[2]) *Hopf*, ibid, *Hahn*, 285—286.

настіи Мусаки, деспота эпирскаго Джованни, записавшаго въ началѣ XVI вѣка свои семейныя воспоминанія, — Андрей Мусаки отдалъ своему младшему сыну Остоѣ городъ Костуръ, отвоеванный имъ у Марка краля при помощи двухъ его зятьевъ, нашего Гропы и другаго, Балши II-го. Затѣмъ, Остоя умеръ бездѣтнымъ и Костуръ перешелъ къ другому сыну Мусаки, Джино — „оставаясь, такимъ образомъ, во владѣніи дома Мусаки, пока не перешелъ, съ остальными владѣніями, въ руки турокъ" [1]). По другимъ свѣдѣніямъ (см. Мавро Орбини, рус. перев. стр. 244), Костуръ, дѣйствительно, отнятъ былъ у Марка-краля, но однимъ только Балшей, притомъ, при соучастіи бѣжавшей въ Костуръ жены Марка, передавшей городъ Балшѣ. Балша, при этомъ, прогналъ отъ себя дочь Андрея Мусаки и женился на женѣ Марка-краля. Потомокъ Андрея или не зналъ этихъ обстоятельствъ, или скрылъ ихъ въ своихъ семейныхъ мемуарахъ; для него Балша — продолжаетъ считаться родственникомъ Мусаки, членомъ „нашего дома". Комбинируя оба источника и присоединяя свои собственныя свѣдѣнія, Hopf ставитъ событія въ слѣдующую связь: не позже 1372 года Андрей Мусаки (въ этомъ году умершій) отнялъ Костуръ у Марка-краля; въ 1378 г. Костуръ былъ переданъ Балшѣ; наконецъ, при имени Стои, „господина Костура", Hopf ставитъ (не позже) 1389 (вѣроятно, руководясь тѣмъ, что въ этомъ году умеръ Джино?) [2]). Но такъ какъ, по нашей надписи, Остоя умеръ въ 1379, господиномъ Костура онъ могъ быть лишь въ промежутокъ 1372—1379. Если, дѣйствительно, городъ былъ переданъ Балшѣ II въ 1378 году, то въ семью Мусаки, къ Джино, онъ могъ вернуться послѣ смерти Балши (1385). Мы замѣтили уже, что прогнавши дочь Андрея Мусаки, Балша не перестаетъ и послѣ этого считаться родственникомъ въ семейныхъ воспоминаніяхъ. Можетъ быть это широкое пониманіе родства поможетъ понять, почему и „Остоя" охридской надписи рѣшается назвать себя „сyродникомъ Краля Марка" на томъ только, намъ извѣстномъ, основаніи, что бѣжавшая отъ послѣдняго жена сдѣлалась женой его бывшаго свояка.

Возвращаясь къ комментируемой надписи церкви „стараго Климента", замѣтимъ еще, что Киръ Григорій, архіепископъ

---

[1]) *Hopf*. Chroniques Gréco-Romaines, 291, 281—282.

[2]) Hopf, 532.

первой Іустиніаны и всей Болгаріи, навѣрное, тожественъ съ строителемъ придѣла Св. Григорія Богослова (1365).

Внутри церковь стараго Климента сохраняетъ старую роспись. Въ апсидѣ изображена Св. Богородица: изображеніе хорошо сохранилось. По сторонамъ — два ангела изъ коихъ одинъ держитъ въ лѣвой рукѣ шаръ, съ буквой X̄ въ срединѣ; другой такойже шаръ правой, съ схематическимъ изображеніемъ осьмиконечнаго креста на постаментѣ, и съ надписью ĪC X̄C NIKA. По сторонамъ апсиды — Благовѣщеніе. Съ правой стороны Богородица, съ лѣвой архангелъ Гавріилъ. Въ нижнемъ поясѣ, въ правой малой нишѣ изображенъ ὁ ἅγιος Ρωμανὸς ὁ Μελοδὸς; съ лѣвой — ὁ ἅγιος Στέφανος ὁ πρωτομάρτυρ. Стѣны церкви тоже покрыты фресками въ три пояса. Въ верхнемъ поясѣ, съ правой стороны, между прочимъ, изображены: Снятіе со креста, Крещеніе. Второй поясъ состоитъ изъ изображеній въ медальонахъ, между другими ὁ ἅγιος Μαρδάριος, ὁ ἅγιος Αὐξέντιος, ὁ ἅγιος Εὐστάθιος. Въ нижнемъ поясѣ — изображенія во весь ростъ: на южной стѣнѣ святители: ὁ ἅγιος Ἀθανάσιος Ἀλεξανδρίος, ὁ ἅγιος Κλήμης, ὁ ἅγιος Νικολάος, ὁ ἅγιος Ναούμ. Вся сѣверная сторона попорчена; стѣна подновлена и не имѣетъ фресокъ. На западной стѣнѣ — Успеніе. Подъ нимъ Свв. Косма и Даміанъ.

V.

Поѣздка въ сѣв. вост. часть Преспанскаго озера. Слимницкій монастырь. Славянскія фрески окружающихъ селъ. Монастырь „Слѣпче", возлѣ Битоля.

Изъ Охрида, черезъ Ресень, сдѣлана была поѣздка въ сѣверную часть восточнаго берега Преспы, оставшуюся необслѣдованной во время нашихъ экскурсій по дольней Преспѣ. Какъ оказалось въ результатѣ поѣздки, сѣверовосточный уголъ Преспы представляетъ своеобразный интересъ для церковной археологіи. Именно, въ то время, какъ повсюду въ другихъ мѣстахъ Преспы и Охриды намъ постоянно попадались исключительно греческія надписи, здѣсь обнаружился цѣлый оазисъ церквей съ славянскими надписями, правда относящимися къ довольно позднему времени, именно къ XVII вѣку. Центромъ, изъ котораго распространялись эти славянскія надписи по окрестнымъ селамъ, нужно считать, повидимому, Слимницкій

монастырь, расположенный въ ближайшихъ къ берегу предгорьяхъ. Туда и направлена была, прежде всего, наша поѣздка. Церковь Слимницкаго монастыря, окружена, какъ обыкновенно, со всѣхъ сторонъ монастырскими зданіями. Она имѣетъ форму продолговатаго четыреугольника съ коробовымъ сводомъ, т. е. обычную форму маленькихъ церквей этого края. Длина ея 8½ метровъ, и длина притвора 4 метра. Ширина церкви и притвора — немного болѣе четырехъ метровъ. О времени построенія церкви свидѣтельствуетъ слѣдующая, очень интересная для мѣстной исторіи надпись (надъ входными дверями, съ внутренней стороны):

† изволением ѡтца и сапоспешением сина. и саврьшением стго дха. и сиї божествьни. храмь прѣстеї. владичицѣ наше Бце. саградисе и пописасе трȣдом и сапотьщанием. и настоѧнемъ кѵ̈р. Никанȣр. ермонахь. егȣмень. манастир. сиї и ктиторь. ва лѣто ҂ЗРІЄ (7115=1607). и ва тоо лѣто пописасе. и владичествȣюше тогда́ же кѵ̈р Мадеа пресопскиї. и ктитор. приложи. ҂Г(3000) и бисть мастор. Наварь: и иниї ктитори що сȣ приложиле. кѵ̈р Михаило. Петков. ѡт Битол. ҂Ѳ (9000). и брата емѵ. Грȣю. ҂А (1000). Иѡ҃н. Милешево. ҂Б (2000). Стоико Ми҃левь. ҂А (1000). ѡт Слимница. Стоıань. и Милко. ҂А (1000). ѡт Рохотино, Тодор Ельчево. ҂Б (2000). ѡт Любоино. Ельчинь Петковъ. ҂Г (3000). ѡт Трескавець. еромонахь Иѡсафь. ҂А (1000). ѡт Харвати. Стефань. еромнахь. ҂А (1000). ѡт Кономлати, Акакиа монахъ. ҂А (1000). и брата мȣ. Сотир. Ф҃ (500). и брт мȣ Никола. Ф (500) ѡт Бохȣна. попь Михаило ҂А (1000). ѡт [illegible] ромо ҂А (1000). ѡт Градешница. еромонахь Стефань. Ф. и Михаило. ѡт Пȣстець. мали. еромонахь. Никанȣрь Ф҃ (500).

Слѣдуетъ пустое мѣсто, очевидно оставленное для того, чтобы вписывать послѣдующихъ ктиторовъ. За пробѣломъ слѣдуетъ:

Трȣждающиїхь. иноци. тогда. Еромних Ѳеодуль. еромнах Мелентие. ермонх Вардомеї еромнахь. Моиси. монах. Никодимь. диıаконь Сидор. монахь Макарие. монахь Никифор. монах Стефан диıаконь Ѯенофонть. Бь да и прости. аминь.

Надпись, какъ и слѣдующія, интересна также и въ отношеніи языка.[1])

---

[1]) Профессоръ софійскаго Высшаго училища, Л. Милетичъ, къ которому я обратился съ просьбой дать свой отзывъ о надписи, любезно сообщилъ мнѣ слѣдующія замѣчанія: „Со стороны языка надпись не заключала бы въ себѣ ничего интереснаго, если бы въ ней не было нѣсколькихъ словъ (**са поспешениемь, саврьшениемь, сагради се, сапотьщанием, ва лето**), въ которыхъ вмѣсто ь(ъ) написано *а*, совершенно несогласно съ фонетикой болгарскаго языка; между тѣмъ, въ другихъ отношеніяхъ, болгарскій языкъ ясно обнаруживается въ надписи: такъ, вполнѣ правильно употреблены *о* вмѣсто ъ (тогда, прѣсопски); новоболгарскій общій падежъ послѣ предлоговъ: ѡт Битол, ѡт Слимница, ѡт Рахотино, ѡт Трескавецъ, ѡт Харвати, ѡт Градежница, ѡт Пустецъ. Къ болгаризмамъ надписи мы отнесемъ и косвенную падежную форму *брата*, которая въ данномъ случаѣ функціонируетъ, какъ именительный падежъ съ опредѣленнымъ членомъ.

Указанная замѣна ъ посредствомъ *а* въ нашей надписи есть сербская орѳографическая черта, и нѣтъ сомнѣнія, что она внесена тѣмъ грамотнымъ лицомъ, которое составляло текстъ надписи, или самимъ живописцемъ, который эту надпись нарисовалъ. Нетрудно догадаться, что дало поводъ замѣстить ъ посредствомъ *а* только въ предлогахъ *съ* и *въ:* извѣстно, что въ сербско-славянскихъ рукописяхъ XVII в., въ т. наз. „сърбулье“ употреблялось именно это самое начертаніе *а* вм. ъ(ь) — и при томъ преимущественно въ предлогахъ *съ* и *въ*. Начало этой замѣны, совершившейся подъ вліяніемъ сербской народной фонетики, восходитъ къ болѣе древнему времени. Уже въ документахъ XV вѣка встрѣчаются примѣры, въ которыхъ *а* замѣщаетъ ь преимущественно въ предлогахъ *съ, въ, вьзь* (срав. **самисаь, вазьдати, самьрть** и др. Пуцић, Споменици, II, 121 и др.). Слѣдовательно, уже въ XV в. вводилось въ Сербіи книжное чтеніе, по которому ь понималось какъ буква, означающая *а*, и такимъ образомъ создавалась школа, читавшая ь какъ *а*. Печатныя сербско-славянскія книги, правда, до нѣкоторой степени затормозили начавшееся фонетическое изображеніе *а* вмѣсто ь, но при всемъ томъ и церковные и мірскіе грамотные люди, повидимому, продолжали читать ь какъ *а*, пока наконецъ, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рукописяхъ, это *а* не пробило себѣ путь въ правописаніе. Объ отношеніи печатныхъ къ рукописнымъ „сърбулье“ въ данномъ случаѣ см. Вукъ Караджичъ, Примери, 38—51 и Ст Новаковичъ, Примери, XI, 143. 148 и др., гдѣ приводятся образцы сербско-славянскихъ текстовъ, въ которыхъ преобладаетъ указанное *а* вм ь; ср. напр.„ **вервю ва единого бога оца васедержителя . . . видимим же васем и невидимим; рождена, а не сатворена; сашьдшаго са небесе и ваплатившаго се, и вачловечшасе и васкрсша; са оцем и сіном сапоклањаема и саславима; и васечастни праздникь; сабравше се**“ и проч.

Вмѣстѣ съ сербскими рукописями это новое чтеніе ь распространилось и въ сосѣднихъ съ Сербіей болгарскихъ областяхъ — особенно по церквамъ и монастырямъ. Эта-то сербская школа, очевидно, и повліяла на лицо, которое, сочинивши надпись на мѣстномъ болгарскомъ нарѣчіи, сочло болѣе грамотнымъ написать *а* вмѣсто ь въ предлогахъ *съ* и *въ*. Точно также поступили и составители нѣкоторыхъ болгарскихъ надписей, слѣдующихъ за разобранной (стр. 102—103), **сапетие, васкрьсение, вапреломление**; также и въ надписи 1637 года въ церкви св. Савы и Варвары въ метохѣ Слимницкаго монастыря: **сапоспешениемь, саврьшениемь** (1637), **ва лето** (1638), (стр.). Напротивъ, составитель входной надъ вратами надписи, слѣдующей за разобранной выше, принадлежалъ къ болѣе старой болгарской школѣ: онъ писалъ: „**сън**“, „**съградисе**“. Наоборотъ, въ маленькой надписи 1645 г., слѣдующей за только-что упомянутой, находимъ *а* вм. ь не только въ *ва* вм. предлога въ (**ва лето**), но и въ „**Рождас(т)во**“ вм. **Рождьство**. При всемъ томъ и здѣсь ясно видна болгарская основа, такъ какъ и тутъ послѣ падежа предлога употребленъ общій падежъ вм. генитива: **ѡт Рождаско**“.

Приношу уважаемому коллегѣ мою благодарность за эти интересныя разъясненія.

Надпись наружи надъ входными вратами свидѣтельствуетъ, повидимому, о времени окончанія работы. Начало надписи — такое же какъ предыдущей, до слова „Б(огоро)д(и)це"; далѣе слѣдуетъ:

и приснод(ѣ)вы Марие съи. . . . . съградисе въ лето ,ЗРКБ (7122=1614), а пис . . . . владичествꙋаше тогда кѵр Мадеи а настоѧнием игꙋм. . . . (конецъ испорченъ).

Наконецъ, направо отъ входныхъ дверей находимъ надпись (относящуюся, можетъ быть, ко времени росписанія наружной стѣны):

ва лѣто ,ЗРНГ (7153 = 1645)
ѡт Рождасво
,АФНГ (sic).

На западной стѣнѣ, снаружи, надъ дверями изображена[1]) Богоматерь съ благословляющимъ младенцемъ; по сторонамъ архангелы Михаилъ и Гавріилъ (буквы М и Г надъ нимбами). Подъ ножками деревяннаго рѣзнаго трона, на которомъ сидитъ Богоматерь, — надпись „χαριν Νικόλαυ". Кругомъ иконы — изображеніе страшнаго суда. Наверху Спаситель въ нимбѣ; по обѣ стороны Богоматерь и Предтеча, окруженные ангелами; въ рукахъ у двухъ ближнихъ два свитка съ греческими надписями и копья; у двухъ другихъ, сзади, рипиды. Изъ подъ ногъ Христа течетъ въ лѣвую сторону (вправо отъ зрителя) — огненная рѣка; подъ нимбомъ этимасія (надпись: **оуготовлѣние пр҃естола**), по сторонамъ два колѣнопреклоненныхъ Архангела Михаилъ и Гавріилъ („**М.**" и „**Г.**" надъ нимбами). Подъ ними, тоже колѣнопреклоненные, Адамъ и Ева; по сторонамъ ихъ двѣ полуобнаженныя фигуры безъ нимбовъ. Надъ послѣдними надписи: „**пріидете, блвені ѡ҃ца моего, наследꙋите оуготованое вамъ ц҃рство искони**", и „**идетѣ ѡт мѣне, проклети, въ огнь вѣчни оуготовни диаволꙋ — и аггелом его**".

По обѣ стороны надписей — апостолы на престолахъ; по шести съ каждой стороны; позади ихъ — ангелы. Ниже апостоловъ ангелъ ввергаетъ копье въ огненную рѣку; по другую сторону лики: апостольскій, пророковъ, мучениковъ, архіерейскій, преподобныхъ и ? , въ шести отдѣльныхъ

[1]) См. цинкографію № 23.

группахъ; позади нихъ, лѣвѣе, ангелъ свиваетъ свитокъ моря и земли.

Въ нижнемъ ярусѣ толпа праведниковъ у дверей рая, оберегаемыхъ херувимами. Между святыми есть, повидимому, портретныя изображенія. Лѣвѣе — рай, окруженный оградой, съ деревьями. Въ немъ Богоматерь, по сторонамъ которой два ангела.

Внутри церковь также вся расписана. Изъ фресокъ особенно интересны по свободѣ и оригинальности композиціи — фрески сѣверной и южной стѣны, изображающія евангельскія событія. Серія изображеній, по обыкновенію, начинается на южной стѣнѣ, у алтаря. Въ верхнемъ ярусѣ здѣсь находимъ: 1, неясно сохранившееся изображеніе, — кажется Благовѣщеніе (съ веретеномъ), 2, Рождество Христово. Интересна свободная поза пастуха, въ полуоборота прислушивающагося къ словамъ благовѣствующаго ангела. 3, Срѣтеніе Христово. Живо изображено движеніе ребенка Христа, тянущагося къ матери изъ рукъ Симеона. 4, „Н(ВАПТНСІС)ТѪ“ . . . Іорданъ въ видѣ водопада, льющагося *позади* фигуры Христа и составляющаго фонъ *всей* фигуры; такимъ образомъ, традиціонное изображеніе примирено съ требованіями реализма. 5, „**Васкрьсеніє Лазарово**“. Вопреки традиціи въ спеленатой фигурѣ Лазаря, выходящей справа изъ пещеры, видно нѣкоторое движеніе: правое колѣно поднято для ходьбы. 6, „**Ваиофорос**“. Своеобразно лицо взобравшагося на дерево человѣка, обрамленное зеленью листьевъ.

На южной же стѣнѣ, во 2-мъ ярусѣ сверху, расположены, начиная опять отъ алтаря: 1, Благовѣщеніе (у колодца) 2, Хожденіе по водамъ (?) Въ лѣвомъ углу стоитъ Христосъ; навстрѣчу ему плыветъ апостолъ по волнамъ, въ которыхъ видны вѣти съ рыбой. 3, Христосъ въ Синагогѣ (?), Молодой Христосъ сидитъ на престолѣ между двумя бородатыми фигурами. 4, „**Умивеніє апостолом**“. На фонѣ палатъ за полукруглымъ столомъ сидятъ апостолы: слѣва Христосъ, слегка наклонившись, обтираетъ полотенцемъ ногу одного изъ нихъ, сидящаго на возвышеніи. Два другіе обуваютъ (или разуваютъ?) ноги. 5, Тайная вечеря: Христосъ сидитъ посреди; ученики по шести на каждой сторонѣ за полукруглымъ столомъ. Позы — индивидуализированныя.

Переходимъ къ сѣверной сторонѣ и начинаемъ опять съ верхняго яруса, идя въ обратномъ порядкѣ, отъ западной стѣны къ алтарю.

1, „Прѣображеніе Хво. 2, Прѣданіе Хво". 3, Христосъ передъ Пилатомъ, сидящимъ въ царскомъ вѣнцѣ на престолѣ. Сзади Пилата жена, какъ бы уговаривающая его жестами рукъ. Между Христомъ и Пилатомъ Іудеи въ вызывающихъ позахъ: ближайшій раздираетъ на себѣ одежду. Пилатъ дѣлаетъ отрицательный жестъ руками и отворачивается. 4, „Распетие Хво". Слѣдуетъ отмѣтить смѣлыя позы Христа и разбойниковъ; особенно своеобразенъ раккурсъ праваго разбойника[1]). Внизу группы фигуръ. 5, „Снетие". Богоматерь всплескиваетъ руками; ученики съ выраженіемъ глубокой скорби кладутъ снятое съ креста тѣло Спасителя; направо отверстіе пещеры гроба Господня. 6, „Олгада". Внизу — спящіе воины; подъ ними отверстый гробъ и пелены; выше ангелъ въ бѣлой одеждѣ на камнѣ; налѣво группа мироносицъ, въ лѣвомъ углу колѣнопреклоненная группа (портретная?). 7, „Воскрьсеніе Хво". Христосъ въ свѣтлыхъ одеждахъ стоитъ на вратахъ ада; подъ ними разрушенныя „вереи" и запоры, а также протянутая фигура діавола, чернаго цвѣта съ ногами закованными въ оковы и пригвожденными руками. Направо и налѣво колѣнопреклоненныя группы; Христосъ поднимаетъ двумя руками двѣ ближайшія къ нему фигуры, мужскую и женскую. Фонъ составляютъ скалы. Въ слѣдующемъ, второмъ сверху ярусѣ сѣверной стѣны (отъ западныхъ дверей къ алтарю): 1, „Почиваніе апостолом". Внизу спящія фигуры апостоловъ; вверху, направо, молящійся Христосъ; навстрѣчу ему идутъ лучи съ неба. Налѣво онъ же обращается къ пробужденному ученику. Фонъ — скалы. 2, „Прѣдаде Иуда сребърници иудеом". Налѣво столъ, на которомъ лежитъ мѣшокъ съ деньгами, только что возвращенный Іудой; послѣдній изображенъ тутъ-же съ руками протянутыми въ направленіи мѣшка. Сзади стола четыре фигуры, изъ нихъ три бородатыя въ капюшонахъ. Направо — Іуда виситъ на деревѣ; еще правѣе, въ углу, пещера, въ которой изображено разбухшее мертвое тѣло Іуды, покрытое волосами съ выступающимъ впередъ очеркомъ живота. 3, „Отвръженіе Петровь". Внизу налѣво сидитъ Христосъ; противъ него сидятъ три воина; между ними — зажженный костеръ. Направо Петръ живимъ движеніемъ рукъ дѣлаетъ жестъ отрицанія; сзади въ дверяхъ обращающаяся къ нему служанка. Наверху, на крышѣ палатъ,

[1]) См. цинкографію № 24.

Петръ и служанка съ обращеннымъ другъ къ другу поднятыми руками. Въ лѣвомъ углу сверху — пѣтухъ; въ правомъ, надъ крышей поднимается фигура святаго. 4, „**Порѹгане Х҃во**“. Посреди стоитъ Христосъ съ тростью; около фигура ходитъ на рукахъ, внизъ головой, другая пляшетъ, двѣ — стоятъ на колѣняхъ, остальныя (по четыре съ каждой стороны) жестами обращаются къ Христу. Сзади — палаты. 5, „**Х҃с исцѣли слѣпа ѿ҃ рождение**“. Исцѣленный (у колодца) съ посохомъ подъ мышками протягиваетъ руки Христу, идущему ему навстрѣчу съ учениками. 6, „. . . . . **Мироносицами**“. Христосъ посреди на каменномъ возвышеніи; съ двухъ сторонъ по двѣ женскія фигуры преклоняясь протягиваютъ къ нему руки. Фонъ — скалы. 7, „**Бапреломление хлѣба**“ — Христосъ съ двумя учениками сидитъ за столомъ, на которомъ стоятъ чаша и кувшинъ. Фонъ — палаты.

Изъ росписи нижняго (третьяго) яруса сѣверной стѣны отмѣтимъ изображенія, ближайшая къ алтарю.

Обнаженный Христосъ младенецъ, прикрытый бѣлымъ плащомъ, на столѣ (жертвенномъ?); передъ нимъ, въ бо́льшемъ масштабѣ, поклоняющійся святитель (Петръ Александрійскій) въ крестчатой ризѣ. Надпись: „**кто Ти Спасе, ризѹ разьдра**; ниже „**Арна безьѹмнаго, Петре**“. Рядомъ, въ боковой аркѣ ниши, портретная фигура юноши въ интересномъ костюмѣ (см. рисунокъ № 34), вродѣ кафтана, опоясаннаго поясомъ, съ десятью поперечными шнурами по обѣ стороны груднаго разрѣза. Возлѣ фигуры надпись; „**престави сѧ рабъ Бжий КѸПЄN**“ (sic) **в лѣто** ,**SPZ** (7107=1599), **синь кѵ̈р Михаиловь и Стоине отъ града Битоль, ктиторь манастырски**“. Это очевидно, сынъ Михаила Петкова, поставленнаго въ спискѣ ктиторовъ (стр. 98) первымъ, соотвѣтственно цифрѣ своего пожертвованія (9000 грошей).

Рис. № 34. Костюмъ портрет. фрески въ Слимницкомъ монастырѣ. Преспа.

Между Слимницкимъ монастыремъ и берегомъ Преспы находится, какъ мы сказали уже, цѣлый рядъ церквей, съ славянскими надписями, восходящими не дальше того времени, къ которому относятся фрески монастырской церкви. Въ с. *Арвати* имѣется одна изъ такихъ церквей, во имя Архангела Михаила. Въ апсидѣ церкви, вверху изображена Богоматерь въ позѣ оранты съ младенцемъ въ медальонѣ на груди; ниже — агнецъ на престолѣ, окруженномъ святителями; при послѣднихъ надписи: „**с҃ти . . .** “, **с҃ти Василие**“, „**Іωан Ѕатоѹсти** (sic), „**с҃ти Григоріе**“. На свиткахъ у святителей славянскія же надписи. У перваго: **Реч(е) Г҃ь: свѣтилникь ес(ть) тѣлоѹ ωко, аще вжде** (sic) **око тво . . .** У втораго: „**в ωно в(ремѧ) изиди И҃сь сь вченики своими на**“ . . . У третьяго: **Б҃е Бж҃е нашь . . .** У четвертаго: **Г҃и Бж҃е нашь, его же дрьж(а)ва непобѣдима**“.

На тріумфальной аркѣ: слѣва благовѣствующій архангелъ, справа Богородица съ веретеномъ. Ниже, по обѣ стороны, изображенія двухъ столпниковъ: налѣво: „**с҃ти Сѵменωт**“ . . ., направо: „**Данила стьлгьника**“. Правѣе и лѣвѣе столпниковъ, въ нишахъ діаконника и жертвенника: „**с҃ти Романь**“ въ первомъ, **с҃ті Стефан архідіакон**“ во второмъ. На сѣверной стѣнѣ фрески не сохранились, за исключеніемъ фрагмента въ лѣвомъ углу. На южной стѣнѣ: „**Рожьство Х҃во**“; налѣво Богородица въ сидячей позѣ съ запеленатымъ младенцемъ. Направо пастухъ играетъ на свирѣли, кругомъ козы и собаки. Ниже — баба Саломея моетъ младенца, лѣвѣе волхвы съ дарами. Рисунокъ неискусный и наивный, но оригинальный.

Въ нижнемъ ярусѣ южной стѣны, въ алтарѣ: “**С҃ты Ада-н(а)сіе**“; на его свиткѣ надпись: „**в ωно времѧ ходѧ И҃сь при мори галилейстѣмь и вѣдѣ два брат**“ . . . Далѣе „**Іωан**“; на его свиткѣ: „**Г҃и Б҃е нашь сп(а)си люди свое**“.

Остальныя фрески южной стѣны тоже или разрушены (вверху), или плохо сохранились (внизу). Видна фигура святителя въ крестчатыхъ ризахъ и по сторонамъ его Христосъ съ Евангеліемъ и Богоматерь (обѣ послѣднія фигуры въ уменьшенномъ размѣрѣ), святой въ одеждѣ воина. На западной стѣнѣ надъ дверью Успеніе. Христосъ принимаетъ душу въ видѣ спеленатаго младенца; по сторонамъ по шести плачущихъ апостоловъ. Надпись: „**Ѹспиніе с҃тие Б҃це**“. Внизу, на лѣво отъ двери, „**Архаг҃ль Михаиль**“. Направо отъ двери

„ст҃а Петка“ и „ст҃а Нед(ѣ)лѩ. На послѣдней интересный головной уборъ (см. рисунокъ № 35).

Иконостасъ совсѣмъ новый съ греческими надписями, датированъ 1848 г.[1]), но верхнее тябло, съ изображеніемъ святыхъ въ два ряда, старое, съ славянскими надписями. Надпись: „примн, Гй, раба Бжиѧ, Петко||ю Тодор(а).“ Въ нижнемъ ярусѣ святыхъ тябла, на свиткѣ, другая надпись: δέησις κ(υρι)ε τȣ(δου)λȣ τȣ̃ Θεȣ̃ Πέτκο ,η Βελησν, η Βηλκο, η Μηταναn, η Βηλκα η Κονήνη Μηχαηλ. Въ выходныхъ дверяхъ осьмиконечные кресты съ криптограммами[2]):

Рис. № 35. Головной уборъ св. Недѣли въ церкви с. Арвати. Преспа.

IC	XC
НН	КА
ББ	ББ
ДД	ДД
ХХ	ХХ
ҮҮ	ҮҮ
ФФ	ФФ
ПП	ПП

Снаружи на западной стѣнѣ помѣщено интересное изображеніе Георгія Побѣдоносца въ борьбѣ со зміемъ. На заднемъ планѣ виднѣется крѣпость, у воротъ которой стоитъ женская фигура въ интересномъ костюмѣ, съ грустнымъ выраженіемъ лица. (См. рисунокъ № 36). Въ рукахъ у нея веревка, другой конецъ которой обвитъ кругомъ шеи дракона. На послѣдняго съ лѣвой стороны нападаетъ св. Георгій на конѣ; копье вонзилось въ пасть дракона и прошло насквозь. Направо выглядываетъ носъ судна. Внизу лежитъ повергнутая на землю женская фигура въ царскомъ

Рис. № 36. Женская фигура фрески св. Георгія въ церкви с. Арвати. Преспа.

[1]) Надпись на иконѣ Христа: διὰ συνδρομῆς τȣ̃ τιμιοτάτȣ κυρίȣ κυρ Τῆρπο..ος Ναθμ ἀπὸ χωριοῦ Μολοβῆσθα.

[2]) Объясненія криптограммъ см. у *Покровскаго*, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 356—357: древо добро досада дьяволу или древо даруетъ

вѣнцѣ: ее пронзаетъ копьемъ всадникъ въ доспѣхахъ; за поясомъ у него лукъ и стрѣлы.

Въ с. *Преторъ* фрески съ славянскими надписями сохранились въ церкви св. Архангела (другія церкви разрушены; фресокъ нѣтъ). Въ алтарѣ изображеніе агнца (ребенка) на престолѣ окруженномъ святителями: **Ст҃и Николае; Ст҃и Григориа,**[1]) **Ст҃и Васїлиа, Ст҃и Іѡ̃ . . . (С)т҃и Ахилиа, Ст҃и Аданасїа.**

На правой сторонѣ тріумальной арки остатокъ Благовѣщенія (Богоматерь съ веретеномъ) съ безграмотной греческой надписью: ὁ ἐβανγλημοσο. Налѣво, въ нишѣ жертвенника: **Ст҃и Стефане.** Остальныя стѣны сложены вновь, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Въ новой кладкѣ ограды вложена плохой сохранности капитель поздняго коринѳскаго стиля, какой отмѣченъ Стржиговскимъ въ сооруженіяхъ эпохи Палеологовъ (см. рисунокъ № 37). Другая такая же капитель вложена въ стѣну другой маленькой церкви въ селѣ.

Рис. № 37. Капитель въ с. Преторъ. Преспа.

Есть еще церкви съ фресками и славянскими надписями на горѣ, надъ селами *Грънчари* и *Курбиновымъ*. Къ сожалѣнію, туда мнѣ не удалось заѣхать.

При метохѣ Слимницкаго монастыря (тоже на берегу озера, какъ и предыдущія села) находится церковь св. Саввы и св. Варвары. Тамъ, кромѣ незначительныхъ остатковъ фресокъ, осмотрѣнъ былъ складень съ изображеніемъ на верхнихъ доскахъ — Благовѣщенія съ двумя пророками: ὁ προφήτης Δαβ(ιδ); ὁ προφητις Σολο(μων). На внутреннихъ сторонахъ досокъ записаны были для поминанія рядъ славянскихъ именъ, раздѣленныхъ на 9 столбцовъ, по три на каждой доскѣ складня. Къ сожалѣнію въ настоящемъ своемъ видѣ этотъ складень можетъ быть интересенъ, главнымъ образомъ, какъ памятникъ вандализма, съ которымъ ведется мѣстная національная борьба. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, греческій владыка Александръ,

---

древнее достояніе; Христовы хоругви христіанамъ хвала; эти и подобныя объясненія славянскихъ криптограммъ болѣе или менѣе произвольны.

[1]) Это имя написано невѣрно, греческими буквами, и исправлено наверху: знакъ, что работалъ греческій мастеръ контролируемый заказчикомъ славяниномъ.

для того, чтобы уничтожить славянскія надписи складня, продержалъ его около недѣли въ водѣ и потомъ выскоблилъ буквы. Письмо, однако оказалось настолько прочнымъ, что и теперь можно судить объ общемъ значеніи складня. Онъ совершенно походитъ на другой, отмѣченный ниже при описаніи Слѣпченскаго монастыря. Заглавіе первой колонки было: (списокъ) **мирскым жи(теле)мь.** Далѣе на краяхъ отмѣчены названія селъ „**сел(о) Хотина, Тріново, Болскина**“ и противъ каждаго рядъ собственныхъ именъ мѣстнаго характера (Тодоръ, Милко), иногда съ отмѣткой званія („конюх“). На трехъ колонкахъ средней части складня помѣщался списокъ іеродіаконовъ, іеромонаховъ, архіепископовъ (послѣднія имена колонки Нико . . . ., Костадинъ), архіереевъ (можно прочесть Дороѳея, Мануила, Митрофана, Самоила). На правой доскѣ складня былъ перечень іереевъ и монаховъ. Верхнія части колонокъ повсюду исписаны болѣе старымъ почеркомъ (XVI вѣка?), въ нижнихъ приписки сдѣланы позднѣе, надъ арками средней части складня написано: „**а доно селꙋ ꙋ̃пꙋг... на(п)рьста(в)леніи Дімитри. Дервпог(?).**“

По возвращеніи въ Битоль предпринята была еще одна поѣздка въ его окрестности для осмотра монастыря *Слѣпче,* находящагося въ четырехъ часахъ ѣзды на сѣверо-западъ отъ города. Зданія монастырскія въ теперешнемъ своемъ видѣ представляютъ мало интереса. Надъ входными въ монастырь воротами имѣется славянская надпись, сильно попорченная и замазанная, но сохранившая дату (возстановляю по другимъ аналогичнымъ):

† (изволением отца и сапоспеше)ни҃е(м) с(ина и
сакрь)шеніемъ с(т҃го) д҃ха пісаше(сѧ) сиа
ст҃и образ . . . . ва лето ҂ЗРМЕ (7145 = 1637)
и писа(с)е при ерм(о)нах(ѣ) игꙋмени Сава . . .

Въ нишѣ надъ главнымъ входомъ въ монастырь помѣщено изображеніе Христа на престолѣ въ вѣнцѣ, по бокамъ два ангела.[1])

Надъ южными воротами монастыря сохранилось изображеніе Христа, по сторонамъ Богоматерь и Предтеча, по краямъ св. Георгій и св. Димитрій, въ аркѣ воротъ „Яковь Лесфичник“ въ лежащей позѣ, надъ нимъ по аркѣ лѣстница, по которой

---

[1]) См. надписи у Антонина, 301, (съ нѣкр. разночтеніями).

восходятъ ангелы. Справа въ той же аркѣ фреска разрушена. Внизу этой стороны имѣется надпись:

✠ Изволением ѡца . . . . и сфетаго дꙋха.
и да се зна . . . монах кіприꙗнь ѡт село.
скребатно . . . ва лето ҂ЗРМS (7146=1638).
месеца септевріа. К҃.

Церковь внутри расписана. Надпись, относящая роспись къ 7135 (1627) году и приписывающая ее іеромонаху Матѳею при игуменѣ Іоакимѣ, списана Антониномъ. Въ сводѣ — Ветхій деньми, по четыремъ угламъ — эмблемы евангелистовъ. Въ поясѣ подъ этимъ изображеніемъ Богоматерь и Предтеча, затѣмъ святители: Николай Чудотворецъ, Златоустъ, Григорій Богословъ, съ другой стороны, пророкъ Захарія, Аѳанасій Великій и *Кириллъ философъ* Внѣ монастыря есть еще малая церковь въ росписью XVII вѣка, съ славянскими надписями. Надъ входными въ церковь дверями — изображеніе Іоанна Богослова и подъ нимъ надпись:

† помени Гдие Fмонаха[1]) Герасима
при егꙋмена Бениамина ермонаха
въ лето ҂ЗРКЕ (7125 = 1617).

Интересны въ первой изъ описанныхъ церквей двѣ рѣзныхъ деревянныхъ двери тонкой и изящной работы.[2]) Рисунокъ рѣзьбы — геометрическое плетенье въ стилѣ XIV—XV вѣка;[3]) въ верхней половинѣ дверей это плетенье окружаетъ равноконечный крестъ, окруженный 28-ю изображеніями святыхъ (по стольку съ каждой стороны), въ другихъ дверяхъ плетенье служитъ бордюромъ для 8 изображеній святыхъ въ верхней части и 10 изображеній звѣриныхъ и человѣческихъ фигуръ въ нижней части (по стольку съ каждой стороны). Такой же работы аналогіи сохраняются въ кладовой монастыря.

О складнѣ съ именами, записанными для поминанія, — близко напоминающемъ складень Слимницкаго метоха (стр. 107), будетъ сообщено при описаніи найденныхъ во время экскурсіи рукописей.

---

[1]) Ермонаха?
[2]) См. цинкографіи № 28 и № 29.
[3]) Ср. нѣсколько напоминающій наши двери по техникѣ рисунокъ въ книгѣ *Brokhaus*, die Kunst in Athosklostern, табл. 29.

VI.

Поѣздка въ Прилѣпъ. Монастырь Трескавецъ. „Маркови кули“ возлѣ Прилѣпа. Старыя церкви въ „Варошѣ“. Церковь въ мѣстности „Бѣловодица“.

Изъ Битоля мы отправились на лошадяхъ въ Прилѣпъ, имѣя въ виду осмотрѣть старинныя церкви около города (въ мѣстности стараго города, наз. Варошъ), а также монастырь *Трескавецъ,* расположенный въ горахъ, недалеко отъ Прилѣпа. Мы начали обзоръ съ поѣздки въ послѣдній монастырь. Внутри монастырскихъ зданій и ограды оказалась очень интересная церковь[1]), датированная въ своихъ раннихъ частяхъ, XIV вѣкомъ. Со слѣдами этой даты мы встрѣчаемся уже въ самыхъ воротахъ монастыря. Надъ этими воротами въ настоящее время находится только что сдѣланное, въ истекшемъ 1898 году, изображеніе двухъ фигуръ, носящихъ названіе Михаила и Андроника, съ благословляющей ихъ Богоматерью посрединѣ. Живописецъ украсилъ свое произведеніе славянской надписью, но воспроизвелъ, очевидно, сюжетъ старой фрески, разрушившейся и осыпавшейся, по словамъ монастырскихъ властей. Попытки возстановить старое изображеніе изъ кусковъ засыпанной тутъ-же передъ воротами старой штукатурки, остались безуспѣшными. За то Ѳ. И. Успенскому удалось найти подъ теперешней славянской надписью „Михаилъ“ старую греческую и прочесть въ ней: М . . . . . παντοκράτορ Ρωμαίων Κομνηνὸς ὁ Παλαιολόγος. Подъ другой надписью, Андроника, не удалось отыскать никакихъ старыхъ буквъ. Ясно, однако же, и изъ этихъ данныхъ, что старая фреска упоминала имена Михаила и Андроника Палеологовъ. Подъ этими именами надо разумѣть, конечно, императора Андроника II и его сына Михаила, бывшаго его соправителемъ, съ императорскимъ титуломъ, отъ 1295, когда онъ получилъ отъ отца этотъ титулъ, до 1320 года, когда онъ умеръ, не переживъ отца (Finlay, III, 384, 410).

Надъ входной дверью въ самую церковь также была фреска, отъ которой сохранились только показанныя намъ, по нашимъ настояніямъ, куски штутатурки съ ликомъ Богоматери, держащей въ лѣвой рукѣ свитокъ съ надписью: „се раба гдня буди“, и такіе же куски съ ликомъ юноши — Христа, съ едва пробивающейся бородой и короткими, недостающими до плечъ волосами, одѣтаго въ широкій хитонъ и цвѣтную мантію.

[1]) Описаніе, видъ и планъ церкви сдѣланы уже Антониномъ; наше описаніе вноситъ дополненія и поправки.

Въ архитектурномъ отношеніи церковь[1]) представляетъ изъ себя продольный корабль, кончающійся апсидой и крытый, въ направленіи отъ запада къ востоку, двумя куполами на барабанахъ, съ коробовой аркой въ промежуткѣ и въ вимѣ. Съ сѣверной стороны средняго корабля пристроенъ, въ половину его длины, боковой нефъ, кончающійся тоже апсидой и служащій въ качествѣ особаго придѣла церкви. Съ южной стороны идетъ во всю длину боковой притворъ. Обѣ эти пристройки на западной сторонѣ кончаются квадратными камерами, покрытыми двумя угловыми куполами. Наконецъ, къ западной и южной

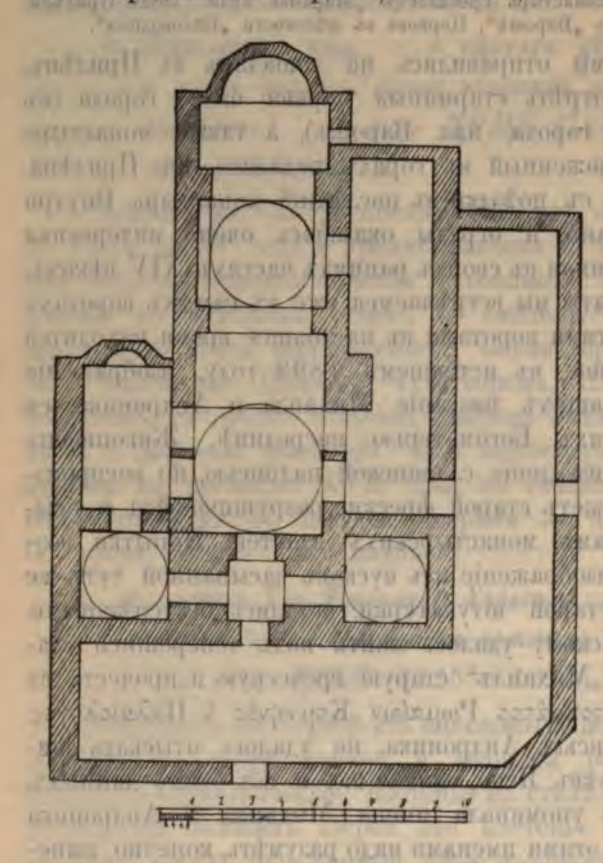


Рис. № 38. Планъ церкви въ монастырѣ „Трѣскавецъ", возлѣ Прилѣпа.

стѣнамъ пристроенъ широкій и длинный притворъ, не доходящій нѣсколько на восточной сторонѣ до конца перваго внутренняго притвора. Въ различныхъ мѣстахъ церкви разсѣяно достаточно указаній, чтобы датировать всю постройку XIV вѣкомъ. Такъ, войдя черезъ внѣшній нартексъ въ западную камеру, соотвѣтствующую внутреннему нартексу южной стѣны, находимъ надъ внутреннимъ входомъ въ средній нефъ изображеніе Спасителя, направо отъ Него нѣсколько фигуръ святыхъ,

[1]) Планъ церкви, сдѣланный Антониномъ и изданный въ его „Поѣздкѣ въ Румелію", совершенно не вѣренъ: очень слабое понятіе о постройкѣ даютъ также и его рисунки.

подъ ними внизу царскій вѣнецъ, уцѣлѣвшій отъ замазанной известью фигуры, отъ которой уцѣлѣли только одни очертанія. Значеніе этого уничтоженнаго изображенія ясно изъ надписи, уцѣлѣвшей слѣва надъ плечомъ фигуры: Στέφανος ἐν Χ(ριστ)ῷ τῳ Θεῷ πιστως κραλης καὶ αὐτωκράτωρ πάσης Σερβίας καὶ Παραθαλασίας. Эта, какъ и другія надписи Трескавецкой церкви уже опубликованы Антониномъ. Одна изъ нихъ, пропущенная русскимъ путешественникомъ, напечатана въ „Споменику српске краљевске Академие“ (XXX, 45). Не останавливаясь поэтому на нихъ, отмѣтимъ здѣсь еще только одну надпись, интересную по личности, которая въ ней упоминается. На наружной стѣнѣ церкви, именно, на сѣверной, близко къ алтарному выступу, вмазана плита вышиной 0,64, шириной 0.34 метра; на ней надпись (0,42 вышины, 0,27 ширины):

⁖ мс͠еца генара ѹсие: рабь Б͠еи
Дабиживь: еноχитарь: цр͠а
Оурошa: вьсе срьбьские земьле:
грьчъские: и поморьские въ
лет(о) ҂ѕ҃: ѡ҃: о҃ ⁖ еньд(и)кта е͠і (6870=1362)

Приведенную выше греческую надпись надо сопоставить съ извѣстіемъ, по которому Стефанъ Милутинъ (1281—1322) „себѣ вь вѣчноѥ поминаниѥ“ украсилъ „домь прѣсветыѥ Богородице въ мѣстѣ рекомѣмь Трескавьци“[1]). Собственно, въ этомъ показаніи нѣтъ рѣчи о *построеніи* храма, а лишь о его снабженіи утварью и имуществами. Но сопоставляя эту запись съ надписью на воротахъ монастыря, можно придти къ заключенію, что и самое созданіе монастыря могло относиться къ этому же времени. Точнѣе можно опредѣлить моментъ ктиторской дѣятельности Милутина, если обратимъ вниманіе на отношенія, въ которыхъ онъ стоялъ къ обоимъ Палеологамъ, имена которыхъ встрѣтились намъ надъ воротами монастырской стѣны (стр. 109). Надо думать, именно, что имена обоихъ могли быть связаны съ именемъ Милутина преимущественно тогда, когда Милутинъ породнился съ ними посредствомъ брака съ Симонидой, дочерью Андроника и Ирины (т. е. послѣ 1299 года).

[1]) Гласникъ VII, стр. 215, ср. *Срећковић*, Историја српског народа, II, 242.

Вторая вышеприведенная надпись относится къ Урошу II (1353—1367). Имя Дабижива встрѣчается и среди крестьянъ (Святостеф. хрисовулы, въ Споменикѣ, IV, стр. 7, 8, Призрѣнскій хрисовулъ въ Гласникѣ, XV, стр. 290, 291); но конечно „енохиарь" (praefectus по Дюканжу) царя Уроша долженъ быть чиновнымъ лицомъ. Можетъ быть онъ тожественъ съ Дабиживомъ „слугой" краля Стефана (Душана), бывшимъ его „властелемъ на Трѣбиньи" и взимавшимъ тамъ пошлины въ 1345 (См. *Miklosich*, Monumenta Serbica, стр. 117—118). „Судья" Дабиживъ упоминается еще, около того же времени, въ описи владѣній хтетовскаго монастыря (Стојановић, 39). Въ хрисовулѣ Стефана Душана призрѣнскому монастырю упоминается „Дабиживъ Каматникъ" (отъ κάματος?).

Къ надписямъ, свидѣтельствующимъ о ктиторахъ обители, надо прибавить еще изображеніе супружеской четы ктиторовъ на восточной стѣнѣ южнаго притвора[1]). Превосходно сдѣланный и хорошо сохранившійся портретъ ктитора изображаетъ мущину средняго возраста съ короткой черной бородой и усами, съ длинными волосами до плечъ, въ длинномъ кафтанѣ изъ матеріи съ клѣточнымъ узоромъ(въ квадратныхъ клѣткахъ изображеніе вродѣ французской лиліи); кафтанъ подпоясанъ по таліи кожанымъ поясомъ съ металлическимъ наборомъ (круглыя бляхи, чередующіяся съ тонкими полосками съ перехватами посрединѣ); концы пояса спускаются почти до подола кафтана. Въ рукахъ ктиторъ держитъ храмъ. Справа отъ обнаженной головы (слѣва отъ зрителя) — снятая корона. Направо отъ мужской фигуры — другая женская фигура съ красивымъ продолговатымъ лицомъ, съ діадемой на головѣ, въ длинномъ, костюмѣ изъ матеріи съ узоромъ кружками (внутри кружковъ какой-то неразборчивый рисунокъ); сверху накинута мантія, оставляющая свободными руки, приподнятыя въ молитвенномъ обращеніи, и спускающаяся по бокамъ фигуры тяжелыми складками до полу. Надписи не сохранились (или уничтожены?) Внизу фигуръ однако можно замѣтить нѣсколько буквъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что тутъ была славянская надпись. Слѣды другой замѣчены были, при разсмотрѣніи фрески на мѣстѣ, Ѳ. И. Успенскимъ (καὶ κτήτορος τοῦδε τοῦ ναοῦ). Пови-

---

[1]) См. цинкографію № 19. Къ сожалѣнію желатинъ фотографической пластинки разорвался на куски при обработкѣ ея; отсюда бѣлыя полосы на негативѣ, въ оригиналѣ несуществующія.

димому, портреты должны изображать Милутина и одну изъ его женъ (Симониду?). Чтобы имѣть болѣе твердое основаніе для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ сличить нашу фреску съ другими изображеніями Милутина, которыя онъ такъ любилъ, повидимому, помѣщать въ облагодѣтельствованныхъ имъ церквахъ.[1])

Сохранявшихся въ церкви хрисовуловъ уже Антонинъ не нашелъ тамъ. Въ помянникѣ монастыря о судьбѣ этихъ хрисовуловъ есть слѣдующая замѣтка:

„Тукъ бележимъ, какво въ 1860 лѣто септ. 5 дойде изъ Срьбія нарочно испытаніе за старините на светата ни обитель Успеніе Пресв. Бҁы Слатоврьхъ и съ общаго согласіе испратихме три хрисовула, единъ на пергаментъ (на кожа) писанъ, а другите два на книга писаны, относящися само за ст҃ата обиобитель въ Срьбія на юго свѣтлость г҃на Михалъ Бега Обрамовича (sic) 3-й съ условие пакъ, когато станатъ нужни, да ни се предадатъ на ръцете отъ когато приехме въ подарокъ шессетъ минца и се подписуваме: игуменъ попъ Христо, попъ Трайко отъ село Долгавецъ".

Какъ извѣстно хрисовулы эти хранятся теперь въ Бѣлградѣ, въ народной библіотекѣ, подъ №№ 81, 51, 78; текстъ ихъ былъ изданъ въ Гласникѣ срб. уч. друштва, кн. XLI, XI, XII.

Обращаясь къ внутренней росписи церкви, мы прежде всего остановимся на фрескахъ внутри двухъ увѣнчанныхъ куполами камеръ по обѣ стороны отъ входа. Вслѣдствіе господствующей здѣсь темноты, фрески эти не обратили на себя вниманія предыдущихъ наблюдателей; между тѣмъ кажется, что эта именно часть росписи должна восходить къ самому времени созданія церкви, т. е. не позже начала XIV вѣка. Съ помощью свѣчей, укрѣпленныхъ на длинномъ шестѣ, и лѣстницъ удалось разобрать какъ содержаніе фресокъ, такъ и значительную часть сохранившихся при фрескахъ греческихъ надписей.

Изображенія въ оригиналѣ перенумерованы; въ нашемъ описаніи мы будемъ слѣдовать порядку нумеровъ.

Въ югозападной башнѣ, въ куполѣ изображенъ Іисусъ Христосъ съ лицемъ юноши, съ надписью ὁ ὢν. Кругомъ него палачи съ мечами и мученики: № а) ἡ ἁγία Εὐδοκία. № в) οἱ

---

[1]) См. Срећковић, II, 190. Ср. также замѣтку Эванса, Antiquarian Researches in Illyricum: „about two hours distant from Kumanovo, to the East, at Nagurić, is a splendid example of an old Serbian church, with an inscription, recording its erection by king Miliutin, and frescoes within of the king and his consort Simonida." p. 155.

ἅγιοι μάρτυρες Νέστωρ καὶ Τριβίμιος ξίφει τελειοῦνται. г) ὁ ἅγιος Θεωδορίτος. д) . . . αυλος καὶ Ιουλιανῆς τῆς ἀδελφῆς αὐτοῦ. ε) ὁ ἅγιος Κόνων. ς) ὁ ἅγιος Ἀρκάδιος. ζ) . . . ολμȣς η) . . . λακτος . . . θ) цѣлая группа святыхъ съ вѣнцами надъ ними; изъ разрушившейся надписи можно прочесть: . . . Δράκοντα. ι) Κόδρατ(ος). ξίφει τελειȣται. ді) . . . ? ві) Θεοφαν . . . гі) . . . ? ді) Ἀλέξανδρος ξίφει τελειȣται. еі) Μένιγνος ὁ κναφεὺς ξίφει τελειȣται ѕі). ὁ ἅγιος Ἀριστοβουλος. зі) ὁ ἅγιος Ἀλέξιος.

Ниже купола, въ верхнемъ ярусѣ башни продолжаются изображенія мучениковъ (слѣва направо): № 18 (или 19-й)... εμνέως ζῶντες δόθρῳ ζῶσι χρυσανθου ἐν πολω καὶ α(ν)δρεία. к) ὁ ἅγιος Γεράσιμ кα) ὁ ἅγιος Κυρίλος. кв) αἱ ἅγιε μάρτυρες Καλλινίκη καὶ Βασίλκα. Καλλινίκην τέμνȣσι σῆν Βασιλίση ι Καλλινίκȣς καὶ πόȣ(?) Βασιλιδος. Подъ надписью палачъ вкладываетъ мечъ въ ножны; ниже — двѣ головы и двѣ фигуры обезглавленныхъ мученицъ. кг) ὁ ἅγιος Δομέτιος ξ(ίφει τελειȣται). Подъ надписью палачъ замахивается мечемъ. Въ томъ же ярусѣ по другой стѣнѣ, въ углу: тав (т. е. Tabula) кд: ὁ ἅγιος Ἰάκωβος ὁ ὁμ...ολογίτης λυπᾶς ἐνεγκῶν σῆσ χαριν σκιᾶς λόγε βίȣ(?). ке) Благовѣщеніе (въ палатахъ). Далѣе группа головъ мучениковъ въ огнѣ; надъ ними надпись испорчена . . . ἅγιοι μάρτυρες . . . ια . . . τίρων ὅσας ἄγει μῆν σήμερ ἡμέρας. Въ правомъ углу: ἡ ἁγία Μαρ... ȣκ ἄξιον λαθεῖν σε, μρ^ωι μαρων καὶ ἀνενδονε . . . ιк πνεη . . . cη . . . (?). (Ниже бюстъ Богоматери, окруженный стѣнками). На третьей стѣнѣ въ томъ же ярусѣ можно прочесть: Ιω(άννης) ὁ τῆς Κλίμακος. Правѣе, подъ цифрой λα). ὁ ἅγιος Μένανδρος. γυμνὸν συρέντα τὸν Μένανδρον ἐν πέτραις στολὴν οχς ἐναυερσρίȣ (? sic).

Въ нижнемъ поясѣ — рядъ аналогичныхъ изображеній съ повторяющимися нумерами 23—32 (слѣва направо).

кг) οἱ μάρτυρες Κλήμης καὶ Ἀγαθάγγελος ·:· Ἀγαθαγγέλȣ καὶ Κλήμεντος αἱμάτων τὸ τȣ ξίφȣς δίφαιμον ἐπλήστη στόμα.

Подъ подписью фигура мученика съ отлетающей головой.

кд) Ἡ ἅγια ξένη ἀπωξεινȣται τȣ δὲ βίȣ ξένη καὶ πρὶν ὥσαμ . . .

Подъ подписью палачъ вынимаетъ мечъ изъ ноженъ, обвитыхъ веревкой, конецъ которой теряется въ разрушенномъ мѣстѣ фрески. Ниже — мученикъ на колѣняхъ съ отсѣченной головой.

κε). Надписи не видно. Внизу женская фигура святой съ крестомъ и мужская съ евангеліемъ. Передъ изображеніемъ кг̄, лѣвѣе, есть еще одно, безъ цифры: два палача замахиваются: внизу мученикъ на колѣняхъ. Далѣе — три фигуры святыхъ съ бородами въ покойныхъ позахъ. По другой стѣнѣ въ томъ же нижнемъ поясѣ: кѕ) Св. Ксенофонтъ кζ) Ιω(αννης) ὁ ⳩ ς. кн) Ефремъ Сиринъ. кθ) Игнатій Богоносецъ. λ) Зинонъ λα) οἱ ἅγιοι μάρτυρες Κύρος καὶ Ιω(άννης) λв) ἡ ἁγία Θεοδωρα ἡ ἐν Θεσαλονίκη.

Въ лѣвой камерѣ фрески носятъ аналогичный характеръ. Въ куполѣ разрушенная фреска Спасителя (ὁ ὢν). Кругомъ, въ пояскѣ, пустой престолъ, около него херувимы, архангелы, серафимы, группами, съ мечами, съ знаменами вродѣ римскихъ vexilla, съ дисками въ формѣ двухъ концентрическихъ круговъ — съ крестомъ во внутреннемъ — съ посохами, кончающимися вилообразнымъ раздвоеніемъ. Богоматерь передъ престоломъ въ наклоненной позѣ. Ниже, въ барабанѣ купола — святые Евстратій, Меркурій, Прокопій, Θедоръ Тиронъ, Θедоръ Стратилатъ, Димитрій, Григорій, Артемій — всѣ въ одинаковомъ оригинальномъ головномъ уборѣ (см. рисунокъ 39).

Въ верхнемъ поясѣ, налѣво подъ цифрой кθ) ἡ ἀποτομί... Воинъ вкладываетъ въ ножны мечъ; у его ногъ — фигура стоитъ на колѣняхъ съ протянутыми руками; голова отрублена; изъ шеи льется потокъ крови. Рядомъ стоитъ женская фигура, держа на головѣ блюдо съ отрубленной головой (бородатой) правѣе, подъ цифрой кв) ὁ ἅγιος ἀι . . . ξιφει . . . (τε)λειȣντ(αι). Четыре фигуры въ длинныхъ одеждахъ лежатъ съ отрубленными головами. Воинъ вкладываетъ мечъ въ ножны, рядомъ четыре головы въ вѣнцахъ, съ бородой и безъ бороды. Въ нижнемъ поясѣ, налѣво, старецъ въ молитвенной позѣ; подпись: Θεόδορος ὁ σικεώτης. Правѣе, подъ цифрой кг̄): мученикъ въ согнутой позѣ, съ протянутыми впередъ руками. Сзади палачъ заноситъ мечъ надъ его головой. Надпись: ὁ ἅγιος Γεώργιος ἐχθρȣς οτ... Γεώργιος ἐν μάχαις ἐκῶν π(α)ρ(ὰ) εχθρȣ̃ τέμνεται δια ξίφȣς.

Рис. № 39. Головной уборъ святыхъ на фрескахъ въ Трѣсвавецкомъ монастырѣ возлѣ Прилѣпа.

Далѣе, гора; надъ ней остатки краткой надписи; подъ горой течетъ потокъ; изъ него видна по поясъ бородатая фигура плывущаго святаго. Надпись: ὁ ἅγιος Σάβας ὁ στρατηλάτης. κε): ὁ ἅγιος Μαρκος ·:· σδροντες... ει μην φόνον προου...ον πέμποντες αὐγηγνοχ(?) Подъ надписью скала, подъ ней или на ней голая фигура святаго, лежащаго на спинѣ съ протянутыми руками и ногами. На тѣлѣ какія то черточки, вродѣ колючекъ или волосъ; за связанныя ноги его тащатъ два человѣка: одинъ оглядывается, другой идетъ впередъ, держа на спинѣ концы веревки. Правѣе, у угла подъ цифрой КЅ) ὁ ἅγιος Βασιλειος τ...μηθε Βασιλευ πυ ἔξαιμα... βαμ κόκκινο... ἐρων. Подъ надписью мученикъ съ бородой лежитъ навзничь; надъ нимъ молодой палачъ вынимаетъ мечъ изъ ноженъ.

Переходя къ фрескамъ главной части храма, отмѣтимъ прежде всего надпись надъ внутренней стороной входныхъ дверей:

Изобразисѧ сіѧ зωграфіѧ в времѣ игѹменствомъ попъ кіръ Висаріωнъ іеромонахъ(,) Йефимерый бистъ Никола іерей въ лѣто 1847 мцъ Октомврій.

Лѣвѣе: **Зωграфъ Анастасъ с сина его Вариели(?) ωт село Крѹшово.**

Дѣйствительно, наверху, въ первомъ ко входу куполѣ роспись совсѣмъ новая; также и въ парусахъ. Внизу юго-восточнаго паруса — надпись: δια χειρὸς τοῦ ταπινοῦ Ζωγράφου Μιχαηλ κ ζήση εκ Κρυσιόβυ. 1842, μῆ Ιυλ.

Дальше, въ аркѣ и сводѣ между двумя пространствами, крытыми куполами, фрески сильно и грубо подправлены; старыя надписи затерты; болѣе новыя писаны по славянски, но совершенно механически, — лицомъ, не понимавшимъ, что пишетъ.

Несмотря однакоже на подновленія, во многихъ мѣстахъ храма не только сюжеты остались старые, но и самый рисунокъ сохранилъ слѣды старины.

Въ апсидѣ сохранились и старыя греческія надписи. Въ конхѣ изображена здѣсь Богоматерь; ниже Христосъ, въ двухъ видахъ, причащаетъ апостоловъ; подходящихъ къ нему по шести съ каждой стороны (т. е. сюжетъ очень древній). Еще ниже ангелы съ рипидами, возлѣ по два святителя ὁ ἅγιος Γλιγόριος (sic), Βασίλιος, Χρυσόστομος, Ἀθανάσιος Ἀλεξανδρήτ(η)ς.

Въ ближайшей къ алтарю части церкви — въ куполѣ ὁ ὢν, кругомъ надпись: **Гь сь нбсе на землю призрѣ слышати**

въздыханию ѡкованныхъ, раздрѣшити сн҃ы умерцвленыхъ, извѣстити въ Сіонѣ име Гн҃е и хвалу Ієго въ Іерꙋсалимѣ.

Ниже, въ поясѣ, литургія (агнецъ, въ видѣ ребенка во весь ростъ на престолѣ; кругомъ ангелы служатъ). Въ барабанѣ — пророки; въ парусахъ евангелисты.

Надъ тремя изъ арокъ, поддерживающихъ куполъ, надпись, сдѣланная механически. Для образца воспроизводимъ одну сторону:

+ СЬНИОМЬѾЦСБꙁ҃ДИЄСТЬСЬН҃ДОМЬСН҃ЬꙊТВРЬДН҃ІЄ
С▒СЬНДОМІДꙊСТИѾБМОВИ҃ДІЄСТЬТРОП·ІСТ҃ДСЛ·ІТЄСЄ

На южной стѣнѣ вверху — Срѣтеніе и Крещеніе: въ рѣкѣ изображена фигура рѣчнаго бога, съ сосудомъ, изъ котораго льется вода. Въ водѣ плаваютъ рыбы. Духъ святый сходитъ на Христа въ видѣ птички со сложенными крыльями. Ниже слѣдуетъ поясъ съ изображеніями святыхъ; подъ нимъ, лѣвѣе, Рождество Христово, правѣе Христосъ въ саду Геѳсиманскомъ и поцѣлуй Іуды. Въ самомъ низу — Козма и Даміанъ, святой Борисъ (въ царскомъ вѣнцѣ, со скипетромъ, на который опирается правой рукой. См. рисунокъ № 40).

Рис. № 40. Фреска св. Бориса въ Трѣскавецкомъ монастырѣ, близъ Прилѣпа.

На сѣверной стѣнѣ вверху „распетие“ и „сънетие“ съ креста. На фрескѣ распятія подъ крестомъ въ пещерѣ, гдѣ обыкновенно помѣщается Адамовъ черепъ, изображена голова бѣдобородаго старца, подпирающаго руками голову съ распущенными прядями волосъ (см. рисунокъ 41). Слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ изображеніи возстающаго изъ гроба Адама, — изображеніе встрѣчающееся на западныхъ памятникахъ, — или трепещущій адъ (тогда положеніе рукъ означило бы, что адъ рветъ на себѣ волосы) или, наконецъ, случайно зашедшую сюда изъ композиціи „Сошествія Св. Духа“ фигуру „космоса“, — предоставляемъ рѣшить спеціалистамъ.

Рис. № 41. Изображеніе старца на фрескѣ „Распятіе“ въ Трескавецкомъ монастырѣ.

Возлѣ изображенія, слѣва, искаженная художникомъ надпись повидимому, относящаяся къ искупленію Адама:

„ҳь нетлѣнию | ЧЕЬСТЕ вьзвѣ | нно быс(ть) Бжь вно | ю измивенно | ю крьвію Хво.“

Ниже поясъ съ изображеніями святыхъ; подъ нимъ, въ простѣнкѣ, Іуда возвращаетъ сребренники, виситъ на деревѣ. Рядомъ на сѣверной стѣнѣ „въздвижение на крь(с)т“ и „погнѣвеніе“ (sic).

Въ самомъ низу — Христосъ въ царскомъ одѣяніи на престолѣ, Θеодоръ Стратилатъ и третья фигура съ надписью задѣланной.

Въ аркѣ, ведущей въ слѣдующую часть церкви (крытую коробовымъ сводомъ) на двухъ противоположныхъ сторонахъ изображены Святые Георгій и Димитрій (Сти Геоміа“; „Сти Димитіе“: доказательство что писавшій эти славянскія надписи не понималъ ихъ). Оба изображенія интересны по костюму. Для образца прилагаю изображеніе Св. Георгія (см. рисунокъ № 42).

Рис. № 42. Фреска „св. Георгія“ въ Трескавецкомъ монастырѣ.

Святой изображенъ въ видѣ юноши съ густыми волосами; на головѣ у него характерный уборъ: нѣчто вродѣ берета, бѣлаго цвѣта, съ черными тѣнями. Одѣтъ онъ въ желтый кафтанъ съ розовыми и бѣлыми узорами; въ серединѣ прорѣзъ, окаймленный голубымъ бордюромъ съ бѣлыми пуговицами. Кушакъ свѣтло-розовый, съ темно-розовыми полосами — завязанъ узломъ на животѣ; одинъ конецъ его спускается внизъ у лѣваго бока: по краю идетъ кайма съ орнаментомъ. Сверху кафтана накинута розовая мантія окаймленная на плечахъ желтой каймой, а по спускающемуся внизъ краю усѣянная бѣлыми пуговицами. Рукава кафтана желтые; рукавчики, которыми они

кончаются, голубые. Лѣвая рука фигуры упирается въ поясъ: въ правой трость вродѣ скипетра. И поза, и костюмъ, и головной уборъ только что описаннаго изображенія близко напоминають мнѣ подобное же изображеніе въ церкви монастыря въ Драгалевцахъ, (возлѣ г. Софіи, Болгарія,), датированной 6984 (1384) годомъ. Упоминаю объ этой параллели, чтобы показать, что эта часть фресокъ Трескавецкой церкви можетъ относиться къ XIV столѣтію.

Надъ изображеніями Димитрія, на южной сторонѣ арки, воины ведутъ Христа; на сѣверной приготовленіе креста на Голгоѳѣ: одинъ воинъ влѣзъ на крестъ, другой передаетъ ему молотокъ. Внизу, въ пещерѣ, Адамова голова.

Далѣе, на наличникахъ той же арки: съ сѣверной стороны фигура въ облаченіи, держащая въ рукахъ какой то стержень со скобами (см. рис. № 43, справа).

Рис. № 43. Изъ фресокъ Трескавецкаго монастыря.

Съ южной — реалистически трактованная фигура Маріи Египетской[1]) въ молитвенной позѣ съ раскрытымъ ртомъ и распущенными волосами (рис. 44); около нея — слѣды затертыхъ буквъ и плохо сохранившяся надпись: „Μαριν....

Переходя къ слѣдующей части храма, крытой коробовымъ сводомъ, встрѣчаемъ здѣсь фрески значительно подправленныя, но тоже старыя по сюжетамъ. Вверху свода изображены: несеніе креста, шествіе на осляти, Преображеніе, Воскрешеніе Лазаря и отреченіе Петра.

Рис. №44. Изъ фресокъ Трескавецкаго монастырѣ.

По стѣнамъ, на южной сторонѣ: С҃ти Дионисиѧ Возлѣ слѣды стертыхъ буквъ: 7Λ Є ІК. Рядомъ святой съ затертой надписью и часть фигуры третьяго, съ надписью ОБСЦЕН. На сѣверной сторонѣ — фигура святаго въ военномъ шлемѣ съ длинными спускающи-

[1]) См. совершенно сходное изображеніе 1499 года во входныхъ дверяхъ Пагановскаго монастыря (въ 5 часахъ ѣзды отъ Царіброда) съ сохранившейся надписью.

мися на шею бармицами. Въ рукахъ у него стрѣла, которую онъ вывѣряетъ глазомъ. (см. выше, рисунокъ № 43, слѣва).

Рядомъ святой съ бородой; слѣды старыхъ буквъ (Θ. . .) и неразборчивая (славянская) надпись: ОΔѠ
ѠБЄ
ОПЊ

Изъ другихъ предметовъ интересны входныя двери рѣзной деревянной работы, совершенно сходныя съ упомянутыми выше дверями Слѣпченскаго монастыря (съ изображеніемъ звѣрей и человѣческихъ фигуръ). Къ сожалѣнію, фотографіи снять не удалось, вслѣдствіе темноты, господствующей въ притворѣ. Отмѣтимъ также лежащую въ притворѣ плиту съ изображеніемъ креста въ кругѣ и двухъ пальмовыхъ вѣтвей по краямъ (см. рисунокъ № 45).

Рис. № 45. Плита въ Трескавецкомъ монастырѣ.

Не останавливаемся на старой мраморной купели и на употребленныхъ для церковныхъ цѣлей камняхъ съ класическими надписями, такъ какъ эти предметы уже описаны Антониномъ.[1])

Въ скалахъ, близъ монастыря, наблюдается нѣсколько углубленій для гробницъ, выдолбленныхъ въ кускахъ природной скалы, подъ открытымъ небомъ. Углубленія имѣютъ видъ продолговатыхъ, узкихъ ящиковъ, съужающихся къ одной сторонѣ (къ ногамъ).

Ближе къ теперешнему Прилѣпу находится селеніе *Варошъ*, самое названіе котораго указываетъ на находившійся здѣсь нѣкогда старый укрѣпленный городъ. Надъ самымъ Варошемъ поднимается скала, съ остатками крѣпости, — несомнѣнно, той самой, о которой не разъ встрѣчаются упоминанія у византійскихъ лѣтописцевъ. Крѣпость эта долго служила опорной точкой въ междоусобной борьбѣ императоровъ; здѣсь укрѣплялись и славянскіе властители, начиная Самуиломъ болгарскимъ и кончая кралемъ Маркомъ.

[1]) Ср. также надписи, напечатанныя у *Hahn*'а въ его Reise von Belgrad nach Salonik, стр. 241.

Остатки старыхъ укрѣпленій на горѣ до сихъ поръ сохраняютъ названіе — *Маркови кули* (башни). Прилагаемый планъ этихъ укрѣпленій не претендуетъ на совершенную точность, но, какъ первый опытъ привести въ извѣстность то, что сохранилось отъ стараго Прилѣпскаго акрополя, будетъ не лишнимъ для послѣдующихъ изслѣдователей.

Рис. № 46. Планъ „Марковыхъ кулъ“ возлѣ Прилѣпа. Масштабъ въ шагахъ.

Поднимаясь на гору со стороны теперішняго города (т. е. въ с. с.-зап. направленіи), встрѣчаемъ на полугорѣ большую кирпичную постройку квадратной формы, носящую у мѣстныхъ жителей названіе „баня.“ (Не имѣется на планѣ). Выше, въ томъ же направленіи, подходимъ къ сооруженію А, совершенно неправильно называемому „(Ци)стерна.“ Въ дѣйствительности это — большая башня, прикрывавшая собой главный входъ въ крѣпость. Тремя своими сторонами башня выступала изъ линіи стѣны; внутри башни, съ запада на востокъ поднималась дорога въ крѣпость. Арка западной стѣны сохранилась и до сихъ поръ. На внутренней сторонѣ въ массивныхъ камняхъ, имѣются искусственныя отверстія, служившія, вѣроятно, для прикрѣпленія воротъ. Кладка — изъ неправильнаго камня, густо переложеннаго известкой. (См. рис. № 47 на стр. 122). На западъ и на востокъ отъ башни идутъ стѣны, укрѣпленныя на нѣкоторомъ разстояніи башнями меньшихъ размѣровъ. Поднимаясь отъ воротъ въ томъ же направленіи (с. с. з.), мы выходимъ на

внутреннюю площадку крѣпости, кончающуюся на сѣверѣ, на разстояніи 220 шаговъ крутымъ обрывомъ, вдоль котораго идетъ противоположная стѣна крѣпости, тоже съ остатками башенъ въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Только что описанная площадка составляетъ среднюю котловину горы; на западъ и на востокъ отъ этой котловины мѣстность круто поднимается къ двумъ вершинамъ холма, Западная вершина или точнѣе гребень, укрѣплена стѣной, на которой сохранились двѣ башни; впрочемъ и еще западнѣе, по другую сторону гребня, повидимому, существовали прежде укрѣпленія; по крайней мѣрѣ, сѣверозападная стѣна не кончается при встрѣчѣ съ этой западной, а идетъ дальше, круто спускаясь внизъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на планѣ линія стѣны показана точками.

Рис. № 47. Передовое укрѣпленіе „Марковыхъ кулъ“ возлѣ Прилѣпа.

На востокъ отъ площадки мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ укрѣпленій, расположенныхъ по разнымъ террасамъ скалы, вплоть до высшей точки всей горы. Входъ въ эту систему укрѣпленій находится у самой сѣверной стѣны; онъ представляетъ изъ себя узкій корридоръ BC, (три шага ширины) по обѣ стороны котораго возвышаются массивныя стѣны. Поднявшись по этому корридору, мы выходимъ на площадку D; идя по ней на востокъ, встрѣчаемъ, спустя 60 шаговъ, цѣлое

зданіе Е, длиной 15 шаговъ. Кладка каменная, но внутри видны мѣста для деревянныхъ балокъ; изъ распредѣленія ихъ видно, что зданіе дѣлилось на три этажа. Внутри зданія попомъ Димитріемъ, прежнимъ игуменомъ Трескавецкаго монастыря, найденъ былъ огромный кладъ мѣдныхъ византійскихъ монетъ выпукловогнутаго типа, вѣсомъ въ 160 окъ. Хронологія этихъ монетъ опредѣляется промежуткомъ отъ второй трети XI до средины XV вѣка.[1]) Болѣе точнаго опредѣленія, къ сожалѣнію, не удалось дать, въ виду плохой сохранности тѣхъ образцовъ клада, которые находились въ нашемъ распоряженіи. Очевидно, въ описываемомъ зданіи хранилась правительственная казна.

На востокъ отъ строенія находится небольшая площадь, 50 шаговъ длины, огороженная съ сѣверной и восточной стороны стѣнами, за которыми сразу идетъ крутой обрывъ внизъ. Въ сѣверо-восточномъ углу находится искусственно сдѣланное углубленіе въ скалѣ, имѣющее форму ладьи. Съ южной стороны площадка ограничивается высокой скалой, поднимающейся къ высшей точкѣ горы. Для подъема туда служитъ входъ F, въ 5 шаговъ ширины огороженный съ сѣвера небольшой стѣнкой, съ юга — скалой. Поднимаясь этимъ входомъ на западъ на разстояніи 40 шаговъ находимъ зданіе G, совершенно похожее на Е. Западнѣе этого зданія — терраса спускается внизъ; на уступѣ здѣсь стоитъ массивная башня Н. Возвращаясь на нашу террасу, слѣдуемъ по направленію стѣны I, поднимающейся на верхъ горы. У укрѣпленія J эта стѣна раздвояется: одна (K) постепенно спускается внизъ, въ южномъ направленіи, замыкая, очевидно, цитадель съ этой стороны; другая, короткая, загораживаетъ собою входъ на террасу L. Слѣдуя по ея внѣшней сторонѣ, черезъ десять шаговъ поворачиваемъ въ ўзкое пространство М, со всѣхъ сторонъ огороженное природными скалами, соединенными между собой коротенькими стѣнками. Отсюда, по скалѣ поднимаемся на самую высокую террасу цитадели (N), огороженную съ сѣвера скалой, а съ юга стѣнкой въ человѣческій ростъ, верхняя часть которой выложена съ правильными амбразурами (тоже и на стѣнѣ, ограничивающей сосѣднюю, болѣе низкую площадку L). Въ одну линію съ площадкой М есть еще маленькая площадка О; скала и стѣнка

---

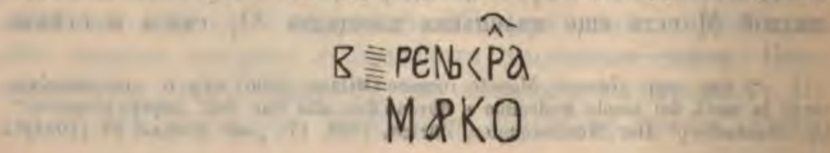
[1]) См. напр. *Gnecchi*, Monete romane (Milano, 1896). стр. 6: „incominciano verso la metà del secolo undecimo e durano fino alla fine dell' impero bizantino“. Ср. *Stückelberg*' Der Münzsammler, Zürich, 1899, 17: „seit Michael IV (1034)“.

(невысокая, вродѣ перилъ), образуетъ здѣсь острый уголъ, оставляя небольшое отверстіе, открывающее обширный видъ внизъ, на долину (см. прилагаемый видъ съ площадки L на площадку O).

Рис. № 48. Край высшей площадки (L и O) „Марковыхъ кулъ" близъ Прилѣпа.

Подъ горой, на которой помѣщается описанная крѣпость, у западнаго склона ея, находился старый Прилѣпъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ до двадцати маленькихъ церквей, большей частью запущенныхъ (только въ трехъ изъ нихъ, именно св. Димитрій, св. Архангелъ, и св. Петръ — служатъ до сихъ поръ). Болѣе интересныя изъ этихъ церквей описаны уже Антониномъ. Наши наблюденія даютъ возможность сдѣлать лишь нѣсколько дополненій и поправокъ къ его описанію.

Въ монастырѣ *св. Архангела,* возлѣ портретныхъ фресокъ въ царскихъ вѣнцахъ по обѣ стороны входа теперь читается: возлѣ мужской фигуры среднихъ лѣтъ, съ русой бородой:



возлѣ фигуры старца, съ сѣдой бородой: ВѢХНВ(Н), т. е „Въ Христа Бога". Graffito на колоннѣ передъ входомъ теперь покрашено краской; но черты все же выступаютъ явственно и оказываются невполнѣ сходными съ факсимиле Антонина: (см. рис. № 49)

Рис. № 49. Надпись на колоннѣ церкви мон. св. Архангела. Варошъ возлѣ Прилѣпа.

Антонинъ читалъ эту надпись: (въ) лѣто 6504(=996) ἁγίωτ(ατος) єпп҃ъ аѳри феvр ζ [1]). Наше факсимиле наводитъ на другое чтенiе: в лѣто ҂ѕфдк (6524=1016) оуспе дани(л) єпп҃ъ февр ζ . . . (въ оригиналѣ слѣдующiе знаки идутъ росчеркомъ внизъ; можетъ быть, тутъ скрывается индиктъ?

Подъ монастыремъ св. Архангела находятся развалины церкви *св. Атанаса* (тоже, что у Антонина описывается подъ именемъ св. Петки-Параскевы?). Сводъ въ настоящее время упалъ: стоятъ лишь стѣны, красиво сложенныя изъ правильно обтесаннаго камня съ прокладками слоевъ кирпича. Сводъ поддерживается, (какъ въ церкви Заума), четырьмя колоннами; изъ нихъ уцѣлѣли только двѣ, ближайшiя къ восточной стѣнѣ, вмѣстѣ съ лежащими на нихъ арками. На полу церкви — плохо сохранившаяся греческая надпись. Въ стѣны вложены мраморныя колонны и цѣлые куски мрамора. Вообще и въ этой и въ другихъ прилѣпскихъ церквахъ находимъ много античныхъ фрагментовъ.

Церковь *св. Николая* отличается причудливой кладкой стѣнъ изъ кирпича. Рисунокъ Антонина очень слабо передаетъ эту особенность; въ дополненiе приводимъ образчикъ кирпичной кладки (рисунокъ № 50).

Рис. № 50. Кладка стѣны въ церкви св. Николая, Варошъ возлѣ Прилѣпа.

[1]) См. его Поѣздку въ Румелiю, стр. 326 и факсимиле па листѣ 5-мъ. Буквы *P* мы не нашли въ оригиналѣ, не говоря о произвольныхъ перестановкахъ знаковъ у Антонина.

Внутри — церковь расписана фресками. Надъ боковымъ окномъ греческая надпись, бывшая разрушенной уже во времена Антонина. Читается въ началѣ †ἀνιγε(ρθη) и въ концѣ . . . . ἔτους ͵ϛѠЗ (6807=1299), μινη φευρ . . .

Рис. № 51. Мраморный кемпферъ возлѣ ц. св. Николая Варошъ, возлѣ Прилѣпа.

Возлѣ церкви лежитъ мраморный кемпферъ съ изображеніемъ четырехконечнаго креста, двухъ рыбъ и двухъ птицъ (см. рисунокъ № 51).

Въ церкви *„Пречиста„* имѣется надъ входными дверями сильно пострадавшая надпись:

. . . . . м҃тре и ПРНААГО

. . . . єи сьзидас и пописась (си)и ѡбраз прстиѥ влдцє нашє

Бцє сьпотрꙋ

. . . . кꙋп҃ѡє раба Бжіѥго Павла и брата мꙋ Радослав с҃новє Ѳєѡ-

дорови и подрꙋжиє Ѥго Добрꙋро

. . . . нови ктитори ст҃аго мѣста сєго вь вѣчнꙋю их памєть

въ лѣто ͵SЦMS (6946=1438).

Въ апсидѣ церкви — изображеніе Богоматери съ Христомъ на груди. Ниже агнецъ (младенецъ) на престолѣ, по сторонамъ два ангела съ рипидами и два святителя, Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ.

Всѣ эти церкви опредѣляютъ эпоху процвѣтанія стараго Прилѣпа, какъ XIV—XV столѣтія. Но укрѣпленія существовали въ болѣе раннюю эпоху, какъ видно изъ описанія осады ихъ въ 1258 году у Георгія Акрополиты.

Направляясь изъ Прилѣпа къ желѣзнодорожной станціи Градско (на пути Салоники—Скопье), мы встрѣтили по дорогѣ, въ мѣстности, именуемой Бѣловодица, небольшую церковь, возлѣ которой и въ стѣнахъ которой находится масса античныхъ остатковъ.[1]) Здѣсь видимъ мраморную балюстрадную плиту съ голо-

[1]) См. объ этомъ замѣчанія и надпись у *Gopčević*, Makedonien und Alt-Serbien, Wien, 1889, стр. 94.

вами медузъ въ среднемъ полѣ, съ изображеніями птицы и виноградной лозы въ боковыхъ углахъ. Далѣе, два рельефа, одинъ съ двумя фигурами (мужской и женской) другой съ четырьмя (двѣ мужскихъ, двѣ женскихъ). Среди близь лежащихъ надгробныхъ плитъ замѣчена цѣлая мраморная статуя, задрапированная въ тогу и еще два рельефа. Внутри церкви — старыя фрески. Въ апсидѣ — Богородица и на Ея лонѣ, — Христосъ; ниже — престолъ съ агнцемъ, окруженный двумя ангелами и двумя святителями. Надписи — славянскія. На южной стѣнѣ сохранилась часть надписи съ датой.[1])

... стго Н .. коле ва лето ЗЧѲ (7099 = 1591) помени г҃и (к)титори попа Никола и Димітрї ... Михoвик и до просла ...

VII.

Скопье. Надпись на башнѣ акрополя. Монастыри въ окрестностяхъ Скопье: Церковь возлѣ с. Любитенъ. Церковь „Спаса“ въ с. Кучевиште. Монастыри св. Архангела, Марковъ и Нерешскій.

Въ Скопье обращено было вниманіе на надпись на башнѣ Скопскаго акрополя, которую предыдущимъ изслѣдователямъ не удавалось прочесть. (См. искаженныя изданія у Эванса и Димицы). Надпись эта выдолблена на массивныхъ камняхъ, изъ которыхъ сложена башня. Съ помощью разныхъ приспособленій намъ удалось помѣститься почти на высотѣ надписи;

Рис. № 52. Надписи на башнѣ древней цитадели. Скопье.

отсюда чтеніе далось легко, хотя самая надпись оказалась очень пострадавшей, — и именно въ самыхъ интересныхъ своихъ частяхъ, гдѣ помѣщалось собственное имя (см. верхнюю строчку вышеприведеннаго рисунка).

[1]) *Гопчевичъ* прочелъ надпись съ ошибками; но видно, изъ его чтенія, что девять лѣтъ назадъ она была полнѣе: Bože stani Svetago Nikole v leto 7059 igumeni gospodi titori pop Nikola i Dimitrije Mihovik i Doproslav. Makedonien und Alt-Serbien, стр. 95. Вмѣсто „Божі стани,“ вѣроятно, было „бжствни“, причемъ дальше могъ слѣдовать пробѣлъ, оставшійся отъ слова „храмъ.“ (ср. напр. ниже, стр.).

† νέαν πόλιν, ἄνθρωπε, θαυμάζεις, βλέπων, καὶ τερπνόν ὤβαισμα (sic вм. ὤραισμα?) κ(οι)νοῦ (?) Ρο(μαίων?) . . . Ξητεῖς δὲ, τίς ἤγε(ιρε?)..

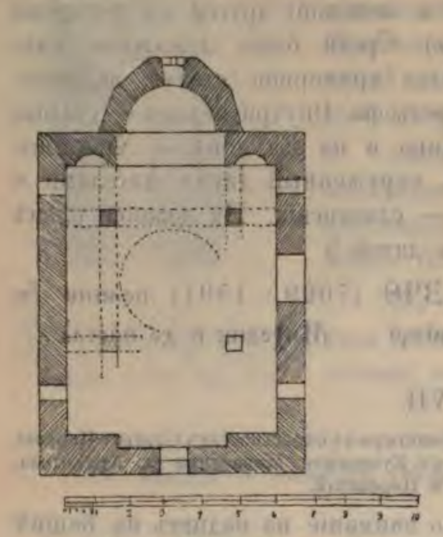


Рис. №. 53. Планъ церкви возлѣ с. Любитенъ. Скопье.

Выше на той же башнѣ имѣется нѣсколько кирпичныхъ плитокъ съ буквами, тоже составлявшихъ надпись. Читаются только отдѣльныя буквы (см. нижнюю строчку рисунка № 52):

ω.... ρβα.... κλησ...

Изъ Скопье предпринято было нѣсколько экскурсій въ окрестности города для обзора мѣстныхъ церковныхъ древностей.

На сѣверъ отъ города, въ недалекомъ отъ него разстояніи возлѣ селенія *Любитенъ* находятся развалины церкви, построенной въ эпоху Душана.[1]) Постройка представляетъ собой однокупольное зданіе; куполъ, сведенный на стройномъ барабанѣ, опирается на четыре арки, поддерживаемыя съ внутренней стороны колоннами и образующія форму равноконечнаго креста, углы котораго заполнены болѣе низкими пристройками. Съ восточной стороны къ аркѣ пристроена апсида. Кладка очень правильная и красивая, изъ чередующихся рядовъ камня и кирпича (большей частью въ два, иногда въ одинъ и въ три слоя). Наружная стѣна апсиды украшена кирпичнымъ орнаментомъ, представляющимъ нѣкоторые новые мотивы, кромѣ указанныхъ раньше на стр. 57, 125 (см. рисунокъ № 54).

Рис. № 54. Мотивы кирпичной кладки въ церкви с. Любитенъ, возлѣ Скопье.

[1]) См. цинкографію № 8.

На одной изъ капителей колоннъ, поддерживавшихъ куполъ, очень грубо изваянъ крестъ; по краямъ — столь же грубыя изваянія бараньей головы, птицы и двухъ растительныхъ орнаментовъ (см. рисунокъ № 55). Въ настоящее время одной изъ колоннъ нѣтъ на мѣстѣ: часть арокъ, куполъ и половина барабана упали.

Рис. № 55. Орнаменты капители въ церкви с. Любитенъ возлѣ Скопье.

Надъ входной дверью сохранилась очень интересная надпись, вырѣзанная въ мраморной плитѣ.

† сьзидасє сии Бжвьныи храмь стго великаго ѡца Николы подвигомь и трудомь г(оспо)ждє Дьницє вь дни Стєфана кралѣ Доушанє и дрьжашє снь старѣи Боико и Матков(ци) а дрѹги снь Звєчань Ситницомь въ лѣт ,ЅѠМЄ

(6845—1337).

Къ сожалѣнію, въ данныхъ, сообщаемыхъ этой надписью, очень трудно разобраться. Прежде всего, упоминая Стефана Душана, надпись совершенно не указываетъ отношенія къ нему трехъ другихъ лицъ, названныхъ въ ней, то-есть „госпожи“ Дьницы, старшаго сына Бойка и младшаго, имя котораго не названо. Изъ умолчанія надписи всего естественнѣе, повидимому, заключить, что родственныхъ отношеній и не существовало, то-есть что мы имѣемъ дѣло не съ родственниками, а съ вассалами Душана. Надпись указываетъ, далѣе, чѣмъ владѣли, или, какъ она выражается, что „держали“ оба брата. Звечань — мѣстность очень извѣстная, принадлежавшая во второй половинѣ XIV вѣка Бранковичамъ. Ситница — названіе рѣки и жупы[1]. въ той же мѣстности. Сочетаніе „Звечань Ситницомь“ можетъ объясняться выпускомъ предлога *с* предъ Ситницомъ, т. е. какъ „Звечань съ Ситницей“ — (омь — серб. творит. пад.). Географическое названіе послѣ „Бойко“ испорчено на камнѣ: читается „Матко“ и верхній кружокъ буквы *в*, послѣ котораго остается мѣсто для одной (или двухъ связанныхъ) буквы. Я пополнилъ „Матковцы“, имѣя въ виду мѣстность этого имени,

[1]) См. Споменикъ IV, Светостефанска Хрисовулья Беогр. 1890.

упоминаемую въ Пчиньскомъ поменикѣ[1]). Любопытно, что тотъ-же поменикъ называетъ собственныя имена Бойка (на сосѣдн. листѣ съ именемъ Матьковци: л. 74 и 75) и Дьницу (л. 14, 15, и 50; есть также Доуница, л. 73). Къ сожалѣнію этими свѣдѣніями нельзя воспользоваться, не прибѣгая къ самому тексту Пчиньскаго поменика.

Всѣ другія наши усилія найти Бойка и Дьницу среди историческихъ личностей эпохи Душана — не увѣнчались успѣхомъ. Дьницей называлась дочь извѣстнаго вельможи Оливера[2]); ее именно онъ хотѣлъ въ 1342 году выдать за мужъ за Мануила Кантакузина. Но если въ этомъ году Даница была невѣстой, то конечно она не можетъ подходить къ нашей надписи, притомъ, въ семьѣ Оливера никто не носилъ имени Бойко[3]).

Внутри — стѣны Любитенской церкви сохраняютъ старую роспись. Самый любопытный остатокъ этихъ фресокъ — это три фигуры въ царскихъ одеждахъ, съ вѣнцами и нимбами, въ нижнемъ поясѣ сѣверной стѣны. Еще недавно Эвансъ[4]) могъ узнать въ этихъ изображеніяхъ Душана, его жену и сына Уроша (full-length representations of the Emperor Stefan Dušan, his Empress and his young son Uroš in their robes of state). Въ настоящее время надписи совершенно стерлись, такъ что мы съ большимъ трудомъ могли прочесть слѣва отъ центральной фигуры буквы „нь краль". Вѣроятно, надпись была или „Стефань краль" или нѣсколько сложнѣе (Въ Христа Бога вѣре)нь Краль (Стефанъ).

Переходимъ къ другимъ фрескамъ Любитенской церкви. Въ апсидѣ, по обѣ стороны двустворчатаго окна, изображено причащеніе подъ обоими видами съ двумя изображеніями Христа: налѣво, дающаго хлѣбъ съ дискоса, направо — причащающаго изъ чаши. По обѣ стороны ангелы и по три апостола. Надписи —

---

[1]) Споменикъ XXIX, пшиньскя поменикъ од Ст. Новаковича. Не тожественно ли съ „Мачьковци на Моравѣ", упоминаемомъ у Стојановича, Хрисовулье, въ документѣ ок. 1318 г. (стр. 20)?

[2]) См. Даниħиħ, Рјечник, s. v. Среħковиħ II, стр. 403, 437.

[3]) Жена Анна Марія, сыновья — Крайко и Даміанъ, см. надпись въ Лѣсновскомъ монастырѣ, Гласникъ XIII, 293, полнѣе ibidem 294: Оливеръ, Марія, Дьница, Крайко, Даміанъ, Видославъ, Дабиживъ, Гусинъ, Оливеръ.

[4]) Въ журналѣ Archaeologia vol. XLVIII, XLIX и отдѣльно: Antiquarian Researches in Illyricum, p. III—IV, стр. 84 и подробнѣе стр. 93.

налѣво ἱ μεταδοσεις; направо ἡ μεταλειψις. Ниже причащенія — четыре святителя: ὁ ἅγιος Γρηγόριος ὁ Θεολόγος, ὁ ἅγιος Ἀνα(στά)σιος πατριάρχης τῆς Ἀλεξανδρείας. Двѣ среднія надписи, вмѣстѣ съ частью фрески, разрушены.

Направо и налѣво отъ апсиды, въ вимѣ, продолжаются начатыя тамъ изображенія: вверху по три апостола, внизу по одному святителю (налѣво: ὁ ἅγιος Κειρηλος πατρειάρχεις Ἀλεξανδρίας; направо: ὁ ἅγιος Ἰω(άννης ὁ ἐ)λεημ(ων) πατριάρχης Ἀλεξανδρείας.

Въ жертвенникѣ, въ аркѣ свода изображенъ Іисусъ Христосъ съ двумя учениками, протягивающій руку къ колѣнопреклоненной женщинѣ. Остатки надписи: „исцелає исѹс“. Ниже надпись: „исцелаеть“ . . . Налѣво четыре старческихъ и двѣ отроческихъ фигуры (поясныя) спускаются внизъ: лѣвѣе — палаты; передъ ними изъ какого-то невысокаго сооруженія, вродѣ фонтана, течетъ вода въ другое зданіе. Возлѣ — фигура умывающагося юноши.

Въ нишѣ жертвенника Христосъ въ видѣ юноши (Эммануилъ): подъ нимъ „сті Петрє“ и „сті Аѳ(анасіє)“. Св. Петръ протягиваетъ металлическое орудіе къ животу лежащаго на дискосѣ агнца — младенца. Вторая фигура — благословляетъ. Между нишей и апсидой „сті Єѵп(лъ)“: юношеская фигура съ тонсурой, держитъ въ рукахъ блюдо, на немъ сосудъ.

На сѣверной стѣнѣ фрески идутъ въ два яруса. Въ верхнемъ изображены три сцены исцѣленій. На среднемъ изображеніи сохранилась надпись: „исцѣлаеть Исѹс єдропика“. На фрескѣ очень реально представлена раздувшаяся человѣческая фигура. Направо, Христосъ мажетъ руками глаза слѣпорожденному. Налѣво, Христосъ исцѣляетъ бѣсноватаго. Шесть свиней (тоже реалистическій рисунокъ) бросаются въ воду. Сзади шесть фигуръ, выше еще восемь. Далѣе слѣдуетъ бракъ въ Канѣ Галилейской. Новобрачные сидятъ въ вѣнцахъ; сзади двое слугъ подаютъ чаши. Налѣво Христосъ говоритъ что-то наклонившейся къ нему юношеской фигурѣ. Правѣе, Христосъ благословляетъ стоящіе передъ нимъ четыре сосуда и какой-то предметъ, окрашенный въ коричневую краску и напоминающій изжаренное цѣликомъ животное, которое держатъ передъ нимъ отроки. Еще правѣе — „глаголеть Ісѹсъ къ Самаріенинє:“ Христосъ и Самаряныня передъ колодцемъ; выше, въ палатахъ, она же и собравшійся народъ. Крайняя налѣво фреска этого

яруса (Христосъ въ Синагогѣ) сильно пострадала. Виденъ посрединѣ младенецъ Христосъ съ развернутой книгой; по сторонамъ по три старческихъ фигуры съ книгами сидятъ и оживленно жестикулируютъ; сзади, за палатами Божія Матерь и Іосифъ.

Въ нижнемъ ярусѣ, изображенія святыхъ во весь ростъ съ надписями „стіи Пандмелеимон" . . . , „ . . . Єрмолае", дальше съ мечомъ „сті Меркѹріє" и съ крестомъ „сте . . . пон". За ними слѣдуютъ тѣ три царскія фигуры, о которыхъ говорилось выше. Далѣе Христосъ благословляетъ только что упомянутыя фигуры. Слѣдуетъ: сты Іѡ(аннъ), сти Лавьрентіе, сті Романь . . . Степань. На южной стѣнѣ въ нижнемъ ярусѣ: Силвестрь папа римски", . . . „(Спи)ридонъ, „Стыи Григоріє, „(ч)ѹ(д)отворец . . . . ", „сты . . . ?„сты Димитр"; остальное, также какъ и фрески верхняго яруса южной стѣны — почти совершенно разрушены.

Какъ видно изъ сдѣланнаго описанія, фрески Любитенской церкви представляютъ большой интересъ для исторіи христіанской живописи. Нѣтъ основаній думать что онѣ возобновлялись въ позднѣйшее время.

Нѣсколько далѣе на сѣверъ отъ города находится село *Кучевиште* съ старой церковью *св. Спаса*. Кладка — изъ камня и кирпича, напоминаетъ лучшіе храмы XIV—XV вв. Къ сожалѣнію роспись въ нижней части церкви почти вся обновлена[1]): только въ діаконникѣ сохранились старыя фрески. Въ верхнемъ придѣлѣ имѣется надпись, датирующая старую роспись началомъ XVI вѣка:

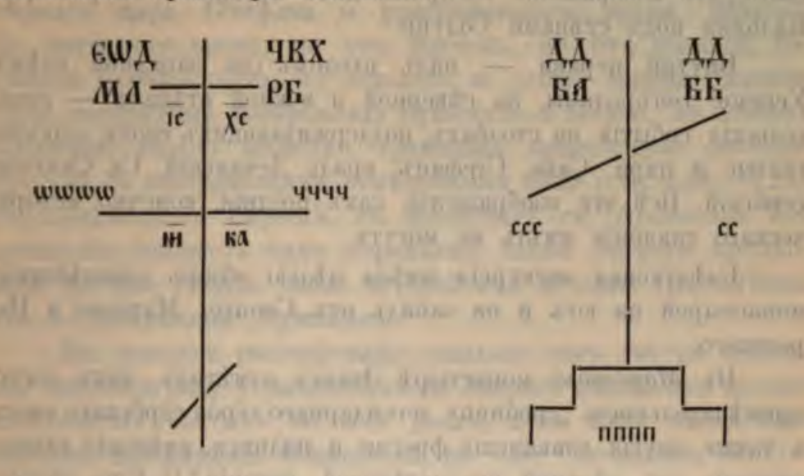
† изволениемъ Ѡц҃а и поспешениемь сн҃а и сьврьше(ніе)м ст҃го
дх҃а пописасе сь ст҃ы Бж҃твни храмъ стго Николи
вь лѣ(то) ҂зѳ (7009=1501) маіа 24; кто
потроудише, Бъ҃ да ихъ прости. Аминь.

Изъ отдѣльныхъ сюжетовъ старыхъ фресокъ упомянемъ Рождество Христово, Крещеніе, Шествіе на осляти, на западной стѣнѣ надъ входомъ Успение; по сторонамъ входа:

---

[1]) См. надпись на западной стѣнѣ: „исписася сеи Бж҃твеныи и сщ҃енный храмъ Вознесении Гд҃а нашего Іисѹса Христа во лѣто на 1874 во іѹні 15.

Сава и Симеонъ сербскіе. Въ простѣнкахъ входа — кресты съ славянскими криптограммами:



Старый иконостасъ, деревянный, рѣзной и позолоченый, въ настоящее время снятъ; полуистлѣвшія доски лежатъ тутъ же, грудой.

Въ обширномъ притворѣ, на сѣверной стѣнѣ сохранились интересныя старыя фрески, изображающія житіе Св. Георгія въ 18 картинахъ. При каждомъ изображеніи — славянская надпись (напр. „Сты Геѡргіе. прівѣдоше го кь царь Даміань.").

Выше села Кучевища, на горѣ находится *монастырь Св. Архангела.* Надъ дверью монастырской церкви надпись: † изволеніемъ отца и т. д. . . . . въ лѣто ҂ЗРЛѲ (7139=1631). Надъ тѣмъ же входомъ внутри церкви — другая надпись:

† Изволениемь ѡца и поспешѣниемь сна сьвршѣнием стаго Дха сі Бжтьвни храм стаго архістратига Михаила и Гавріла пописасе сь трꙋдомь и потьщанием прѣзвитера кирь Николѣ при игꙋмене Стефане вь лѣто ҂ЗСѲ (7209=1701) **мсца юліа ѵі** (18) **днь.**

Роспись въ притворѣ, довольно обширномъ, представляетъ вселенскіе соборы; выше — изображенія изъ житія Богоматери. На входной (западной) стѣнѣ, со стороны притвора, страшный судъ. Тутъ-же между прочимъ изображенъ Св. Димитрій, поражающій копьемъ распростертаго передъ нимъ война. Подъ ногами Димитрія — стѣны города; воинъ приходится подъ

этими стѣнами. Можно предполагать, по мнѣнію Θ. И. Успенскаго, что изображеніе воспроизводитъ преданіе о смерти царя Калояна подъ стѣнами Солуни.

Внутри церкви — надъ входомъ (на западной стѣнѣ) Успеніе Богородицы, на сѣверной и южной стѣнахъ — евангельскія событія, на столбахъ, поддерживающихъ сводъ, сербскіе святые и цари: Сава, Стефанъ, краль Дечанскій, Св. Симеонъ сербскій. Всѣ эти изображенія, какъ позднія, конечно, историческаго значенія имѣть не могутъ.

Слѣдующая экскурсія имѣла цѣлью обзоръ главнѣйшихъ монастырей на югъ и на западъ отъ Скопье, Маркова и Нересскаго.

Въ *Марковомъ* монастырѣ Эвансъ отмѣтилъ, какъ достопримѣчательность „гробницу легендарнаго героя сербскаго эпоса, а также другія славянскія фрески и надписи, имѣющія важное значеніе для мѣстной средневѣковой исторіи.“ [1]) Еще обстоятельнѣе описалъ эти фрески и надписи П. Сречковичъ въ своихъ „Путничке слике“ (Гласникъ XLVI). По его словамъ въ притворѣ монастырской церкви, съ лѣвой стороны, находилась портретная фреска, изображавшая краля Вукашина и его сына Марка. Вукашинъ изображенъ былъ старымъ, сѣдымъ, статнаго роста человѣкомъ, съ короной и вѣнцомъ на головѣ, съ изображеніемъ построенной имъ церкви въ рукахъ, съ надписью возлѣ головы и порфиры: **вь Христа Бога благовѣрни краль Влькашинь.** Рядомъ съ нимъ представленъ былъ молодой, красивый, румяный человѣкъ, съ круглой черной бородой, съ архіерейской короной на головѣ и большимъ дискомъ вокругъ; въ правой рукѣ онъ держалъ свитокъ, а лѣвой опирался на рукоятку сабли. Возлѣ головы была надпись: **Вь Христа Бога благовѣрни синь прѣвысокаго кралꙗ Влькашина ктѵторь Марко.** Надъ входомъ изъ притвора внутрь церкви находилась надпись, опредѣлявшая время реставраціи церкви и созданія монастыря: „**Изволѥниѥмь отца и воплощениѥмь сина и сьшествиѥмь светаго доуха обновисе сеи свети и божествени храмь светаго и великомоученика Христова побѣдоносца Димитриꙗ сь усрьдиѥмь и потщаниѥмь благовѣрнаго кралꙗ Влькашина и благовѣрниѥ кралице Ѥлены и сь превозлюблѥнимь єю штерма и синомь благовѣрнимь кралѣмь Маркомь и Андре-**

[1]) Ewans, o. c. p. 98—99. Ibid, 84.

ташемь, Иванишемь и Димитромь вл . . . . сыже монастирь наче се здати вь лѣто ѕѡнг (6853=1345). вь дни благовѣрнаго цара Стефана и христолюбиваго кралиа Марка“. Въ настоящее время, ни отъ фресокъ, ни отъ подписи, видѣнной Сречковичемъ, не осталось и слѣда. Каковы именно были портретныя изображенія Вукашина и Марко, мы можемъ заключить только косвенно, сравнивая приведенное описаніе фресокъ съ изображеніями, отмѣченными выше (стр. 124—125), въ Прилѣпскомъ Варошѣ, въ монастырѣ св. Архангела. Это сравненіе поможетъ намъ опредѣлить также значеніе прилѣпской фигуры старца, около которой имя исчезло. Несомнѣнно, это — изображеніе Вукашина.

Не меньшее разочарованіе ожидало насъ внутри церкви. Въ нижнемъ ряду украшавшихъ ея фресокъ находились прежде изображенія святыхъ во весь ростъ, и въ томъ числѣ портретныя изображенія Нѣманичей, но уже Сречковичъ констатировалъ начало умышленнаго разрушенія этихъ фресокъ. Отъ этого разрушенія, приписывавшагося мѣстными жителями нѣкоему монаху Дмитрію, живописцу изъ Царяграда, уцѣлѣли, во время Сречковича изображенія „св. Урошь царь. в:“ и св. Сава. Незадолго до нашего пріѣзда и эти остатки, такъ же какъ и упомянутыя раньше фрески и надпись притвора — были начисто замазаны по расцоряженію мѣстной церковной (болгарской) власти и, какъ надо думать, съ тенденціозной цѣлью уничтожить память о сербскомъ происхожденіи монастыря. Сопровождавшій насъ болгаринъ присоединился къ нашимъ сѣтованіямъ по поводу безцѣльнаго вандализма мѣстныхъ шовинистовъ; къ сожалѣнію, эти сѣтованія уже не могутъ помочь дѣлу; будемъ надѣяться, что рѣшительное осужденіе подобныхъ поступковъ предостережетъ, кого слѣдуетъ, отъ ихъ повторенія.[1])

Въ теперешнемъ своемъ видѣ церковь Маркова монастыря представляетъ однокупольное зданіе прекрасной кладки XIV—XV вѣка, изъ камня съ кирпичными прослойками и съ кирпичнымъ орнаментомъ на наружной стѣнѣ апсиды.[2]) Восьмигранный тамбуръ держится на четырехъ аркахъ, составляющихъ форму равноконечнаго креста, заполненаго въ углахъ пристройками нѣсколько меньшей высоты. Церковь сохранила древнее

---

[1]) О надгробной надписи Марка и другихъ древностяхъ монастыря см. упомянутую статью Сречковича въ Гласникѣ, т. XLVI.
[2]) См. цинкографію №

покрытіе свинцомъ по кружаламъ. Къ главному корпусу съ западной стороны придѣлана болѣе поздняя пристройка.

Внутри церкви сохранились мѣстами, особенно въ верхнемъ ярусѣ, старыя фрески. Въ алтарной нишѣ, внизу, роспись замазана; осталось два пояса фресокъ, верхній съ греческими, нижній съ славянскими надписями. Въ верхнемъ поясѣ надписи указываютъ слѣдующіе сюжеты: 1, χέρετε — явленіе Христа по воскресеніи (?); 2 и 3 ἡ μετάδοσις и ἡ μετάλυψις — т. е. форма причащенія въ двухъ видахъ; 4, ὁ δεῖπνος (тайная вечеря).

Во второмъ поясѣ: 1, **поюще Рождство ти высхвалием те вси.**" Изображеніе представляетъ въ центрѣ фигуру въ царскомъ облаченіи, икону Богородицы и подъ ней платъ съ двуглавыми орлами. 2, **`Ѡ всепѣтаю мати Дв҃о.** 3, **аггель прѣдстатель съ н҃бсе посланъ бысть реци Бц҃и: радоуисе.** 4, **ведеще ст҃аа себе въ чистотѣ, рече Гавріилоу.**

Плита передъ св. престоломъ представляетъ въ серединѣ двуглаваго орла, по бокамъ львовъ на заднихъ лапахъ; изображеніе, однако, стерто и сверхъ него еще наложенъ камень. По мнѣнію Сречковича, „это — кусокъ надгробной плиты краля Вукашина" (Гласникъ, XLVI, 224).

Поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, на которой расположенъ Марковъ монастырь, мы нашли остатки старой церкви (XVI—XVII вв.) возлѣ албанскаго селенія Малчиште. На стѣнахъ есть остатки фресокъ, но вся внутренность засыпана мусоромъ отъ свалившагося свода. На пути къ этой церкви, на лѣвомъ берегу, на высокомъ холмѣ замѣчены были старыя стѣны, — вѣроятно, остатки стариннаго укрѣпленія.

Возвратившись въ Марковъ монастырь и переваливъ отсюда — въ сѣверномъ направленіи — черезъ гору, отдѣляющую его отъ долины Вардара, мы прибыли къ Нересскому монастырю, гдѣ ожидала насъ болѣе богатая пожива. Эвансъ уже отмѣтилъ надпись XII вѣка, вырѣзанную на мраморномъ косякѣ церковныхъ дверей.[1]) Воспроизводимъ ее здѣсь:

† Ἐκαλιεργήθ(η). ὁ ναὸς τȣ ἁγίου καὶ ἐνδόξȣ μεγαλομάρτυρος Παντε(λε)ημονος ἐκ συνδρομῆς κυρȣ Ἀλεξίου τȣ Κομνηνοȣ καὶ υἱȣ τῆς Πορφυρογεννήτȣ κυρᾶς θεοδώρας μη(νὶ) σεπτεμβρίῳ (ἰ)ν(δ). ιγ̄ (13) ἔτους ҀΧΟΓ (6673=1164) ἡγȣμενεύοντος Ιωαννικ(ίȣ) μοναχȣ. †

[1]) O. c. p. 96. Здѣсь воспроизведено и факсимиле надписи (въ немъ пропущено καὶ и не воспроизведено послѣднее слово ᾶχου т. е. μοναχου).

По формѣ своей Нересская церковь представляетъ типичную пятикупольную постройку[1]). Среднiй, широкiй куполъ, сведенный на осьмиугольномъ барабанѣ, арки котораго открываются наружу, въ видѣ оконъ, опирается на четыре арки, поддерживаемыя четырьмя массивными столбами внутри церкви. Южная и сѣверная арка забраны стѣнами, въ которыхъ пробиты окна въ два яруса. Восточная арка продолжена выступомъ апсиды; къ западной пристроенъ небольшой, низкiй притворъ. По угламъ равноконечнаго креста, образуемаго четырьмя главными арками, придѣланы четыре угловыя пристройки, крытыя куполами. Сѣверо-и юго-восточная угловыя постройки служатъ для жертвенника и дiаконика; сѣверо - и юго-западная образуютъ двѣ изолированныя камеры — съ отдѣльнымъ входомъ изъ притвора — служащiя теперь для склада старыхъ вещей. Въ этихъ камерахъ сохранились — незначительныя къ сожалѣнiю, — остатки фресокъ, какъ кажется, современныхъ построенiю церкви. Такiе же остатки древней живописи сохранились въ алтарѣ съ надписями на греческомъ языкѣ. Кромѣ этихъ остатковъ древнѣйшей росписи, рѣзко отличающихся густыми тонами красокъ, сохраняющихъ до сихъ поръ свою яркость и свѣжесть, — остальныя фрески всѣ подновлены, хотя въ разное время: болѣе старыя изъ подновленныхъ фресокъ могутъ относиться къ XVI—XVII вѣку. При одной изъ позднѣйшихъ передѣлокъ греческiя надписи были дополнены или замѣнены славянскими. Такъ, при старомъ изображенiи Архангела Михаила съ надписью на греческомъ языкѣ, имѣется еще и славянская надпись „арьхангель Михаиль.“ Между изображенными въ церкви святыми есть между прочимъ „св. Iаковъ епископъ Ростовскiй,“ умершiй въ 1391 году и канонизованный московскимъ соборомъ 1549 года. Наиболѣе интересный изъ остатковъ древности внутри церкви составляютъ мраморные столбы, къ которымъ прикрѣплены царскiя врата. Типъ этихъ столбовъ очень древенъ: въ частности наши столбы очень близко напоминаютъ и по формѣ и по мотивамъ орнамента мраморную алтарную преграду въ S. Clemente, въ Римѣ (V вѣка)[2]) Ср. также балюстраду кругомъ фонтана на Аѳонѣ, въ лаврѣ Хилендарскаго монастыря[3]).

---

[1]) См. видъ церкви на цинкографiю № 5.

[2]) См. *Schultze*, Archäologie der christlichen Kunst, München, 1895, стр. 56.

[3]) *Brockhaus*, die Kunst in Athosklöstern, табл. 7 и 8.

Ближайшее отношеніе къ этимъ столбамъ имѣетъ балюстрадная плита, найденная нами въ одной изъ вышеупомянутыхъ изолированныхъ камеръ. Плита эта покрыта *съ обѣихъ сторонъ* скульптурными изображеніями. Съ одной стороны[1]) поверхность плиты раздѣлена перевивающимся бордюромъ на шестнадцать прямоугольныхъ рамокъ (по четыре въ четыре ряда); внутри каждой рамки помѣщено особое изображеніе: крайнія изображенія одинаковы. Въ частности, въ верхнемъ ряду: съ краю двѣ птицы чистятъ клювомъ ногти; по срединѣ двѣ птицы оборачиваютъ головы назадъ и чистятъ крылья. Во второмъ ряду — по краямъ два кролика, оборачивая головы назадъ, ѣдятъ виноградную кисть, свѣшивающуюся съ лозы; лѣвый кроликъ становится при этомъ на заднія ноги. Въ третьемъ ряду, съ краю два пальмовыхъ листа (ср. плиту въ Трескавцѣ), въ срединѣ два круга (ср. плиту св. Софіи въ Охридѣ). Въ нижнемъ ряду — розетки трехъ различныхъ формъ. На обратной сторонѣ плиты широкій, переплетающійся бордюръ образуетъ большой кругъ въ серединѣ, четыре маленькихъ круга по срединѣ сторонъ и по три кружка въ линію къ угламъ плиты. Въ среднемъ кругѣ помѣщается шестиконечный крестъ съ растительнымъ орнаментомъ по обѣ стороны; въ верхнемъ и нижнемъ кружкѣ — по одному стилизованному листу. (См. рисунокъ № 56).

Рис. № 56. Мраморная плита въ церкви Нересскаго монастыря.

---

[1]) См. цинкографію № 25.

Эвансу эта плита напомнила сооруженіе X вѣка, имп. Романа, въ Styri, въ Греціи; и несомнѣнно, по стилю, она можетъ быть отнесена по времени болѣе древнему, чѣмъ XII столѣтіе. Иной нѣсколько характеръ, болѣе поздній, носитъ рѣзной изъ алебастра балдахинъ, надъ изображеніемъ св. Пантелеймона, направо отъ царскихъ вратъ. Балдахинъ имѣетъ видъ арки въ формѣ трилистника вбведенной плетенымъ бордюромъ; среди растительнаго орнамента изображены двѣ птицы, пьющія изъ стилизованнаго сосуда. Какъ видимъ, и по формѣ и по содержанію этотъ балдахинъ напоминаетъ лицевую арку амвона въ св. Софіи Охридской; послѣдній впрочемъ гораздо болѣе стиленъ; недаромъ балдахинъ Нересскаго монастыря напомнилъ Эвансу даже „Итальянскія параллели."

VIII.

Заключеніе. Классификція важнѣйшаго матеріала, собраннаго екскурсіей. Архитектурные памятники: базиличныя церкви X—XI вѣка, византійская пятикупольная церковь XII в. и однокупольныя XIII—XIV в. Высшій расцвѣтъ мѣстной архитектуры въ типѣ XIV—XV в. Упадокъ со времени турецкаго завоеванія. Хронологическій списокъ церковныхъ фресокъ XII—XIX в. Капители, мраморные и деревянные рельефы. Памятники церковной утвари. Матеріалъ для исторіи костюма. Данныя для греческой и славянской эпиграфики. Важнѣйшія историческія данныя, приведенныя въ извѣстность поѣздкой.

Чтобы облегчить изученіе матеріала, изложеннаго въ настоящемъ описаніи въ порядкѣ маршрута экспедиціи, считаю нелишнимъ предложить взаключеніе статьи обзоръ наибольше существенныхъ данныхъ въ систематическомъ, а внутри рубрикъ, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ. Этому порядку соотвѣтствуетъ и послѣдовательность цинкографическихъ изображеній, прилагаемыхъ къ статьѣ.

Наиболѣе обильный матеріалъ дала наша екскурсія относительно архитектурныхъ памятниковъ обслѣдованнаго края. Въ ряду этихъ памятниковъ, если оставить въ сторонѣ не бывшія предметомъ спеціальнаго осмотра древнѣйшія церкви Салоникъ, — первыми стоятъ исторически связанныя между собой соборныя церкви эпохи царя Самуила на островѣ Аилъ (Преспа) и въ г. Охридѣ. Первая т. наз. „великая церковь" должна быть отнесена, какъ по внутреннимъ признакъ, такъ и со сопоставленію ихъ съ историческими данными, къ концу X вѣка; вторая, въ древнѣйшей своей части, — къ началу XI-го столѣтія. Обѣ, какъ видно изъ напечатанныхъ снимковъ

(цинкографіи 1—4 и планъ на стр. 48) и изъ описаній (стр. 47—53 и 86—87), построены въ формѣ базиликъ и принадлежатъ (особенно Преспанская „великая церковь") къ той группѣ базиличныхъ церквей, которая характеризуется болѣе извѣстными — никейской и месемврійской базиликами, а также сирійскими постройками этого типа.

Ближайшей хронологически къ этимъ древнѣйшимъ церквамъ Македоній постройкой будетъ датированая 1164 годомъ церковь Нересскаго монастыря возлѣ г. Скопья. Церковь эта построена въ типичной византійской формѣ пятикупольнаго зданія, покоящагося на четырехъ массивныхъ колоннахъ. (Цинкографія № 5 и описаніе стр. 138). Опять такой же, почти полуторастолѣтній промежутокъ отдѣляетъ нересскую церковь отъ слѣдующей за нею по древности церкви св. Климента въ Охридѣ, датированной 1295 годомъ. (Цинкографія № 6 и описаніе стр. 90—91). Средній равноконечный крестъ этого зданія, крытаго однимъ куполомъ, возвышается значительно надъ угловыми, болѣе низкими пристройками, не связаными органически съ главнымъ корпусомъ, какъ это необходимо при типѣ нересской церкви. Угловыя пристройки, крытыя на одинъ скатъ, не нуждаются въ купольномъ покрытіи. Въ результатѣ зданіе выигрываетъ въ расчлененности своихъ частей, благодаря болѣе низкимъ угловымъ частямъ, и проигрываетъ въ оживленности покрытія, благодаря отсутствію угловыхъ куполовъ. Кромѣ церкви св. Климента можно было бы отнести къ этой группѣ еще нѣсколько церквей, точное време постройки которыхъ остается, къ сожалѣнію, неопредѣленнымъ. Прежде всего, въ связи, можетъ быть, неслучайной, съ церковью Климента въ Охридѣ стоитъ церковь его сподвижника, св. Наума на противоположной оконечности Охридскаго озера. Только что описанный типъ осложняется здѣсь присутствіемъ особой пристройки, крытой отдѣльнымъ, вторымъ куполомъ, по оси всего зданія. (Рисунокъ на стр. 80 и описаніе стр. 80—82). Еще сложнѣе планъ церкви Трескавецкаго монастыря, осложненный, кромѣ двухъ куполовъ по продольной оси, еще двумя боковыми, соотвѣтствующими боковымъ придѣлу и притвору (планъ на стр. 110). Происхожденіе этой церкви должно относиться къ тому же времени, какъ и церкви св. Климента, т. е. къ самому концу XIII в. и началу XIV в. Концомъ XIV вѣка (1390) датирована церковь въ с. Эмпоріи, могущая быть отнесенной также къ этой

группѣ (цинкографія № 13 и стр. № 74). Наконецъ, къ той же группѣ я рѣшаюсь отнести и церковь села Германъ (Преспа, цинкографія № 18, планъ и описаніе на стр. 37), представляющую описываемый типъ въ схематической простотѣ. Къ сожалѣнію, густой слой штукатурки, не давно положенный, лишаетъ возможности познакомиться съ кладкой этого зданія.

Третій типъ, въ совершенствѣ представленный знаменитой церковью „двѣнадцати апостоловъ" въ Солуни, (цинкографія № 7) соединяетъ преимущества двухъ предыдущихъ и является высшей ступенью, достигнутой мѣстной церковной архитектурой. Расчлененность частей зданія совмѣщается здѣсь съ старовизантійскимъ пятикупольнымъ покрытіемъ. Какъ бы стремясь устранить все излишнее, этотъ типъ сбрасываетъ покрытіе по фронтонамъ, скатамъ и карнизамъ, употребительное въ предыдущемъ типѣ, и замѣняетъ его покрытіемъ по круговымъ линіямъ самаго свода. Такимъ образомъ, зданіе характеризуется необыкновенной прозрачностью своихъ конструктивныхъ частей: конструктивныя линіи, ничѣмъ не маскируемыя, сообщаютъ постройки характеръ простоты, легкости и изящества. Для усиленія впечатлѣнія живописности, производимаго церквами этого типа, и самыя стѣны покрываются кирпичнымъ узоромъ самыхъ разнообразныхъ рисунковъ. Разсматриваемый типъ никакъ нельзя считать исключительно мѣстнымъ: наряду съ „двѣнадцатью апостолами" Солуни — наиболѣе эффектные представители его находятся въ церквахъ Месемвріи. Но несомнѣнно, онъ получилъ въ Македоніи очень широкое распространеніе въ XIV вѣкѣ, къ началу котораго (1312—1315) мы сочли возможнымъ отнести постройку церкви „двѣнадцати апостоловъ" (стр. 26—27). Замѣтимъ, что при этомъ распространеніи — пятикупольное покрытіе исчезаетъ, — очевидно, вслѣдствіе сравнительно меньшаго размѣра строившихся въ Македоніи церквей, но остальныя черты типа сохраняются вполнѣ. Ближайшей по времени къ „двѣнадцати апостоламъ" церковью этого типа является датированная 1337 годомъ церковь эпохи Стефана Душана въ с. Любитенъ, возлѣ Скопья, (стр. 128—129 и цинкографія № 8). Несмотря на плохую сохранность, покрытіе по кружаламъ въ этой церкви — несомнѣнно. Центральный куполъ поддерживается, вмѣсто массивныхъ столбовъ, четырмя колоннами, что даетъ внутреннему пространству храма больше простора, свѣта и сообщаетъ архитектурнымъ линіямъ больше легкости и изя-

щества. Очень близко къ любитенской церкви какъ въ указанныхъ отношеніяхъ, такъ и по характеру кирпичной кладки, превращающейся въ орнаментъ, гдѣ только возможно, — стоитъ церковь „Захлумской" Богородицы на восточномъ берегу Охридскаго озера, 1361 года (цинкографіи №№ 9 и 10 и стр. 83). Къ обоимъ тѣсно примыкаетъ также церковь св. Атанаса въ прилѣпскомъ Варошѣ, безъ даты (стр. 125). Болѣе самостоятельное положеніе въ группѣ занимаетъ эффектно сложенная изъ чередующихся рядовъ камня и кирпича церковь Маркова монастыря, строившаяся во второй половинѣ XIV вѣка (1345 — начало XV в. см. цинкографію № 14 и стр. 134—135). Упомяну также, наряду съ нею, красивую церковь св. Спаса въ селѣ Кучевиште, возлѣ Скопья, съ которой, къ сожалѣнію, по случайнымъ обстоятельствомъ мнѣ не удалось снять фотографіи (стр. 132). Церковь въ селѣ Винени (цинкографія № 15 и стр. 55—57) занимаетъ также особое положеніе въ группѣ памятниковъ, разсматриваемаго типа. Она разрѣшаетъ очень своеобразно и оригинально задачу — приложить къ постройкѣ церквей очень незначительныхъ размѣровъ — нашъ типъ, разсчитанный на размѣры болье значительные. Любопытны также ломаныя арки виненской церкви, можетъ быть, тоже стоящія въ связи съ упомянутой задачей: ломаная арка лучше полуциркульной можетъ сдержать сводъ, опирающійся на однѣ стѣны, безъ столбовъ внутри и контрфорсовъ снаружи.

Гораздо чаще для церквей небольшихъ размѣровъ употреблялась болѣе простая форма — продолговатаго прямоугольника, крытаго коробовымъ сводомъ, на которомъ, въ свою очередь, лежала крыша на два ската. Этотъ типъ иногда сближается съ предыдущимъ орнаментальной кладкой стѣнъ изъ кирпича или изъ чередующихся рядовъ кирпича и камня. Очень эффектный образчикъ орнаментальной кирпичной кладки представляетъ древнѣйшая датированная церковь этого типа, св. Николая въ прилѣпскомъ Варошѣ, 1299 года (стр. 125—126). Образчикъ чередующейся кладки изъ камня и кирпича видимъ въ церкви св. Іоанна Крестителя возлѣ с. Бобоштицы (у Корчи): именно принадлежность ея, по кладкѣ, къ разсматриваемой группѣ побуждаетъ меня датировать эту церковь предпочтительно началомъ XV, а не концомъ XVI вѣка. (см. стр. 77). Въ болѣе позднее време, чередующаяся кладка, иногда замѣ-

няется простымъ подражаніемъ ей, посредствомъ разрисовки красныхъ полосъ на бѣлой штукатуркѣ. Этого рода подражаніе, довольно часто встрѣчающееся въ сельскихъ и монастырскихъ церквахъ, окружающихъ болгарскую столицу, Софію, встрѣтилось мнѣ въ Македоніи въ церкви разсматриваемаго типа на берегу озера Преспы, датированной 1410 годомъ.

Церкви въ видѣ прямоугольника съ коробовымъ сводомъ, *не отличающіяся* характерной кладкой XIV—XV вѣка, очень многочисленны и изъ предѣловъ этого хронологическаго періода переходятъ въ позднѣйшее время. Древнѣйшія изъ нихъ въ предѣлахъ нашей поѣздки — церковь острова „Малый градъ", датированная 1369 годомъ (стр. 65 и цинкографіи №№ 11 и 12) и церковь острова „Градъ", безъ даты (стр. 43—46). Та же самая форма оказалась наиболѣе удобной и для церквей выдолбленныхъ въ скалѣ; изъ нихъ церковь св. Марины, можетъ быть, относится еще къ концу XIV вѣка (стр. 64—65; ср. другія церкви стр. 59—60; всѣ они, какъ и церкви на островахъ „Градъ" и „Малый Градъ", относятся къ области Преспанскаго озера).

Турецкое завоеваніе не прекращаетъ строительства церквей, но развитіе церковной архитектуры останавливается съ середины XV вѣка. Позднѣе этого времени мы встрѣчаемъ, преимущественно, воспроизведеніе только - что упомянутой формы прямоугольнаго треугольника, крытаго коробовымъ сводомъ, — даже для такихъ, сравнительно значительныхъ размѣровъ, какъ размѣры Слимницкой церкви, построенной въ началѣ XVII вѣка (1607—1614).

Относительно церковной живописи наша поѣздка привела въ извѣстность значительный матеріалъ, истинное значеніе котораго, однако, можетъ быть опредѣлено лишь дальнѣйшимъ спеціальнымъ изученіемъ. Время происхожденія фресокъ иногда датируется надписями внутри церквей, но часто и при этомъ мы не можемъ съ увѣренностью отдѣлить, какая часть фресокъ восходитъ ко времени, указываемому датой, и какія реставрированы или и вовсе передѣланы впослѣдствіи. Тѣ указанія, которыя представляются болѣе или менѣе надежными, сопоставлены далѣе въ хронологическомъ порядкѣ.

XII. вѣкъ. Къ этому времени мы сочли возможнымъ отнести часть фресокъ нересскаго монастыря, именно тѣ изъ нихъ, которыя написаны, можетъ быть, одновременно съ по-

стройкой церкви въ угловыхъ куполахъ и камерахъ западной стороны и остались, повидимому, нетронутыми при послѣдующихъ реставраціяхъ. Ихъ внѣшнія отличія — бóльшая густота и яркость красокъ и греческій языкъ надписей, замѣненный впослѣдствіи славянскимъ (стр. 136).

XIV вѣкъ. Къ самому началу этого вѣка, если только не къ послѣднимъ годамъ XIII-го, могутъ относиться фрески мучениковъ въ боковыхъ камерахъ Трескавецкаго монастыря, обязанны своимъ сохраненіемъ тому же обстоятельству, какъ и фрески тѣхъ же камеръ Нересскаго монастыря: этихъ глухихъ закоулковъ церкви позднѣйшіе реставраторы, какъ видно, не считали нужнымъ касаться (стр. 113—116). Въ той же трескавецкой церкви находимъ, впрочемъ, и другія части фресокъ, могущія относиться къ XIV вѣку (см. рисунокъ на стр. 118). Сюда относятся также и очень любопытныя портретныя изображенія четы ктиторовъ трескавецкой церкви (цинкографія № 19 и стр. 112).

Второе по времени мѣсто принадлежитъ фрескамъ любитенской церкви (стр. 130—132), относительно которыхъ мы высказали предположеніе, что они могутъ восходить ко времени постройки церкви въ 1337 году. Если это предположеніе оказалось бы вѣрнымъ, то мы имѣли бы въ любитенскихъ фрескахъ очень важный памятникъ христіанской живописи, въ виду несомнѣнной оригинальности многихъ подробностей этихъ фресокъ, свидѣтелствующей о большой самостоятельности и свободѣ въ обработкѣ традиціонныхъ сюжетовъ со стороны живописца (стр. 130—132). Здѣсь также имѣемъ фигуры ктиторовъ, къ сожалѣнію, очень плохо сохранившіяся [1]). Еще хуже сохранились фигуры ктиторовъ въ церкви „Заумъ" 1361 года; внутренняя роспись церкви также представляетъ меньше значенія (стр. 85—86). Напротивъ, фигуры ктиторовъ и роспись церкви „Малаго града" (1369) стоятъ, по значенію, наряду съ любитенскими фресками (стр. 68, 71—73 и цинкографія №№ 20 и 21). Къ сожалѣнію, и здѣсь датировку фресокъ XIV вѣкомъ нельзя еще считать окончательно установленной, въ виду несомнѣнности присутствія въ той же церкви позднѣйшей росписи XVII вѣка. Безспорно XIV вѣку принадле-

---

[1]) Необходимо прибавить, что фрескамъ любитенскаго монастыря грозитъ скорое разрушеніе, такъ какъ часть кровли и купола церкви упали и фрески открыты всѣмъ атмосферическимъ вліяніямъ.

житъ воспроизведенная фигура Остои. Къ концу XIV вѣка относятся, наряду съ датированными (1390), но мало интересными фресками церкви Спаса въ с. Эмпоріи (стр. 75—76), также, предположительно, фрески церкви св. Марины (стр. 63—64). Роспись Маркова монастыря (стр. 135) и фигуры ктиторовъ на наружной стѣнѣ церкви Архангельскаго монастыря около Прилѣпа (75—76), — эти послѣднія несомнѣнно — могутъ быть отнесены къ послѣднимъ годамъ этого и первымъ годамъ слѣдующаго столѣтія.

XV вѣкъ. Датированы этимъ вѣкомъ (1410) только одни фрески — въ церкви св. Петра на Преспѣ (стр. 60—62). Но, несомнѣнно, ко времени не позже этого вѣка должны быть отнесены и многія изъ фресокъ мелкихъ церквей, лишенныя даты. Сюда относится роспись церкви на о. Градѣ, восходящая, впрочемъ, можетъ быть, и къ предыдущему вѣку (цинкографіи №№ 16, 17 и 22 и стр. 43—45).

XVI вѣкомъ (1524) датирована богатая интересными деталями роспись церкви монастыря Богородицы на о. Аилъ (за исключеніемъ южной стѣны, реставрированной въ XVIII вѣкѣ, см. стр. 54). Къ тому же времени относятся старыя фрески церкви св. Спаса въ селѣ Кучевиште, датированныя 1510 годомъ (стр. 132).

XVII вѣкъ. Помимо реставрацій въ этомъ вѣкѣ болѣе старыхъ фресокъ (напр. Нересскаго монастыря, стр. 136—137; Трескавецкаго, стр. 116 слѣд.; церкви Малаго Града, съ совсѣмъ новой картиной страшнаго суда, стр. 66—67) мы имѣемъ отъ этой эпохи очень интересный памятникъ иконографіи въ росписи Слимницкаго монастыря. Послѣ фресокъ церквей въ Любитенѣ и Маломъ Градѣ, отнесенныхъ выше къ XIV столѣтію, — это едва ли не наиболѣе замѣчательная роспись, видѣнная мною во время экскурсіи (стр. 97—103 и цинкографіи №№ 23 и 24, — не передающія, къ сожалѣнію, впечатлѣнія производимаго подлинными фресками). Тому же времени и, вѣроятно, той же школѣ принадлежитъ роспись сельскихъ церквей, разбросанныхъ по берегу Преспанскаго озера въ окрестностяхъ Слимницкаго монастыря: селъ Арвати, Претора и др. (стр. 104—107). Къ тому же вѣку относится роспись двухъ церквей Слѣпченскаго монастыря около Битоля (стр. 107—108), церкви св. Николы возлѣ Бобоштицы (стр. 77) и др.

сдѣланныя имъ по нашей просьбѣ, относительно языка слимницкихъ надписей и могущія быть распространенными также и на нѣкоторыя другія надписи посѣщенныхъ нами церквей (стр. 99).

Въ заключеніе настоящаго бозора укажу еще на нѣкоторыя историческія данныя, являющіяся болѣе или менѣе цѣннымъ результатомъ нашей поѣздки. Надписи „великой церкви" на о. Аилѣ представляютъ новый памятникъ для исторіи епархій болгарской церкви (стр. 50—52): самая эта церковь является новымъ фактомъ мѣстной дѣятельности Самуила, также какъ и ея подобіе въ Охридѣ. Славянскія и греческія надписи XIV—XV вѣка, до сихъ поръ неизвѣстныя, сообщаютъ рядъ новыхъ данныхъ для исторіи мелкихъ династовъ, между которыми дѣлилась Македонія передъ завоеваніемъ ея турками. Такъ, мы имѣемъ новое указаніе на „кесаря Гургура", бросающее свѣтъ на его личность, въ надписи церкви „Заумъ" 1361 года. Надпись церкви „Малаго Града" 1369 года сопровождаемая портретными изображеніями, впервые знакомитъ насъ съ личностью „кесаря Новака" и его семьей (стр. 69—71). Его сынъ, Амиралъ, еще разъ упоминается въ 1390 году, въ надписи церкви св. Спаса въ Эмпоріи, въ званіи αὐθέντης, перешедшемъ къ нему отъ отца (стр. 71—75). Надпись ц. стараго Климента въ Охридѣ напоминяетъ данныя извѣстныхъ уже надписей объ Андреѣ Гропѣ, властителѣ Охриды, и вмѣстѣ съ послѣдними даетъ возможность опредѣлить личность Остои, „зятя жупана Гропы" (стр. 91—96). Въ связи съ именемъ Душана упоминаются неизвѣстныя доселѣ имена мелкихъ державцевъ его, Даницы и ея сыновей, съ указаніемъ на „держаній" (129—130). Не говорю объ именахъ духовныхъ лицъ, во многихъ случаяхъ пополняющихъ списки мѣстныхъ іерарховъ и помогающихъ установить ихъ хронологію. Прибавлю еще, что и имена жертвователей и вкладчиковъ XVII и XVIII вв., отмѣченныя въ разныхъ мѣстахъ (напр. стр. 38, 78, 98, 105 и др.) представляютъ значителный интересъ, такъ какъ могутъ помочь при опредѣленіи нацональности жившаго здѣсь населенія.

Считаю нужнымъ, наконецъ, замѣтить, что настоящія страницы „заключенія" не имѣютъ въ виду исчерпать весь матеріалъ, заключающійся въ статьѣ, а лишь указать на важнѣйшее и облегчить будущему изслѣдователю группировку однородныхъ

фактовъ. При такой группировкѣ постоянно возникали у пишущаго эти строки вопросы, разрѣшеніе которыхъ выходило изъ предѣловъ его компетентности и изъ задачъ настоящей статьи. Главной работой автора въ этихъ случаяхъ было — отдѣлить свои собственныя предположенія отъ строго-объективнаго описанія фактическаго матеріала. Спеціалисты по отдѣльнымъ вопросамъ безъ труда опредѣлятъ, какія изъ этихъ предположеній должны считаться неосновательными.

Лесха книдянъ въ Дельфахъ.

Б. В. Фармаковскаго.

I.

Извѣстно, какіе блестящіе результаты имѣли послѣднія раскопки въ Дельфахъ, предпринятыя Аѳинскою Французскою школой. Благодаря имъ, мы имѣемъ теперь полную картину святыни Аполлона Дельфійскаго. Грандіозный храмъ, сокровищницы разныхъ государствъ древняго міра съ ихъ часто столь интересными скульптурами, различныя другія посвященія, масса важныхъ надписей и т. д. и т. д., — все это заставляетъ признать за французскими раскопками ихъ изъ ряду вонъ выходящее значеніе. При этихъ раскопкахъ открыты и фундаменты того зданія, которое служитъ предметомъ настоящей статьи. Это зданіе — *лесха,* выстроенная и посвященная Аполлону жителями дорійской колоніи въ Малой Азіи — Книда.

Лесха книдянъ представляетъ огромный интересъ потому, что она была украшена картинами *Полигнота,* художника, который вмѣстѣ съ Фидіемъ стоитъ во главѣ греческаго искусства V вѣка до Р. Хр.

Старшій современникъ Фидія, Полигнотъ имѣетъ въ исторіи искусства то значеніе, что онъ былъ мастеромъ, впервые освободившимся отъ узъ архаизма; онъ былъ первымъ провозвѣстникомъ новаго свободнаго искусства, которое разцвѣло въ Греціи послѣ Персидскихъ войнъ. Полигнотъ принадлежитъ къ числу художниковъ, благодаря которымъ греческое искусство V вѣка такъ скоро достигло высоты, утвердившей за нимъ на вѣчныя времена значеніе искусства классическаго.

Вопросъ о лесхѣ принадлежитъ къ однимъ изъ существеннѣйшихъ при сужденіи объ искусствѣ Полигнота. Какъ, занимаясь Фидіемъ, мы необходимо должны знать Пароенонъ, такъ точно при изученіи Полигнота вопросы о томъ, каковы были задачи Полигнота при росписи дельфійской лесхи, какъ разрѣшилъ ихъ художникъ, зависили ли композиціи отъ зданія, стояли ли съ нимъ въ тѣсной связи, или были совершенно свободны, каковы были отношенія двухъ композицій Полигнота другъ ко другу, какъ онѣ были расположены, откуда ихъ можно было разсматривать, — всѣ подобные вопросы, вся важность которыхъ давно уже подчеркивалась большинствомъ изслѣдователей,[1]) тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ устройствомъ дельфійской лесхи. По нашему мнѣнію, только теперь можно имѣть надежду на то, что, говоря о задачахъ Полигнота при росписи лесхи, мы не рискуемъ впасть въ произвольныя фантазіи.

До раскопокъ Французской школы въ Дельфахъ нельзя было говорить о лесхѣ книдянъ по недостаточности тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаютъ намъ о ней древніе авторы; а, слѣдовательно, до нихъ и всѣ изслѣдованія, посвященныя Полигноту, должны были поневолѣ оставлять въ сторонѣ цѣлый рядъ вопросовъ первостепенной важности. Французскія раскопки, т. обр., составляютъ эпоху въ наукѣ: только теперь мы имѣемъ возможность ставить вопросъ объ искусствѣ Полигнота шире; только теперь мы имѣемъ все, что *можемъ* имѣть изъ источниковъ насчетъ Полигнота.

Раскопки дельфійской лесхи важны при вопросѣ о Полигнотѣ потому, что мы имѣемъ только для картинъ лесхи книдянъ подробное описаніе Павсанія. Если впослѣдствіи будутъ открыты остатки какихъ-либо другихъ зданій, расписанныхъ Полигнотомъ, вопросъ о Полигнотѣ не измѣнится такъ существенно, какъ онъ измѣняется послѣ дельфійскихъ раскопокъ, потому что ни для какой другой картины ни Полигнота ни одного изъ его современниковъ, принадлежавшихъ къ его школѣ, мы не имѣемъ подробнаго и точнаго описанія древности.[2]) Намъ выпало на долю счастіе заняться изученіемъ дельфійской лесхи сейчасъ же послѣ ея открытія. Этому

---

[1]) Ср. особенно *H. Brunn*, Gesch. d. gr. Künstler, II, 23 (33) сл.; ср. его же Komposition der Wandgemälde Raphaëls im Vatikan, у *H. Grimm*, Über Künstler u. Kunstwerke, II, 169 сл.; *Th. Schreiber*, Die Wandbilder des Polygnotos in der Halle der Knidier zu Delphi, I, 42.

[2]) Ср. *Pomtow*, Arch. Anzeiger, XIII, 1898, 45.

мы обязаны всецѣло любезности Французской школы въ Аѳинахъ въ лицѣ ея директора Омолля, сообщившаго намъ важнѣйшіе результаты раскопокъ лесхи и всегда съ замѣчательною обязательностію дававшаго намъ разнаго рода указанія на счетъ открытыхъ школою остатковъ этого знаменитаго зданія.

Въ настоящее время Французская школа опубликовала общій планъ своихъ раскопокъ.[1]) На этомъ планѣ занесены и фундаменты лесхи. Въ нашемъ изслѣдованіи мы опираемся на данныя, которыя представляетъ опубликованный планъ дельфійскихъ раскопокъ, и дополняемъ ихъ тѣмъ, что намъ извѣстно о лесхѣ книдянъ изъ сообщенія Омолля въ одномъ изъ засѣданій Французской школы въ Аѳинахъ,[2]) равно какъ и изъ личныхъ бесѣдъ съ Омоллемъ, и изъ лекцій Поттье въ École du Louvre въ Парижѣ, слушателемъ котораго намъ довелось быть въ 1896 году.

Что фундаменты открытаго Французскою школою зданія остатки лесхи книдянъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Это, во первыхъ, слѣдуетъ изъ описанія Павсанія (X, 25, 1 сл.), который упоминаетъ и описываетъ лесху послѣ храма Аполлона и источника Кассотиды.[3]) Раскопки Дельфъ, между прочимъ, самымъ блестящимъ образомъ поддержали репутацію Павсанія: всѣ указанія его на счетъ топографіи святыни Аполлона подтверждаются найдеными при раскопкахъ надписями, остатками зданій и т. п.; при этомъ точность періэгета просто изумительна.[4]) По Павсанію, лесха книдянъ находилась надъ Кассотидой.

Раскопки констатировали въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Кассотиды дорогу, поднимающуюся къ террасѣ, которая съ юга подпирается весьма солидною стѣною полигональной кладки греческаго историческаго времени. У этой стѣны найденъ камень, который очевидно былъ нѣкогда вдѣланъ въ стѣну, со слѣдующею выгравированною на немъ надписью:

---

[1]) Bullet. d. correspondance Hellénique, XXI, 1897, pl. XVI—XVII. Планъ лесхи данъ на pl. XVII.

[2]) Ср. Bullet. d. corr. Hellénique, XX, 1896, 633 сл.

[3]) До дельфійскихъ раскопокъ лишь приблизительно было извѣстно, гдѣ находилась лесха. Ср. *Urlichs*, Reisen und Forschungen in Griechenland, I, 30, 107; на планѣ у Урликса лесха предполагается на мѣстѣ, обозначенномъ буквою *n*. Ср. *Curtius*, Anecdota Delphica, 3; *Foucart*, Mémoire sur les ruines de Delphes, 102; *Michaëlis*, Über die Composition der Giebelgruppen am Parthenon, 28, пр. 22; *Pomtow*, Beiträge zur Topographie von Delphi, 41 сл.; *Schreiber*, Wandbilder des Polygnotos, I, 178, пр. 230.

[4]) Ср. *Homolle*, Bull. d. corr. Hell., XX, 1896, 581 сл.; *Pomtow*, Archäol. Anzeiger, XIII, 1898, 40 сл.

„Κνιδίων ὁ δᾶμος τὸ ἀνάλαμμα Ἀπόλλωνι", „народъ (община) книдянъ посвящаетъ стѣну Аполлону".[1]) Надпись, так. обр., дополняетъ показаніе Павсанія о лесхѣ такъ, что она находилась надъ Кассотидой, нѣсколько къ сѣверо-востоку.[2]) На террасѣ открыты фундаменты зданія лесхи.

Входъ на террасу былъ съ юга, у юго-западнаго угла. Кромѣ дороги отъ Кассотиды, сюда ведетъ еще дорога съ востока. То, что обѣ дороги ведутъ на террасу лесхи, показываетъ, что лесха была однимъ изъ оживленныхъ мѣстъ въ святынѣ Аполлона Дельфійскаго.

Терраса четыреугольна; со всѣхъ сторонъ ее подпираютъ стѣны. Четыреугольно было и самое зданіе лесхи. Длина террасы (съ запада на востокъ) прибл. 20 м.; ея ширина (съ сѣвера на югъ) ок. 13,41 м. Наружныя стѣны лесхи (сѣверная и южная) равняются въ длину каждая 18,70 метр. Наружныя стѣны (западная и восточная) каждая равна 9,53 м.

Входъ могъ быть только съ южной стороны, такъ какъ только на югѣ около зданія находится довольно большая площадка (отъ стѣны лесхи до конца террасы на югѣ 3,28 м.), между тѣмъ какъ на сѣверѣ отъ стѣны лесхи до конца террасы такъ мало мѣста, что тамъ едва можетъ пройти одинъ человѣкъ.[3]) Съ западной и восточной стороны передъ зданіемъ ширина площадокъ совершенно ничтожная. Обѣ выше упомянутыя дороги ведутъ на южную площадку лесхи. Это въ свою очередъ указываетъ на то, гдѣ были двери, ведшія въ лесху. Внутри зданія, около сѣверной стѣны найдены in situ 2 базы іоническихъ колоннъ изъ мрамора. Разстояніе между ними равно 4,50 метр. Около южной стѣны, внутри зданія, была тоже колоннада, отъ которой одна база найдена in situ, какъ разъ противъ 1-й колонны сѣверной колоннады, въ разстояніи отъ нея тоже на 4,50 м. Вторая база южной колоннады найдена не in situ.

Размѣры дельфійской лесхи въ общемъ весьма близки къ размѣрамъ Эрехѳіона. Близки они также и къ размѣрамъ

---

[1]) Дорическое ἀνάλαμμα соотвѣтствуетъ аттич. ἀνάλημμα, Ἀναλήμματα назывались фундаменты и террассы, на которыхъ созидались зданія, или ставились статуи. Ср. *H. Stephanus*, Thesaurus linguæ græcæ, подъ сл.; *Pomtow*, Arh. Anz., XIII, 1898, 45.

[2]) Кромѣ указанной надписи, на томъ же мѣстѣ найдены были еще 2, — обѣ декреты проксеніи для книдянъ. Обѣ надписи написаны на очень большихъ и тяжелыхъ камняхъ, которые нельзя легко переносить съ мѣста на мѣсто. Ср. *Homolle*, Bull. de corr. Hell., XX, 1896, 636 сл.

[3]) Ср. *Pomtow*, Arch. Anz., XIII, 1898, 46.

лесхи, открытой Германскимъ Археологическимъ институтомъ въ Аѳинахъ при раскопкахъ около Пникса. Лесха, открытая въ Аѳинахъ,[1]) по своимъ размѣрамъ составляетъ 16,5 × 7,50 метровъ. Это тоже четыреугольное зданіе; въ своемъ планѣ оно одинаково съ греческимъ храмомъ. Толщина стѣнъ у аѳинской лесхи была 0,55—0,60 метровъ.[2]) Толщина стѣнъ дельфійской лесхи была приблизительно 0,85—0,95 м. Если примемъ ее въ среднемъ 0,90 м., то продольныя стѣны лесхи внутри были прибл. 16,90 м., а поперечныя — 7,73 м.

Такъ какъ три базы колоннъ сохранились in situ, то возможно опредѣлить, сколько было вообще колоннъ внутри лесхи. По симметріи 4-ая колонна должна была стоять у южной стѣны, въ разстояніи отъ нея на 4,50 метровъ. Въ восточной половинѣ лесхи мы получаемъ, так. обр., 4 колонны. Значитъ, 4 колонны было еще и въ западной половинѣ.

Такъ какъ разстоянія между колоннами у продольныхъ и у поперечныхъ стѣнъ одинаковы, то нельзя предполагать, что были еще колонны между тѣми, базы которыхъ сохранились. Дѣло въ томъ, что, если допустимъ послѣднее, то мы должны будемъ признать, что въ лесхѣ было всего 14 колоннъ. Послѣднее, однако, невозможно потому, что разстоянія между всѣми ними не были бы равны, въ виду того, что отъ первой сохранившейся колонны до 2-й (у сѣверной стѣны лесхи) — 4,50 м., а отъ 2-й (сохранившейся) до того мѣста, гдѣ должна была стоять колонна, соотвѣтствующая послѣдней по симметріи, — всего лишь 3,95 метра. Между тѣмъ по законамъ греческаго искусства всѣ интерколумніи должны быть равными. Если принять 14 колоннъ, то одна колонна будетъ, кромѣ того, приходиться какъ разъ противъ двери (которую, какъ увидимъ, можно помѣстить лишь въ южной стѣнѣ, какъ разъ по серединѣ). Этого принять въ греческомъ зданіи V вѣка тоже абсолютно невозможно.

Итакъ, въ лесхѣ должно было быть лишь восемь колоннъ, какъ и принимаютъ *Омолль*[3]) и *Помтовъ*.[4])

---

[1]) Объ аѳинской лесхѣ см. *Dörpfeld*, въ Ath. M., XVII, 1892, 91; Ср. Δραγούμης, ib., 154. Ея планъ — ib., XIX, 1894. Taf. XIV, E; описаніе плана — ib., 503.

[2]) Аѳинскую лесху мы измѣряли сами въ 1894 г.

[3]) Bull. d. corr. Hell., XX, 1896, ук. м.

[4]) Arch. Anz., XIII, 1898, 46.

Леска колоннами, такимъ образомъ, раздѣлалась на три части: къ сравнительно меньшей средней части примыкали съ востока и запада крайнія; какъ въ той, такъ и въ другой было по 4 симметрично расположенныхъ колонны. Такой планъ лесхи оправдываетъ и описаніе ея и ея картинъ у Павсанія. Павсаній рѣзко выдѣляетъ 2 части росписи лесхи — направо и налѣво отъ зрителя, вошедшаго въ зданіе: τὸ μὲν σύμπαν τὸ ἐν δεξιᾷ τῆς γραφῆς (X, 25, 2), τὸ δὲ ἕτερον μέρος τῆς γραφῆς, τὸ ἐξ ἀριστερᾶς χειρός (X, 28, 1).

Колонны къ сѣверной и южной стѣнамъ были поставлены нѣсколько ближе, чѣмъ къ восточной. Это указываетъ на то, что восточная (a, ergo, и западная) стѣны имѣли другое значеніе въ зданіи, чѣмъ сѣверная и южная. Благодаря такому положенію колоннъ, *подчеркивается значеніе восточной и западной стѣнъ.*

Діаметръ колоннъ, находящихся внѣ зданій, у греческихъ храмовъ и другихъ зданій съ колоннадами равняется толщинѣ стѣнъ или даже ихъ превышаетъ. Напротивъ, внутреннія колонны зданій обыкновенно бываютъ въ діаметрѣ меньше толщины стѣнъ. У лесхи въ виду того особенно, что стѣны ея были украшены картинами, колонны не должны были быть сообенно толсты. Судя по базамъ, здѣсь были деревянныя коолнны. Дверь, ведшая въ лесху, должна была находиться какъ разъ *въ серединѣ* южной стѣны.[1]) Это мы могли бы уже и a priori предполагать у греческаго зданія. Изъ Павсанія видимъ, что по входѣ въ зданіе справа можно было видѣть „Гибель Иліона", слѣва „Подземное царство". Изъ этого слѣдуетъ, что картины были расположены симметрично другъ ко другу: одна украшала одну стѣну зданія, другая другую. При этомъ, вошедши въ лесху, мы должны были находиться, конечно, отъ каждой картины въ одинаковомъ разстояніи. Дверь, ведшая въ лесху, безъ всякаго сомнѣнія, должна была находиться противъ какого-нибудь изъ интерколумній. Одного взгляда на полученный нами планъ лесхи (см. табл.) довольно, чтобъ видѣть, что дверь находилась противъ средняго изъ пяти интерколумній. Помѣщая дверь здѣсь, мы, во-первыхъ, наилуч-

[1]) У лесхи безусловно должна была быть только одна дверь. Плутархъ говоритъ (De orac. def., 6): ἐπὶ ταῖς θύραις τῆς Κνιδίων λέσχης ἐγεγόνειμεν. Далѣе, у него же читаемъ, что Планетіадъ вышелъ изъ лесхи назадъ διὰ θυρῶν. Ср. *Pomtow*, Arch. Anz., ук. м. Θύραι обозначаетъ, конечно, двухстворчатую дверь. Ср. Homolle, Bull. d. corr. Hell., XX, 1896, ук. м.

нимъ образомъ удовлетворяемъ тому, чего требуетъ описаніе Павсанія, и, во-вторыхъ, соблюдаемъ строго законы симметріи, обязательные у всякаго греческаго зданія. Ширину двери точно опредѣлить невозможно. Полученный нами планъ лесхи рѣшаетъ вопросъ, гдѣ находились въ ней картины Полигнота. *Онѣ могли быть единственно лишь на восточной и западной стѣнахъ.*

Съ тѣмъ, что дали раскопки для лесхи книдянъ вполнѣ согласно и описаніе ея у Павсанія (X, 25, 2 слл.). Изъ Павсанія мы узнаемъ во-первыхъ, что зданіе лесхи было со всѣхъ сторонъ, закрытое (οἴκημα).[1] Къ показанію Павсанія *Робертъ*[2]) справедливо приводитъ мѣсто Плинія,[3]) гдѣ говорится, что Полигнотъ въ Дельфахъ расписалъ *ædem,* а въ Аѳинахъ *porticum,* quæ Poecile vocatur: ædes и porticus, очевидно, противополагаются. Лесха не была porticus, а ædes, т. е. закрытое зданіе. Лесха, открытая въ Аѳинахъ, была тоже закрытымъ зданіемъ.

Мы можемъ воздать особенную похвалу замѣчательному чутью и пониманію Павсанія *Роберта,* который такъ горячо возставалъ, еще не зная результатовъ французскихъ раскопокъ, противъ реставраціи дельфійской лесхи въ видѣ портика,[4]) — реставраціи, которую предлагали *Руль,*[5]) *Шубартъ,*[6]) *Михаэлисъ,*[7]) *Беннд орфъ,*[8]) *Шрейберъ,*[9]) *Вейцзеккеръ.*[10]) Послѣдніе ученые приводили прежде всего въ доказательство своихъ взглядовъ

---

[1]) Изъ Павсанія и изъ Плутарха (De defect. oracul., 6, 7) это уже правильно предугадывали: *Caylus,* Histoire de l'académie des inscriptions, XXVII, 39; *Letronne,* Lettres d'un antiquaire à un artiste, 189; братья *Riepenhausen,* Erläuterung des Polygnot. Gemäldes, 40, Abschnitt V; *Göthe.* Werke, XLIV, 97 слл.; *Böttiger,* Ideen zur Archäologie der Malerei, 229; *Thorlacius,* Prolusiones et opuscula academica, I, 67 слл.; *O. Jahn,* Kieler Studien, 141; *Blümner,* Rhein. Mus., N. F., XXVI, 365; *K. Fr. Hermann,* Epikritische Betrachtungen über die polygnotischen Gemälde, Winckelmannspr., Göttingen, 1849, 18 (онъ уже видитъ и въ ædes у Плинія, 35, 58, лесху книдянъ); *Ch. Lenormant,* Mémoires de l'académie de Belgique, XXXIV, 1864, 21. О значеніи слова οἴκημα ср. *Thiersch,* Über das οἴκημα bei Pausanias, въ Abhand. der k. bayer. Akad. d. Wissensch., I cl., VIII Bd., II Abth., 429 слл.

[2]) *Robert,* Marathousschlacht in der Poikile, 106 слл.

[3]) Плиній, 35, 58 (*Overbeck,* Schriftquellen, 1045).

[4]) *Robert,* Nekyia des Polygnot, 45, и особ. Marathonsschl., 106 слл.

[5]) *Ruhl,* въ Zeitschrift f. Alterthumsw., 1855, 386 сл., 390.

[6]) *Schubart,* тамъ же, 395, 401 сл., и въ N. Jahrb. f. Philol., 105, 175 сл.

[7]) *Michaëlis,* въ Tübinger Programm. d. philos. Facultät, 1870, 27 сл. Противъ реставраціи Михаэлиса высказался уже Blümner, въ Rheinisches Museum, N. F., XXVI, 365 сл.

[8]) *Benndorf,* Heroon von Gjölbaschi-Trysa, 151, пр. 2.

[9]) *Th. Schreiber,* Die Nekyia des Polygnot in Delphi, въ Festschrift f. J. Overbeck, 189, и въ Die Wandbilder des Polygnotos (Leipzig, 1897), 44.

[10]) *Weizsäcker,* Polygnot's Gemälde, 6 слл.

то, что Павсаній, приступая къ описанію второй картины лесхи, выражается: „τὸ δὲ ἕτερον μέρος τῆς γραφῆς, τὸ ἐξ ἀριστερᾶς χειρός“ etc. Единственное число γραφῆς, по мнѣнію ихъ, у Павсанія должно указывать, что онъ понималъ обѣ картины, какъ *одно*, что, слѣдовательно, обѣ картины были рядомъ *на одной стѣнѣ*.

Вейцзеккеръ приводилъ еще два довода въ пользу того, что лесху надо считать портикомъ. Зная изъ описанія Дельфъ *Урликса*,[1]) что на томъ мѣстѣ, гдѣ Урликсъ предполагалъ лесху, почва очень сильно повышается (на 45 метровъ на разстояніи 80 метровъ), *Вейцзеккеръ* (а за нимъ и *Шрейберъ*) отказываются считать возможнымъ, чтобы лесха была широка, такъ какъ это требовало бы большихъ фундаментовъ. (Раскопки какъ разъ показали то, что названнымъ ученымъ казалось невѣроятнымъ!) Второй доводъ Вейцзеккера касается освѣщенія картинъ. Но картины лесхи могли имѣть прекрасное освѣщеніе и въ томъ случаѣ, если, какъ это *мы должны теперь считать окончательнымъ, лесха была зданіемъ, имѣвшимъ стѣны со всѣхъ 4-хъ сторонъ*. Для освѣщенія картинъ были, во-первыхъ, двери, во-вторыхъ, окна.[2])

Выраженія Павсанія γραφαί и γραφή, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрно объяснены Робертомъ[3].) Подъ γραφή можно разумѣть и нѣсколько картинъ: γραφή можетъ значить въ греч. языкѣ „живопись“, „роспись“ („Malerei“, *Robert*), кромѣ обычнаго „картина“ („Gemälde“, *Robert*).

Дѣйствительно, Павсаній, описывая въ 1-й книгѣ (гл. XV) аѳинскую Росписную галлерею (Ποικίλη στοά), объясняетъ ея на-

---

[1]) *Urlichs*, Reisen und Forschungen, I, 30, 107.

[2]) Окна въ лесхѣ допускаетъ и *Омоль* (Bull. d. corr. Hell., XX, 1896, ук. м.). *Помтовъ* (Arh. Anz., XIII, 1898, 46) не допускаетъ ихъ изъ-за того, что на стѣнахъ лесхи была роспись. Но картины были лишь на западной и восточной стѣнахъ, и, слѣдовательно, возраженіе это не имѣетъ значенія. *Помтовъ* думаетъ, что освѣщеніе картины могли получать черезъ отверстіе крыши. Однако, въ виду соображеній *Дёрпфельда* (Ath. M., XVI, 1891, 334 сл.) о гипетральныхъ храмахъ, которыя мы всецѣло принимаемъ, это предположеніе Помтова мы не считаемъ вѣроятнымъ.

[3]) *Robert*, Marathonsschl., 44, 108.

Шрейберъ, Wandlbilder d. Polygnotos, 46, объясняетъ γραφάς Павсанія тѣмъ, что періэгетъ употребилъ это выраженіе ранѣе подробнаго описанія живописи лесхи; онъ могъ назвать такъ (а не γραφή) живопись только, „ehe er der Betrachtung des polygnotischen Werkes näher getreten ist“; противъ этого легко возразить: когда Павсаній писалъ свою періэгезу, то картины Полигнота ему были извѣстны во всѣхъ подробностяхъ, и явно неподходящаго выраженія для ихъ общаго обозначенія періэгетъ никоимъ образомъ употребить не могъ.

званіе такъ: . . . „Ποικίλην ὀνομάζουσιν ἀπὸ τῶν γραφῶν". Названіе той же галлереи схоліастъ Аристофана (къ Лисистрат., 678) объясняетъ: „Ποικίλη στοὰ Ἀθήνησιν οὕτω λεγομένη διὰ τὴν ἐνοῦσαν γραφήν". Ясное дѣло, множественное число Павсанія мы должны перевести: „Росписною называютъ (галлерею) изъ-за ея *картинъ*"; а единственное схоліаста: „ Росписная галлерея въ Аѳинахъ такъ называется изъ-за находящейся въ ней *живописи (или росписи)*". Самъ Павсаній, далѣе, описывая подробнѣе Росписную галлерею, когда называетъ послѣднюю изъ ея картинъ, говоритъ: „τελευταῖον δὲ τῆς γραφῆς εἰσιν οἱ μαχεσάμενοι ἐν Μαραθῶνι", „послѣдняя часть *росписи* галлереи" etc, скажемъ мы по-русски. Равнымъ образомъ, описывая тронъ Зевса Олимпійскаго, Павсаній выражается: . . . „изъ этихъ загородокъ трона, тѣ, которыя находятся противъ дверей, выкрашены только въ синюю краску, прочія же изъ нихъ имѣютъ на себѣ *картины* Панена (γραφάς)" (Павсаній, V, 11, 4; у Overbeck, Schriftquellen, 696, 31—34)[1]. Назвавъ сюжеты всѣхъ картинъ, кромѣ послѣдней, Павсаній (ib., 11, 6; у Overbeck, ib., 43—45) такъ описываетъ послѣднюю: „τελευταῖα δὲ ἐν τῇ γραφῇ Πενθεσίλειά τε ἀφιεῖσα τὴν ψυχὴν καὶ Ἀχιλλεὺς ἀνέχων ἐστὶν αὐτήν", т. е. „послѣднею въ *живописи* (трона) представлена умирающая Пенѳесилея и Ахиллесъ, поддерживающій ее". Послѣднее мѣсто Павсанія для насъ особенно важно, такъ какъ въ немъ γραφή (ед. ч.) прилагается къ картинамъ, находившимся на *разныхъ* сторонахъ трона[2]).

Ни одно изъ основаній, приводившихся въ пользу того, что картины лесхи находились на одной стѣнѣ рядомъ другъ со другомъ не выдерживаетъ критики.[3]) Тотъ, кто не желаетъ

---

[1]) Загородки, о которыхъ говоритъ Павсаній, находились между ножками трона. Мы принимаемъ реставрацію трона, предложенную профессоромъ *Гарднеромъ* (E. A. Gardner, Journ. of Hell. Stud., XIV, 1894, 233 *слл.*). *Робертъ* (Marathonsschl., 83) замѣчаетъ. что раставрація картинъ Панена *Мёррэ* (*Murray*, Ath. M., VII, 1882, 247 *слл.*; History of greek sculpture, I^2, 126; Handbook of greek archaeology, 372), которую принимали многіе (ср. *Overbeck*, $Plastik^4$, I, 360), теперь должна считаться поколебленной. Реставрація Мёррэ, по нашему, не согласна со словами Павсанія (V, 11, 4; *Overbeck*, Schriftquellen, 696, 29—32).

[2]) Важности мѣста не могутъ отрицать и сторонники реставраціи Мёррэ.

[3]) *Шрейберъ*, Wandbilder d. Polygnotos, 46 *слл.*, приводитъ въ пользу того, что картины были на одной стѣнѣ и рядомъ другъ со другомъ еще то, что подпись Полигнота, которая была на лѣвомъ концѣ „Гибели Иліона", *должна была* относиться и къ „Подземному царству", которое, ergo, будто бы примыкало къ 1-й картинѣ слѣва. Этого никакъ нельзя вычитать изъ Павсанія, и потому намъ кажется это произвольной фантазіей. Напротивъ, Полигнотъ во 2-й картинѣ вводитъ фигуры Теллида и Клеовіи, которыя могли служить тоже своего рода подписью ѳасосца Полигнота.

быть въ противорѣчіи съ Павсаніемъ, долженъ помѣщать картины лесхи другъ противъ друга. Многіе изслѣдователи уже давно поняли Павсанія правильно: назовемъ графа *Кэлюса* (*Caylus*, Hist. de l'acad. d. inscr., XXVII, 39), братьевъ *Рипенгаузенъ* (*Riepenhausen*, Erläuterung d. polygnot. Gemäldes, 40, V), *Бёттигера* (Ideen zur Archäologie d. Malerei, 294), *О. Яна* (Die Gemälde des Polygnot, 141), *Летронна* (*Letronne*, Lettres d'un antiquaire à un artiste, 189), *Блюмнера* (Rh. Mus., N. F., XXVI, 365) *К. Фр. Германна* (Epikritische Betrachtungen, 17), *Ш. Ленормана* (Mémoires sur les peintures, que Polygnote etc., 18 сл.). Особенно отстаиваетъ, какъ мы сказали уже, это *Робертъ* (Nekyia, 45). Описывая лесху, Павсаній вовсе не говоритъ, что картины находились по обѣ стороны *входа, двери*. Вотъ его подлинныя слова (VIII, 25,2; Overbeck, Schriftquell. 1050, A, 9 сл.): „Ἐς τοῦτο οὖν ἐσελθόντι τὸ οἴκημα τὸ μὲν σύμπαν τὸ ἐν δεξιᾷ τῆς γραφῆς Ἴλιός τέ ἐστιν ἑαλωκυῖα καὶ ἀπόπλους Ἑλλήνων“[1]). Если войти въ лесху, то то, что вошедшій видѣлъ прежде всего направо, была картина „Гибель Иліона“. Τὸ δὲ ἕτερον μέρος τῆς γραφῆς, τὸ ἐξ ἀριστερᾶς χειρός, ἔστιν Ὀδυσσεὺς καταβεβηκὼς ἐς τὸν Ἅιδην.[2]) Опять ни одного слова на счетъ того, будто картина была по лѣвую сторону двери или входа! Напротивъ, когда картины дѣйствительно находились по обѣ стороны *двери*, въ древнихъ свидѣтельствахъ *отмѣчается*. Изъ всѣхъ свидѣтельствъ древности, которыя цитируетъ *Шрейберъ*[3]), дверь называется только *въ одномъ*,[4]) правда по конъектурѣ, но весьма удачной[5]): Μίκων[6]) ἔγραφε τὴν θύραθεν[7])

Соображеніе Помтова (Arch. Anz., XIII, 1898, 46), будто изъ-за эпиграммы Симонида „Гибель Иліона“ по размѣрамъ была больше „Подземнаго царства“, принять невозможно.

[1]) „Ὁ“ послѣ ἀπόπλους нѣтъ въ лучшей рукописи La, и потому мы вслѣдъ за Робертомъ его опускаемъ; „σύμπαν“ не значитъ ничего больше, какъ „общій сюжетъ“, въ противоположность частностямъ, о которыхъ Павсаній говоритъ ниже. Ср. *Robert*, Marathonsschl, 108.

[2]) Другая изъ 2-хъ частей росписи лесхи, часть, находящаяся по лѣвую сторону, имѣетъ сюжетомъ Одиссея, сошедшаго въ Аидъ. „ὀνομαζόμενον“ Робертъ опускаетъ по La.

[3]) *Schreiber*, Die Nekyia etc., въ Festschrift für J. Overbeck, 188.

[4]) Anthol. Graeca, I, 74. 78. (84), — Planud., I, 141. (*Overbeck*, Schriftquellen, 1087).

[5]) Конъектура предложена *Benndorf*'омъ (Heroon von Gjölbaschi-Trysa, 151, примѣч. 2). Мы ее принимаемъ вмѣстѣ съ *Schreiber*'омъ, ук. соч., 188.

[6]) Κίμων рукописей исправилъ уже *K. O. Müller*, Hand. d. Arch. d. Kunst, § 99, 1. Ср. *Jahn*, Die polygnot. Gemälde, 68.

[7]) Τὴν θύραν τὴν δεξιὰν рукописи.

δεξιάν[1]), τὴν δ᾽ἐξιόντων δεξιὰν Διονύσιος.[2]) Бенндорфъ (ук. соч.) полагаетъ, что подобное распредѣленіе было обычно, что его мы должны предполагать въ храмѣ Цереры, расписанномъ Дамофиломъ и Горгасомъ (Плиній, N. H, 35, 154). По нашему того, чего хотятъ *Бенндорфъ* и *Шрейберъ,* у Павсанія прочесть невозможно. Что будетъ по правую и лѣвую руку у человѣка, который *вошелъ* въ лесху? Разумѣется не стѣны, находящіяся по правую и лѣвую сторону дверей: онѣ будутъ *сзади,* и чтобъ ихъ видѣть, надо *обернуться,* о чемъ у Павсанія нѣтъ ни малѣйшаго намека. По Павсанію мы никоимъ образомъ не можемъ помѣстить картинъ Полигнота по обѣ стороны дверей. Планъ лесхи, раскопанной въ Дельфахъ, говоритъ равнымъ образомъ противъ такого помѣщенія. Если бы картины были тутъ дѣйствительно, то откуда онѣ получали бы освѣщеніе? Если, кромѣ двери, были еще окна въ сѣв. или въ боковыхъ стѣнахъ или ὑπερθρον, то освѣщеніе въ два свѣта рѣшительно губило бы картины. Кромѣ того, окна въ стѣнахъ, боковыхъ и сѣверной, давали бы сквозники, которые дѣлали бы пребываніе въ лесхѣ зимою въ Дельфахъ нестерпимымъ. Не мѣнѣе неудовлетворительно было бы освѣщеніе и чрезъ одну дверь. Всякому, кто занимался въ музеяхъ, извѣстно, какъ трудно разсматривать предметы, поставленные около стѣнъ, въ которыхъ есть окна. Древнимъ, которые до тонкостей понимали законы освѣщенія, совершенно не могло бы прійти въ голову помѣстить картины на стѣнахъ по двѣ стороны двери, дававшей свѣтъ.

Картины Полигнота нельзя помѣстить, какъ это дѣлалъ *Шубартъ*[3]) до дельфійскихъ раскопокъ, и какъ это считаютъ возможнымъ *Омолль*[4]) и *Помтовъ*[5]) послѣ раскопокъ, — по всѣмъ стѣнамъ лесхи. Этого не сообщаетъ Павсаній, который, однако, при описаніи Росписной галлереи въ Аѳинахъ не преминулъ указать, что картины тамъ находились на разныхъ стѣнахъ.[6])

---

[1]) δεξιάν, т. е. γραφήν.

[2]) Аналогіями для такого расположенія картинъ можетъ служить фризъ зданія, въ которомъ представлена сидящею Ѳетида, на вазѣ François (въ Museo Archeologico, въ Флоренціи; *W. Amelung*, Führer durch die Antiken in Florez, 202 сл.), Mon. dell'Instit., IV, 54, 57; Wiener Vorlegeblätter, 1888, II—IV; *Rayet-Collignon*, Céramique, 86 сл.; *Baumeister*, Denkmäler, III, Taf. LXXIV), — и фризѣ памятника Гатеріевъ (Mon. d. Inst., V, 8).

[3]) *Schubart*, Zeitschr. f. Alterthumswissensch., 1855, 402.

[4]) *Homolle*, Bull. de corr. Hell., XX, 1896, ук. м.

[5]) *Pomtow*, Arch. Anz., XIII, 1898, ук. м.

[6]) См. Павсанія (I, 15, 3; *Overbeck*, Schriftquellen, 1054. B, 11): Ἐν δὲ μέσῳ τῶν τοίχων.

Раздѣлять картинъ Полигнота, единство композицій которыхъ проведено весьма строго, на нѣсколько частей, расположенныхъ на разныхъ стѣнахъ, совершенно немыслимо. Приводить здѣсь въ видѣ аналогій фризы героона Гьёль-Баши никоимъ образомъ нельзя. *Робертъ*[1]) и *Шрейберъ*[2]) достаточно показали несостоятельность сближенія картинъ лесхи съ композиціями фризовъ, подобныхъ названному. Итакъ, картинъ Полигнота нельзя помѣстить въ лесхѣ ни на одной сѣверной стѣнѣ ни на южной по обѣ стороны двери. Для нихъ остается одно мѣсто: это — западная и восточная стѣны. *И описаніе Павсанія, и зданіе, раскопанное въ Дельфахъ, и композиція картинъ требуютъ одного: „Гибель Иліона" должна находиться на восточной стѣнѣ лесхи, „Аидъ" на западной.* Между тѣмъ какъ колонны закрываютъ другія стѣны, онѣ оставляютъ всю середину западной и восточной стѣнъ свободною, такъ что ихъ можно прекрасно видѣть съ любаго мѣста лесхи. Такъ же по отношенію ко входу, какъ въ лесхѣ, были расположены картины въ храмѣ Ифеста въ Аѳинахъ. Помѣщая картины Полигнота на стѣнахъ восточной и западной, мы полагаемъ, что картины должны были получать освѣщеніе не только черезъ дверь, но и еще откуда-нибудь.

Павсаній, описывая аѳинскія пропилеи, между прочимъ, говоритъ (I, 21, 6): „ἔστι δὲ ἐν ἀριστερᾷ τῶν προπυλαίων οἴκημα ἔχον γραφάς".[3]) „Пинакоѳеку" пропилей такъ же, какъ и лесху, Павсаній называетъ οἴκημα; такъ же, какъ и въ лесхѣ, въ аѳинскомъ зданіи находились γραφαί. Мы полагаемъ въ слѣдъ за *Дёрпфельдомъ* и другими, что въ γραφαί пинакоѳеки пропилей надо видѣть πίνακες. Если съ одной стороны пинаки аѳинскаго зданія иногда называются γραφαί, то съ другой стороны дельфійская лесха съ ея γραφαί называется у Аѳинея (XIII, p.606 d; XIII, 84) θησαυρὸς πινάκων.[4]) Мы видимъ, что аѳинская пинакоѳека, что касается картинъ, была зданіемъ, похожимъ, или во всякомъ случаѣ аналогичнымъ съ дельфійской лесхой. Какъ и послѣдняя, пинакоѳека пропилей была обращена на югъ.

---

[1]) *Robert,* Nekyia, 36 сл.

[2]) *Schreiber,* Wandbilder des Polygnotos, 9.

[3]) Литературу, относящуюся къ пинакоѳекѣ, см. у *Hitzig*'а и *Blümner*'а въ ихъ изданіи Павсанія (Pausaniae Graecia descriptio, I, Berolini, 1896, 247).

[4]) Ср. *Wieseler,* Göttinger gelehrte Anzeigen, 1841; 1844; *Welcker,* Kleine Schiften, V, 64; Arch. Ztg., 1857, 102. Ср. *R. Rochette,* Peintures antiques inédites, 113; *Ch. Lenormant,* Mémoires etc., 17.

Если мы въ аѳинской пинакоѳекѣ, какъ справедливо предугадалъ *К. Фр. Германнъ,* должны видѣть ближайшую аналогію для зданія въ Дельфахъ, то естественно, при вопросѣ объ освѣщеніи лесхи аѳинская пинакоѳека играетъ первостепенную роль.[1]) Такъ какъ пинакоѳека получала свѣтъ единственно только черезъ двери и черезъ два окна, находящіяся у нея по обѣ стороны двери, то самымъ лучшимъ и простымъ разрѣшеніемъ вопроса объ освѣщеніи дельфійской лесхи будетъ, если мы примемъ, что по обѣ стороны дверей лесхи въ южной стѣнѣ находилось съ каждой стороны по окну. Такого освѣщенія вполнѣ достаточно при яркомъ солнцѣ Эллады. Часто картины въ греческихъ зданіяхъ освѣщались еще умѣреннѣе: въ Эрехѳіонѣ картины, о которыхъ говоритъ Павсаній (I, 25, 5), должны были получать освѣщеніе только изъ западной комнаты, имѣвшей двери и окна.[2]) Храмъ Зевса въ Олимпіи съ картинами Панена, Парѳенонъ, въ которомъ на статуѣ Аѳины было столь много для детальнаго осмотра, храмъ Ифеста въ Аѳинахъ,[3]) стѣны котораго имѣли роспись, получали освѣщеніе лишь черезъ двери,[4]) и, какъ показываютъ вычисленія *Дёрпфельда,* въ современныхъ музеяхъ не требуется большаго количества свѣта, чѣмъ мы имѣемъ въ греческихъ храмахъ, не принимая у нихъ гипертральныхъ отверстій. *Если пинакоѳека и лесха имѣли еще по два окна, ихъ освѣщеніе надо признать не только достаточнымъ, но блестящимъ.*

На существованіе оконъ въ южной стѣнѣ лесхи указываютъ по нашему еще неизданныя досихъ поръ надписи, найденныя въ Дельфахъ.[5]) Изъ этихъ надписей видно, что изъ лесхи прекрасно можно было наблюдать все, что происходило въ святынѣ Аполлона, какъ-то процессіи, народъ, собиравшійся тамъ, и т. п. Между тѣмъ принимать нѣсколько дверей въ лесхѣ, что считаютъ возможнымъ *Омолль и Поттье,* мы не можемъ.[6]) Установивъ, гдѣ находились картины Полигнота въ лесхѣ и какъ онѣ освѣщались, переходимъ къ вопросу объ ихъ размѣрахъ.

---

[1]) Ср. *R. Rochette,* Lettres archéologiques, 43 слл., *Hermann,* Epikritische Betrachtungen über die polygnotischen Gemälde, стр. 17 слл.

[2]) Ср. о планѣ Эрехѳіона *A. Furtwängler,* Meisterwerke d. griech. Plastik, 192 слл. Мы считаемъ реставрацію Фуртвенглера наиболѣе правильной.

[3]) Т. наз. „Ѳисіонъ."

[4]) Ср. *Dörpfeld,* Ath. M., XVI, 1891, 334 слл.

[5]) Мы обязаны знаніемъ ихъ Поттье въ Парижѣ.

[6]) Ср. выше.

Стѣны, на которыхъ онѣ находились, имѣютъ въ ширину прибл. 7,73 м. На какой высотѣ картины начинались и какое пространство занимали, мы можемъ судить по картинамъ, нѣкогда украшавшимъ храмъ Ифеста въ Аѳинахъ. Этотъ храмъ выстроенъ только немногимъ позже Полигнота. Какъ показываетъ теперешнее состояніе его стѣнъ,[1]) храмъ этотъ внутри и въ западномъ портикѣ былъ украшенъ большими картинами. Всѣ стѣны въ этихъ частяхъ, начиная непосредственно отъ цоколя вплоть до верхняго карниза подъ потолкомъ, не отшлифованы. Напротивъ, цоколь и всѣ другія части зданія (наружныя стѣны, полъ и ступени наружныхъ портиковъ) отшлифованы весьма тщательно. Въ греческихъ зданіяхъ эпохи, которою мы занимаемся, такая неотдѣланность всегда предполагаетъ, что неотдѣланныя части не были видны. Такъ и въ храмѣ Ифеста эти неотдѣланныя стѣны должны были принять облицовку, на которой были картины. Еще до настоящаго времени внутри храма Ифеста на стѣнахъ сохранились остатки облицовки. Ихъ впрочемъ *Дёрпфельдъ* предполагаетъ считать не античными.[2]) Намъ это кажется несомнѣннымъ въ виду того, что облицовка сохранилась не всюду, а только на 6 слояхъ мраморныхъ блоковъ, составляющихъ часть стѣны отъ цоколя вверхъ,[3]) внутри храма. Выше, внутри храма и въ западномъ портикѣ храма нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ облицовки. Ясное дѣло, что, когда храмъ Ифеста въ христіанское время былъ преобразованъ въ церковъ Св. Георгія, всѣ картины языческаго времени были уничтожены. На ихъ мѣсто внутри церкви явились новыя фрески, а снаружи храма стѣны остались безъ нихъ.

Робертъ справедливо полагаетъ, что въ картинахъ храма Ифеста мы должны усматривать картины школы, жившей еще традиціями школы Полигнота (эти традиціи, по Роберту, Marathonschl., стр. 88, — продолжаются по крайней мѣрѣ до 430 года). О картинахъ храма Ифеста мы ничего не знаемъ изъ литературнаго преданія. Но величину ихъ можемъ опредѣлить точно. *Робертъ* (Marathonschl., 90) вычислилъ поверхность картинъ храма Ифеста: онѣ были 11×4,59 метра. Намъ извѣстна ширина картинъ Полигнота. Ее мы должны

---

[1]) Мы лично изслѣдовали Ифестіонъ въ Аѳинахъ.

[2]) У *Robert*, Marathonsschl., 88.

[3]) Ср. *Semper*, Stil, I, 455, примѣч. 1. Земперъ считалъ остатки облицовки античными и вывелъ отсюда невѣрное заключеніе о величинѣ картинъ.

принимать равною ширинѣ стѣны. Величина картинъ не измѣнится существенно, если мы примемъ, что у картинъ по краямъ былъ орнаментъ.

Намъ, однако, кажется, что мы не можемъ принимать такой рамы для картинъ. Въ V вѣкѣ стѣнная живопись понималась, конечно, не такъ, какъ она понималась въ Помпеяхъ, какъ мы ее понимаемъ теперь. Въ Помпеяхъ картина является уже независимой отъ стѣны, и потому можетъ имѣть свою раму. V вѣкъ расчлененія стѣны еще не знаетъ; въ V в. стѣна является единицею, а картина частью тѣла всего зданія, органическою частью стѣны, съ которой она связана наитѣснѣйшимъ образомъ. Метопы, фризъ, фронтоны храмовъ не могутъ имѣть никакой самостоятельной рамы; метопы обрамляются триглифами, фронтоны карнизами крыши храма и т. д., т. е. всегда органическими частями зданія. Вазовыя картины эпохи Полигнота, если и имѣютъ орнаментальныя рамы, то послѣднія находятся всегда въ самой тѣсной связи съ архитектоникой вазы, и никогда не служатъ только рамой *картины:* достаточно указать на фактъ, что нельзя встрѣтить теперь композиціи съ орнаментальною рамою въ вертикальномъ направленіи. Извѣстный кратиръ Лувра изъ Орвіето (см. *Robert, Nekyia*, 40), кратиръ Болонскаго музея (см. тамъ же, 41), всѣ бѣлые лекиөы и т. д. и т. д. не имѣютъ у всѣхъ картинъ рамъ съ боковъ, такъ какъ такія рамы были бы безсмысленны съ точки зрѣнія архитектоники вазы. Орнаменты сверху и внизу вовсе не ограничиваютъ *картинъ;* это вовсе не рамы въ нашемъ смыслѣ слова; это только орнаментъ, украшающій *вазу* и имѣющій смыслъ съ точки зрѣнія *архитектуры вазы*. То, что мы сказали относительно храмовъ и вазъ, безусловно относится ко всѣмъ произведеніямъ искуства и художественной промышленности въ V вѣкѣ.

Подобно тому, какъ скульпторъ, украшавшій храмъ, исходилъ при созданіи своихъ твореній изъ той мысли, что его скульптуры должны представлять часть общаго корпуса *храма,* и вовсе не являются чѣмъ-то самостоятельнымъ; подобно тому, какъ керамистъ, расписывая вазу, долженъ былъ всегда имѣть въ виду, что онъ пишетъ не самостоятельную картину, а расписываетъ *вазу,* такъ и художникъ, расписывавшій лесху, долженъ былъ, по законамъ искусства V в., помнить, что его задача расписать *стѣны* зданія, что его картины должны быть орга-

ническою частью ихъ и должны въ качествѣ рамъ имѣть *органическія части зданія.* Напротивъ, художникъ въ Помпеяхъ, расписывая стѣны дома, уже не знаетъ *стѣны,* какъ таковой: онъ какъ-бы пробиваетъ стѣну и открываетъ перспективы въ даль: его задача — иллюзія. *Такъ какъ при Полигнотѣ картина еще зависитъ отъ зданія, то, кромѣ естественныхъ рамъ, полагаемыхъ картинамъ устройствомъ стѣны, мы принимать не можемъ.* Естественными границами картинъ съ боковъ являются концы стѣны. На верху картины ограничиваетъ карнизъ, идущій кругомъ всего зданія (обычный въ греч. архитектурѣ). Снизу границею картинъ является цоколь, высоту котораго, по аналогіи съ храмомъ Ифеста, мы можемъ принять въ 0,85 м. — 1 м.

Такимъ образомъ, разъ ширина картины въ лесхѣ должна быть ок. 7,73 м., *то высота картины* (по аналогіи съ храмомъ Ифеста) опредѣлнется изъ пропорціи:

$$11 : 4{,}59 = 7{,}73 : x;$$

она должна быть около 3,32 метра.[1])

На стѣнѣ лесхи, около полу, у сѣверо-восточнаго угла раскопки констатировали штукатурку, окрашенную въ темносиній цвѣтъ. Цоколь внутри лесхи, такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ синій. По всей вѣроятности, картины Полигнота имѣли бѣлый фонъ.[2]) Что касается стѣнъ сѣверной и южной, въ которой были двери и окна, онѣ не могли быть выше цоколя иными, чѣмъ бѣлыми. Если бы онѣ окрашены были въ другой цвѣтъ, чѣмъ фонъ картинъ, занимавшихъ, какъ мы видѣли, цѣликомъ стѣны западную и восточную, то лесха внутри не представляла бы единства, и картины не представляли бы одного цѣлаго, одного тѣла со зданіемъ, чего мы должны отъ нихъ

---

[1]) Принимая для делфійскихъ картинъ 7,73×3,32, мы имѣемъ у нихъ отношеніе ширины къ высотѣ 2,32 : 1. Приблизительно такое же отношеніе видимъ у картинъ на вазахъ, которыя должны зависить отъ Полигнота. Назовемъ для примѣра слѣдующія вазы:

1) *Кратиръ изъ Орвіето въ Луврѣ* (Mon. dell'Instituto, XI, 38—40; Annali d. Inst., 1882, 273 сл.; *Robert*, Nekyia, 40).

2) *Кратиръ Museo Civico въ Болоньѣ* (Museo Italiano di antichita classica, III, 1890, tav. I; Mon. dell'Inst., Suppl., tav. 21, 22; *Robert*, Nekyia, 41; Журн. Минист. Нар. Просв., 1898, Апрѣль, отд. класс. фил., IV).

3) *Кратиръ коллекціи Jatta въ Руво* (Mon. d. Inst., VIII, 42; Heydemann, Satyr-und Bakchennamen, V, Hall. Winckelmannspr., 1880).

4) *Кратиръ той же коллекціи* (Mon. d. Inst., 59; Wiener Vorlegeblätter, 1890—91, Taf. XII, 2).

[2]) Ср. *Robert*, Nekyia 58; *Schöne*, Jahrb. d. Inst., VIII, 1893, 189 сл.; *Robert*, Marathonsschlacht in der Poikile, 108 сл.

требовать. Далѣе, мы не имѣемъ примѣровъ такой росписи зданій изъ древности. Наконецъ, въ видахъ освѣщенія картинъ, бѣлыя стѣны являются наиболѣе цѣлесообразными.[1]) Мы полагаемъ, что *сѣверная и южная стѣны лесхи вверху надъ синимъ цоколемъ были облицованы въ бѣлую штукатурку.* Въ лесхѣ, такимъ образомъ, мы имѣемъ совершенно такой же цоколь, какъ въ аѳинскихъ пропилеяхъ.[2]) Здѣсь, въ Аѳинахъ, цоколь сдѣланъ, какъ извѣстно, изъ темно-синяго элевсинскаго камня, а стѣны пропилей — изъ пентелійскаго мрамора.

Относительно цоколя лесхи мы позволимъ себѣ высказать еще слѣдующее. Въ западномъ портикѣ храма Ифеста въ Аѳинахъ, гдѣ было въ древности 3 картины на стѣнахъ (сѣверной, западной, южной) цоколь у средней (западной) стѣны нѣсколько выше, чѣмъ у западной и восточной. Мы объясняемъ это такъ, что древніе не выносили ни въ чемъ монотонности. Одинаковой высоты цоколь вноситъ въ зданіе нѣкоторую сухость. Болѣе высокій цоколь у средней стѣны, уничтожая эту сухость, кромѣ того еще отдѣляетъ 3 картины другъ отъ друга: рамъ особыхъ, какъ мы видѣли, картины не имѣли. У древнихъ это стремленіе къ разнообразію въ деталяхъ иногда доходитъ до такихъ тонкостей, которыя нашему глазу не замѣтны на первыхъ порахъ. Въ сѣверномъ портикѣ Эрехѳіона, напр., узоръ орнаментовъ на базахъ колоннъ не одинаковъ. Между тѣмъ какъ базы 2-хъ пилястръ и двухъ крайнихъ колоннъ колоннады, противъ двери, имѣютъ въ украшающей ихъ плетеницѣ желобъ, или вогнутую поверхность, базы колоннъ, находящихся между пилястрами и крайними колоннами колоннады противъ двери, и базы 2-хъ колоннъ по серединѣ сѣверной колоннады (противъ двери) въ той же плетеницѣ имѣютъ выпуклую поверхность. Такъ какъ картины лесхи не имѣли особыхъ рамъ, подчеркивающихъ значеніе поверхностей, занимаемыхъ картинами, то самымъ лучшимъ и самымъ соотвѣтственнымъ законамъ искусства V вѣка образомъ значеніе стѣнъ западной и восточной могло быть указано такъ же, какъ въ храмѣ Ифеста: цоколи стѣнъ западной и восточной были немного ниже, чѣмъ цоколи

---

[1]) Ср. *Robert*, Marathonsschl., стр. 109.

[2]) Лесха была не изъ мрамора, а изъ простаго камня, почему стѣны ея и должны были быть облицованы штукатуркой для красоты. Фигуры Панена на тронѣ Зевса Олимпійскаго могли быть на синемъ фонѣ. Это не говоритъ за то, что у Полигнота мы должны предполагать такой же фонъ. Задачи Панена въ Олимпіи и Полигнота въ Дельфахъ были далеко не однѣ и тѣ же.

сѣверной и южной стѣнъ. *Если цоколи зап. и вост. стѣнъ были 0,85 м, то на сѣв. и южн. они могли доходить до 1 м.* Подобной эстетикой былъ проникнутъ строитель аѳинскихъ пропилей: желая подчеркнуть все значенiе центральнаго корпуса, онъ дѣлаетъ у примыкающихъ къ нему съ сѣвера и юга малыхъ корпусовъ нижнiя ступени изъ синяго элевсинскаго камня, тогда какъ всѣ ступени средняго корпуса — изъ бѣлаго пентелiйскаго мрамора. Этимъ, какъ и въ лесхѣ, достигается разнообразiе, уничтожается монотонность и сухость, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивается значенiе тѣхъ частей общаго тѣла зданiя, на которыя мы должны смотрѣть, какъ на главныя.

Мы уже много разъ указывали, сколь много нитей связываетъ аѳинскiя пропилеи съ дельфiйской лесхой. На пропилеяхъ впервые мы видимъ употребленiе для цоколя синяго элевсинскаго камня, котораго до нихъ мы не видимъ въ греческой архитектурѣ рядомъ съ мраморомъ. Этотъ фактъ настолько характеренъ, что историки греческой архитекты часто пользуются имъ, какъ terminus post quem, при опредѣленiи датъ разныхъ памятниковъ греческой архитектура.[1]) Каково происхожденiе этого примѣненiя синяго камня? Послѣ сказаннаго о лесхѣ едва-ли мы будемъ колебаться на счетъ этого: зданiя, расписанныя Полигнотомъ въ Аѳинахъ (Ѳисiонъ, Анакiонъ) не отличались, разумѣется, въ своей росписи отъ лесхи; подъ ихъ влiянiемъ возникла манера, которую видимъ на пропилеяхъ. *Мы присутствуемъ здѣсь при фактѣ, обнаруживающемъ влiянiе Полигнота и его школы на аттическую архитектуру эпохи Перикла,* фактѣ весьма интересномъ и заслуживающемъ вниманiя всякаго историка греческаго искусства.

Полигнотовы картины лесхи, имѣя въ ширину 7,73 и 3,32 метр. въ высоту, занимали каждая поверхность въ 25,66 кв. метра. „Гибель Илiона" имѣетъ 82 фигуры, „Аидъ" — 74. Столько большихъ и меньшихъ фигурѣ называетъ Павсанiй. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ *Шубартъ* (Zeitschr. f. Alterthumsw., 1855, 402), Павсанiй скорѣе объясняетъ, чѣмъ описываетъ картины. Разныхъ аксессуаровъ Павсанiй могъ и не назвать. Робертъ по этому правъ, вводя въ свои реставрацiи картинъ Полигнота разные аксессуары между фигурами, назван-

[1]) Dörpfeld постоянно пользуется имъ въ своихъ Vorträge въ Аѳинахъ.

ными у Павсанія. Считая для картины Полигнота 78 фигуръ, беремъ скорѣе minimum. Дѣля 25,66 кв. м. на 78, получаемъ приблизительно поверхность, приходившуюся на каждую фигуру: 0,33 кв. метра.

Фигуры на картинахъ Полигнота, т. обр., были не больше, чѣмъ фигуры на фризѣ Парѳенона. По величинѣ онѣ были въ такомъ же родѣ, какъ фигуры на картинахъ этрусскихъ гробницъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ не были въ натуральный человѣческій ростъ[1]).

Таковы результаты, которые даютъ для лесхи, ея картинъ и величины фигуръ на послѣднихъ французскія раскопки въ Дельфахъ. Раскопки разъяснили темныя и отрывочныя свидѣтельства древнихъ, дали новый матеріалъ, позволившій и намъ сдѣлать новые выводы на счетъ посвященія книдянъ.

Конечно, послѣ раскопокъ Французской школы потеряли значеніе всѣ прежнія реставраціи лесхи[2]).

---

[1]) Послѣднее особенно *Робертъ* Marathonsschb., 84 слл., думалъ выводить изъ Эліана (Var. Hist., IV, 3; *Overbeck*, Schriftquellen, 1076).

[2]) Вотъ извѣстныя намъ работы.

1) Comte de Caylus, въ Histoire de l'académie des inscriptions et belles-lettres, 1761, XXII, 39.

2) Valckenaer, Animadv. ad Ammon., 210 сл.

3) Zell, Ferienschriften, I, 11 сл.

4) Fr. u. J. Riepenhausen, Erläuterung des polygnotischen Gemäldes, стр. 40. (V Abschnitt), *180 , г.*

5) Thorlacius, Prolusiones et opuscula academica, *1806 г.*, I, стр. 67—95.

6) Böttiger, Ideen zur Arhäologie der Malerei, *1811 г.*, 290 слл.; ср. 296 слл.

7) Letronne, Lettres d'un antiquaire à un artiste, *1836 г.*, стр. 189.

8) Thiersch, Über die Topographie von Delphi, въ Abhandlungen der königl. bayr. Akad., phil-histor. classe, III, 1840 г., 1 слл,, 59.

9) Urlichs, Reisen u. Forsch., *1840 г.*, 39, 107. (Ср. *de Witte*, Ann. d. Inst., 1841, tav. d'agg. A).

10) O. Jahn, Die Gemälde des Polygnot, въ Kieler philolog. Studien, 1841 г., 1411.

11) Curtius, Anecdota Delphica, *1843 г.*, 3.

12) K. Fr. Hermann, Epikritische Betrachtungen über die polygnotischen Gemälde, 16 слл., *1849 г.*, (Ср. *Overbeck*, въ Rhein. Mus., N. F., VII, *1850 г.*, 425 сл).

13) Ed. Falkener, Of the plan an disposition of greek lesche, въ Museum of classical antiquities, 1851, VII.

14) Ruhl u. Schubart, въ Zeitschrift f. Alterthumsw., *1855*, 386 сл., 390, 396 слл.

15) Magasin pittoresque, 1855, 291.

16) Ch. Lenormant, Mémoire sur les peintures que Polygnote avait executées dans la lesché, въ Mémoires de l'acad. royale de Belgique, XXXIV, *1864 г.*, 21. (Ср. *Schubart*, въ Neue Jahrbücher f. Philologie u. Pädagogik, т. 91, *1865 г.*, 681 слл.

17) Ad. Michaëlis, Über die Komposition der Giebelgruppen am Parthenon, въ Verzeichniss der Doctoren, welche etc., Tübinger Programm, стр. 28 (Ср. *Blümner*, въ Rhein. Mus., N. F., XXVI, стр. 354 слл.).

18) K. Fr. Hermann-Thumser, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, I, § 27, 3. Ср. *K. Fr. Hermann-Blümner*, Privatalterthümer, IV, § 17, 5.

19) Lange, Haus und Halle, 120 сл.

II.

Начиная описаніе лесхи книдянъ въ Дельфахъ, Павсаній дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу лесхъ вообще. Названіе „λέσχη", по его мнѣнію, было у дельфійскаго зданія потому, что „ἐνταῦθα συνιόντες τὸ ἀρχαῖον τά τε σπουδαιότερα διελέγοντο καὶ ὁπόσα μυθώδη". Павсаній, т. обр., производитъ слово λέσχη отъ корня слова διαλέγεσθαι, и связываетъ понятіе о лесхѣ съ представленіемъ о бесѣдѣ. Далѣе, говоритъ Павсаній, — лесхъ было весьма много по всей Элладѣ во времена Гомера. Періэгетъ цитируетъ здѣсь мѣсто изъ Одиссеи (XVIII, 328 сл.); Меланѳо такъ говоритъ Одиссею-нищему:

οὐδ' ἐθέλεις εὕδειν χαλκήϊον ἐς δόμον ἐλθὼν
ἠέ που ἐς λέσχην, ἀλλ' ἐνθάδε πολλ' ἀγορεύεις.

Вполнѣ естественно, что Павсаній, приступая къ объясненію картинъ лесхи, вспоминаетъ Гомера, у котораго упоминаются лесхи. Невольно самое содержаніе картинъ лесхи (Одиссей въ Аидѣ, Гибель Иліона) напоминали Павсанію о Гомерѣ.[1]

Мало мѣстъ въ Павсаніи съ такою ясностью, какъ то, о которомъ теперь у насъ идетъ рѣчь (X,25,1), указываютъ на то, откуда черпаетъ свои свѣдѣнія ученый періэгетъ. То, что въ лесхахъ собирались и развлекали себя бесѣдами, намъ сообщаютъ и схоліи къ Одиссеѣ, которую Павсаній здѣсь цитируетъ. Очевидно, Павсаній пользуется комментаріями къ приведенному имъ мѣсту Одиссеи. Въ самомъ дѣлѣ, въ схоліяхъ къ Одиссеѣ читаемъ слѣдующее: „Λέσχην· τόπον ἀθύρωτον δημόσιον, ἔνθα συνιόντες λόγοις, διηγήμασιν ἀλλήλους ἔτερπον". Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что слова Павсанія „καὶ ὁπόσα μυθώδη" восходятъ къ тому же источнику, что и только что выписанныя слова схолій къ Одиссеѣ, — *къ комментаріямъ древнихъ грамматиковъ къ Гомеру.* Такъ какъ о

20) *Iw. Müller*, Griech. Privataltertümer, §§ 21 u. 142. (y Iw. Müller, Handb. d. klass. Alterthumswissensch., IV, 1, 2).
21) *Robert*, Nekyia des Polygnot, 1892, 45.
22) *Schöne*, въ Jahrb. d. Inst., VIII, *1893*, 187 сл.
23) *Schreiber*, въ Festschrift f. J. Overbeck, *1893*, 189.
24) *Weizsäcker*, Polygnot's Gemälde in der Halle der Knidier zu Delphi, 6 сл. 1894 г.
25) *Robert*, Marathonsschlacht in der Poikile, 106, сл., 1895 г.
26) *Schreiber*, Wandbilder des Polygnotos in der Halle der Knidier zu Delphi, I Theil, (въ Abhandl. d. k. sächsisch. Gesellsch. d. Wissensch., phil-hist. Classe, XVII, 1897).
[1]) Ср. *Lenormant*, Mémoire sur les peintures que Polygnote etc., въ Mémoires de l'académie de Belgique, XXXIV, 1864, 8.

„σπουδαιότερα“ намъ ровно ничего не говорятъ схоліи, то *у Павсанія въ данномъ мѣстѣ былъ еще какой-то источникъ.* Какой —, мы увидимъ далѣе.

У Гомера, Меланѳо говоритъ о лесхѣ съ явнымъ презрѣніемъ. Не съ меньшимъ презрѣніемъ говоритъ о лесхахъ и Гесіодъ (Ἔργα, 493 сл.):

Πὰρ δ' ἴθι χαλκεῖον θῶκον καὶ ἐπαλέα λέσχην
ὥρῃ χειμερίῃ.

Изъ Гомера, Гесіода, изъ ихъ комментаторовъ, изъ большей части лексикографовъ[1]) о лесхахъ мы узнаемъ одно и тоже; изъ нихъ мы видимъ, что лесхи были дома, служившіе особенно въ холодное время года убѣжищемъ для людей бѣдныхъ, которые могли войти туда, когда угодно, могли тамъ погрѣться, выспаться.[2])

Изъ Гесіода и Гомера видимъ, что съ этою же цѣлію народъ забирался зимой въ мастерскія кузнецовъ, гдѣ было тепло[3]).

Въ кузняхъ и лесхахъ собиралась масса народу. Народъ этотъ обыкновенно тамъ ничего не дѣлалъ: занимались разговорами; вообще проводили время праздно. Понятно, почему Меланѳо такъ презрительно говоритъ о кузняхъ и лесхахъ и почему туда посылаетъ бродягу-нищаго; понятны и предостереженія, которыя дѣлаетъ Гесіодъ, противъ посѣщенія этихъ домовъ лѣни и праздности. То, что мы слышимъ о лесхахъ отъ Гомера и Гесіода, лучше всего соотвѣтствуетъ нашимъ современнымъ понятіямъ: постоялый дворъ, корчма, даже просто кабакъ. Въ словахъ Меланѳо слышится прямо ругань; она противоставляетъ лесху порядочному дому.

И у Гомера и у Гесіода рядомъ съ лесхами называются кузницы; послѣднія оба поэта называютъ даже на *первомъ* мѣстѣ. Разумѣется, въ первобытныя времена не было спеціальныхъ домовъ для убѣжищъ; конечно, лесхи явились позднѣе, когда надобность въ такихъ домахъ явилась настоятельная. Въ первобытныя времена бѣдняки скрывались отъ холода, гдѣ Богъ послалъ. Гомеръ и Гесіодъ даютъ указанія, что въ холодъ и непогоду бѣдняки находили убѣжище въ кузницахъ,

---

[1]) Ср. Δραγούμης, Ath. M., XVII, 1892, 147 сл.

[2]) Гомеръ, ук. мѣсто Одиссеи и схоліи къ нему; Гесіодъ, Труды, 491 сл. и схоліи къ этому мѣсту.

[3]) См. тѣ же мѣста: у Гомера — χαλκήϊος δόμος, у Гесіода — χαλκεῖος θῶκος.

гдѣ у очаговъ они могли погрѣться. Мы вполнѣ соглашаемся съ результатами, къ которымъ пришелъ *Драгуми*,[1]) изучая вопросъ о лесхахъ: сначала лесхи устраивались по образцу кузницъ, которыхъ со временемъ было уже недостаточно, чтобъ дать убѣжище всѣмъ, не имѣвшимъ пристанища.

Тепло — вотъ, что привлекало въ кузницы. Лесхи, т. обр., прежде всего должны были имѣть огонь, у котораго можно было бы грѣться. Комментаторъ Гесіода Нептолемъ, — къ 492 сл. стихамъ Трудовъ; Scholia ad Hesiodum, ed. Th. Gaisford, Lipsiæ, 1823, стр. 302 (251), — по Проклу, такъ опредѣляетъ лесху: „ὄνομα αὐλῆς, ἐν ᾗ πῦρ ἐστιν“. Другой комментаторъ того же Гесіода Цецесъ [стр. 304 (252)] явно указываетъ, что прототипомъ лесхъ были кузницы и вообще всѣ мастерскія, гдѣ были очаги: „τὸ παλαιὸν τὰ χαλκεῖα καὶ πάντα τὰ ἐργαστήρια τὰ πῦρ ἔχοντα . . . ἃ καὶ λέσχας ἐκάλουν“. Etymologicum Magnum (s. v. λέσχη) также указываетъ на то, что тепло было нераздѣльнымъ съ понятіемъ о лесхѣ: . . . „λέσχας καλοῦσι· συμβαίνει γὰρ τοὺς ἐν ταῖς οἰκίαις ταύταις χάριν θέρμης καθεζομένους λόγους συναίρειν.“

Въ какія отдаленныя времена явились лесхи, видимъ изъ мѣстъ Гесіода и Гомера, гдѣ лесхи ставятся рядомъ съ кузницами, при чемъ послѣднія называются χαλκήϊοι δόμοι: мы имѣемъ дѣло съ эпохой, когда для кузницъ характернымъ является мѣдь, а не желѣзо.

Гомеръ называетъ кузницу χαλκήϊος δόμος. Подъ δόμος надо, конечно, разумѣть помѣщеніе крытое. Лесхи, которыя устраивались по образцу этихъ δόμοι, по своей формѣ должны были быть также зданіями крытыми. Да какъ же иначе возможно было бы въ нихъ укрыться отъ непогоды и холода, если бъ это не были закрытыя помѣщенія со всѣхъ сторонъ и имѣющія крышу? По своей формѣ древнѣйшія лесхи должны были быть δόμοι. Какую форму имѣли послѣдніе, мы теперь знаемъ по раскопкамъ въ Троѣ, Тиринѳѣ, Микенахъ и т. д.[2]) Схема древнѣйшей кузницы была, конечно, такова же какъ и схема вообще дома. Вотъ планъ примитивнаго дома.

[1]) Δραγούμης, Athen. Mitth., XVII, 1892, 148 *сл.*

[2]) Ср. *Dörpfeld*, Troja 1893, 22 *сл.* Ср. *Perrot et Chipiez*, Histoire de l'art dans l'antiquité, VI, 194 сл. и др.

Таковыми же по плану мы можемъ представлять себѣ и древнѣйшіе χαλκήϊοι δόμοι Гомера. Таковъ же былъ планъ и первоначальной лесхи Гомера и Гесіода.

Въ виду того, что лесхи должны были быть всегда доступны всякому, онѣ не запирались, или даже у нихъ совсѣмъ не дѣлали дверей (схоліи къ Одиссеѣ, ук. м.; схоліи къ гесіодовымъ Трудамъ, ук. м.). Всякій, кто знакомъ съ климатическими условіями Греціи, пойметъ, что въ крытомъ зданіи съ такимъ планомъ, какъ мы указали, особенно если дверь обращена къ югу, въ зимнюю непогоду всегда будетъ тепло, разъ внутри зданія поддерживается огонь на очагѣ,[1]) не смотря на то, что зданіе ἄθυρον, ἀθύρωτον, что оно не имѣетъ дверей.

Мы видѣли, каково происхожденіе лесхъ Гомера и Гесіода, каково ихъ было первоначальное назначеніе, каковъ ихъ былъ приблизительно планъ. Только теперь мы можемъ видѣть всю ошибочность ходячей этимологіи слова „λέσχη". Мы разумѣемъ производство слова λέσχη отъ понятія διαλέγεσθαι. Уже схоліастъ Одиссеи (ук. м.) производитъ λέσχη отъ этого понятія: „παρὰ τὸ λεσχαίνειν ἐν αὐτῷ (τόπῳ), ὅ ἐστιν ὁμιλεῖν". Мы уже видѣли, что нашъ Павсаній держался этимологіи отъ διαλέγεσθαι.[2]) Правда, въ лесхахъ собиралось масса народу; правда, тамъ много говорили.[3]) Но развѣ съ цѣлію говорить и философствовать шли въ лесху при Гомерѣ и Гесіодѣ? Нѣтъ! Туда гнали прежде всего холодъ и стужа бездомныхъ; первою цѣлію лесхи было дать бѣднякамъ возможность согрѣться и укрыться отъ непогоды.[4])

Мы отмѣчаемъ ошибочность этимологіи древнихъ схоліастовъ и грамматиковъ въ виду того, что нѣкоторые новые изслѣдователи также ея держатся. Такъ, напр., *Ленорманъ* (ук. соч., 11) даетъ слѣдующее опредѣленіе лесхи: λέσχη — „un lieu destiné à la conversation". Точно также понимаетъ слово *Вейцзеккеръ* (ук. соч., 6 сл.): лесхи — „Konversationshäuser". Ср. объясненія *Бёттигера* (Ideen zur Archäologie

[1]) Очагъ былъ необходимою принадлежностью дома въ первобытныя времена, что показали упомянутыя раскопки жилищъ Микенской эпохи.

[2]) Другія древнія и новыя этимологіи слова см. у *Драгуми*, Ath. M., XVII. 1892, 153, пр. 5.

[3]) См. Гарпократіона, s. v. λέσχη, Гесихія, s. v. λέσχη, Etym., Magn., s. v. ἀδολεσχία, λέσχη, указанныя схоліи къ Гомеру и Гесіоду.

[4]) Ср. *Iw. Müller*, Griech. Privataltertümer, 37; 262, 5; *Ameis-Hentze*, Homer's Odyssee, Anhang къ σ 329.

d. Malerei, стр. 296 слл.), *Блюмнера,* (у *K. Fr. Hermann,* Lehrbuch d. griech. Privatalterthümer, IV, 126, 5) и др.

Первоначально жалкія убѣжища для неимѣвшихъ пристанища, лесхи, весьма понятно почему, мало-по-малу стали нѣсколько иными. Уже Гесіодъ говоритъ, что въ лесхахъ собирается масса празднаго народу. Гарпократіонъ (s. v. λέσχη) сообщаетъ намъ то же: „λέσχας ἔλεγον δημοσίους τινὰς τόπους, ἐν οἷς σχολὴν ἄγοντες ἐκαθέζοντο πολλοί". Мѣста, гдѣ собиралось много народу, стали привлекать мало-по-малу и людей, имѣвшихъ пристанище и являвшихся въ лесхи исключительно для общества, для развлеченія. Мало-по-малу лесхи начинаютъ привлекать и не только бѣдняковъ и бездомныхъ. *Драгуми* (Ath. M., XVII, 1892, 149), разобравъ всѣ показанія древнихъ на счетъ лесхъ, пришелъ къ результату, съ которымъ мы вполнѣ соглашаемся: лесхи мало-по-малу стали родомъ клубовъ или кафе нашего времени.[1])

Но какъ при Гомерѣ и Гесіодѣ на лесхи смотрѣли не особенно почтительно, такъ и въ историческое время лесхи, не смотря на то, что онѣ устраивались теперь не для сброда, не имѣютъ *серіознаго* значенія. Какъ во время оно, такъ и теперь толпы праздныхъ наполняютъ лесхи; время проводятъ тамъ весело, но непроизводительно. Еврипидъ[2]) называетъ лесхи „τερπνὸν κακόν", „сладкимъ зломъ", и приводитъ ихъ среди „ἡδοναὶ πολλαὶ βίου". Изъ его же словъ видно, что по размѣрамъ теперь лесхи были велики (μακραί). Изъ одного мѣста Цицерона мы также видимъ, что лесхи устраивались иногда роскошно, и что, каково бы ни было ихъ устройство, лесхи были всегда мѣстомъ удовольствій, развлеченій.[3])

Однако названіе λέσχαι у этихъ кафе и клубовъ древности мало-по-малу исчезаетъ. Изъ Плутарха (Никій, 12) мы узнаемъ, что юноши при Никіи въ Аѳинахъ проводили время въ палестрахъ, а старики сидѣли „ἐν ἐργαστηρίοις καὶ ἡμικυκλίοις". У него же (Алкивіадъ, 17) опять читаемъ: „πολλοὺς ἐν ταῖς παλαίστραις καὶ τοῖς ἡμικυκλίοις καθέζεσθαι". Времена мало измѣнились: по-прежнему много народу проводитъ время въ ἐργαστήρια и въ учрежденіяхъ, коихъ зна-

---

[1]) Ср. *Wyse,* An excurs. in the Peloponnes, I, 230.

[2]) Еврипидъ, „Гипполитъ", 382 сл.

[3]) Cic. ad Atticum XII, 1: est profecto quiddam λέσχη, quae habet, *etiamsi nihil subest,* collocutione ipsa *suavitatem.*

ченіе, несомнѣнно, одинакови съ прежними λέσχαι, но которыя называются теперь ἡμικύκλια. Уже *Ш. Ленорманъ* и *Блюмнеръ*[1]) совершенно справедливо изъ приведенныхъ двухъ мѣстъ Плутарха вывели заключеніе, что подъ ἡμικύκλια здѣсь надо разумѣть прежнія λέσχαι. Несомнѣннымъ намъ кажется то, что лесхи въ историческія времена Греціи (при Никіи, Алкивіадѣ) часто имѣли полукруглую форму, откуда и произошло мало-по-малу ихъ новое названіе ἡμικύκλια. Несомнѣннымъ намъ это кажется, вотъ почему.

Намъ прекрасно извѣстна форма зданій, называвшихся въ римское время экседрами.[2]) Относительно же послѣднихъ мы имѣемъ весьма важное для насъ свидѣтельство Гарпократіона:[3]) „ἐξέδραις δὲ ὁμοίας γένεσθαι αὐτάς". Гарпократіонъ прямо говоритъ, что лесхи по формѣ походили на экседры. Экседры были только по размѣрамъ меньше обширныхъ (μακραί Еврипида) лесхъ. Послѣднее сообщаетъ намъ Витрувій (V, XI): лесхи, по его свидѣтельству, были „*exedrae spatiosae,* habentes sedes, in quibus philosophi, rhetores, reliquique, qui studiis delectantur, sedentes, disputare possint." *И Гарпократіонъ и Витрувій сообщаютъ намъ одно: лесхи по своей формѣ были „exedrae spatiosae", „большія, обширныя экседры", т. е.* могли быть „ἡμικύκλια", *„полукружія"*.[4]) Остатки одного такого зданія мы имѣемъ въ древнемъ Книдѣ, при входѣ въ его портъ (см. *Newton,* Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae, pl. L and LXXI).

Выше мы сказали, что лесхи въ историческія времена Греціи *часто* должны были имѣть полукруглую форму. Послѣдняя была, очевидно, необязательна: 1) когда Еврипидъ называетъ лесхи „μακραὶ λέσχαι" — *„длинными,"* явное дѣло, что лесхи, которыя онъ имѣетъ въ виду, не были полукруглыми по формѣ; 2) лесхи историческаго времени, являясь прямыми продолженіями лесхъ времени Гомера и Гесіода, должны были на первыхъ порахъ быть сходными съ ними и по формѣ, т. е. быть прямоугольными.[5]) Зданіе, въ родѣ позднѣйшихъ

---

[1]) Mémoire sur les peintures que Polygnote etc., 12; *Blümner*, y *K. Fr. Hermann,* Lehrbuch d. Griech. Privatalterthümer, § 17, 5.

[2]) Ср. *Daremberg-Saglio,* Dictionn. d. antiquités grecques et romaines, подъ сл.

[3]) Подъ сл. λέσχαι (по Клеанѳу περὶ θεῶν). Ср. Δραγούμη, Ath. M., XVII, 1892, стр. 150.

[4]) Ср., кромѣ того, Витрувія, VI, 5, Цицерона, Fam., VII, 23.

[5]) И экседры бывали не только полукруглыя, но и прямоугольныя.

ἡμικύκλια, въ Одиссеѣ (24,207) называется κλίσιον; послѣднее слово Америй (у Евстаѳія, къ ук. м. Одиссеи) объясняетъ, какъ ἐξέδραν τινὰ σιγματοειδῆ.[1]) Леcха гомерова времени, какъ мы видимъ, не имѣла формы этого κλίσιον, продолженіемъ коего надо считать ἡμικύκλιον. Мы соглашаемся съ тѣми изслѣдователями, которые полагаютъ, что слово λέσχη никогда не обозначало какой-нибудь *формы* зданія.[2])

Мы уже знаемъ изъ Витрувія, что въ лесхахъ собирались философы, риторы. Изъ Павсанія мы также знаемъ, что въ лесхахъ собирались и говорили о самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ. Свидѣтельства Витрувія и Павсанія относятся къ лесхамъ позднѣйшаго времени. Если мы въ нихъ слышимъ дѣйствительно о философахъ, риторахъ, то понятія διαλέγεσθαι и φιλοσοφεῖν совершенно не соединимы съ тѣмъ, что такое были лесхи въ древнѣйшія времена. Оба эти понятія явились много, много вѣковъ позднѣе того времени, когда лесхи уже существовали. Объяснять понятіе о лесхѣ понятіями, которыя явились много вѣковъ спустя и которыя связывались съ лесхой только случайно, мы не имѣемъ никакого права. Равнымъ образомъ объяснять эпитетъ Аполлона Λεσχηνόριος такъ, какъ его объясняетъ Плутархъ мы не можемъ:[3]) „ὅταν ἀργῶσι[4]) καὶ ἀπολαύωσι χρώμενοι τῷ διαλέγεσθαι καὶ φιλοσοφεῖν πρὸς ἀλλήλους".

Клеанѳъ (у Гарпократіона, подъ сл. λέσχη) передаетъ, что „ἀπονενεμῆσθαι τῷ Ἀπόλλωνι τὰς λέσχας".

Эпитетъ Аполлона Λεσχηνόριος, *только что приведенное свидѣтельство Клеанѳа, вмѣстѣ съ этимъ фактъ существованія лесхи въ святынѣ Аполлона Дельфійскаго, — все это чрезвычайно не вяжется со всѣмъ, что мы до сихъ поръ знаемъ о лесхѣ.* Въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить съ этимъ крайне презрительное отношеніе Гомера къ лесхамъ? Почему благочестивый Гесіодъ не рекомендуетъ посѣщать лесхи? Почему Еврипидъ называетъ лесхи прямо „зломъ"? Почему, кромѣ того, убѣжища для бездомныхъ были посвящены Аполлону?

Намъ невольно предлагается самъ собою вопросъ: всѣ ли лесхи древности имѣли то значеніе, какое мы видѣли у Гомера, Гесіода, Еврипида, лексикографовъ, которыхъ мы назвали выше?

[1]) Ср. Гесихія, подъ сл. κλίσιον.
[2]) Ср. *K. Fr. Hermann*, Epikritische Betrachtungen, 17; *Schubart*, Zeitschrift f. Alterthumsw., 1855, 395; *Ch. Lenormant*, Mémoire etc., 11, и др.
[3]) Ср. Δραγούμης, Athen. Mitth., XVII, 1892, стр. 152 слл.
[4]) ἐνεργῶσι — рукописи, ἀργῶσι — *Драгуми*.

Что эоло-іонійскія лесхи, о которыхъ намъ говорятъ Гомеръ и Гесіодъ, не могли никогда быть посвящены Аполлону и не имѣли религіознаго значенія, для насъ совершенно очевидно изъ того тона, съ которымъ „создатели греческой религіи,“ какъ называетъ Геродотъ Гесіода и Гомера, — говорятъ о лесхахъ. Аѳинскія лесхи, о которыхъ говоритъ Еврипидъ, — совершенно соотвѣтствуютъ лесхамъ Гомера и Гесіода. Зная, сколь сильное вліяніе іонійская культура оказала на аттическую, мы едва-ли будемъ колебаться видѣть въ аѳинскихъ лесхахъ Еврипида учрежденія, введенныя въ Аѳины изъ іонійскихъ странъ. Однако, въ Аѳинахъ эти учрежденія, какъ мы видѣли, уже въ концѣ V в. называются „ἡμικύκλια“. Имя „λέσχαι“ въ Аѳинахъ не удерживается. Почему?

Если въ Etymologicum Magnum (561,12) мы находимъ свидѣтельство[1]), что у віотійцевъ слово „лесха“ употреблялось въ особенномъ, спеціальномъ значеніи, не въ томъ, какъ у эолянъ и іонянъ, то это насъ обязываетъ къ вопросу о томъ, не имѣетъ ли слово „лесха“ у дорянъ, къ каковымъ относятся и книдяне, выстроившіе дельфійскую лесху, и дельфійцы, — тоже особаго, спеціальнаго значенія. *Что дельфійская лесха книдянъ не имѣетъ ничего общаго съ іонійскими лесхами, очевидно.* Вопервыхъ, несомнѣнно, *она имѣла религіозное значеніе:* она находится около самаго храма Аполлона. Ея терраса, какъ гласитъ надпись посвятившихъ ее книдянъ, — „ἀνάλαμμα Ἀπόλλωνι“; Павсаній называетъ лесху „ἀνάθημα“ Аполлону. Далѣе, что особенно для насъ важно, лесха тѣснѣйшимъ образомъ связана съ могилой почитаемаго въ Дельфахъ героя Неоптолема[2]); вся ея роспись находится въ зависимости отъ послѣдней. Приводимъ въ подлинникѣ слова Павсанія, на которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ всѣ изслѣдователи[3]) не обращали должнаго вниманія: „ὑπὲρ τοῦ Νεοπτολέμου τὸν τάφον ἡ γραφὴ πᾶσα ἔμελλεν αὐτῷ (Πολυγνώτῳ) γενήσεσθαι“ (X, 26, 4). Вся роспись лесхи, все зданіе ея имѣетъ въ виду *могилу героя!* Какъ далеки мы здѣсь отъ „τερπνὸν κακόν“, отъ „suavitas“, отъ сборищъ праздныхъ людей, „ἀδολεσχοῦντες καὶ φλυαροῦντες“ іонійскихъ лесхъ!

---

[1]) Παρὰ Βοιωτοῖς τὰ κοινὰ δειπνητήρια.

[2]) Ср. А. *В. Никитскій*, Дельфійскіе лавіады, въ Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщ., 1898, январь, 68 (отд. класс. филологіи); февраль, 85 сл.

[3]) Нѣкоторые, какъ *Schubart*, Zeitschrift. f. Alterthumsw., 1855, стр. 412, связь картинъ съ могилой Неоптолема вовсе отрицали.

Однако, и самъ Павсаній сообщаетъ намъ о дельфійской лесхѣ нѣчто такое, чего мы не знаемъ о тѣхъ лесхахъ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ. Дельфійская леся предназначена была не только для μυθώδη, но и для σπουδαιότερα. Павсанію извѣстно, так. образомъ, *серіозное* значеніе лесхи въ Дельфахъ.

Если онъ, кромѣ того, сообщаетъ, что лесха въ Дельфахъ, помимо серіознаго значенія, имѣла еще и другое, то здѣсь мы еще разъ видимъ усерднаго компилятора, который желаетъ сообщить непремѣнно все, что ему извѣстно о томъ предметѣ, о какомъ онъ упоминаетъ въ своемъ разсказѣ, хотя бы это и вовсе не относилось къ дѣлу. Приведя совершенно лишнюю здѣсь цитату изъ Одиссеи и упомянувъ объ эоло-іонійскихъ лесхахъ, которыя ничего не имѣютъ общаго съ дельфійской, Павсаній въ то же время даетъ намъ драгоцѣнныя указанія на счетъ посвященія книдянъ, указанія, которыя и даютъ намъ возможность опредѣлить истинное значеніе дельфійской лесхи. Что въ дельфійской лесхѣ обсуждались важныя дѣла (σπουδαιότερα), совершенно согласуется съ тѣмъ, что дельфійская лесха была связана съ могилой Неоптолема, и что она была „ἀνάθημα Ἀπόλλωνι". Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты періэгетомъ скорѣе всего въ самыхъ Дельфахъ, у ἐξηγηταί, которые объясняли пріѣзжимъ святыню Аполлона Дельфійскаго.

Совершенно другого назначенія, чѣмъ іонійскія лесхи, лесха книдянъ отличалась отъ послѣднихъ и по устройству. Въ ней не могло собраться массы народу: ея размѣры весьма не велики. Наоборотъ, іонійскія лесхи были μακραί, spatiosae. Далѣе, дельфійская лесха имѣла двери, которыя запирались.[1]) На основаніи послѣдняго уже *Велькеръ* (Kleine Schriften, V, 64) считалъ нужнымъ выдѣлить дельфійскую лесху изъ ряда другихъ.[2]) *Ленорманъ* не только отмѣтилъ отличіе лесхи книдянъ отъ другихъ лесхъ, по формѣ, но предполагалъ, что она была и отлична отъ нихъ по значенію: „la lesché de Delphes, quant à la forme et l'étendue, differait probablement de toutes les autres". Но ни Велькеръ ни Ленорманъ не объяснили, почему и какъ лесха книдянъ отличалась отъ другихъ. Не правы Велькеръ и Ленорманъ, полагая, что дельфійская лесха стояла совершенно отдѣльно отъ *всѣхъ* другихъ.

---

[1]) Плутархъ, De defect. oracul., 6.

[2]) Ср. *Lenormant*, Mémoire etc., 17; *R. Rochette*, Peintures antiques inédites, 113; *Wieseler*, Götting. gelehrte Anzeigen, 1841, 1844.

Конечно, она не имѣла ничего общаго со всѣми *іоній-скими* лесхами.

Но въ ряду лесхъ дорійскихъ мѣстностей лесха книдянъ находитъ себѣ не одну аналогію.

Мы уже указали, что характернымъ у дельфійской лесхи является ея отношеніе къ могилѣ героя.

Такую же точно связь съ могилами героевъ и такое же религіозное значеніе имѣютъ обѣ лесхи Спарты. Лесха Кротановъ была расположена около могилъ царей линіи Агіадовъ (Плутархъ, Ликургъ, гл. 16) и вблизи святыни Асклепія (Павс., 3, 14, 2). Лесха Росписная, „Ποικίλη“, была въ связи съ ἡρῷα Кадма и его потомковъ.[1]) Послѣдняя, какъ указываетъ ея эпитетъ, была украшена живописью. Мы не имѣемъ никакихъ основаній полагать, что лесхи Спарты отличались отъ дельфійской и по формѣ.

Прекрасную аналогію для лесхи книдянъ мы имѣемъ въ лесхѣ, раскопанной недавно Германскимъ Археологическимъ институтомъ въ Аѳинахъ. Мы уже говорили о размѣрахъ и планѣ аѳинской лесхи. Лесха, раскопанная въ Аѳинахъ, внѣ всякаго сомнѣнія, имѣла религіозное значеніе. Раскопки показали, что ранѣе нея на этомъ же мѣстѣ былъ маленькій ἡρῷον съ храмикомъ и круглымъ жертвенникомъ (см. Athen. Mitth., XIX, 1894, Taf. XIV, F). Въ этомъ героонѣ найдена надпись: ὅρος (Athen. Mitth., XVII, 1892, 154). По характеру буквъ надписи и по техникѣ постройки *Дёрпфельдъ* (Athen. Mitth., XVII, 1892, 91) относитъ героонъ къ VI в. до р. Хр. Въ IV в. героонъ засыпали и сверху него построили лесху, около которой найдена надпись: ὅρος λέσχης. Уже надписи ὅρος и ὅρος λέσχης указываютъ на то, что *засыпаный героонъ имѣлъ то же значеніе, что позднѣйшая лесха*. Лесха, построенная надъ герооном, должна была его замѣнить: древніе никогда не уничтожали и не разрушали святынь безъ того, чтобъ ихъ не замѣнить новыми на томъ же мѣстѣ. Разрушить старый героонъ, засыпать его и на его мѣстѣ построить зданіе, въ родѣ лесхъ іонійскихъ, съ точки зрѣнія древнихъ аѳинянъ совершенно недопустимо. *Лесха, открытая въ Аѳинахъ, была такъ же, какъ и дельфійская, — героонъ.*[2])

---

[1]) Каждый героонъ, какъ показалъ *Rohde* (Plyche), всегда бывалъ связанъ съ могилой героя. О λέσχη Ποικίλη въ Спартѣ см. Павсанія, III, 15,8.

[2]) Проф. *Дюммлеръ* (Delphica, Untersuchungen zur griechischen Religionsgeschichte, Basel, 1894, 23 слл.) указалъ на то, что число лесхъ въ Аѳинахъ —

Въ Аѳинахъ, т. обр., мы находимъ оба рода лесхъ. Въ виду ихъ большаго различія слово λέσχη для учрежденій, заимствованныхъ изъ Іоніи, въ Аѳинахъ не могло удержаться и и было вскорѣ замѣнено словомъ ἡμικύκλιον.

Прекраснымъ дополненіемъ къ тому, что мы уже знаемъ о дорійскихъ лесхахъ, является дорійская надпись съ острова Родоса. Она была издана въ 1-й разъ *С. А. Селивановымъ* въ Ath. Mitth., XVI, 1891, 110. Надпись эта вошла въ Inscriptiones græcae insularum maris Aegæi, I, C, 709.[1]) Она гласитъ:

Εὐθυ[τ]ίδα ἡμὶ λέσχα τῶ Πραξιόδω τῶ Ὑφ[ά]γω τωὐφυλίδα (i. e. τῶ Εὐφυλίδα), т. е. „я есмь *лесха* Евѳитида, сына Праксіода“ и т. д.

Мы не колеблемся вмѣстѣ съ *Дюммлеромъ*,[2]) *Вильгельмомъ*[3]) и *Гиллеръ-фонъ-Гертрингерономъ*[4]) усматривать въ λέσχα надписи понятіе о могилѣ[5]) и въ частности вмѣстѣ съ *Дюммлеромъ* понимаемъ λέσχα, какъ каменную скамью, которую ставили надъ могилой, и которая иначе называлась κλίνη и τράπεζα.[6])

Въ дорійскихъ странахъ, так. обр., со словомъ λέσχα соединяется понятіе *о могилѣ*.

У насъ есть свидѣтелства, что въ древнѣйшія времена было въ обычаѣ собираться для обсужденія серіозныхъ дѣлъ у могилъ героевъ. Напримѣръ, въ Иліадѣ (K, 414) читаемъ:

Ἕκτωρ μὲν μετὰ τοῖσιν ὅσοι βουληφόροι εἰσίν
βουλὰς βουλεύει θείου παρὰ σήματι Ἴλου.

Въ Мегарѣ, по Павсанію (I, 43,3), жители „βουλευτήριον ᾠκοδόμησαν, ἵνα σφίσιν ὁ τάφος τῶν ἡρώων ἐντὸς τοῦ βουλευ-

360, находится, по Проклу, въ связи съ числомъ родовъ до-клисѳеновой знати (ср. *Kaibel u. Wilamowitz*, Ἀθηναίων πολιτεία, 3); а послѣднее, вѣроятно, — съ числомъ дней въ году (Ср. *I. Töpffer*, Attische Genealogie, 4, 3). Весьма вѣроятно, что уже до Клисѳена были предпринимаемы реорганизаціи родовъ знати; что при этомъ прибѣгали къ санкціи Аполлона Дельфійскаго, который и сдѣлался Аполлономъ Πατρῷος аттической знати. (Ср. *Wilamowitz*, Aristoteles und Athen,, II, 139). Аѳинскія лесхи, т. обр.. одну изъ которыхъ открыли намъ раскопки, вѣроятно, были мѣстами собраній родовыхъ колегій для регулированія гражданскихъ отношеній (*Dümmler*, 24). Съ надписями: ὅρος и ὅρος λέσχης, любопытно сравнить надпись изъ Пирея: ἡρῴου ὅρος, принадлежавшую героону Евфама (Главка). Ср. Berlin. philol. Wochenschr., 1897, 222.

[1]) См. тамъ и спец. литературу.

[2]) *Dümmler*, Jahrb. d. Inst., VI, 1891, 262, пр. 1; Delphica, 24 сл.

[3]) *Wilhelm*, Ἐφημ. ἀρχ., 1892, 139, 4.

[4]) Inscr. Græcæ, къ указ. надписи.

[5]) Ср. *А. Н. Щукаревъ*, Записки Имп. Русск. Арх. Общ., IX, II, 321 сл.

[6]) *Dümmler*, Delphica, 25.

τηρίου γένηται.“ Насколько часто были мѣста народныхъ собраній у могилъ героевъ, указываетъ обычай, по которому граждане рѣшаютъ погрести особенно выдающихся своихъ дѣятелей на городской ἀγορά: этимъ они пріобщаютъ умершихъ какъ-бы къ лику героевъ (Ср. Плутархъ, Солонъ, гл. 12; „Аматорій,“ гл. 17).[1])

Въ тѣ времена, когда умершихъ стали уже хоронить внѣ домовъ и поселеній, всетаки сначала принято было оставлять на могилѣ ложе, на которомъ лежалъ умершій, его покровы и прочія вещи, которыя такъ или иначе входили въ соприкосновеніе съ покойникомъ. Позднѣе въ воспоминаніе стараго обычая стали ставить на могилѣ каменныя лавки. Такая каменная лавка, какъ мы видѣли, на Родосѣ и называется λέσχα.[2])

Такой видъ имѣла, по всей вѣроятности и могила Неоптолема въ Дельфахъ, находившаяся у террасы, на которой стояла леска.[3])

Такъ какъ раскопанное зданіе въ Дельфахъ по техникѣ своей постройки принадлежитъ V вѣку, то *книдяне построили все зданіе:* ихъ ἀνάθημα было все зданіе вмѣстѣ съ картинами, а не одни только картины, какъ полагали нѣкоторые.[4]) До V в. могила Неоптолема была обозначена просто одной каменной скамьей, λέσχα. Когда было построено зданіе, это имя осталось и за нимъ. Вѣроятно, словомъ λέσχα еще до постройки книдянъ обозначали *все мѣсто около могилы Неоптолема, подобно* тому, какъ въ Спартѣ и Халкидѣ (Plutarch., Quæst. gr., 33 F; Lycurg., 16), подъ именемъ λέσχη разумѣется τόπος τις, а не исключительно зданіе.[5])

Если въ Аѳинахъ лесхи служили мѣстомъ собраній по дѣламъ родовъ и находились подъ покровительствомъ Аполлона Πατρῷος, если затѣмъ въ Ѳессаліи и Гортинѣ названіе мѣсяца

---

[1]) Первоначально умершихъ хоронили въ самомъ домѣ, близь очага. Около него же сосредоточивался культъ и мѣсто собраній семьи; около очага главы рода происходили собранія рода, сосредодочивался культъ рода. Здѣсь же рѣшались и обсуждались дѣла рода. Ср. *Dümmler*, Delphica, 25. *Можетъ быть, обычай — собиръться для обсужденія дѣлъ у могилъ героевъ — отсюда ведетъ свое происхожденіе.* Намъ кажется вѣроятнымъ, что въ Микенахъ надъ гробницами акрополя, которыя окружены были низкою стѣною, происходили тоже собранія, и что предположеніе Шлимана (Mycènes, 197 слл.) не лишено основанія.

[2]) *Dümmler*, Dephica, 25.

[3]) Ср. *Homolle*, Bull. d. corr. Hell., XX, 1896, ук. м.

[4]) Лучшія рукописи даютъ у Павсанія ἀνάθημα. Ср. *Robert*, Nekyia, Iliupersis, въ нач. опис. На это указываетъ и то, что леска называется λέσχη Κνιδίων. Ср. *Schubart*, Zeitschrift f. Alterthumswissensch., 1855, 397.

[5]) *Dümmler*, Delphica, 26.

Λεσχηνόριος указываетъ на такое же значеніе Аполлона (вспомнимъ эпитетъ Аполлона Λεσχηνόριος)[1]) въ этихъ мѣстностяхъ, то, вѣроятно, и въ Делффахъ леcха служила мѣстомъ собраній по дѣламъ родовъ. Σπουδαιότερα *Павсанія, т. обр., относится къ дѣламъ родовъ.* Также точно въ Спартѣ въ λέσχη τῶν φυλετῶν οἱ πρεσβύτατοι разбираютъ рѣла рода, напр., вопросъ о новорожденныхъ дѣтяхъ.[2])

Какъ бы то ни было, *мы должны признать тѣсную связь лесхъ Дельфъ, Спарты, Халкиды и Аѳинъ: все это были* ἡρῷα, *возникшіе первоначально у могилъ героевъ.*

Этотъ результатъ, къ которому мы приходимъ послѣ длинныхъ разсужденій, оправдываетъ насъ въ тѣхъ мелочахъ, которымъ мы удѣлили довольно много времени, такъ какъ онъ даетъ намъ совершенную новую точну зрѣнія на картины Полигнота: *задачи Полигнота при росписи лесхи книдянъ въ Дельфахъ не отличались отъ тѣхъ, которыя были у него при росписываніи Ѳисіона и Анакіона въ Аѳинахъ; и тамъ и въ Дельфахъ картины должны были украшать стѣны вновь созидаемыхъ храмовъ, посвященныхъ героямъ.*[3])

Въ Дельфахъ Полигнотъ долженъ былъ разукрасить стѣны зданія, воздвигнутаго въ честь Неоптолема, культъ котораго здѣсь наитѣснѣйшимъ образомъ связанъ былъ съ культомъ

---

[1]) Ср. ib., 24.

[2]) Спартанскіе φυλέται — то же, что аттическіе γεννῆται. Ср. *O. Müller*, Dorier I, 246 слл.; II, 186 слл.; *Dümmler*, 23, I.

[3]) *Böttiger*, Ideen zur Archäologie der Malerei, 300 слл., придавалъ правильно значеніе показанію Павсанія и считалъ дельфійскія картины эпитафіемъ гробницы Неоптолема. Но при этомъ лесху отъ понималъ, какъ „Conversationsplatz“, какъ родъ клуба, 296 слл. *Hermann*, Epikrit. Betrachtungen, 15 слл., *Ruhl*, Zeitschr. f. Alterthumsw. 1855, 386, *Schubart*, ib., 395, *Weizsäcker*, Polygnot's, Gemälde, 6 слл., съ такой силой настаивавшіе на важности знать зданіе лесхи для объясненія картинъ ея, — всѣ не обратили должнаго вниманія на слова Павсанія о могилѣ Неоптолема и объ ея связи съ лесхой Дельфъ. *Ch. Lenormant*, Mémoire etc, не смотря на его неудачную реставрацію дельфійскихъ картинъ и совершенно фантастическое объясненіе ихъ, совершенно вѣрно уже настаивалъ на сепулькральномъ значеніи лесхи книдянъ (стр. 15) и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ впереди всѣхъ ученыхъ, писавшихъ послѣ него о картинахъ Полигнота. Сепулькральное значеніе лесхи въ Дельфахъ лишь теперъ снова подчеркнуто было *Дюммлеромъ* (Delphica, III). Странно, что *Помтовъ* совершенно не понимаетъ значенія дельфійской лесхи (Arch. Anz., XIII, 1898, 47). То, что въ лесхѣ упражнялись иногда атлеты (ср. Плутархъ, De defectu oracul., 6), вовсе не говоритъ противъ ея религіознаго значенія. И въ Олимпіи, близъ самой святыни Зевса была палестра Атлеты исполняютъ свое дѣло въ честь божества. Ср. еще Δραγούμης, Ath. M., ук. м., 151 слл.

Аполлона и имѣлъ огромное значеніе не только въ Дельфахъ, но и во всей Элладѣ)[1].

Совершенно аналогичнымъ памятникомъ лесхѣ является героонъ Гьёль-Баши. Тамъ только героонъ представлялъ не закрытое зданіе, а открытый дворъ, среди котораго былъ поставленъ саркофагъ, содержащій прахъ умершаго. Какъ стѣны лесхи украшены были картинами героическаго содержанія, такъ и стѣны героона имѣли рельефы, композиціи коихъ представляютъ героевъ народныхъ сказаній. Бенндорфъ въ его изслѣдованіи, посвященномъ рельефамъ Гьёль-Баши, показалъ, сколь много изъ композиціи имѣютъ отношеній въ живописи Полигнота. Намъ кажется несомнѣннымъ, что строители героона Гьёль-Баши находились подъ вліяніемъ Полигнота и его школы, стяжавшихъ громкую славу украшеніемъ храмовъ боговъ и святилищъ героевъ.

Среди послѣднихъ дельфійская лесха книдянъ принадлежитъ къ наиболѣе знаменитымъ.[2])

---

[1]) Ср. *А. В. Никитскій,* Дельфійскіе Лавіады, въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1898, январь, 78 (отд. кл. филол.); февраль, 84 сл.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ высказать наши соображенія на счетъ этимологія слова λέσχη.

Несомнѣнно, коренъ слова legh,—который мы встрѣчаемъ въ глаг. λέγ-ω. Ср. *G. Curtius*, Grundzüge d. gr. Etymologie[4], 366, подъ словомъ λέγω. Первоначально λέγω значитъ „класть“, затѣмъ „ложиться“. См. *Pape,* Griech.-deutsch. Wörterbuch, подъ сл.: 1) legen, lagern, zu Bette bringen, sich legen. Отъ того же корня legh происходятъ λέχος, (ложе); ἄ-λοχ-ος и т. д. *Курціусъ,* относительно λέσχη (ук. м.) замѣчаетъ: Rede, Gerede ist in seinem Suffix noch nicht völlig aufgehellt.“ Уже въ древности нѣкоторые правильно производятъ λέσχη отъ корня legh, λεγ-, λεχ-: „λέσχη παρὰ τὸ λέχος“, см. *H. Stephanus* Thesaurus linguæ graecæ, подъ сл. λέσχη. Путь къ правильной этимологіи указалъ *Pott,* Etymologisch Forschungen, [2]II, I, 644: übrigens bin ich zweifelhaft ob das λέγω in λέσχη sich wirklich auf das Reden (Ort zum Reden) beziehe, oder in ihm nicht vielmehr die Vorstellung des Sammelns (Versammlungsort) *oder gar des Lagerns* (*Lagerstätte, vregl.* λόχος) *vorwalte*“. Что вѣрно послѣднее, показываетъ исторія лесхи: въ дорійскихъ странахъ это одръ умершаго; въ іонійскихъ legh, (ср. русск. *лег-*), объясняетъ какъ дорійское, такъ и іонійское значеніе лесхи. *Первобытное значеніе слова* λέσχη, *т. обр., — мѣсто, гдѣ лежатъ: отсюда одръ покойнаго и т. д.* Ср. *Prellwitz,* Etymol. Wörterbuch d. gr. Sprache, 1892, s. v. λέσχη; *М. М. Покровскій,* Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ, Москва, 1895, 37 сл. (λέσχη); *Dümmler,* Delphica, 26 (гдѣ приводится и новѣйшая литература по этимологіи слова λέσχη).

Попытку *Шрадера* (Ling.-hist. Fosch., 30; Sprachv., 497) объяснять слово λέσχη изъ семитскихъ языковъ, откуда, по его мнѣнію, оно было заимствовано, мы, въ виду сказаннаго выше, считаемъ лишней и неудавшейся.

[2]) Мы не останавливались въ настоящей статьѣ на картинахъ Полигнота, которыя были въ лесхѣ книдянъ, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко: картинамъ этимъ нужно посвятить большое изслѣдованіе. Мы ограничимся только замѣчаніемъ, что лучшими работами, посвященными картинамъ лесхи, являются

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить глубокую благодарность Г. В. Бѣлащенко за любезно исполненный по нашей просьбѣ планъ дельфійской лесхи.

---

2 книги *Роберта:* Die Nekyia des Polygnot (16 Hall. Winckelmannsprogramm) и Die Iliupersis des Polygnot (17 Hall. Winckelmannspr.), и книга *Вейцзеккера* (Polygnot's Gemälde in der Halle der Knidier zu Delphi). И *Робертъ* и *Вейцзеккеръ* реставрировали картины такъ, что каждая изъ нихъ по композиціи раздѣляется на 3 части: большую среднюю и 2 небольшія по краямъ ея. Очевидно, композиціи картинъ зависѣли отъ плана лесхи, раздѣляющейся колоннами на три корабля: большой средній и 2 небольшихъ по краямъ его. Онѣ были строго архитектоническаго стиля, какъ мраморы Парѳенона, какъ картины современныхъ Полигноту вазовыхъ мастеровъ.

Η ΤΡΑΠΕΖΟΥΣ ΚΑΤΑ ΤΟΝ ΙΔ' ΑΙΩΝΑ.

Μ. Παρανίκα.

Οἱ αὐτοκράτορες τῆς Τραπεζοῦντος (1204—1461) ἐκ τοῦ ἐνδόξου γένους τῶν πρότερον ἐν Κωνσταντινουπόλει βασιλευσάντων Κομνηνῶν καταγόμενοι, ἄνδρες, ἵνα παραλείπω τὰ ἄλλα, λόγιοι καὶ τοὺς λογίους τιμῶντες, εἶχον καὶ αὐτοὶ καὶ τὸ κράτος αὐτῶν ἀνάγκην ἀνδρῶν πεπαιδευμένων πρὸς διοίκησιν τῶν πραγμάτων, κληρικῶν σπουδαίων, στρατηγῶν, διοικητῶν, δικαστῶν, διδασκάλων καὶ πάντων τῶν ὁπωσδήποτε χρησίμων εἰς τὴν καλὴν κατάστασιν τοῦ βασιλείου αὐτῶν. Οἱ δὲ ἄνδρες οὗτοι ἦσαν κυρίως ἐγχώριοι Τραπεζούντιοι καὶ ἐκ τῶν ἐπαρχιῶν τῆς Τραπεζοῦντος, ἀλλὰ δὲν ἀπεκλείοντο φυσικῷ τῷ λόγῳ καὶ ἄλλοι ὁμογενεῖς Ἕλληνες, Βυζάντιοι ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον, ὡς σχετιζόμενοι εὐκολώτερον μετὰ τῶν αὐτοκρατόρων ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ περισσοτέραν πεῖραν τῆς διοικήσεως ἔχοντες. Εἷς τούτων ἦν καὶ ὁ ἡμέτερος Λιβαδηνός, περὶ οὗ ἐφεξῆς τὸν λόγον ποιούμεθα.

Ὁ Ἀνδρέας Λιβαδηνὸς ἐγεννήθη ἐν Κωνσταντινουπόλει κατὰ τὰς ἀρχὰς τοῦ ΙΔ' αἰῶνος μ. Χ., ἐπαιδεύθη ἐπιμελῶς ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ ὑπὸ παιδαγωγοὺς καὶ ἐν φροντιστηρίῳ ἔχων καθηγητὰς τοὺς καλλιτέρους τῆς ἐποχῆς ἐκείνης καὶ ἄλλους συμφοιτητάς.[1]) Εἶναι περίεργον, ὅτι τὰ ὀνόματα ταῦτα παιδαγωγῶν, φροντιστηρίων, καθηγητῶν καὶ συμφοιτητῶν, λίαν εὔχρηστα σήμερον καθ' ἅπαν τὸ Ἑλληνικόν, ἐξεφωνοῦντο ἐν Τραπεζοῦντι πρὸ πεντακοσίων ἐτῶν ὑπ' αὐτοῦ τοῦ Λιβαδηνοῦ ἐνώπιον ὁμηγύρεως λογίων ἀνδρῶν Τραπεζουντίων, οἵτινες κατὰ τὸ λέγειν αὐτοῦ

[1]) Ἀνδρέου Λιβαδηνοῦ περιήγησις . . . . ἐκδοθεῖσα ὑπὸ Μ. Παρανίκα ἐν Κ/πόλει 1874, σελ. 5.

ἀπετέλουν σύλλογον ἀκροάσεως, πρὸς ὃν μετὰ σεβασμοῦ καὶ αἰδοῦς ἀποτείνεται οὗτος. „Ἐντεῦθεν ὑπὸ χρυσῇ τοιαύτῃ τῶν ἀγαθῶν μοι ἀγκύρᾳ καὶ χρηστῶν ἀεὶ ἐπικούρῳ (τῇ Θεομήτορι) παιδαγωγοῖς τε ἐστοίχουν ὁμοῦ καί μαθήμασιν, ὦ ἄνδρες, καὶ φροντιστηρίοις ἅμα καὶ παννυχίσις καὶ νυκτεριναῖς ᾠδαῖς τε καὶ ἀναγνώσεσι".[1]) Καὶ ὅτε ὡς παιδίον παῖζον μετὰ τῶν ὁμηλίκων κατέαξε τὸ δεξιὸν περικνήμιον καὶ ἐπὶ τῶν ὤμων εἰς τὸν οἶκον ἐπεφέρετο καὶ κλαυθμοὶ τῶν συγγενῶν ἐγίνετο, τότε τῶν παιδαγωγῶν καὶ συμφοιτητῶν θρῆνος μέγας ἐπίσης ἐπηκολούθει.[2]) Κατ' ἀρχάς ἔτυχε προπαιδείας μαθημάτων Ἑλληνικῶν καὶ ἔτι μειζόνων, λέγει, ὡς ἡ ἡλικία αὐτοῦ προέβαινε. „Καί γε μαθημάτων Ἑλληνικῆς προπαιδείας ἀφέμενος ἅπτεσθαι καὶ μειζόνων τὸ λοιπὸν ἐπεχείρουν· ἔρως γάρ με τοιούτων εἶχεν, οὐχ ὁ τυχών, ὥστε μιν καὶ χρυσίοισιν ὑπὸ κίοσι θεῖναι φιλονεικῶν κατὰ Πίνδαρον".[3]) Ἐκ τούτων βλέπομεν, ὅτι πρῶτον ὁ Λιβαδηνὸς ὑπὸ παιδαγωγοὺς ἔτυχε τῆς Ἑλληνικῆς προπαιδείας, εἶτα δὲ ἀφέμενος ταύτης, δηλαδὴ ἀπολυθεὶς αὐτῆς, ἥψατο μεγαλειτέρων μαθημάτων ὑπὸ καθηγητάς.[4]) Πρὸς τούτοις ἐσχόλαζε ἱερογράφοις τισί, μᾶλλον δὲ ἱεροδιδασκάλοις καὶ ζωγράφοις, παρ' οἷς ἤκουσε τὰ περὶ τῆς ἐπὶ γῆς παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὰ περὶ τοῦ βίου, τῆς διδασκαλίας, τῶν παθῶν, τῆς ἀναστάσεως καὶ ἀναλήψεως αὐτοῦ. Ἡ τοιαύτη θρησκευτικὴ μόρφωσις τοῦ παιδὸς τοσαύτην ἐπιῤῥοὴν ἔσχεν ἐπ' αὐτοῦ, ὥστε κατελήφθη ὑπὸ μεγάλης ἐπιθυμίας τοῦ ἰδεῖν τοὺς ἁγίους τόπους, ὅπου ἐτελέσθησαν τὰ τοιαῦτα μυστήρια. Ὁ πατὴρ αὐτοῦ εἶχεν ἀποθάνει πρὸ πολλοῦ, ἔμεινε δὲ ἡ μήτηρ, τὴν ὁποίαν ἐφοβεῖτο μὴ ἐμποδίσῃ αὐτὸν τῆς μακρᾶς καὶ ἐπιπόνου διὰ τὴν ἡλικίαν αὐτοῦ ἀποδημίας εἰς Ἱεροσόλυμα. Περὶ τοῦ ἀδελφοῦ καὶ τῶν ἄλλων συγγενῶν οὐδόλως ἐφρόντιζεν ὁ Λιβαδηνός. Ἱκέτευε λοιπὸν τὴν Θεομήτορα, ἵνα αὐτὴ βοηθήσῃ αὐτὸν εἰς ἐπιτυχίαν τοῦ σκοπουμένου.

Παρουσιάζεται λοιπὸν εὐκαιρία. Οἱ αὐτοκράτορες τοῦ Βυζαντίου, οἱ Παλαιολόγοι, ἔπεμπον πρεσβείαν εἰς Αἴγυπτον, εἰς δὲ τὴν πρεσβείαν ταύτην προσκολλᾶται ὁ Λιβαδηνὸς ὡς ὑπογραμματεύς, ἐκλεχθεὶς μεταξὺ πολλῶν, τὸ δωδέκατον τῆς ἡλικίας ἔτος ἄγων. „Ὥριστο, λέγει, κατ' ἐκεῖνο καιροῦ τοῖς θεοστεφέσιν ἀοιδίμοις καὶ σεβαστοῖς αὐτοκράτορσι πρέσβεις ἐπιλεγῆναι τάχος εἰς

---

[1]) Αὐτόθι. —
[2]) Αὐτόθι. Περὶ δὲ τῶν καθηγητῶν ὅρα σελ. 7.
[3]) Αὐτόθι, σελ. 6. Πίνδ., Ὀλυμπ., 5, 1.
[4]) Αὐτόθι, σελ. 6, 7.

Ἄραβας, ᾗ καὶ ἁπανταχῇ κρείττους ἐπελέγοντο μάλιστα, χρεία δὲ τούτοισιν ἄρα καὶ ὑπογραμματέως παρῆν· τέλος δέ, πολλῶν γε συγκρινομένων, ἐπ' ἐμὲ ἡ ψῆφος ἀνήγετο. Οὕτως ἄρα θεόθεν τοῖς ἄναξι νενόμισται. Ἀμέλει καὶ κυροῦται τοὐπίταγμα καὶ τοῖς πρέσβεσιν ὁμέστιος γίγνομαι καὶ βραχὺς ὁμοδίαιτος καὶ ὅλος ὅλοις ἠρίθμημαι τὸ δωδεκαέτιον ἄρτι προσεχῶς διαυλούμενος".[1]) Οὕτως ὁ Λιβαδηνὸς ἔρχεται εἰς Αἴγυπτον, ἐκεῖθεν εἰς Ἱεροσόλυμα, ὅπου θεωρήσας τοὺς ἁγίους τόπους ἐξεπλήρωσε τὸν διακαῆ αὐτοῦ πόθον, ἐντεῦθεν πάλιν εἰς Ἀλεξάνδρειαν, ὁπόθεν μετὰ μεγάλων κινδύνων ἐπέστρεψεν εἰς Κωνσταντινούπολιν, ὅπου ὅμως δὲν ἐπανεῖδε τήν μητέρα αὐτοῦ ἀποθανοῦσαν ἐν τῷ μεταξὺ τῆς ἀποδημίας.

Ἐπανελθὼν εἰς Κ/πολιν ἐπεδόθη εἰς τὰς σπουδὰς αὐτοῦ γενόμενος τῷ χρόνῳ περιφανής, διὸ ἐστάλη βασιλικῷ θεσπίσματι πρὸς ἀπογραφὴν εἰς τὴν νῆσον Τένεδον. Ἐκπληρώσας τὸ καθῆκον τοῦτο ἐπανέρχεται εἰς τὴν πατρίδα ἤδη τιμώμενος καὶ προαγόμενος εἰς ἀνώτερα ἀξιώματα. Ἀλλ' ἐν Κ/πόλει διὰ τὸ εὐμετάβλητον τῶν πολιτικῶν πραγμάτων φαίνεται πολλὰ παθὼν καὶ κινδυνεύσας, τὰ ὁποῖα ὅμως ἀποσιωπᾷ· διὸ ἀπεφάσισε νὰ ἀπέλθῃ ἐκ Κ/πόλεως εἰς Τραπεζοῦντα. Καὶ οὕτω λοιπὸν ἀνοίγεται τὸ ἐν τῇ ἡμετέρᾳ πόλει μακρὸν καὶ ποικίλον στάδιον τοῦ Λιβαδηνοῦ, ἡ νέα αὐτοῦ δρᾶσις, πολὺ περίεργος καὶ διδακτική, εἰς ἣν καὶ ἡμεῖς θέλομεν φυσικῷ τῷ λόγῳ ἐπιμείνει περισσότερον.[2])

Αἱ σχέσεις Τραπεζοῦντος καὶ Κ/πόλεως ἦσαν συχναί, πολλαὶ καὶ διάφοροι, μάλιστα δέ πολιτικαί. Οἱ αὐτοκράτορες τῆς Τραπεζοῦντος Κομνηνοὶ κατήγοντο ἐκ Κ/πόλεως, κατὰ δὲ τὴν ἐποχὴν ταύτην (1350) ἕνεκα τῶν ἐμφυλίων ἐν τῇ ἡμετέρᾳ πόλει ἐρίδων καὶ αὐτοκράτορες ἐκ τοῦ γένους τῶν Κομνηνῶν προσεκαλοῦντο ἐκ Κ/πόλεως καὶ ἀγχιστείαν εἶχον μετὰ τῶν τοῦ Βυζαντίου αὐτοκρατόρων τῶν Παλαιολόγων. Τούτου ἕνεκα ἄνδρες ἔξοχοι ἐν Κ/πόλει μετὰ τῶν Κομνηνῶν ὁπωσδήποτε σχετιζόμενοι ἤρχοντο εἰς Τραπεζοῦντα εἰς τὴν ὑπηρεσίαν τῶν αὐτοκρατόρων αὐτῆς καὶ θέσεις ὑψηλὰς κατελάμβανον ἔν τε τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ πολιτείᾳ, ὡς ὁ Κωνσταντῖνος Λουκίτης, ὁ Ἰωάννης Εὐγενικὸς καὶ ἕτεροι.

Ὁ Λιβαδηνὸς πρὶν ἀναχωρήσῃ ἐκ Κ/πόλεως ἐσκέφθη πολύ, ἀνεκοίνωσε τὴν σκέψιν αὐτοῦ εἴς τινας τῶν μεγάλων ἐν Κ/πόλει, ἐπεκαλέσθη τὴν θείαν ἀντίληψιν, προσέδραμεν εἰς τὰ ἱερά, καὶ ὅτε τὰ πάντα ἐφάνησαν αὐτῷ εὐνοϊκά, ἀπεφάσισε νὰ ἔλθῃ εἰς

[1]) Αὐτόθι, σελ. 7.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 21.

Τραπεζοῦντα καὶ δι' ἄλλους πολλοὺς λόγους καὶ μάλιστα ἵνα σπουδάσῃ τὴν ἀστρονομίαν, ἥτις, ὡς φαίνεται, ἐκαλλιεργεῖτο τότε ἐν Τραπεζοῦντι καλλίτερον ἢ ἐν Κ/πόλει. Ἰδοὺ τί λέγει: „Ἡμᾶς τηνικαῦτα πόθος εἰσῄει θερμὸς ἀφεμένους τὴν Κωνσταντίνου χρυσῆν, τὴν ἐνεγκαμένην, τὴν τροφόν, τὴν λόγου παντός μοι τιθηνὸν καὶ διδάσκαλον, τὸ χρύσειον τοῦ λόγου δάπεδον, τὴν κορωνίδα τῶν Ἀθηνῶν, ἣν καὶ οὐράνιον Ὄλυμπον . . . . . ταύτην τὴν μεγαλόπολιν τὸ μέγα πᾶσιν ἀφήγημα ὥσπερ ἀπολιπόντες τὴν Τραπεζουντίων πόλιν κατελαμβάνομεν. Ἀμέλει καὶ οὐκ εὐθέως τὸ σκέμμα τοῦτο γενέσθαι μοι νενόμικα· ὑπένυττε γάρ με καὶ λόγος μάλα ξὺν ἄλλοις πολύς, ὡς ἐν Τραπεζοῦντι τῶν ἀστρονομικῶν μαθημάτων βελτίω χρῆσιν εὑρίσκεσθαι, οὐκ Ἀθήναζε, ἀλλὰ Χαλδίηθεν τῇ πόλει ταύτῃ περιιοῦσαν τὴν μέθοδον, ἐφ' ᾧ καὶ τὴν τοσαύτην στέλλεσθαι πορείαν ἔρως ἡμᾶς ἀνέπειθε μάλιστα. Τῷ τοι καὶ τοῖς ἱεροῖς προσανέτρεχον καί τισι τῶν μεγάλων ἐκοινώνουν τοῦ σκέμματος καὶ πάλιν βίβλων ἁγίων ἡμῖν ἀναπτύξεις ἱεραὶ καὶ τῶν ἐπισκήψεων χρήσεις εὔθετοι καὶ λύσεις πρὸς πορείαν εὐάγγελοι. Τούτοις τοιγαροῦν πειθαρχήσαντες καὶ προσήκοντας πάντας λαθόντες καὶ τὸν κύριον ὅμαιμον νηὸς τρεχούσης ἐπιβάντες ἀωρὶ νυκτῶν καὶ Θεῷ σωτῆρι καὶ Θεομήτορι τὰ οἰκεῖ ἀναθέμενοι ἅπαντα τοῦ πλοὸς ἀπηρξάμεθα. Διαβάντες γοῦν εὐχερῶς τὸν ἀνάπλουν καὶ τὸν Εὔξεινον παραπλεύσαντες εἰς Ἀμινσὸν διεπεραιώθημεν.[1])

Εἰς Ἀμινσὸν διαπεραιωθεὶς ὁ ἡμέτερος Λιβαδηνὸς ἐθαύμασε τὴν θέσιν τῆς πόλεως, τὰ ὀχυρώματα αὐτῆς, τὴν φιλοξενίαν τῶν κατοίκων, ἣν μαρτυρεῖ καὶ ὁ ἀπόστολος Ἀνδρέας, ὁ πρωτόκλητος, ὅτε διαβαίνων τὴν γῆν καὶ κηρύττων τὸν λόγον τοῦ Εὐαγγελίου ἦλθεν εἰς Ἀμινσὸν καὶ τοῖς ἀνθρώποις αὐτόθι παρέβαλλε.[2]) Ἐξ Ἀμινσοῦ μετ' ὀλίγον ἀναχωρήσας ὁ Λιβαδηνὸς φθάνει εἰς τὸν λιμένα Πλατάνων, οἱ δὲ Πλάτανοι, λέγει, „λιμὴν ὁ χῶρος οὗτος Τραπεζουντίοις καὶ λιμένων παρ' αὐτοῖς ὁ στερρότατος· ὄνομα τῷ λιμένι Πλάτανοι σταδίων ὡς ἑξήκοντα σὺν ἁπλοῖς τέτρασιν ἐχομένῳ τῆς πόλεως."[3]) Καὶ τότε λοιπὸν οἱ Πλάτανοι ἦσαν ὁ ἀσφαλέστατος καὶ στερρότατος λιμὴν τῶν Τραπεζουντίων, ἀπέχων τῆς πόλεως ἑξήκοντα τέσσαρα στάδια, ἤτοι ὥρας δύο καὶ ἡμίσειαν, ὡς πράγματι ἀπέχει τῆς νῦν πόλεως.

---

[1]) Αὐτόθι, σελ. 22.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 22. Συναξαριστὴς ἐν βίῳ ἀποστόλου Ἀνδρέου. Χ. Παπαγεωργιάδου σύντομος ἱστορία τῆς Ἀμισινῆς χώρας, φυλ. α', σελ. 60—1.
[3]) Λιβαδ., αὐτόθι σελ. 23.

Ἐκ Πλατάνων πλέων καθ' εὐθεῖαν προσωρμίσθη κατὰ Μάϊον εἰς Δάφνας πρὸς τὸ ἑσπέρας, αἱ δὲ Δάφναι λιμήν ἐστι τῇ πόλει Τραπεζουντίων ἀρχίθυρος, πλησίον δηλονότι τῶν θυρῶν τῆς πόλεως, ὡς εἶναι καὶ σήμερον ἡ Δαφνοῦς. Ἐν Δάφναις ἐφιλοξενήθη παρά τινι πρεσβυτέρῳ, ἱερεῖ βεβαίως, ὅστις κατῴκει παρὰ τὴν παραλίαν· ὥστε κατὰ τὰ μέσα τοῦ ΙΔ' αἰῶνος τὸ σημερινὸν προάστειον τῶν Δαφνῶν ἦτο λιμὴν τῆς πόλεως κατῳκημένος. „Ἐπεὶ δὲ καὶ πρὸς ἑσπέραν ὁ ὁρίζων κατήπειγεν, ἐπιξενούμεθά τινι τῶν ἀστικῶν πρεσβυτέρῳ οὐ πόῤῥω τῆς ἠϊόνος τυγχάνοντι".

Ἀπὸ πρωίας ὁ Λιβαδηνὸς μετὰ τὴν ἑωθινὴν αὐτοῦ προσευχὴν εἰσῆλθεν εἰς τὴν πόλιν γενόμενος ἀσμένως δεκτός. Καὶ πρῶτον κατὰ καθῆκον προσῆλθεν εἰς τὸν ἀρχιερέα τῆς πόλεως Γρηγόριον, διάδοχον τοῦ Βαρνάβα. Ὁ διαβόητος ἱστορικὸς J. Ph. Fallmerayer, (Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt. München 1827) λέγει, ὅτι ὁ Μητροπολίτης Τραπεζοῦντος Νήφων καθῃρέθη τῷ 1364, ἐπειδὴ κρύφα εἰργάζετο ὑπὲρ τοῦ Ἀλεξίου, κλεισθεὶς δὲ ἐν τῇ Μονῇ τοῦ Σουμελᾶ ἀπέθανε μετὰ ἓν ἔτος· πρὸ δὲ τούτου τοῦ Νήφωνος ἐποίμαναν τὴν Ἐκκλησίαν Τραπεζοῦντος ὁ Βαρνάβας καὶ ὁ Ἀκάκιος, ὅστις φαίνεται στασιάζων τῷ 1341 καὶ ὕστερον.[1]) Τάσσει λοιπὸν ὁ Fallmerayer οὕτω τὴν σειρὰν τῶν Μητροπολιτῶν· Βαρνάβας, Ἀκάκιος, Νήφων· ἀλλ' ὁ Λιβαδηνός, αὐτόπτης μάρτυς τῶν πραγμάτων, λέγει, ὅτι ὅτε αὐτὸς ἔφθασεν εἰς Τραπεζοῦντα, εὗρε Μητροπολίτην τὸν Γρηγόριον, διάδοχον τοῦ Βαρνάβα. Ὅτε δὲ βραδύτερον μετὰ τὰς ἐμφυλίους ταραχὰς ἠσθένησεν, ἐπεσκέψατο αὐτὸν ἀσθενοῦντα ὁ Μητροπολίτης Ἀκάκιος. Καὶ περὶ μὲν τοῦ πρώτου λέγει· „ἕωθεν δὲ ἐξαναστάντες μετὰ τὰς ἑωθινὰς δοξολογίας ἔνδον τῆς πόλεως εἰσεληλύθαμεν, ὑφ' ἧς καὶ ἀσμένως ἄγαν δεδέγμεθα. Κἀκ πρώτης ὅ φασιν ἀφετηρίας τῷ τῆς πόλεως Ἀρχιερεῖ προσανήχθημεν καὶ δοχῆς ὅτι μείζονος καὶ τιμῆς παρ' αὐτῷ ἠξιώμεθα κρείττονος· δι' αἰδοῦς γὰρ ἦγεν ἡμᾶς καὶ δοχῆς ὅτι πολλῆς ὁ μακάριος. Γρηγόριος δ' ἦν οὗτος ὁ καλὸς ἀρχιποίμην, ὁ μετὰ Βαρνάβαν διάδοχος, ὃς καὶ λόγους φιλῶν ὑπερεφίλει μᾶλλον τοὺς λόγους προσήκοντας ὁ θαυμάσιος".[2]) Ἐκ τούτων λοιπὸν ἐξάγομεν, ὅτι τὸν Βαρνάβαν διεδέξατο ὁ Γρηγόριος, ὃς πρῶτον ἤδη γνωρίζεται ἐκ τοῦ Λιβαδηνοῦ ἐν τῇ Ἐκκλησιαστικῇ ἱστορίᾳ Τραπεζοῦντος. Περὶ δὲ τοῦ Ἀκακίου λέγει ὁ Λιβαδηνός· „οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ καί με ἡ συνήθης χωνεία ἐμπύρως πάλιν κατέλαβε καὶ νοσήματι περι-

[1]) Fallmerayer, ἔ. ά., σελ. 342.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 23.

πέπτωκα· καρηβαρίαι γάρ τε ὀξεῖαι καὶ λάβροι πυρετοὶ καὶ ἀπότομοι ἀπεγίνοντο καὶ ζωῆς κομιδῇ ἀπαγόρευσις. Ὅθεν καὶ τὸ πρεσβυτέριον ἅπαν ἅμα τῷ ποιμένι τῷ ἀοιδίμῳ ἐκείνῳ καὶ φιλουμένῳ, Ἀκάκιος ἦν ὁ πολὺς ἐλέῳ, ξυνῆλθον καὶ τεθεάκασι καὶ δάκρυσί με κατέδησαν, εἶτα καὶ ἐπευξάμενοι ἀνεχώρησαν σφόδρα ὑπεραλγήσαντες".[1])

Ὁ Μητροπολίτης Τραπεζοῦντος Γρηγόριος, ἀνὴρ λόγιος καὶ τοὺς λογίους ὑπεραγαπῶν, ἐπέμενε πολύ, ἵνα κρατήσῃ παρ' ἑαυτῷ ἐν τῇ Μητροπόλει τὸν Λιβαδηνόν, „πάντα ὑπισχνούμενος τὰ βελτίω καὶ χρυσᾶς ἐπαγγελόμενος τῇ μονίᾳ ἐπιθεῖναι τὰς ἀντιδόσεις",[2]) ἀλλ' ὁ Λιβαδηνὸς δὲν ἤθελε, φαίνεται, νὰ μείνῃ ἐπὶ πολὺ ἐν Τραπεζοῦντι, ἐπιθυμῶν μετὰ τὴν θεωρίαν καὶ τὴν τοῦ ζητουμένου μετάληψιν νὰ ἐπιστρέψῃ εἰς Κ/πολιν· „οἴκαδε γὰρ εἶχέ με τάχει παλινοστῆναι μετὰ τὴν θεωρίαν καὶ τὴν τοῦ ζητουμένου μετάληψιν, ἔρως, νὴ τοὺς λόγους, ὦ ἄνδρες, καὶ τὴν φίλην ἀλήθειαν· τοῦτο δέ μοι προσῆν οὐχ ὡς παρὰ τὸ δοκοῦν ἡ πόλις αὕτη".[3]) Ἀλλὰ τὰ πράγματα ἀπέβησαν ἄλλως. Ὁ Λιβαδηνὸς ἀμέσως γνωρίσας τοὺς Τραπεζουντίους καὶ τὴν πόλιν αὐτῶν ηὐχαριστήθη μεγάλως· ἐπαινεῖ τοὺς κατοίκους ὡς εὐσεβεῖς καὶ φιλοξένους. „Εὐσεβείας γὰρ εἰσὶ καὶ ξενίας κυήματα (οἱ ἄνθρωποι).[4]) Ἀμέσως δὲ προβαίνει εἰς περιγραφὴν τῆς πόλεως δι' ὀλίγων μέν, ἀλλ' ἐκφραστικῶν λέξεων, ἐπαινῶν τὴν θέσιν, τὰς ἐπάλξεις, τὴν εὐκρασίαν τῶν ἀέρων, τὸ ἄφθονον τῶν τροφίμων, τὰ διαυγῆ ὕδατα, τὰς ἀμπέλους, τοὺς οἴνους, τὰ χόρτα, τοὺς καρποὺς καὶ τὰς ὑπτίους ἀμμώδεις παραλίας. Καὶ ἡ πόλις θέσεως ἔτι χρηστῆς· αὕτη γὰρ τῶν πρὸς ἕω ἡλίῳ πόλις μάλ' ἀνίσχοντι Κολχικὴ τῶν προποντίδων ἀμείνων, περωνύμου τε κλήσεως, ἄνωθεν εὐμοιροῦσα πολλῆς ὡς θέσεως εὖ ἔχουσά τε καὶ ὄψεως καὶ τῶν εἰς χρείαν πάντων ἀνθρώποις ἅμα καὶ κτήνεσι δαψιλὴς χορηγὸς εἰσάπαν τυγχάνουσα, ὅτι καὶ ἠπειρώταις μὲν ὡς χαλκέοις τοῖς τείχεσιν ἀβρότατον δέος ποιεῖται καὶ θέσει τόπου καὶ εὐρείαις δηλονότι τάφροις καὶ ταῖς ἄλλαις ἐπάλξεσι, τοῖς δέ γε αὐτόχθοσι καὶ ἐπήλυσι καὶ τοῖς ἐμπόροις εὐχερῆ δαψιλεύει τὰ ὤνια εὐκρασίας ἀέρων μετέχουσα καὶ ἡδέων ναμάτων κρουνηδὸν ποταμοὺς διπλῇ πελαγίζουσα· τίς οὐκ οἶδε τοὺς Διονύσους ταύτης καὶ τὰ τούτων ἡδύτατα νάματα καὶ τῶν ὑδάτων τὰ διειδέστατα; ὅθεν καὶ βρύει

---

[1]) Αὐτόθι, σελ. 31.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 23.
[3]) Αὐτόθι.
[4]) Αὐτόθι.

μὲν πόαν ὁ χῶρος παντοίαν, κομᾷ δὲ μυρίοις εὐανθέσι τοῖς ἄνθεσι καὶ καρποῖς ἐπιβρύθει καὶ ταῖς ἐναλλαγαῖς τῶν ἀνθέων δαψιλῶς ὡραΐζεται, εἶτα καὶ παρ' ἠϊόσιν ὑπτίαις μάλα στεφανοῦται ψαμμώδεσι".[1])

Ὁ Λιβαδηνὸς μετά τινα καιρὸν ἐγένετο γνωστὸς ἐν Τραπεζοῦντι, οἰκεῖος δὲ καὶ φίλος τοῦ αὐτοκράτορος Βασιλείου, ὃν εἶχε γνωρίσει πρότερον ἐν Κ/πόλει. Δὲν ἀναφέρεται ῥητῶς ἐν τῷ κειμένῳ τῆς περιηγήσεως, ἣν εἶχε θέσιν ἐν τῇ αὐλῇ τοῦ αὐτοκράτορος καὶ ἐν τῇ ἱερᾷ Μητροπόλει. Ἐν τῇ περιηγήσει ὅμως λέγει αὐτός, ὅτι „μετά τινα καιρὸν οὐ πάνυ βραχὺν τοῖς ἐν τέλει τελείως προσηταιρίσμεθα καὶ οὐ μαλακόν τε καὶ ὑφειμένον, ἀλλὰ καὶ λίαν στεῤῥῶς καὶ ὑπερκειμένως. Ἐντεῦθεν καὶ τοῖς κρατοῦσι συνήθεις κατέστημεν καὶ λίαν ᾠκειώμεθα καὶ πεφιλήμεθα οὔμενουν ἀγνοούμενοι πρότερον· πάλαι γὰρ ὄντι ἐν τῇ βασιλίδι τῶν πόλεων κἀκεῖ τὰς διατριβὰς ποιουμένῳ τῷ Τραπεζοῦντος ἀνάσσοντι προσηταιρίσθημεν, ἀπέστω φθόνος καὶ βαλλέσθω πόῤῥω, καὶ ξυνήθεις τούτῳ ἀρρήκτοις φιλίας νόμοις γεγόναμεν. Βασίλειος δ' ἦν οὗτος ὁ τοῦ Μεγάλου Ἀλεξίου υἱός, μέγας Κομνηνὸς ὁ ἀείμνηστος".[2]) Καὶ ἐφεξῆς· „τῷ τοι καὶ τοῖς ἐν τέλει προσηταιρίσμεθα, ὥσπερ καὶ ἀνωτέρω μὲν λέλεκται, καὶ δι' αἰδοῦς ἠγόμεθα μάλα πολλῆς καὶ φιλίας ἡμῖν ἐκοινώνουν οὗτοι καὶ δεξιώσεως, ἐῤῥέτω φθόνος, ἅμα καὶ τιμῆς ἀνακτορικῆς ἀπελαύομεν, εἰρήσεται γὰρ τἀληθῆ, καὶ χρήσεως τοῖς κρατοῦσιν ἦμεν ἐντεῦθεν αἴτιοι".[3]) Ἐκ τούτων ἐξάγεται, ὅτι ὁ Λιβαδηνὸς γνωστὸς ἤδη καὶ πρότερον ἐν Κωνσταντινουπόλει τῷ αὐτοκράτορι Βασιλείῳ, πολλῷ μᾶλλον ἐφιλιώθη ἐν Τραπεζοῦντι καὶ ἐγένετο χρήσιμος αὐτῷ διὰ τὴν πεῖραν καὶ τὰς γνώσεις αὐτοῦ· δὲν δηλοῦται ὅμως ἐκ τούτων τίνα θέσιν εἶχε παρὰ τοῖς κρατοῦσιν. Ἀφ' ἑτέρου ἔκ τινος σημειώσεως αὐτοῦ τούτου ἐν τέλει τοῦ κώδηκος, ἐν ᾧ ἡ περιήγησις αὐτοῦ, ἐξάγεται, ὅτι ἦτο πρωτοταβουλλάριος καὶ χαρτοφύλαξ τῆς ἁγιωτάτης Μητροπόλεως Τραπεζοῦντος. Ἡ σημείωσις ἔχει ὧδε. „Ἡ Ἁγία Τριὰς βοήθει μοι τῷ σῷ δούλῳ βροτῶν ἁπάντων οἰκτίστῳ, πρωτοταβουλαρίῳ καὶ χαρτοφύλακι τῆς Τραπεζουντίων ἁγιωτάτης Μητροπόλεως καὶ ταῦτα γράφοντι ἐν τῇδε τῇ δέλτῳ Ἀνδρέᾳ Βυζαντίῳ τῷ Λιβαδηνῷ καὶ οἱ ἐντυγχάνοντες εὔχεσθε ἄν μοι σωτηρίας τυχεῖν ἀϊδίου"[4]). Φαίνεται ὅμως καὶ ἐκ τῶν κα-

[1]) Αὐτόθι, σελ. 24.
[2]) Αὐτόθι.
[3]) Αὐτόθι, σελ. 25.
[4]) Αὐτόθι, σελ. δ'.

τωτέρω τῆς περιηγήσεως, ὅτι καὶ ἐν τῇ Μητροπόλει εἰργάζετο ὁ Λιβαδηνὸς καὶ εἰς τοὺς αὐτοκράτορας ἦν ἐπίσης χρήσιμος καὶ εἰς διαφόρους σπουδαίας ὑποθέσεις ἀπεστέλλετο.[1]) Καίτοι δὲ ἐπεθύμει νὰ ἐπιστρέψῃ εἰς Κωνσταντινούπολιν καὶ πρέσβεις πρὸς τοὺς κρατοῦντας ἐπὶ τούτῳ ἀπέστελλε, φαίνεται, ὅτι δὲν ἔτυχε τοῦ ποθουμένου καὶ τὰ πράγματα αὐτοῦ ἐν Τραπεζοῦντι ἔβαινον κατ' ἀρχὰς καλῶς. Ἐν τῇ Ἱερᾷ Μητροπόλει ὡς χαρτοφύλαξ ὁ Λιβαδηνὸς ἐκράτει τὰ ἐκκλησιαστικὰ χαρτῷα δικαιώματα, ἦν κριτὴς τῶν ἐκκλησιαστικῶν ὑποθέσεων, τῶν γάμων, τῶν ὑποθέσεων τῶν κληρικῶν, ὡς δεξιὰ τοῦ Ἀρχιερέως χείρ· ὡς δὲ ταβουλλάριος ἔγραφε τὰ κοινὰ συμβόλαια καὶ τὰς διαθήκας τῶν πολιτῶν, τὰς συνθήκας καὶ συμφωνίας καὶ ἁπλῶς πᾶν ἔγγραφον βεβαιοῦν αὐτὸ τῇ ἰδίᾳ ὑπογραφῇ, ἑνὶ λόγῳ ἦν δικαστὴς ὅλων τῶν πνευματικῶν ὑποθέσεων καὶ συμβολαιογράφος τῆς Μητροπόλεως, ὡς λέγομεν σήμερον.[2])

Ἀλλὰ τὰ πράγματα ἤλλαξαν ὄψιν. Θνήσκει τῷ 1340 ὁ φίλος αὐτοῦ αὐτοκράτωρ Βασίλειος, ἐγένοντο ἐμφύλιοι ταραχαί, πόλεμοι ἔσωθεν καὶ ἔξωθεν ὑπὸ ἐχθρῶν, αὐτὸς δὲ ὡς φίλος τοῦ ἀποθανόντος καταδιώκεται ὑπὸ τῶν ἐναντίων, κινδυνεύει, ἀποβάλλει τὴν περιουσίαν· αἱ ἐμφύλιοι ταραχαὶ διαρκοῦσιν ἔτη ἐννέα, ἐν οἷς ἐβασίλευσαν ἐν Τραπεζοῦντι διάφοροι τοῦ αὐτοῦ οἴκου τῶν Κομνηνῶν ἡγεμόνες, ἕως οὗ ἀναβαίνει εἰς τὸν θρόνον Ἀλέξιος ὁ Γ', υἱὸς τοῦ Βασιλείου Α.', βασιλεύσας 1349—1390. Ἐν καιρῷ τῶν ἐρίδων τούτων ὁ Λιβαδηνὸς ἔπαθε τὰ πάνδεινα διὰ τὴν φιλίαν τοῦ Βασιλείου καὶ τὴν εὐθυδικίαν αὐτοῦ κατὰ τὰς συμπαθείας καὶ ἀντιπαθείας τῶν ἑκάστοτε εἰς τὰ πράγματα ἐρχομένων. Χωρὶς νὰ ἀναφέρῃ τὰ ὀνόματα τῶν βασιλευόντων κατὰ τὸ ἐννεαετὲς τοῦτο διάστημα, ἀναφέρει ὅμως τὰ γεγονότα, τὰ ὁποῖα συμφωνοῦσι τοῖς ὑπὸ τοῦ Παναρέτου καὶ Fallmerayer λεγομένοις.

„Εὐροοῦσι τοίνυν καὶ καλῶς ἔχουσι περὶ τῇδε φθάνει τελευτὴ Κομνηνοῦ Βασιλείου δεινὸν ἐπελθοῦσα οἷά τις συμφορῶν κυκεών.... ἄρτι γὰρ ἐκείνου πρὸς Θεὸν μεταστάντος ἡμῖν καὶ ἀμφοῖν τὰ δεινὰ τῶν κακῶν ἐπεισέφρησεν· οὔπω γὰρ τὸ πένθος ἐλώφησε καὶ ἡ τῶν ἐν τέλει ἄστατος ἔρις, οἴμοι, καθ' ἑαυτῶν ἀνηγείρετο .... τοῦτο τοίνυν οὕτως ἔχον εἰδὼς καὶ ὡς ἐπὶ κακῷ τὰ παρόντα τῇδ' ἐπιῤῥώσει κατὰ νοῦν γὲ βαλλόμενος ἀπαίρειν τῆςδε κατήπειγμαι

[1]) Αὐτόθι, σελ. 36.

[2]) Αὐτόθι, σελ. ιβ'.—ιγ'. Κωδινοῦ Κουροπαλάτου περὶ τῶν ὀφφικιαλίων τοῦ Παλατίου Κπόλεως κτλ. Κεφ. α', σελ. 4. Ἔκδ. Βόννης. Αὐτόθι, σελ. 6—154. Χρυσάνθου Νοταρᾶ Συνταγμάτιον, σελ. θ', λή, λθ'.

πάσῃ χρώμενος πείρᾳ, πάντα δηλονότι τῷ λόγῳ κινούμενος κάλων καὶ οὐδ' οὕτως ἀπήλλαγμαι. Μέσος τοίνυν ἐναπολειφθεὶς ξυμφορῶν οὐκ εἶχον ὅ τι καὶ γένοιμι" . . . . . [1])

Εὑρέθη λοιπὸν ἐν μέσῳ τῶν ἐμφυλίων ταραχῶν ὁ ἡμέτερος Λιβαδηνὸς μὴ δυνάμενος νὰ φύγῃ εἰς Κων/πολιν, εἶδε τὴν στάσιν παρὰ τὴν Μονὴν τοῦ Ἁγίου Εὐγενίου, τὴν ἐπιδρομὴν τῶν βαρβάρων μετὰ ἓν ἔτος καὶ τὴν πυρπόλησιν τῆς Τραπεζοῦντος, ἀποβαλὼν δὲ τὴν περιουσίαν ἀπεφάσισε νὰ ἀναχωρήσῃ εἰς Κ/πολιν· ἐλθὼν ὅμως εἰς τὸν Κιμμέριον Βόσπορον, εἰς τὴν νῦν Κριμαίαν, διὰ τῆς βίας κατάγεται πάλιν εἰς τὴν Τραπεζοῦντα διὰ πλοίων Τραπεζουντίων. Ἐπανελθὼν οὕτως εἰς Τραπεζοῦντα ὑπέπεσε πάλιν εἰς ἐμφύλιον στάσιν καὶ ἀσθένειαν, ὅτε ἐπεσκέφθη αὐτὸν ὁ Μητροπολίτης Ἀκάκιος. Μόλις ἀπαλλαγεὶς τῆς νόσου, ὑπέπεσεν αὖθις εἰς στάσιν, ἀφῃρέθη ἡ περιλειφθεῖσα περιουσία καὶ κατεδικάσθη εἰς φυγήν, ἀλλ' ἀπηλλάγη. Περὶ τούτου λέγει ὁ Λιβαδηνός. „Οἶδε τοῦτο Τραπεζοῦς καὶ οἱ πέριξ ὁμέστιοι".[2])

Οὕτω παρῆλθον τὰ ἐννέα ἔτη τῶν ἐμφυλίων ταραχῶν, ἔρχεται ἡ εἴδησις, ὅτι καταφθάνει εἰς Τραπεζοῦντα Ἀλέξιος Γ', υἱὸς τοῦ Βασιλείου, ἵνα ἀναλάβῃ τὴν πατρικὴν αὐτοῦ κληρονομίαν. Ὁ Λιβαδηνὸς λέγει πρὸς τοὺς φίλους αὐτοῦ ἀκροατάς. „Οὔπω δ' ἐνιαυτὸς ἐξικνύετο πᾶς καὶ καινὴ ἄρα ῥωμαΐθεν ἀγγελία τῷ τῇδε τηνικαῦτα κρατοῦντι καὶ τοῖς ἀμφ' αὐτὸν ἐπεισέφρησεν. Ὅπως δ'οὖν, αὐτὸς ἑκὼν μὲν ἤδη παρίημι, τοῖς δὲ εἰδόσι καὶ μάλα κοινότατον. Ἐφέστηκε δ'ὅμως ἄναξ ἐν ἀκαρεῖ σὺν μητρὶ βασιλίδι Μέγας Κομνηνὸς Ἀλέξιος ἔτι νεώτατος . . . . Βασιλείου δὲ παῖς Κομνηνοῦ τοῦ ἀειμνήστου καὶ πάνυ . . . . Ἧκε δὲ μετὰ Σινώπην εἰς Ἀμινσόν, κἀκεῖθεν εἰς Κερασοῦντα καὶ παραβάλλει Τριπόλεσιν, οἳ καὶ ὑπὸ πᾶσιν ἀναγορεύεται μάλα καλῶς . . . . Ἀμέλει καὶ τῇ τῶν Τραπεζουντίων εἰσβάλλουσι κράτιστα καθῃρηκότων γε πρὶν τὸν πάλαι ἀνάσσοντα (Μιχαὴλ)".[3])

Μετὰ τὴν εἰς τὸν θρόνον ἄνοδον τοῦ Ἀλεξίου, γνησίου κληρονόμου τοῦ Βασιλείου, ὁ Λιβαδηνὸς λαμβάνει τὴν θέσιν αὐτοῦ, διαταγῇ δὲ αὐτοκρατορικῇ κάθηται εἰς τὸν θρόνον τοῦ δικαστοῦ. „Ἡμᾶς τ' ἐπὶ τοῦ τῶν δικολόγων θρόνου ἀνακτορόθεν αὖθις καθίζειν αὐτοὶ ἐκβιάζουσι καὶ πάντα τῇ πόλει καὶ ἡμῖν κατὰ ῥοῦν εὐθέως εἶχε τὰ πράγματα".[4]) Ἐννοεῖται, ὅτι δὲν ἔλειπον ὅλως οἱ

---

[1]) Αὐτόθι, σελ. ιέ, § 25.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 31.
[3]) Αὐτόθι, σελ ιθ'. 33—34.
[4]) Αὐτόθι, σελ κα'. 34.

πειρασμοί, περὶ ὧν λίαν κεκαλυμμένως ὁμιλεῖ πρὸς τοὺς φίλους ὁ Λιβαδηνός.

Ἐν Κερασοῦντι ὑπῆρχεν ἀντιπολίτευσις κατὰ τοῦ Ἀλεξίου· διὸ προσκλήσει τοῦ Ἀρχιερέως Κερασοῦντος Κυρίλλου, νῦν πρῶτον ἀπὸ τοῦ Λιβαδηνοῦ γνωριζομένου, ὁ Λιβαδηνὸς πορεύεται εἰς τὴν πόλιν ταύτην, ἣν περιγράφει χαριέντως. Γίνεται στάσις, ὁ Ἀλέξιος ἐπέρχεται κατὰ τῆς πόλεως ταύτης μετὰ τοῦ στόλου αὐτοῦ, γίνεται μάχη ἐντὸς τῆς πόλεως καὶ πρὸ τῶν τειχῶν. Μόλις δὲ τῆς Κερασοῦντος ἀπαλλαγεὶς ὁ Λιβαδηνὸς κατάγεται εἰς Κεγχρεούς, ὅπου ἐγένετο μάχη τῶν δύο ἀντιπάλων μερίδων, μετὰ δὲ τὴν μάχην ἐπελθούσης διαλλαγῆς ὁ Λιβαδηνὸς μετὰ τῶν ἑταίρων ἐπανέρχονται ἐπὶ βασιλικῆς νηὸς εἰς Τραπεζοῦντα.[1]) „Ἀμέλει δὴ καὶ τοῦ Θὼθ (Σεπτεμβρίου) οὑτωσὶ περισπεύσαντος, ᾧ γοῦν καὶ ταῦτ' ἐξεπράχθη, σκοπός τις φοιτᾷ τοῖς ἑταίροις ὄντως θεοφιλὴς ὡς λῦσαί γε πάντα τὰ μεταξὺ καὶ γε τοῖς ἄναξι προσελθεῖν καὶ ἵλεως τούτοις ποιήσασθαι. Τοῦτο δὲ καὶ βουλῇ βεβουλεύμεθα ὅτι χρηστῇ· ἤδη γὰρ νὴ τοὺς λόγους καὶ φίλιον ἔρων, ὦ βέλτιστοι, μάλα τῇδε ξυντέθειμαι, ἐῤῥέτω φθόνος καὶ δέος ἅπαν πόῤῥω βαλλέσθω μοι. Διαπρεσβεύεται τοῦτο τοίνυν διὰ γραμμάτων τοῖς ἄναξι, φθάνουσι δὲ παραχρῆμα κἀκεῖθεν ἡμῖν τῶν ἐν τέλει τινὲς προὔχοντες σπουδὰς ζητοῦντες καὶ συνδιαλλαγὰς εἰρηναίας πάντα τε ὑπισχνούμενοι καὶ ἐπαγγελόμενοι τὰ χρηστά, ἐφ' οἷς καὶ δι' ὅρκων ἔμπεδα γράμματα ἡμῖν μὲν φέροντες ἐπεδίδουν, ἐχεγγύοις τούτων ἀῤῥαγεῖς δὲ καὶ Ἰταλῶν ἐτίθουν τοὺς προὔχοντας. Τούτοις δὲ πᾶσιν ἀναθαρσήσαντες καὶ πρό γε ἁπάντων ἐπί τε σωτῆρι Θεῷ καὶ τῇ χρυσῇ Θεομήτορι τῆς βασιλικῆς ἐπιβάντες ἅμα τριήρεως τῆς ἐπὶ τούτῳ σταλείσης εὐχαῖς ἁπάντων ἁγίων, αἷς ἐπεποίθειμεν, τῆς ἐπὶ Τραπεζοῦντα πορείας εἰχόμεθα. Προσχόντες τοίνυν τὰ πρῶτα Τριπόλεσι, κἀκεῖθεν ἀπάραντες ἕωθεν τῷ Δαφναίῳ λιμένι κατήραμεν, ᾗ καὶ τὸ Ἰταλῶν ἕστηκεν ἔρυμα· τῇδε γὰρ προσορμίζειν τετάγμεθα, ὥσπερ δῆτα πρὸ ἡμῶν καὶ ὁ μέγας ὥρμησε δούξ, ὁ τοῦ ξὺν ἡμῖν ἑταίρου δουκὸς πατήρ, οὗ καὶ ἀνωτέρω παρὰ Κερασοῦντι καὶ Κεγχρεῶνι τοῦ λόγου μεμνήμεθα, καὶ ἕωθεν τῇ Τραπεζουντίων πόλει καὶ τοῖς πραέσιν ἄναξι ηὐμενίσθημεν προτρίτην καλανδῶν ἄγοντος τοῦ παρ' Ἕλλησι Δίου, ἤτοι ἐν ὀγδοάδι τε καὶ εἰκάδι τοῦ παρ' Αἰγυπτίοις Ὑπερβερεταίου, οἷγε καὶ παῦλάν τινα τῶν μακρῶν ἠλπίκαμεν ἀνευρέσθαι κόπων παρὰ σωτῆρι Θεῷ διὰ τῆς χρυσῆς Θεομήτορος."[2])

[1]) Αὐτόθι, κϐ'.—κδ'., 33—46.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 46.

Τοιουτοτρόπως μετὰ πολλὰς περιπετείας ὁ ἡμέτερος Λιβαδηνὸς ἐπανελθὼν εἰς Τραπεζοῦντα ἀποκατέστη εἰς τὴν θέσιν αὐτοῦ εὑρὼν παῦλαν τῶν δεινῶν. Καὶ ἐνταῦθα λήγει ἡ περιήγησις αὐτοῦ, ἐνταῦθα δὲ καὶ αἱ περὶ αὐτοῦ εἰδήσεις· περὶ τοῦ μετὰ ταῦτα βίου καὶ τῆς τελευτῆς αὐτοῦ τό γε νῦν ἀγνοοῦμεν. Διὸ εὔκαιρον νομίζομεν ὑποβαλεῖν εἰς βραχεῖάν τινὰ κρίσιν τὸ σύγγραμμα αὐτὸ τοῦτο.

Ἡ περιήγησις αὕτη ἐπιγράφεται ὧδε. „Περιηγητικῆς ἱστορίας ἀναβάσεως Ἀνδρέου τοῦ Λιβαδηνοῦ, λόγος εὐχαριστήριος σὺν ὕμνῳ τινὶ μετέχων καὶ τῆς βρεφικῆς ἐμαυτῷ περιόδου καὶ πλάνης καὶ περιηγήσεως τοπικαῖς ἱστορίαις, ἅμα τε καὶ ὁπόσων καί οἵων καὶ ἡλίκων ἀγαθῶν προσαπέλαυσα πρὸς Χριστοῦ Ἰησοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ ἡμῶν καὶ σωτῆρος ἀληθῶς καὶ εὐεργέτου τῇ τῆς πανάγνου καὶ ὑπεράγνου μητρὸς αὐτοῦ καὶ δεσποίνης ἡμῶν ἀντιλήψει καὶ μεσιτείᾳ προσᾳδόμενος αὐτῷ τῷ σωτῆρι καὶ τῇ προμάχῳ κυρίᾳ καὶ ἀειπαρθένῳ Μαριὰμ τῇ κοσμοποθήτῳ καὶ παντευλογήτῳ, ἐξιτήριος ἅμα δηλονότι καὶ εἰσιτήριος ἡμῖν ἤδη γεγονὼς αὐθωρόν, ὅτε καὶ τοῦ χαλεποῦ χειμῶνος λωφῆσαι δόξαντος τῶν σάλων ἐρρύσθημεν καὶ τοῖς ἰδίοις γεγόναμεν καταστρατοπεδευσάσης τῆς στρατηγοῦ τῶν δεινῶν, ἀληθῶς ὑπερμάχου τῆς οὐθενείας ἡμῶν“.[1])

Τοιαύτην φέρει ἐπιγραφὴν τὸ πόνημα τοῦ Λιβαδηνοῦ· εἶναι πράγματι περιηγητικὴ ἱστορία, διότι ἀναφέρει τὰς περιηγήσεις, ἃς ἀνέλαβεν ὁ συγγραφεὺς ἤδη ἀπὸ μικρᾶς ἡλικίας, ἐν αἷς πιστῶς ἀναφέρει τὰ συμβάντα αὐτῷ ἐν Κ/πόλει, ἐν Αἰγύπτῳ καὶ ἰδίᾳ ἐν Τραπεζοῦντι, τὰ ὁποῖα συμφωνοῦσι πρὸς ὅσα λέγουσι οἱ τῆς Τραπεζοῦντος ἱστορικοί, ὅτε Μιχαὴλ Πανάρετος καὶ ὁ τοῦτον βάσιν θέμενος J. Fallmerayer. Εἶναι λοιπὸν ἔργον ἱστορικὸν ἀναμφισβήτητον. Τὰ γεγονότα, τὰ ὀνόματα τῶν αὐτοκρατόρων Βασιλείου, Μιχαὴλ καὶ Ἀλεξίου, τὰ ὀνόματα τῶν ἀρχιερέων Βαρνάβα, Γρηγορίου καὶ Ἀκακίου, οἱ ἐμφύλιοι σπαραγμοὶ μεταξὺ τῶν χρόνων τοῦ Βασιλείου καὶ Ἀλεξίου, ὅλα ταῦτα ῥητῶς καὶ ἀλλαχόθεν μαρτυρούμενα παρέχουσι τῷ συγγραφεῖ καὶ τῷ συγγράμματι αὐτοῦ χαρακτῆρα ἱστορικόν. Διὸ εὐλόγως δυνάμεθα οὐ μόνον νὰ παραδεχθῶμεν αὐτὰ παρὰ συγχρόνου καὶ αὐτόπτου ἀναγραφόμενα, ἀλλὰ μάλιστα νὰ διορθώσωμεν καί τινα τῶν παρὰ Fallmerayer ἀναφερομένων.

Ἀλλὰ τὸ πόνημα φέρει καὶ ἑτέραν ἰδιότητα· εἶναι λόγος εὐχαριστήριος σὺν ὕμνῳ πρός τε τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χρι-

---

[1]) Αὐτόθι, σελ. 1.

στὸν καὶ πρὸς τὴν ὑπέραγνον αὐτοῦ μητέρα, εἰς οὓς ὁ συγγραφεὺς πολλάκις ἀναφέρει τὴν σωτηρίαν αὐτοῦ ἀπὸ τῶν δεινῶν τῶν ἑκάστοτε αὐτῷ συμβαινόντων. Καὶ οὐ μόνον εἰς τὸν Σωτῆρα καὶ Θεομήτορα ἀπονέμει ἑκάστοτε χάριτας, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς ἁγίους τοῦ Θεοῦ Ἰωάννην τὸν Πρόδρομον, Γεώργιον, Νικόλαον, Θεόδωρον καὶ μάλιστα τὸν κατ' ἐξοχὴν ἅγιον τῆς Τραπεζοῦντος Εὐγένιον, πρὸς οὓς εὔχεται πολλάκις καὶ οὗ τὴν Μονὴν ἐπίσης ἀναφέρει. Μετέχει λοιπὸν ἡ περιηγητικὴ ἱστορία καὶ ἐπικλήσεως πρὸς τὸ θεῖον, πρὸς τὸν Σωτῆρα τοῦ κόσμου, τὴν ἀειπάρθενον αὐτῷ μητέρα καὶ τοὺς ἁγίους αὐτοῦ.[1])

Ποῦ ὅμως ἐξεφωνήθη ὁ λόγος οὗτος; ἐν τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ, ἢ ἐν ὁμηγύρει φίλων, ἐν συλλόγῳ ἀκροατῶν φίλων; καὶ ἐν τίνι περιστάσει; Ἐν ἐκκλησίᾳ δὲν φαίνεται ὅτι ἐξεφωνήθη, διότι ἐκτὸς τῶν ἐπικλήσεων πρὸς τὸν Θεὸν καὶ τοὺς ἁγίους αὐτοῦ τὸ θέμα ὁλόκληρον τοῦ λόγου εἶναι ἀλλότριον τοῦ ἄμβωνος, ἐν ᾧ ἐπικρατεῖ τὸ συμβουλευτικόν, τὸ οἰκοδομητικὸν τῶν ἀκροατῶν, ὅπερ ὅμως ἐλλείπει κυρίως εἰπεῖν ἀπὸ τοῦ προκειμένου λόγου, διότι ἡ ἐξήγησις ἰδιωτικῶν ὑποθέσεων, πολιτικῶν γεγονότων, ἐμφυλίων ἐρίδων καὶ τὰ τοιαῦτα ἐν ἐκτάσει μάλιστα λεγόμενα, ἀπέχουσι πολὺ λόγου ἐκκλησιαστικοῦ. Ἀρκεῖ νὰ συγκρίνωμεν αὐτὰ καὶ πρὸς ἄλλους μὲν λόγους ἐκκλησιαστικοὺς ἀρχαιοτέρων ἱεροκηρύκων καὶ Πατέρων τῆς Ἐκκλησίας, ἰδίᾳ δὲ πρὸς τοὺς τῶν συγχρόνων τοῦ Λιβαδηνοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Λουκίτου, συγγράψαντος ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα τοῦ Χριστοῦ Εὐγένιον, Ἰωάννου Ξιφιλίνου, Πατριάρχου Κων/πόλεως, διήγησιν τῶν θαυμάτων τοῦ ἁγίου Εὐγενίου, Ἰωσὴφ Μητροπολίτου Τραπεζοῦντος, περὶ τῆς γενεθλίου ἡμέρας τοῦ ἐν θαύμασι περιβοήτου καὶ μεγαλάθλου Εὐγενίου,[2]) ἀρκεῖ λέγω νὰ παραβάλωμεν τὸν λόγον τοῦ Λιβαδηνοῦ πρὸς τοὺς λόγους τῶν ἀνωτέρω, ἵνα ἴδωμεν, ὅτι οἱ μὲν λόγοι τῶν ἄλλων ἀπηγγέλθησαν ἢ καὶ δύνανται νὰ ἀπαγγελθῶσιν ἐν ἐκκλησίαις, ὁ δὲ τοῦ Λιβαδηνοῦ οὐχὶ ἐν ἐκκλησίαις, ἀλλὰ ἐν συλλόγῳ ἀκρο-ατῶν· τοῦτο δὲ ὀφείλομεν νὰ ἀποδείξωμεν.

Ὅτι ὁ λόγος οὗτος ἐξεφωνήθη ἐν Τραπεζοῦντι μετὰ τὴν παῦλαν τῶν ἐμφυλίων ἐρίδων καὶ τὴν ἀποκατάστασιν τῶν πραγμάτων ἐπὶ Ἀλεξίου, υἱοῦ Βασιλείου, ὅτε ὁ Λιβαδηνὸς ἡσύχασε πλέον ἐν τῇ θέσει αὐτοῦ, ἐξάγεται ἐκ πολλῶν φράσεων εὑρισκομένων ἐν τῷ ἐπιλόγῳ τοῦ συγγράμματος αὐτοῦ, ἔνθα εὔχεται, ἵνα ἴδῃ ταχέως

[1]) Αὐτόθι, σελ. 2—4, 5, 11, 16, 20, 26, 29, 31, 33, 35, 39—42, 47—49.
[2]) Ὅρα Fontes historiae imperii Trapezuntini ὑπὸ Ἀθ. Παπαδοπούλου Κεραμέως, ἐν Πετρουπόλει 1897.

τὴν πατρίδα αὐτοῦ Κ/πολιν, ἀπὸ τὴν ὁποίαν πρὸ πολλοῦ λείπει. Ἀποτεινόμενος πρὸς τὴν Θεομήτορα λέγει. „Ἄχραντε, Παρθένε Θεοτόκε, ... πάρασχε τοίνυν ἡμῖν δεομένοις καὶ χρωτὸς ἁπτομένοις ἁγίου σου ἀπαλλαγὴν δυσχερῶν καὶ μάλιστα τῶν ἐπικειμένων νυνί· δίδου δὲ καὶ νῦν τὰ σωτήρια ὡς μυριάκις τὸ πρίν, δῴης δὲ καὶ τὴν ἐνεγκαμένην θᾶττον ἰδεῖν πολλοῦ πάλαι ταύτης ἡμᾶς ἀποδέοντας, τὴν πόλιν τὴν σήν, τέμενος οὖσαν ὅλην τὸ σόν, τεῖχος τυγχάνουσαν σοῦ, χρυσῆν ἐμὴν πατρίδα καὶ φίλην, ταύτης ἐναπολαῦσαι καὶ τῶν τροφείων μεταδοῦναι αὐτῇ“.[1]) Ἀφοῦ δὲ εὔχεται μακρόθεν τῇ πατρίδι αὐτοῦ πάντα τὰ ἀγαθά, ἱκετεύει τὴν Θεομήτορα, ἵνα δωρήσῃ αὐτῷ ὅπως ἴδῃ τοὺς συγγενεῖς καὶ ἀδελφοὺς αὐτοῦ, κἄμα ξὺν τούτοις καὶ Μάρκον ἰδεῖν καὶ Λουκᾶν καὶ χερσὶ χεῖρας ἐπιβαλέσθαι καὶ περιπτύξασθαι πάντων ἥδυτατα. Περὶ τούτου τὴν σὴν ἱκετεύω, κυρία, εὐσυμπάθητον περὶ ἐμὲ κηδεμονίαν τῆς ἀπλέτου σου ἀγαθότητος παράσχου μοι τοὺς δ' ἰδέσθαι καὶ περιπτύξασθαι πάντας εὖ ἔχοντας, πάντων ἀνιαρῶν ἀνωτέρους, πάσης κακίας ἀπηλλαγμένους, πάσαις ἀρετῶν ἰδέαις κεκοσμημένους, πάσαις εὐεξίαις ψυχῶν ξυνάμα σώμασι ἐρωμένους· ὑπὲρ ὁμαίμου καὶ ἀδελφιδοῦ λιπαρῶ καὶ προσπίπτω καὶ δέομαι, ἵλεως ἵλεως ἡμῖν εἴης ἀχρείοις ἱκέταις καὶ θαῤῥικῶς δεομένοις τῆς σῆς ἀγαθότητος. Ναί, ναὶ ὦ δέσποινα καὶ κυρία, καὶ τῶν ἡμῶν ἀκαταίσχυντε πρόμαχε, δώρησαί μοι ξὺν ἐμῇ τῇ πατρίδι τῇ πόλει σου τοὺς ἐμοὺς καὶ πάντας τοὺς ἐκεῖσε τῶν ἄλλων θεάσασθαι τάχιον ..... ἡμᾶς δ' ἔτι καὶ ἐνεγκαμένης εἴσω τάχος γενέσθαι .... ὡς ἂν κακεῖ τῇ φιλανθρώπῳ χρηστότητι ᾄσωμεν ᾠδὴν ἐπινίκιον, ὕμνον εὐχαριστήριον, ἀλλαλαγμόν τε παιάνιον ἅμα καὶ εἰσιτήριον.[2])

Ἐκ τῆς παθητικῆς καὶ εὐσεβοῦς ταύτης πρὸς τὴν Θεομήτορα ἐπικλήσεως ἐξάγεται, ὅτι ὁ Λιβαδηνὸς συνέταξε τὸν λόγον τοῦτον ἐν Τραπεζοῦντι, ἀμέσως μετὰ τὴν παῦσιν τῶν δεινῶν· διότι εὔχεται νὰ ἴδῃ τὸ ταχύτερον τὴν ἐνεγκαμένην, τὴν φίλην πατρίδα Κ/πολιν, νὰ ἴδῃ τοὺς συγγενεῖς καὶ περιπτυχθῇ αὐτοὺς καὶ ἐκεῖ, ἐν Κ/πόλει, νὰ ψάλῃ παιᾶνα ὕμνον εὐχαριστήριον καὶ εἰσιτήριον ἐπὶ τῇ ἐπανόδῳ αὐτοῦ εἰς τὴν πόλιν τῆς Θεομήτορος, εἰς τὴν γενέτειραν αὐτοῦ.

Διὰ τούτων ἀπεδείξαμεν, ὅτι ὁ λόγος συνετάχθη ἐν Τραπεζοῦντι εὐθὺς μετὰ τὴν παῦσιν τῶν ἐμφυλίων ταραχῶν, ὡς ἐξάγεται ἐκ τῆς ἐν κεφαλίδι τοῦ πονήματος ἐπιγραφῆς· „ἐξιτήριος ἅμα δηλονότι καὶ εἰσιτήριος ἡμῖν ἤδη γεγονὼς αὐθωρόν, ὅτε καὶ

[1]) Λιβαδ. Αὐτόθι, σελ. 47—8.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 49.

τοῦ χαλεποῦ χειμῶνος λωφήσας δόξαντος τῶν σάλων ἐῤῥύσθημεν καὶ τοῖς ἰδίοις γεγόναμεν καταστρατοπεδευσάσης τῆς στρατηγοῦ τῶν δεινῶν, ἀληθῶς ὑπερμάχου τῆς οὐθενείας ἡμῶν".[1]) Ὁ λόγος λέγεται ἐξιτήριος δηλῶν τὴν ἀπὸ τῆς πατρίδος αὐτοῦ ἔξοδον, ἅμα καὶ εἰσιτήριος δηλῶν τὴν εὐχὴν τῆς εἰς τὰ ἴδια αὐτοῦ ἐπιστροφῆς, ὅτε τοῦ χειμῶνος καταπαύσαντος ἐσώθη τῶν σάλων καὶ τρικυμιῶν καὶ τὴν ἀποκατάστασιν ἐν τῇ θέσει αὐτοῦ παρά τε τοῖς ἄναξι καὶ τῇ ἱερᾷ Μητροπόλει. Φαίνεται λοιπόν, ὅτι ἀπαλλαγεὶς τῶν δεινῶν, τὰ ὁποῖα ὅμως πάλιν φοβεῖται καὶ λέγει νυνὶ ἐπικείμενα,[2]) αὔθωρόν, μετ' οὐ πολὺ συνέταξε καὶ ἀπήγγειλε τὸν λόγον, ἀφοῦ ἡ Θεομήτωρ κατέβαλε καὶ κατέπαυσε τὰ δεινὰ γενομένη ἀληθῶς ὑπέρμαχος τῆς ἀδυναμίας αὐτοῦ.

Μένει λοιπὸν νὰ ἐξετάσωμεν ποῦ ἐξεφωνήθη ὁ λόγος οὗτος, ἀφοῦ δὲν ἦτο προωρισμένος διὰ τὴν ἐκκλησίαν. Ὁ Λιβαδηνὸς πολλαχοῦ τοῦ λόγου του ἀποτείνεται πρὸς ἀκροατὰς φίλους, ἑταίρους, φίλιον ἄθροισμα, ἐξ οὗ ἐξάγεται, ὅτι ἀπηγγέλθη εἰς τοιαύτην ὁμήγυριν φίλων ἀκροατῶν, εἰδότων καλῶς τὰ λεγόμενα· φέρομεν μερικὰ παραδείγματα εἰς τούτων ἀπόδειξιν. Ὅτε ὁμιλεῖ περὶ τῆς ἀνατροφῆς αὐτοῦ καὶ ἐκπαιδεύσεως, λέγει. „Ἐνταῦθα ὑπὸ χρυσῇ τοιαύτῃ τῶν ἀγαθῶν μοι ἀγκύρᾳ καὶ χρηστῶν ἀεὶ ἐπικούρῳ παιδαγωγοῖς τε ἐστοίχουν ὁμοῦ καὶ μαθήμασιν, ὦ ἄνδρες".[3]) Ὅτε πάλιν ποιεῖται λόγον περὶ τῆς ἐν Ἱερουσαλὴμ προσκυνήσεως, λέγει· „ἀλλ' αἰσθάνομαι, φιλόθεον ἄθροισμα, ὡς καὶ ἡμεῖς παρεντυχεῖν ἐθέλειν τοῖς τερπνοῖς τουτοισὶ καὶ ὡραίοις δι' ἐφέσεις ἔχονται".[4]) Πάλιν λέγει τοῖς ἀκροαταῖς αὐτοῦ ποθοῦσι νὰ μάθωσι τὴν ἀπ' Αἰγύπτου διέκπλευσιν. „Ὅθεν, ὦ φίλτατοι, ὡς ποθεῖτε νῦν οἶδα τὴν ἀπ' Αἰγύπτου πυθέσθαι διέκπλευσιν οἴκαδ' ἐκεῖ ἔτι τῷ λόγῳ προσμείνασαν".[5]) Καὶ πάλιν, „ὦ ἄνδρες",[6]) „ὦ φίλτατοι",[7]) „ὦ βέλτιστοι",[8]) „ὦ φίλιον ἄθροισμα",[9]) „νὴ τοὺς λόγους καὶ τὸν φίλιον ἔρων, ὦ βέλτιστοι".[10]) Ὅτε δὲ ἔφθασεν εἰς τὴν ἔλευσιν τοῦ Ἀλεξίου μετὰ τὴν παῦσιν τῶν ἐμφυλίων ταραχῶν ἠθέλησε νὰ καταπαύσῃ τοῦ λόγου, τὸ ὁποῖον ὅμως δὲν ἔπραξε. „Τούτου δὲ οὕτω

[1]) Αὐτόθι, σελ. 1.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 47.
[3]) Αὐτόθι, σελ. 5.
[4]) Αὐτόθι, σελ. 10.
[5]) Αὐτόθι, σελ. 12.
[6]) Αὐτόθι, σελ. 16, 23, 24.
[7]) Αὐτόθι, σελ, 18 -26, 32, 33, 36, 38, 44.
[8]) Αὐτόθι. σελ. 25, 27, 34, 43.
[9]) Αὐτόθι, σελ. 35.
[10]) Αὐτόθι, σελ. 42, 46.

προβάντος, λέγει, κἀπὶ τάδε καταντήσας τὸν λόγον, ὦ φίλιον ἄθροισμα, οὐχ ὡς οἷός τε καθέζειν ἐμαυτὸν τῆς πρόσω φορᾶς ὅλως γεγένημαι· ἠβουλόμην γὰρ ἄχρι τῶν ὧδε νὴ τῶν λεγομένων τὴν ἀλήθειαν εἴσω τῶν ὅρμων τὸ τοῦ λόγου σκάφος ἐλλιμενίζεσθαι καὶ διὰ τοῦδε τῆς ἀρρήτου προνοίας τὰ ἐμοὶ παρὰ τοῦ φιλανθρώπου Θεοῦ πεπραγμένα θαυμάσια διὰ τῆς ἁγνῆς Θεομήτορος ὑμᾶς ὡς οἷόν θ' ὑπομνήσας διαναπαῦσαι τὸν λόγον καὶ λῦσαί τε τὸν τῆς ἀκροάσεως σύλλογον, τὴν δέ γε μνήμην καὶ τὴν εἰς Θεὸν εὐχαριστίαν οὐδέποτε".[1]) Καὶ πάλιν, ὅτε ἐν ταῖς ταραχαῖς ὑπέστη δεινόν τι, λέγει. „Οἶδε τοῦτο Τραπεζοῦς καὶ οἱ πέριξ ὁμέστιοι".[2])

Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἡ γλῶσσα, τὴν ὁποίαν μεταχειρίζεται ὁ Λιβαδηνὸς ἐν τῷ λόγῳ αὐτοῦ, μαρτυρεῖ, ὅτι δὲν ἀπηγγέλθη οὗτος ἐν Ἐκκλησίᾳ, ἀλλ' ἐνώπιον φίλων ἀκροατῶν, ἀνδρῶν ἐλλογιμωτάτων ἐν Τραπεζοῦντι. Τὸ λίαν ἀρχαϊκὸν τῆς φράσεως, ῥήσεις ἐξ Ὁμήρου,[3]) Πινδάρου,[4]) Εὐριπίδου,[5]) καὶ τοῦ περιηγητοῦ Διονυσίου,[6]) σύνταξις λέξεων λίαν στρυφνή, κόμπος ῥητορικός, ἐν γένει Ἑλληνικὴ γλῶσσα Δηλίου δεομένη κολυμβητοῦ, δεικνύουσα ἐναργῶς, ὅτι οὐχὶ πρὸς πολλούς, ἀλλὰ πρὸς ὀλίγους καὶ σοφούς, πρὸς σύλλογον λογίων ἀκροατῶν, προωρίσθη ὁ λόγος οὗτος τοῦ ἡμετέρου δικαστοῦ τῆς ἱερᾶς Μητροπόλεως Τραπεζοῦντος. Ὅτι δὲ ἐν Τραπεζοῦντι κατὰ τὸν αἰῶνα τοῦτον ἐκαλλιεργοῦντο τὰ γράμματα καὶ πολλοὶ ἦσαν ἐν τῇ πόλλει οἱ λόγιοι ἄνδρες μαρτυρεῖ καὶ ὁ βραδύτερον ἐν Τραπεζοῦντι ἀκμάσας Ἰωάννης Εὐγενικὸς ἐν τῇ Τραπεζοῦντος ἐκφράσει λέγων· „Ἀλλ' εἴπω τὸ ἡμέτερον, δέον γε καὶ πρὸ τούτων· τοῖς γοῦν σοφοῖς καὶ περὶ λόγους ἐσπουδακόσι (ἡ Τραπεζοῦς) πατρὶς αὐτόχρημα καὶ χῶρος ἐξαίρετος ἀραμένῳ τὸ βιβλίον καὶ βραχύ τι προβάντι ὑπὸ σκιὰν ἐν ἠρέμῳ γενέσθαι καὶ πόᾳ μαλακῇ προσιτῆσαι καὶ νάμασι κελαρύζουσι καὶ φύλλοις φυτῶν ὑποψιθυρίζουσι καὶ πτηνοῖς περιπταμένοις καὶ περιβομβοῦσι ξυμφιλοσοφεῖν ἥδιστα καὶ ξυμφθέγγεσθαι".[7]) Ἐκ πάντων τούτων ἐξάγεται, ὅτι ὁ Λιβαδηνὸς συνέταξε καὶ ἀπήγγειλε τὸν προκείμενον ἱστορικόν του λόγον ἐν Τραπεζοῦντι, εἰς σύλλογον φίλων ἀκροατῶν, ἀνδρῶν λογίων.

---

[1]) Αὐτόθι, σελ. 35.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 31.
[3]) Αὐτόθι, σελ. 42.
[4]) Αὐτόθι, σελ. 6. Ὀλυμπ., 5, 1.
[5]) Αὐτόθι, σελ. 37. Ὀρεστ., 689—690.
[6]) Αὐτόθι, σελ. 17, στίχ. 131—4.
[7]) Ἀστὴρ τοῦ Πόντου ἔτος Β'. 566. Fontes κτλ. ὑπὸ Α. Π. Κεραμέως, σελ. 53.

Ἦτο λοιπὸν ἡ Τραπεζοῦς κατὰ τὴν περίοδον ταύτην τῆς λαμπρᾶς αὐτῆς ἱστορίας κατὰ τὰ μέσα μάλιστα τῆς ΙΔ' ἑκατονταετηρίδος κέντρον τῶν Ἑλληνικῶν γραμμάτων πολὺ σπουδαῖον, ἑστία τῆς Ἑλληνικῆς ἐπιστήμης, πατρὶς αὐτόχρημα τοῖς σοφοῖς καὶ περὶ λόγους ἐσπουδακόσι κατὰ τὸν Εὐγενικόν. Ἐὰν οἱ κατὰ τὴν ἐποχὴν ταύτην λόγιοι εἶχον ἐν τοῖς χείλεσιν αὐτῶν προχειρότατον τὸν Ὅμηρον, τὸν Πίνδαρον, τὸν Εὐριπίδην, ἔγραφον καὶ ἠκροῶντο ῥητόρων εὐγλώττων λαλούντων τοσοῦτον ἐμμελῶς καὶ ἀπηκριβωμένως τὴν ἀρχαίαν Ἑλληνικὴν γλῶσσαν, ἐὰν ὑπῆρχον τότε ἐν Τραπεζοῦντι Ἑλληνισταὶ ἐνὶ λόγῳ τοσοῦτον βαθεῖς, δικαιούμεθα βεβαίως νὰ συμπεράνωμεν, ὅτι καὶ πολιτισμὸς μέγας ἐπήνθει καὶ ἄνδρες σπουδαῖοι προΐσταντο τῶν πραγμάτων τῆς τε πολιτείας καὶ Ἐκκλησίας καὶ ἡ Ἑλληνικὴ ἐπιστήμη ἐκαλλιεργεῖτο. Τὰ περισωθέντα γραπτὰ μνημεῖα τῶν χρόνων ἐκείνων εἰσὶν ὀλίγα δυστυχῶς διὰ τὰς ἐπελθούσας βραδύτερον συμφοράς· ἀλλὰ τὰ παρ' ἡμῖν διασωθέντα χειρόγραφα καὶ ἄλλα ἐν ἄλλαις βιβλιοθήκαις ἀλλαχοῦ ἀποκείμενα καὶ τῷ χρόνῳ ἀνακαλυφθησόμενα θέλουσιν ἐπιχύσει, ἐλπίζομεν, φῶς ἱκανὸν εἰς τὴν ἱστορίαν καὶ τὸν πολιτισμὸν τῆς ἐνδόξου πόλεως Τραπεζοῦντος.

Ἀλλ' ὁ Λιβαδηνὸς ἔσπευδε νὰ ἔλθῃ εἰς Τραπεζοῦντα καὶ διὰ τὴν σπουδὴν τῆς Ἀστρονομίας, ἡ ὁποία τότε ἐκαλλιεργεῖτο καὶ ἐδιδάσκετο βεβαίως κατὰ τοὺς ἀρχαίους Ἕλληνας ἀστρονόμους ἢ καὶ νεωτέρους τῆς Ἀνατολῆς ἀστρολόγους. Βεβαιότατα ἀνὴρ σοφὸς ὡς ὁ Λιβαδηνός, εἰδήμων εἴπερ τις καὶ ἄλλος τῆς ἀρχαίας Ἑλληνικῆς σοφίας, νομοδιδάσκαλος ἔξοχος καὶ πολιτικός, ἤθελε καὶ ἦλθε νὰ σπουδάσῃ παρ' ὁμοίοις αὐτῷ σοφοῖς διδασκάλοις τὴν ὑψηλὴν ἐπιστήμην τῆς Οὐρανίας, τοῦθ' ὅπερ ἐζήτησεν εὑρεῖν ἐν τῇ ἡμετέρᾳ πόλει.[1])

Ἐπίσης ἀναφέρει, ὅτι ὑπῆρχον καὶ πολλοὶ ἰατροί, οἵτινες τὸν ἐπεσκέπτοντο ἀσθενήσαντα καὶ ἐθεράπευον. „Χρόνος δέ τι μικρὸς παρετρίβετο λέγει, καὶ πάλιν ταῖς ἐμαῖς ἀνομίαις νόσος ἐπηκολούθει μοι καὶ ἡ νόσος σφοδρὰ καὶ τῶν πάλαι πασῶν μοι λίαν δυσάντητος. Θεραπείας εἰχόμην, ὦ φίλτατοι, τότε βασιλικῆς, ἰατροί γε πάντες οἱ τοῦ τόπου παρήδρευον, εἵποντο, ἐνήργουν, διήτουν, ἀπέκαμον. Οὗτοι πάντες δὲ καὶ μικροῦ με ἀπηγορεύκασι καὶ τῆς ὁδοῦ παρεσφάλησαν".[2])

Καὶ περὶ τῶν ἀρχιερέων τῆς πόλεως εὔφημον μνείαν ποιεῖται ὁ Λιβαδηνός. Ὁ Γρηγόριος, λέγει, ὃν ἐπεσκέφθη ἅμα ἐλθὼν εἰς

[1]) Αὐτόθι, σελ. 22.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 32.

Τραπεζοῦντα, ἣν καὶ καλὸς ἀρχιποίμην καὶ τὰ γράμματα ἠγάπα καὶ ἔτι περισσότερον ἠγάπα τοὺς λογίους ἄνδρας, ὁ θαυμάσιος.[1]) Ὅταν ἄλλην φορὰν ἠσθένησε, ἐπεσκέφθη προηγουμένου τοῦ ἐλεήμονος Μητροπολίτου Ἀκακίου αὐτὸν ὅλος ὁ κλῆρος. „Ὅθεν καὶ τὸ πρεσβυτέριον, λέγει, ἅπαν ἅμα τῷ ποιμένι ἐκείνῳ καὶ φιλομούσῳ, Ἀκάκιος ἦν ὁ πολὺς ἐλέῳ, ξυνῆλθον καὶ τεθεάκασι καὶ δάκρυσί με κατέδευσαν".[2])

Περὶ δὲ τῶν κατοίκων εἴπομεν ἀνωτέρω, ὅτι εὗρεν αὐτοὺς ὁ Λιβαδηνὸς τέκνα εὐσεβείας καὶ φιλοξενίας „εὐσεβείας γὰρ εἴη καὶ ξενίας κυήματα".[3])

Περὶ τοῦ ἐμπορίου τῆς Τραπεζοῦντος ὀλίγιστα ἀναφέρει ὁ Λιβαδηνός· „τοῖς δέ γε αὐτόχθοσι καὶ ἐπήλυσι καὶ τοῖς ἐμπόροις εὐχερῆ δαψιλεύει τὰ ὤνια".[4]) ἐξ οὗ μόνον δυνάμεθα εἰκάσαι, ὅτι καὶ ξένοι ἤρχοντο εἰς τὴν πόλιν χάριν τοῦ ἐμπορίου, καὶ αὐτόχθονες καὶ ἔμποροι ἄφθονα ἐπώλουν καὶ ἠγόραζον τὰ χρήσιμα. Ἀλλὰ καὶ ὁ Εὐγενικὸς βραδύτερον πολὺν λόγον ἀναλώσας εἰς ἔκφρασιν τῶν φυσικῶν καλλονῶν καὶ τῶν τῆς τέχνης προϊόντων ὀλίγα ἐπίσης περὶ τοῦ ἐμπορίου τῆς Τραπεζοῦντος λέγει, ὅτι ἡ Τραπεζοῦς ὀλίγην ἀνάγκην ἔχει τῶν ἔξωθεν, αὐτὴ παράγουσα τὰ χρησιμώτατα, ἐνῷ οἱ πρὸς αὐτὴν πλέοντες πολλὰ παρ' αὐτῆς λαμβάνουσι. „Καὶ τὰ παρ' ἑαυτῇ καλὰ μὴ σὺν μακρῷ πόνῳ φιλανθρώπως τοῖς πλωτῆρσι παρεχομένη καὶ τῶν ἐξ ἐμπόρων διὰ γῆς καὶ θαλάσσης ἀπόνως ἀπολαύουσα χρηστῶν. Τὸ δὲ ἄριστον, ὡς πολλὰ μὲν αὐτῆς οἱ πλέοντες, μικρὰ δὲ αὕτη δεῖται τῶν ἔξωθεν οἴκοθεν παραβαλομένη τὰ χρησιμότατα".[5]) Παρακατιὼν δὲ ὁ αὐτὸς Εὐγενικὸς ἐπαινεῖ τὴν βιομηχανίαν τῶν Τραπεζουντίων λέγων. „Ἀλλ' οἷον ἤδη μικροῦ με παρέδραμεν ἄξιον ὄν, εἴπερ τι, προστεθῆναι· μόνη γὰρ ἥδε ἡ πόλις, ἢ κομιδῇ γε σύν ὀλίγαις, πᾶσιν ἔργοις καὶ πάσαις ἐπιστήμαις διαρκεῖ καὶ τῷ παρ' ἑαυτῆς ἁπάσαις τέχναις καὶ ἐπιτηδεύμασι χορηγεῖ, γηπόνοις καὶ ποιμέσι καὶ δοροξόοις καὶ τοξοποιοῖς καὶ λιθουργοῖς καὶ ποικιλταῖς δὲ καὶ ὑφάνταις καὶ καφεῦσι καὶ βαναύσοις καὶ πᾶσιν ἁπλῶς γεωργοῖς μὲν ἄρουραν ἐριβώλακα, καὶ ναμάτων ἀφθονίαν, εἴπου φυτεῦσαι φιλοπονώτερον ἐπεργαζομένοις ἐγγένοιτο, οἰκοδόμοις δὲ καὶ ναυπηγοῖς καὶ ὅλοις εἰπεῖν τέκτοσι λόχμας ὅλας καὶ ξύλα παντοῖα καὶ μυρίων δένδρων χορὸν ἔν τε πεδιάσιν καὶ ὄρεσι, ἱστουργοῖς

---

[1]) Αὐτόθι, σελ. 23.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 31.
[3]) Αὐτόθι, σελ. 23.
[4]) Αὐτόθι, σελ. 23.
[5]) Ἀστὴρ τοῦ Πόντου Β'. 563.

δὲ καὶ ὑφασμάτων σοφίᾳ καὶ ποικιλτικῇ ἐπιστήμῃ λῖνον καὶ ἔριον καὶ τὰ ἐξ Σηρῶν νήματα, τοῖς ἐμπόροις δὲ πᾶν ὅτου δέοιντο".[1]) Ἐκ τούτων ἐξάγεται, ὅτι πλὴν ἄλλων τεχνῶν οἱ Τραπεζούντιοι μετήρχοντο καὶ τὴν μεταξουργίαν ὑφαίνοντες καὶ μεταξωτὰ ὑφάσματα τὰ παρὰ Βυζαντινοῖς λεγόμενα Σηρικά.

Ξένων ἐμπόρων μνεία ἰδιαιτέρα δὲν γίνεται, εἰμὴ Ἰταλῶν, βεβαίως Γενουηνσίων, ἐμπορευομένων καὶ ναυτιλλομένων κατὰ τὴν ἐποχὴν ἐκείνην εἰς ἅπασαν τὴν Ἀνατολήν. Ὁ Λιβαδηνὸς ἅπαξ μόνον ἀναφέρει Ἰταλούς, οἵτινες εἶχον ὀχύρωμα εἰς τὸν Δαφναῖον λιμένα. Ὅτε διηλλάγησαν τὰ ἀντίπαλα μέρη μετὰ τὴν ἔλευσιν τοῦ Ἀλεξίου, ὡς προείπομεν, οἱ Τραπεζούντιοι ἔστειλαν πρέσβεις εἰς τὸν Ἀλέξιον εὑρισκόμενον ἐν Κερασοῦντι, μετ' ὀλίγον δὲ φθάνουσι καὶ προὔχοντές τινες αὐτῶν ζητοῦντες διαλλαγὰς εἰρηναίας, παρέχοντες ἐγγυητὰς τοὺς προὔχοντας τῶν Ἰταλῶν. Διὸ ἐκίνησαν ὁ Λιβαδηνὸς μετὰ τῶν ἑταίρων ἐκ Κερασοῦντος εἰς Τραπεζοῦντα, προσεγγίζουσι πρῶτα ἐν Τριπόλει καὶ ἐκεῖθεν ἀπάραντες τὴν αὐγὴν προσωρμίσθησαν εἰς τὸν Δαφναῖον λιμένα, „ᾗ καὶ τὸ Ἰταλῶν ἔστηκεν ἔρυμα· τῇδε γάρ, λέγει ὁ Λιβαδηνός, προσορμίζειν τετάγμεθα".[2]) Ἦν ἄρα ἐν Τραπεζοῦντι ἀποικία πολυάριθμος Ἰταλική, ἦσαν ἔμποροι Ἰταλοί, ἔχοντες ὑπόληψιν μεγάλην, διότι ἄλλως δὲν ἠδύναντο καὶ νὰ γίνωσιν ἐγγυηταὶ τοῖς ἄναξι ὑπὲρ τῶν ἡμετέρων.

Τοιαύτη ἡ κατὰ τὸν ΙΔ'. αἰῶνα κατάστασις τῆς Τραπεζοῦντος καὶ τοῦ κράτους αὐτῆς ὑπὸ ἔποψιν πολιτικήν, ἐκκλησιαστικήν, ἐπιστημονικὴν καὶ ἐμπορικήν, ὡς περιγράφεται ὑπὸ ἀνδρῶν λογίων ἐγχωρίων καὶ συγχρόνων καὶ αὐτοπτῶν γενομένων.

Ἐν Τραπεζοῦντι.

---

[1]) Αὐτόθι, σελ. 565—6.
[2]) Αὐτόθι, σελ. 46.

Опечатки.

Стр.	Строка: сверху	Строка: снизу	Напечатано:	Слѣдуеть читать:
9	—	7	[illegible]	[illegible]
29	8	—	Лука	Луки
32	5	—	двухъ, этажная	двухъ-этажныя
„	—	2	другѣ	другъ
44	12	—	Ρομάνος	Ῥωμάνος
„	„	—	Μελοδός	Μελωδός
49	—	16	μακρωτι (τα ἡμερῶν)	μακρώτη(τα ἡμερῶν)
„	—	9	тройнимъ	тройнымъ
60	—	2	πανοπέρτιμου	πανοπερτίμου
62	11	—	ЯЭІН	ϚЭІН
„	15	—	Ιω νίκιος	Ἰωανίκιος
64	12	—	которую;	которую
65	2	—	слѣдующіе	слѣдующія
73	8	—	туверждень	утверждень
75	—	4	церква	церкви
81	15—16	—	осстоитъ	состоитъ
83	13	—	четырэхъ,	четырехъ
91	—	1	γαμβρὸς	γαμβρὸς
92	11	—	За служиваетъ	Заслуживаетъ
94	14	—	σωτῆρος	σωτῆρος
97	12	—	Μελοδός	Μελωδός
„	—	19	Νικολάος	Νικόλαος
„	20	—	’Αλεξανδρίος	Αλεξασδρίας
102	—	4	живимъ	живымъ
123	—	20	находимь	находимъ
127	16	—	Нерешскій	Нересскій
129	—	6	пад.	пад.
131	—	2	Самарянния	Самарянка
132	—	12	діаконникѣ	діаконикѣ
„	—	3	Успение	Успеніе.
133	—	15	Кучевища	Кучевиштa
„	—	2	войнa	воина
142	20	—	болье	болѣе
143	20	—	завоевание	завоеваніе.
148	5	—	бозора	обзора
„	—	6	значителный	значительный
„	—	5	напопальности	національности

Nr. 1. Конецъ X в. „Великая церковь“ на о-вѣ Аилъ (Преспа.) Сѣверный нефъ.

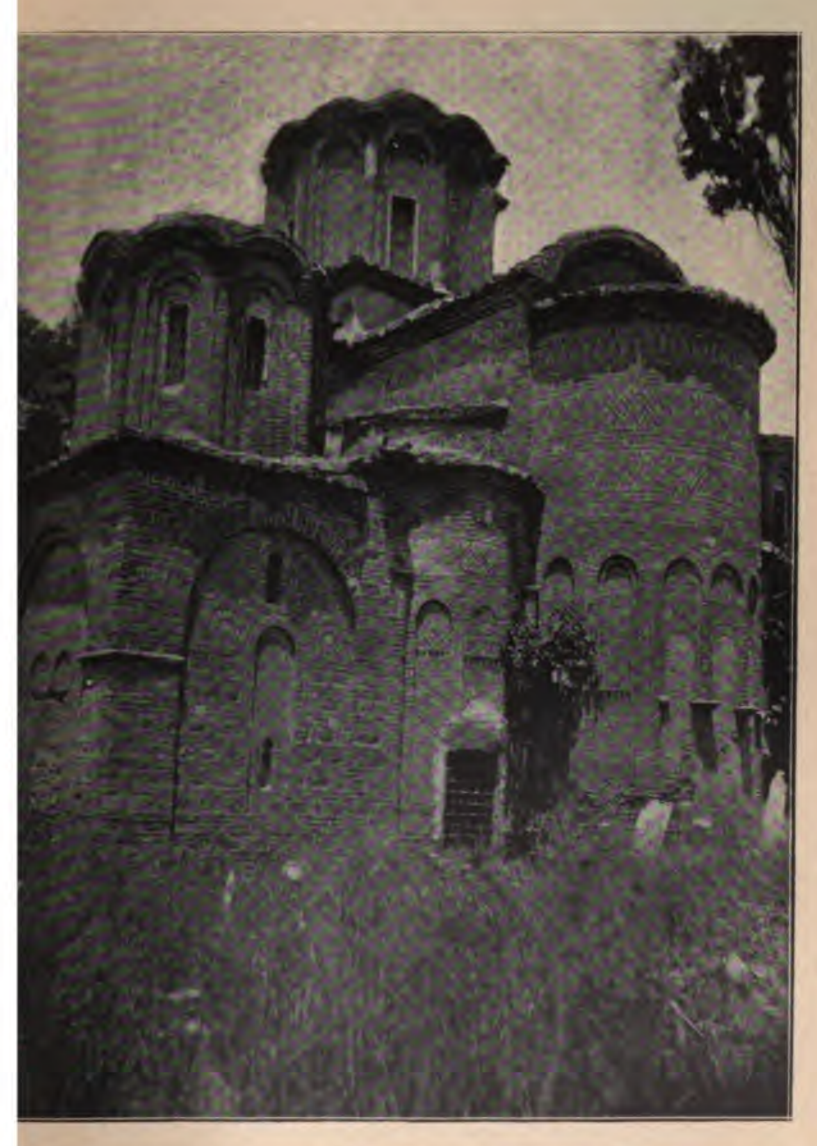
Nr. 2. Конецъ X в. „Великая церковь“ на о-вѣ Аилъ (Преспа). Сѣверная стѣна средняго нефа.

Nr. 3. Конецъ X в. „Великая церковь“ на о-вѣ Аилъ (Преспа). Апсида.

Nr. 4. Начало XI в. Св. Софія (Охридъ). Древнѣйшая часть зданія.

Nr. 5. 1164 годъ. Церковь Нерезскаго монастыря (близъ Скопье).

Nr. 6. 1295 годъ. Церковь св. Климента (Охридъ).



...г. 7. 1312—1315 годы. Церковь „двѣнадцати апостоловъ“ (Солунь).

Nr. 8. 1337 годъ. Церковь села Любитенъ (близь Скопье).

Nr. 9. 1361 годъ. Церковь „Заумъ“ (Охридское озеро). Внѣшній видъ.

Nr. 10. 1361 годъ. Церковь „Заумъ" (Охридское озеро). Устройство свода.

Nr. 11. 1369 годъ. Церковь Богородицы на о-вѣ „Малый Градъ“ (Преспа). Общій видъ.

Nr. 12. 1369 годъ. Церковь Богородицы на о-вѣ „Малый Градъ“ (Преспа). Западная стѣна.

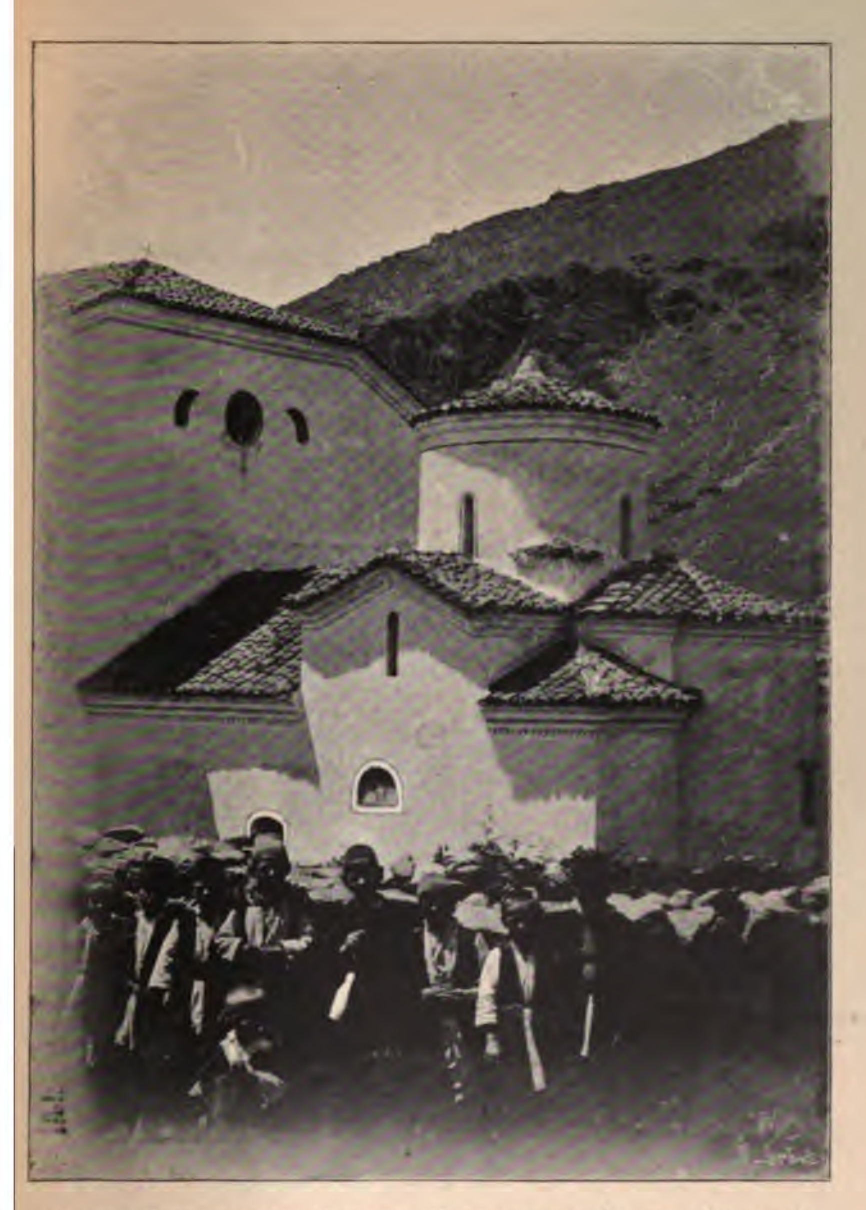
Nr. 13. 1390 годъ. Церковь Спаса въ с. Эмпорія (близь Корчи).

r. 14. 1345 — начало XV в. Церковь Маркова монастыря (близъ Скопье).

Nr. 15. XIV в. (?) Церковь въ с. Винени (Преспа).

Nr. 16. Неопредѣленной эпохи. Церковь на о-вѣ „Градъ" (Преспа)
Видъ съ наружной стороны апсиды.

Nr. 17. Неопредѣленной эпохи. Церковь на островѣ „Градъ" (Пресна). Кладка и фрески апсиды.



Nr. 18. Неопредѣленной эпохи. Церковь въ с. Германъ (Преспа).

Nr. 19. а) Начало XIV вѣка. Фреска ктиторовъ въ церкви Трескавецкаго монастыря (близъ Прилѣпа).

б) Неопредѣленной эпохи. Деревянное изображенiе св. Климента (Охридъ).

Nr. 20. 1369 года. Фреска ктиторовъ въ церкви о-ва „Малый Градъ“ (Преспа).

Nr. 21. XIV в. (?) Фрески церкви о-ва „Малый Градъ“ (Преспа).

Nr. 22. Неопредѣленной эпохи. Фрески южной стѣны церкви на о-вѣ „Градъ“ (Преспа).

Nr. 23. 1614—1645. Наружныя фрески западной стѣны Слимницкаго монастыря (Преспа).

…. 24. 1614—1645. Фрески сѣверной стѣны Слимницкаго монастыря (Преспа).

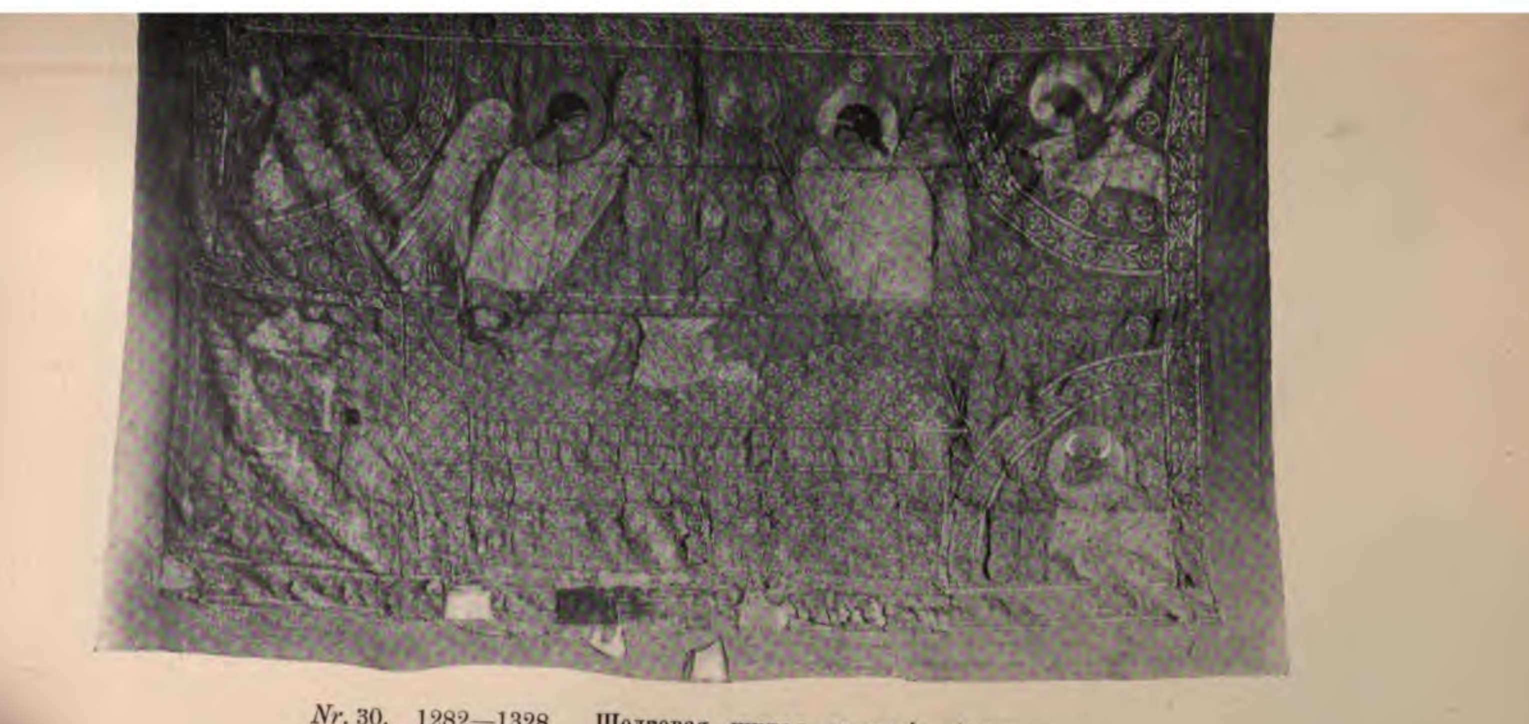
Nr. 25. Не позже 1164. Мраморная плита и столбъ мраморной алтарной преграды въ церкви Нерезскаго монастыря (близъ Скопье).

Nr. 26. XI—XIV в. (?) Двѣ мраморныхъ плиты въ полу церкви св. Софіи (Охридъ).

Nr. 27. Начало XIV вѣка. Мраморный амвонъ въ церкви св. Софіи (Охридъ).

Nr. 28. XIV—XV в. в. Деревянныя рѣзныя двери въ церкви Слѣпченскаго монастыря (близь Битоля).

Nr. 29. XIV—XV в. в. Деревянныя рѣзныя двери въ церкви Слѣпченскаго монастыря (близь Битоля).



Nr. 30. 1282—1328. Шелковая шитая эпитафія Андроника Палеолога въ церкви св. Климента (Охридъ).

Nr. 31. Неизвѣстной эпохи. Мраморная эмальированная икона свв. Іакова, Филиппа и Луки.

Nr. 32. 1659. Серебряный филигранный окладъ Евангелія греческой митрополичьей церкви въ Воденѣ.

Оглавленіе.

Охридская рукопись Іоанна Куропалата Скилицы.

Ѳ. И. Успенскаго.

Хроника Іоанна Скилицы занимаетъ въ византійской исторіографіи исключительное положеніе. Она извѣстна пока и доступна лишь въ латинскомъ переводѣ, греческій же оригиналъ не изданъ. Такое исключительное положеніе Скилицы объясняется тѣмъ, что его историческій трудъ цѣликомъ почти вошелъ въ хронику Кедрина, такимъ образомъ компиляція замѣнила оригиналъ. Но въ какой степени Кедринъ воспроизвелъ Скилицу, какъ относится оригинальный текстъ къ компиляціи, — на эти вопросы не было дано удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ до сихъ поръ не предпринималось критическаго изученія рукописей Скилицы. Между тѣмъ настоятельность этой задачи сама собой бросается въ глаза, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ было даже оповѣщено, что приготовляется изданіе всего текста Скилицы; кромѣ двухъ древнѣйшихъ вѣнскихъ списковъ указано было еще на нѣсколько рукописей, которыя съ пользой могли бы быть привлечены къ критическому изученію текста[1]). Въ настоящее время открывается въ Охридскомъ кодексѣ новый, полный и одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ исторіи Скилицы; этотъ списокъ долженъ занять первостепенное мѣсто въ изученіи темныхъ вопросовъ соединенныхъ съ историческимъ трудомъ Кедрина—Скилицы.[2]) Въ виду сказаннаго

[1]) Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія 1891 г., ноябрь, стр. 230, статья П. В. Безобразова.

[2]) *Krumbacher*, Geschichte der byzant. Litteratur (2-te Aufl. München 1897) SS. 366, 368; *Васильевскій*, Ж. М. Н. Просв., мартъ 1876, стр. 125, 150.

позволяемъ себѣ предложить нѣсколько наблюденій по отношенію къ Охридскому кодексу.

Пергаментный списокъ Скилицы, сохранившійся въ Охридской митрополіи, въ самое послѣднее время помѣченъ № 79. Это октавъ большаго формата, относящійся чуть ли не къ XI вѣку. Первый листъ значительно пострадалъ отъ сырости, такъ что оглавленіе и нѣкоторыя строки въ серединѣ читаются съ большимъ трудомъ. Но за то вся рукопись прекрасно сохранилась и не представляетъ дефектовъ, за исключеніемъ послѣдняго листа.

Извѣстно, что именно первыя страницы исторіи Скилицы представляютъ большой исторіографическій интересъ, вслѣдствіе чего эти страницы не разъ были напечатаны и не рѣдко приводились цѣликомъ въ историческихъ и историко-литературныхъ сочиненіяхъ. И между тѣмъ оказывается, что предисловіе Скилицы издано было Монфокономъ не вполнѣ исправно и повторяется съ явными ошибками, допущенными у перваго издателя[1]). Приводимъ текстъ первыхъ листовъ по Охридскому кодексу.

Σύνοψις ἱστοριῶν ἀρχομένη ἀπὸ τῆς ἀνα [ιρέσεως ἐν Βουλγαρίᾳ] [2]) Νικηφόρου βασιλέως τοῦ ἀπὸ Γενικῶν [διήκουσα ἕως] βασιλείας Νικηφόρου τοῦ Βοτανειάτου [συγγραφεῖσα δὲ παρὰ] Ἰωάννου Κουροπαλάτου καὶ γεγονότος μεγάλου δρουγγαρίου τῆς υίγλας τοῦ Σκυλίτζη.

Τὴν ἐπιτομὴν τῆς ἱστορίας ἄριστα μετὰ τοὺς παλαιοὺς ἐπραγματεύσαντο πρῶτον ὁ μ . . . ος [3]) Γεώργιος καὶ σύγκελλος χρηματίσας Ταρασίου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου, μετ᾽ ἐκεῖνον δὲ ὁ ὁμολογητὴς Θεοφάνης καὶ τοῦ Ἀγροῦ ἡγούμενος, ἐπιστατικώτερον τὰς ἱστορικὰς ἐπιδραμόντες βίβλους καὶ συνοψίσαντες λόγῳ μὲν ἀφελεῖ καὶ ἀπεριέργῳ μονονουχὶ δὲ τῆς οὐσίας αὐτῆς ἐφαπτομένῳ τῶν πεπραγμένων. Ἀλλ᾽ ὁ μὲν ὁ Γεώργιος ἀπὸ καταβολῆς ἀρξάμενος κόσμου εἰς τοὺς τυράννους κατέληξε Μαξιμιανόν φημι καὶ τὸν τούτου υἱὸν Μαξιμῖνον· ὁ δὲ ὁ Θεοφάνης τὸ ἐκείνου τέλος οἰκείαν ἀρχὴν ποιησάμενος καὶ τὴν ἐπίλοιπον συντεμὼν χρονογραφίαν καὶ εἰς τὴν τελευτὴν τοῦ βασιλέως Νικηφόρου τοῦ ἀπὸ Γενικῶν καταντήσας ἔστη τοῦ δρόμου. Μετὰ

---

[1]) *Bibliotheca Coisliniana*. p. 207; *Cedreni* I. p. 1—5 (ed. Bonn.); *Krumbacher*, Geschichte der byzant. Litter. S. 367; *Hirsch*, Byzantinische Studien S. 360.

[2]) Въ скобки заключены слова, которыя въ рукописи почти совсѣмъ полиняли.

[3]) Обыкновенно читается здѣсь μὲν ὁ μοναχός, но въ Охридской рукописи нѣтъ этого чтенія.

δὲ τοῦτον οὐδεὶς ἄλλος ἐπέδωκεν ἑαυτὸν τῷ τοιούτῳ σπουδάσματι· ἐπεχείρησαν μὲν γάρ τινες, οἷον ὁ σικελιώτης διδάσκαλος καὶ ὁ καθ' ἡμᾶς ὕπατος τῶν φιλοσόφων καὶ ὑπέρτιμος ὁ Ψελλὸς καὶ πρὸς τούτοις ἕτεροι. Ἀλλὰ παρέργως[1]) ἁψάμενοι τοῦ ἔργου τῆς τε ἀκριβείας ἀποπεπτώκασι[2]), τὰ πλεῖστα τῶν καιριωτέρων παρέντες καὶ ἀνόνητοι τοῖς μετ' αὐτοὺς γεγόνασιν, ἀπαρίθμησιν μόνην ποιησάμενοι τῶν βασιλέων καὶ διδάξαντες τίς μετὰ τίνα τῶν σκήπτρων γέγονεν ἐγκρατὴς καὶ πλεῖον οὐδέν· εἰ γὰρ καὶ τινων δοκοῦσιν ἐπιμνησθῆναι πράξεων[3]) ἀλλὰ καὶ ταύτας οὐκ ἐστοχασμένως συγγραψάμενοι ἔβλαψαν τοὺς ἐντυγχά[fol 2.]νοντας οὐκ ὠφέλησαν· ὁ γὰρ Δαφνοπάτης Θεόδωρος, Νικήτας ὁ Παφλαγών, Ἰωσὴφ Γενέσιος καὶ Μανουὴλ οἱ Βυζάντιοι, Νικήφορος διάκονος ὁ Φρύξ, ὁ Ἀσιανὸς[4]) Λέων, Θεόδωρος ὁ τῆς Σίδης γενόμενος πρόεδρος καὶ ὁ τούτου ἀνεψιὸς καὶ ὁμώνυμος ὁ τῆς ἐν Σεβαστείᾳ καθηγησάμενος ἐκκλησίας, καὶ ἐπὶ τούτοις[5]) Δημήτριος ὁ τῆς Κυζίκου καὶ ὁ μοναχὸς Ἰωάννης ὁ Λυδός, οἰκείαν ἕκαστος ὑπόθεσιν προστησάμενοι, ὁ μὲν ἔπαινον φέρει[6]) τοῦ βασιλέως, ὁ δὲ ψόγον πατριάρχου, ἄτερος[7]) δὲ φίλου ἐγκώμιον καὶ ἐν ἱστορίας σχήματι τὸν ἑαυτοῦ ἕκαστος ἀποπληροῦντες σκοπὸν πόρρω τῆς τῶν εἰρημένων θεοφόρων[8]) ἀνδρῶν ἀποπεπτώκασι[9]) διανοίας· ἀποτάδην γὰρ τὰ κατὰ τοὺς αὐτῶν χρόνους συνενεχθέντα καὶ μικρὸν ἄνωθεν ἱστορικῶς συγγραψάμενοι, καὶ ὁ μὲν συμπαθῶς, ὁ δὲ καὶ ἀντιπαθῶς, ὁ δὲ καὶ κατὰ χάριν, ἄλλος δὲ καὶ ὡς προσετέτακτο τὴν ἑαυτοῦ συνθεὶς ἱστορίαν, καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐν τῇ τῶν αὐτῶν ἀφηγήσει διαφερόμενοι ἰλίγγου καὶ ταραχῆς τοὺς ἀκροατὰς ἐμπεπλήκασιν. Ἡμεῖς δὲ τῷ πόνῳ τῶν εἰρημένων ἀνδρῶν ἐκείνων ἀρεσθέντες[10]) καὶ λυσιτελήσειν οὐ μικρὰ τὴν σύνοψιν τοῖς φιλιστοροῦσιν[11]) ἐλπίσαντες καὶ μάλιστα τοῖς τὸ ῥᾷστον τοῦ ἐπιπονωτέρου προτιθεμένοις, συντομωτάτην διδοῦσαν κατάληψιν τῶν ἐν διαφόροις συμβεβηκότων καιροῖς καὶ τοῦ βάρους τῶν ὑπομνημάτων ἐλευθεροῦσαν, τὰς τῶν ἄνωθεν λεχθέντων συγγραφέων[12]) ἐπ' ἀκρι-

[1]) Ed. πάρεργον
[2]) ἐκπεπτώκασι.
[3]) Ed. пропущены слова εἰ . . . . πράξεων.
[4]) ὁ Ἀσινός.
[5]) ἐπὶ τούτῳ.
[6]) Ed. пропущено.
[7]) Ed. ἕτερος.
[8]) Ed. пропущено.
[9]) πεπτώκασι.
[10]) ἐκεῖ ἐντυχόντες.
[11]) φιλοϊστοροῦσιν.
[12]) Ed. συγγραφείσας.

βὲς ἱστορίας ἀναλεξάμενοι[1]) καὶ τὰ ἐμπαθῶς ἢ καὶ πρὸς χάριν λεχθέντα ἀποδιοπομπήσαντες καὶ τὰς διαφορὰς καὶ διαφωνίας παρέντες, ἀποξέσαντες καὶ ὅσα ἐγγὺς ἐρχόμενα εὕρομεν τοῦ μυθώδους, τὰ δὲ εἰκότα καὶ ὁπόσα μὴ τοῦ πιθανοῦ ἀπέπιπτε[2]) συλλεξάμενοι, προσθέντες δὲ καὶ ὁπόσα ἀγράφως ἐκ παλαιῶν ἀνδρῶν ἐδιδάχθημεν καὶ ὑφ' ἓν ἐπιδρομάδην συνθέμενοι, τοῖς μεταγενεστέροις καταλελοίπαμεν τροφὴν [fol. 3] ἁπαλὴν καὶ τοῦτο δὴ τὸ τοῦ λόγου ἀληλεσμένην, ἵν' οἱ μὲν τὰς τῶν ῥηθέντων ἱστορικῶν βίβλους ἐπελθόντες ὑπομνήματα ἔχοιεν συνδήδημον (т. е. συνδίδυμον)[3]) φέροντες καὶ ἐπιόντες τουτὶ τὸ βιβλίον[4])· οἶδε γὰρ ἡ ἀνάγνωσις ἀνάμνησιν ἐμποιεῖν, ἡ δὲ ἀνάμνησις τρέφειν καὶ μεγαλύνειν τὴν μνήμην, ὥσπερ τοὐναντίον ἡ ἀμέλεια καὶ ῥαστώνη σπιφέρειν ἀμνηστίαν ἥτινι πάντως ἕπεται λίθη ἀμαυροῦσα καὶ ἐυνχέουσα τὴν μνήμην τῶν πεπραγμένων· οἱ δὲ μήπω ἐντετυχηκότες[5]) ταῖς ἱστορίαις ὁδηγὸν ἔχοιεν τήνδε τὴν ἐπιτόμην χαὶ ἀναζητοῦντες τὰ πλαστικῶς[6]) γεγραμμένα ἐντελεστέραν τῶν πεπραγμένων λάβοιεν εἴδησιν. Ἀλλ' ἀρκτέον ἐντεῦθεν.

Μιχαὴλ Κουροπαλάτης ὁ Ῥαγκαβέ.

Νικηφόρου τοῦ βασιλέως ἐν Βουλγαρίᾳ ἀναιρεθέντος Σταυρακίου τὲ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ καιρίαν πληγέντος κᾂν τῇ βασιλίδι ἀνασωθέντος καὶ μετὰ δύο μῆνας πρὸς τῇ βασιλείᾳ ἀποθεμένου καὶ τὴν ζωήν, ὁ κουροπαλάτης Μιχαὴλ ὁ τοῦ βασιλέως γαμβρός, ᾧ Ῥαγκαβέ ἦν ἡ προσηγορία, ἐγκρατὴς τῶν Ῥωμαϊκῶν διὰ τοῦ δήμου καὶ τῆς συνκλήτου ἀναδείκνυται σκήπτρων. Ἀποθούμενος μὲν τὴν ἀρχὴν καὶ μὴ ἱκανὸς εἶναι λέγων ὄγκου τοσούτων πραγμάτων προσαναζώσασθαι, τῷ πατρικίῳ δὲ Λέοντι τῷ ἐξ Ἀρμενίων ἀνδρὶ θυμοειδεῖ δοκοῦντι καὶ δραστηρίῳ καὶ τοῦ στρατεύματος τῶν ἀνατολικῶν ἄρχοντι τηνικαῦτα, παρεχώρει τῆς ἐξουσίας, κᾂν ἐκεῖνος διδομένην λαβεῖν οὐκ ἠθέλησεν ἀνάξιον ἑαυτὸν ἀποκαλῶν τοῦ βασιλικοῦ θρόνου, προὐτρέπετο δὲ μᾶλλον τὸν Μιχαὴλ ὡς αὐτῷ πρέπον ἀναδέξασθαι κράτος καὶ αὐτὸς ὑπισχνεῖτο οἰκέτης ἔσεσθαι διὰ βίου καὶ λειτουργὸς πιστότατός τε καὶ δραστικώτατος καὶ ὅρκοις φρικωδεστάτοις ἐνεπέδου τὰς ὑπο-

---

[1]) Ἀναμαξάμενοι.
[2]) Τοῦ πιθανοῦ μὴ ἀπέπιπτε.
[3]) Ed. συνέκδημον.
[4]) Τοῦτο τὸ βιβλίον.
[5]) Ἐντυχόντες.
[6]) Τὰ πλατικῶς.

σχέσεις· οὕτω δὲ τοῦ Μιχαὴλ παρὰ τὸν οἰκεῖον σκοπὸν τὰς ἡνίας ἀναδεξαμένου.

Здѣсь оканчивается 3 л. и мы не считаемъ нужнымъ продолжать далѣе выписку, такъ какъ вся тирада дословно приведена въ Боннскомъ изданіи Кедрина, за исключеніемъ первыхъ строкъ, у Кедрина измѣненныхъ (II p. 43_{10}.). Каждому царствованію посвящено особое оглавленіе; эти заголовки, какъ извѣстно, у Кедрина выпущены. Такъ на л. 12 Λέων ὁ Ἀρμένιος, на л. 32 Μιχαὴλ μόνος, на л. 51 Βασίλειος ὁ Μακεδὼν ὁ καὶ Κεφαλᾶς, далѣе Μιχαὴλ ὁ υἱὸς Κωνσταντίνου τοῦ Λεύκα ἢ Λουκίτζη ὁ λεγόμενος Παραπινάκης, л. 448 Νικήφορος ὁ Βοτανειάτης.

Чтобы дать понятіе о характерѣ редакціи нашей рукописи, приводимъ результатъ сличенія нѣсколькихъ страницъ рукописи съ изданнымъ текстомъ. Беремъ царствованіе Никифора Фоки, въ предѣлахъ изданія Кедрина p. 374_3—377_{18}, что соотвѣтствуетъ двумъ страницамъ кодекса.

	Печатный текстъ:	рукопись:
— 13	πολὺ	πολλῷ
— 14	αὐτοῦ δὲ	τοῦ δὲ
— 21	τάχα	нѣтъ
— 22	ἐνέπρησαν	ἐνεπύρισαν
375 1	Χριστοφόρον τὸν αὐτῶν ἀνελόντες ἀρχιερέα	τὸν αὐτῶν ἀνελόντες ἀρχιερέα Χριστοφόρον
— 2	οἱ αὐτάδελφοι	οἱ ἀδελφοί
— 3	παραχωρήσαντες αὐτῷ	παραχωρήσαντες
— 5	τῇ κβ′	τῇ εἰκάδι δευτέρᾳ
— 10	παραλύσας τοῦτον τῆς τοῦ δομεστίκου ἀρχῆς καὶ ἐν τῷ ἰδίῳ οἴκῳ ἀπρόϊτον εἶναι κελεύσας	τῆς τοῦ δομεστίκου παραλύσας τοῦτον ἀρχῆς ἐν τῷ ἰδίῳ οἴκῳ ἀπρόιτον εἶναι κελεύσας, ὃν ἐκεῖθεν ὁ πεμφθεὶς ἀναλαβόμενος
— 11	διεπράξατο δὲ	διεπράξατο γὰρ
— 12	ἐπιτρέποντα. καὶ ὁ πεμφθεὶς ἐκεῖθεν αὐτὸν ἀναλαβόμενος εἰς Χαλκηδόνα ἀφίκετο	ἐπιτρέποντα ἀφίκετο εἰς Χαλκιδόνα

— 15	προσμένειν μικρὸν ἐπιτρέψαντος	μικρὸν προσμένειν ἐπιτρέψαντος
— 18	νυκτὸς	нѣтъ
— 20	καὶ Λέων ταξιάρχης ὁ Βαλάντιος	Λέων ταξιάρχης ὁ Ἀβαλάντης
— 21	ὁ Ἀτζηποθεόδωρος	ὁ Ἀτζυποθεόδωρος
376 9	ἐξυπνισθέντα . . . προσερείσαντα	ἐξυπνισθέντι . . . προσερείσαντι
— 11	ἀνακουφίσαντα	ἀνακουφίσαντι
— 13	ὁ Ἀβαλάντιος γενναίαν	ὁ Ἀβαλάντης καιρίαν
— 15	πρὸς τὸν	ἐπὶ τὸν
— 17	ἀλλ'	нѣтъ
— 20	ἀποτεμόντες	ἀποτεμόντες αὐτοῦ
— 21	δεικνύουσι	ὑποδεικνύουσι
— 22	κατεστορέθησαν	κατεστορέσθησαν
377 1	λέγεται δὲ ὅτι πρὸ δέκα ἡμερῶν τοῦ θανάτου αὐτοῦ	λέγεται δ' ὅτι καὶ πρὸ δέκα ἡμερῶν τοῦ θανάτου
— 2	εὗρεν ὁ βασιλεύς	εὗρεν

Указанныя разночтенія, не измѣняя смысла историческаго повѣствованія, не могутъ считаться настолько важными, чтобы вызвать потребность переизданія текста исторіи Скилицы. Нельзя сомнѣваться въ одномъ, что для исправленія текста Кедрина наша рукопись въ состояніи дать весьма обильный и хорошій матеріалъ. Можетъ, однако, оказаться, что разныя части рукописи не находятся въ такомъ же отношеніи къ изданному тексту, какъ разсмотрѣнныя нами двѣ страницы. По крайней мѣрѣ слѣдующая, наудачу взятая страница кодекса, представила нѣсколько болѣе данныхъ для филологической и исторической критики.

p. 467.17—468.14.		fol. 240 рукописи
—	18 τῇ Στρουμπίτζῃ	τῇ Στρουμβίτζῃ
—	21 ὁ τῶν ἐνδοτέρω κάστρων	ὁ τῶν ἐνδοτέρων τόπων
p. 468. 1	τὸν Ἀρειανίτην ὑπέστρεφε	τὸν Ἀρειανίτην, κατεπάνω Βουλγαρίας προσονομάσας αὐτὸν, ὑπέστρεφε

[1]) Хотя начало, напримѣръ, исторіи Михаила VII Парапинака не имѣетъ никакихъ отличій противъ печатнаго текста, какъ можно заключать изъ сравненія Боннскаго изданія p. 705 съ рукописью.

468	3	νενευκῶς ἅπασιν	νεανικῶς ἅπασιν
—	7	μεγίστης, ἐξ ἧς	μεγίστης Λυχνιδοῦ καλουμένης... и далѣе вся вставка, заимствованная въ Боннскомъ изд. изъ кодекса С.
—		Δυασσαρίτης ἔκπαλαι καλουμένη	Δασσαρῖτις δὴ ἔκπαλαι καλουμένη
—	8	ἰών, εἶτα	ἰών· ἀπὸ μὲν τῶν νοτιωτέρων... и далѣе вся вставка какъ въ кодексѣ С.
—		τὰς ἐγχωρίως λεγομένας Στρούδας	τὰς ἐγχωρίως λιγομένας στρούβας
—	8	εἰσβάλλων εἰς τὸ Ἰόνιον	εἰσβάλλων εἰς τὸν Ὄρινον
—	9	τῆς πάσης Βουλγαρίας	πάσης τῆς Βουλγαρίας
—	12	ἅτινα πάντα	ἅτινα ταῦτα.

На приведенной страницѣ слѣдуетъ отмѣтить двѣ особенности, характеризующія нашу рукопись весьма опредѣленными чертами. Сюда относится, во-первыхъ, вставка о Давидѣ Аріанитѣ, называющая его *катепаномъ Болгаріи;* во-вторыхъ, болѣе правильное чтеніе туземнаго, т. е. по всей вѣроятности славянскаго слова στρούβας; въ третьихъ, указаніе древняго наименованія Охридскаго озера, которое прежде, чѣмъ получить имя Лихнидскаго, носило названіе Δασσαρῖτις. По поводу этого послѣдняго слѣдуетъ отмѣтить еще, что переписчикъ пожелалъ особенно выдвинуть свои археологическія знанія и сдѣлалъ замѣтку на полѣ, противъ того мѣста, гдѣ говорится объ Охридѣ: περὶ τῆς ἐν Ἀχρίδι λίμνης Λυχνιδοῦ καλουμένης πάλαι, πρότερον δὲ Δασσαρίτιδος. — Если сдѣланныя нами наблюденія показываютъ, что писецъ Охридской рукописи вносилъ въ текстъ нѣкоторыя замѣчанія и прибавки, касающіяся исторіи и географіи Балканскаго полуострова, то уже этого одного было бы достаточно, чтобы привлечь къ ней вниманіе славистовъ и подвергнуть ее тщательному изученію.

Въ нашемъ кодексѣ исторія Скилицы сохранилась сполна, за исключеніемъ одного листа на концѣ. Послѣднія строки на послѣднемъ листѣ представляютъ слѣдующее (fol. 454): στρατηγὸν αὐτῷ ἐφίστησι Κωνσταντῖνον τὸν υἱὸν Κωνσταντίνου

τοῦ Δουκὸς καὶ αὐτίκα διαπεράσας νεωτερίζει κατὰ τοῦ βασιλέως καὶ βασιλεὺς αὐτίκα ἀναγορεύεται παρὰ τοῦ ἐν Χρυσοπόλει συνόντος αὐτῷ στρατιωτικοῦ πλήθους, ἀξιώσας περὶ τούτου ὁ βασιλεὺς καὶ μὴ εἰσακουσθεὶς τοὺς μὲν δώροις . . . . .

Изъ этого видно, что наша рукопись обрывается на стран. 742.$_9$ изданнаго въ Боннскомъ изданіи, вслѣдъ за исторіей Кедрина, текста Іоанна Куропалата.

ἀφ' ἧς δέ, τῷ φρουρίῳ τῷ προς
τὸ σκόπος βουλγαρίας διὰ
τῆς ἰωάννου γυναικός. ὑπὸ τὸ σχ
τέξεσι τοῖς κατὰ σκοπόν
ἐσωτέρων τόπων τοῦ παρέχο
παλατίου βασιλέως φρουρῶν. ὁ
δὲ, ἅπασιν ἐς τὰ σκόπια ἐ
ἐν τῇ πόλει, διὰ πρίκιον, τοῖ
προσονομάσας αὐτόν, ὑπ
τε ὁ προσσαλον, μετὰ λι πων
μένει. αὖθις δὲ πάλιν π
ἐς ἀχερίλια. καὶ κάστρα
τος, μετὰ πολλῶν. ὁ κρότων ὁ
πόλις δὲ ἡ ἀχρίδα, ἐπὶ λόφου
στάσιν. λυχνιδοῦ καλουμέν
καλάθη ὁμωνυμία τῇ λίμνῃ.
ἀπὸ δὲ τῆς λίμνης ταύτης, α
δίμεθα τὸν δρίλωνα ποταμὸν τα
πρὸς ἀφειστονίων: ἀπὸ μὲν
τὴν διάπολιν, δηρέων. δια
ὅσα φροῦ λέγεται τὸ πέλαγ
πίων. ὁ κατὰ τὸ βόρειον μέ
τας ἀχυρωρείων λαμβάνουσα
μέλλοντος πεπίνει ταῖς ποταμ
λων ἐς τοῦ ὄρινον περὶ τοὺς
σὺν ταῖς πάσαις τῆς βουλγαρίας
ἴδρυντο βουλγαρίας. ὁ τὰ
διώξας ὁ βασιλεὺς, ἀρχιερ
ρέων. ὁ χρυσοῦ φορέσαι τα
ἑκατόν. ἅτινα τούτων, ἐς

Πτολεμαῖος ἀχρίδα
λέγει. λυχνιδοῦ
ἑρμηνεύεται καὶ
προσθεῖ δὲ, διὰ
βίλος·

τοῦ Δουκὸς καὶ αὐτίκα διαπεράσας νεωτερίζει κατὰ τοῦ βασιλέως καὶ βασιλεὺς αὐτίκα ἀναγωρεύεται παρὰ τοῦ ἐν Χρυσοπόλει συνόντος αὐτῷ στρατιωτικοῦ πλήθους, ἀξιώσας περὶ τούτου ὁ βασιλεὺς καὶ μὴ εἰσακουσθεὶς τοὺς μὲν δώροις . . . . .

Изъ этого видно, что наша рукопись обрывается на стран. 742.₉ изданнаго въ Боннскомъ изданіи, вслѣдъ за исторіей Кедрина, текста Іоанна Куропалата.

II.240.Oxpi

Hiéria.

Par J. Pargoire, de Augustins de l'Assomption

La presqu'île située au sud-est de Cadi-Keuï tire ses noms actuels du phare qu'elle porte à son extrémité: Phanaraki, le nom grec, veut dire *petit phare;* Féner-Bagtché, le nom turc, signifie *jardin du phare.*

On la trouve mentionnée sous des appellations tout à fait différentes dans bon nombre d'auteurs anciens. Séjour d'été longtemps à la mode, elle fut mêlée de très près à la vie de la cour et par cela même elle pénétra de plein pied dans l'histoire byzantine. Les chroniqueurs surtout ne sont pas rares qui la signalent à propos des événements survenus du VIe au XIe siècle.

Pour elle, cette période est une époque de merveilleuse prospérité.

Plus heureuse que les îlots d'en face, elle n'attend pas que les *basileis* soient déchus ou que leurs fils soient mutilés pour offrir à la jeunesse outragée de ceux-ci, à la vieillesse assombrie de ceux-là, tantôt le calme forcé du monastère et tantôt le martyre affreux des oubliettes. Bien au contraire, elle reçoit les maîtres du monde aux plus beaux jours de leur puissance, dans tout l'éclat de leur splendeur, avec tous les égards dûs au rang suprême, durant les mois les plus riants de l'année, en des châteaux et des parterres où tout respire le bonheur. Et ces hôtes ne sont pas les souverains les plus obscurs de Byzance: ils ont nom Justinien Ier, Héraclius, Irène, Basile Ier le Macédonien, Léon VI le Philosophe, Constantin VII Porphyrogénète.

Ainsi la presqu'île ne le cède en rien à l'archipel voisin. Si l'on reconnaît à celui-ci quelque droit à s'appeler *Iles des*

Princes, il faut permettre à celle-là de se considérer comme la *Presqu'île des Empereurs.*

Une étude sur la presqu'île des empereurs ne déplaira sans doute pas à ceux qu'intéresse Constantinople. Il se peut que rien de spécial ne les attire vers ce coin de terre; mais tout se tient dans la topographie suburbaine de la grande capitale, et quatre mots relatifs à tel ou tel site en particulier peuvent contribuer quelquefois à jeter de la lumière sur plusieurs autres points de la banlieue. Puisse-t-il en être ainsi de ces quelques pages!

Pour procéder avec ordre et clarté je les diviserai en six petits chapitres: I. Le premier identifiera Hiéria. — II. Le deuxième combattra les identifications erronées, — III Le troisième dressera la liste des noms du προάστειον. — IV. Le quatrième cherchera à le distinguer des localités qui sont plus ou moins ses homonymes. — V. Le cinquième résumera l'histoire de la presqu'île. — VI. Le sixième dira brièvement quelle est sa situation actuelle.

I. Identification de Hiéria.

Le Phanaraki ou Féner-Bagtché de nos jours représente ce que les Anciens nommaient Ἡραία ἄκρα et les Byzantins Ἱέρεια.

Cette identification, déjà consignée dans le *De Bosporo Thracio* de Pierre Gilles[1]), n'aurait jamais dû, semble-t-il, être révoquée en doute. Elle est certaine, basée sur des indications précises et des textes formels. On pourrait, sans manquer de critique, la considérer comme un fait acquis et ne pas s'attarder à la démontrer encore une fois; mais il vaut mieux présenter les arguments au lecteur et lui permettre de juger par lui-même.

Tout d'abord, en guise de préliminaire, établissons deux points d'une extrême importance: I° l'identité de Héraeon et de Hiéria; 2° la multiplicité de formes revêtues par ces deux noms.

A). — Le προάστειον *byzantin de* Ἱέρεια *s'élevait sur l'antique* Ἥραιον

La preuve en est dans la façon de parler des auteurs:

a). — Procope place un des palais suburbains de Justinien

---

[1]) lib. III, cap. XI. **Banduri,** *Imp. Orient.* 1, 272.

ἐν τῷ Ἡραίῳ.[1]) L'Anthologie, qui donne le distique gravé sur la porte de ce palais, l'intitule: Εἰς τὴν εἴσοδον τῆς Ἱερείας.[2]) Héraeon et Hiéria sont donc les deux noms d'une même localité.

b). — Les constructions que Justinien fit élever, au témoignage de Procope, ἐν τῷ Ἡραίῳ sont signalées par l'auteur des Πάτρια sous la rubrique suivante: Τῆς Ἱερείας τὰ παλάτια ἐκτίσθησαν παρὰ τοῦ μεγάλου Ἰουστινιανοῦ[3]), et par Codinus dans la phrase que voici: Τὰ δὲ ἐν τῷ Ἡραίῳ παλάτια ἐκτίσθη παρὰ τοῦ μεγάλου Ἰουστινιανοῦ[4]). Héraeon et Hiéria désignent donc un seul et même lieu.

c). — Sous les noms de *Hiéria*, deux fois répété, les Πάτρια écrivent: Εἴρηται δὲ οὕτως, ὅτι τῆς Ἥρας ἦν ἐκεῖ ὁ ναός[5]). De son côté, Codinus déclare à propos de *Héraeon*: Ἡραῖον δὲ ἐκλήθη, ὅτι πάλαι τῆς Ἥρας ἦν ὁ ναὸς ἐκεῖ[6]). Héraeon et Hiéria ne se distinguent donc pas l'un de l'autre.

B). — *Le site appelé* Héraeon *et* Hiéria *répondait également aux noms de* Hérion, Erion, Eria, Eéria, Héraea.

Il suffit pour s'en convaincre de rapprocher quelques textes.

a). — Etienne de Byzance ou son abréviateur Hermolaos écrit sous le mot Ἡραία les deux phrases suivantes: Ταύτην δ' ἐν τῇ συνηθείᾳ Ἡέρειάν φασί τινες, κακῶς. Ἄλλοι δὲ Ἥριον, μυθοποιοῦντες ὡς ἐκεῖσε ὀρύξαντες τάφους, χύτρας εὗρον καὶ ὀστᾶ.[7]) — *b*). — Codinus déclare que son Héraeon, ainsi désigné à cause du temple de Héra, s'appelait également Ἡρίον, parce que τὸ παλαιὸν ἐκεῖ ἐθάπτοντο οἱ πολῖται.[8]) — *c*). — Le biographe de Constantin Porphyrogénète parlant περὶ τῶν παλατίων τῶν Ἡρία[9]) ou τῆς Ἡρίας[10]) nous apprend que ce lieu servait auparavant εἰς ταφήν . — *d*). — Un fragment de manuscrit cité par Lambecius[11]) et Holstenius[12]) mentionne τὸ παλαιὸν Ἥριον καὶ ὂν καὶ λεγόμενον, ταφεῖον γὰρ ἦν . . .

---

[1]) *De Ædificiis* I, 11. Ed. Bonn. 207, 4. — *Hist. arcana* XV. Ed. Bonn. 95, 22

[2]) Lib. IV, epigr. IV. **Banduri,** *op. cit.* I, 118.

[3]) **Migne** *P. G.*, t. CXXII, col. 1280[b].

[4]) **Migne** *P. G.* t. CLVII, col. 600[a].

[5]) *Loc. cit.*

[6]) *Loc. cit.*

[7]) Sub verbo Ἡραία.

[8]) *Loc. cit.*

[9]) **Theoph. Cont.** VI, 26, Ed. Bonn. 451.

[10]) *Op. cit.* VI, 27, Ed. Bonn. 452.

[11]) Note à Codinus, *loc. cit.*

[12]) *Notæ et Castigationes . . . in Steph. Byz.* Ἐθνικά . . . . Lugd. Batavorum, 1684, p. 131.

et termine en disant que Justinien ἀνακαθάρας τὸν τόπον βασίλεια ἔκτισε περιφανέστατα καὶ Ἡερία ὁ τόπος μετωνομάσθη.

De la confrontation de ces quatre passages entre eux, il résulte clairement que *Héraea, Eéria, Hérion, Héraeon, Erion* et *Eria* sont des noms qui s'appliquent à un emplacement unique, où tout le monde a vu, en dehors de la déesse Héra, quelque chose comme un cimetière. De la confrontation de ces mêmes passages avec les textes apportés dans le paragraphe précédent, il résulte que cet emplacement aux noms multiples n'est autre que le προάστειον de Hiéria si fameux dans les annales byzantines.

Et voilà, je crois, suffisamment éclairés les deux faits que je tenais à mettre en lumière avant d'entamer la question. Ces deux points établis, il devient facile de justifier l'identification de Hiéria et de Phanaraki. Les incidentes, les petites phrases relatives à la nature géographique et à la position précise du προάστειον sont dispersées, dans les auteurs, à côté des six ou sept noms propres indiqués ci-dessus. Elles se trouvent même accolées à quantité d'autres noms dérivés de ceux-là. On ne pouvait se mettre à recueillir ces indications, on ne pouvait surtout se permettre de les entendre toutes d'un seul et même endroit, avant d'avoir montré que les divers noms sous lesquels on les rencontre ne désignent pas des localités différentes. Rien désormais ne saurait nous empêcher de procéder à cette cueillette de renseignements. Commençons-la sans retard à travers les écrivains de Byzance: géographes, historiens, chroniqueurs.

I. *Hiéria était un* προάστειον *assis au bord de la mer.*

L'on s'y rendait par eau, ainsi que le prouvent nombre de textes. Au lieu de les apporter ici, je préfère m'en tenir au double témoignage de Procope qui énumère la construction d'un *port* parmi les travaux accomplis par Justinien à *Héraeon*: Ἐνταῦθα δὲ καὶ λιμένων σκέπας ἀποτετόρνευται οὐ πρότερον ὄν [1]) et qui donne *Hérion* comme le palais *maritime* le plus fréquenté de l'impératrice Théodora: Ἐν προαστείοις δὲ τοῖς ἐπιθαλαττίοις τὸ πλεῖστον τοῦ ἔτους, καὶ οὐχ ἥκιστα ἐν τῷ καλουμένῳ Ἡρίῳ, διατριβὴν εἶχε [2]).

II. *Hiéria, par rapport à Constantinople, se trouvait de l'autre côté de la Corne d'Or, du Bosphore ou de la Propontide.*

---

[1]) *De Ædificiis*, I, 11. Ed. Bonn. 207, 11.
[2]) *Hist. Arcana*, XV. Ed. Bonn. 95, 22.

Cela semble résulter du passage où Théophane nous parle de la flotte arabe réunie en 717 dans les eaux de la capitale. Cette flotte comptait un si grand nombre de voiles qu'elle couvrait entièrement la mer *entre Hiéria et Constantinople:* ὥστε ἀπὸ τῆς Ἱερείας ἕως τῆς Πόλεως ὁλόξυλον φαίνεσθαι τὴν θάλασσαν [1]). Cela résulte surtout du mot πέραν et des termes congénères si fréquemment employés par les auteurs à propos du προάστειον. L'Anonyme des Πάτρια qui dresse presque toujours la liste des monuments ou des quartiers constantinopolitains d'après leur situation, l'Anonyme attend pour nommer Hiéria d'avoir mentionné deux monastères situés au delà des flots et qualifiés pour cette raison de περατικά [2]). Le patriarche Nicéphore place de même notre localité ἀντιπέρα [3]). Nicolas, chassé du trône patriarcal par Léon le Philosophe, διαπερᾶται πρὸς τὴν Ἰρίαν [4]). Pour mieux dire, les gens chargés de le conduire à son monastère de Galacrène le jettent sur une barque et le transportent eux-mêmes à Hiéria: ἐν τῇ Ἱερείᾳ διεπέρασαν, dit le biographe de Léon VI [5]); εἰς τὴν Ἱέρειαν περῶσιν, écrit Siméon Magister [6]); διεπέρασαν ἐν τῇ Ἠρείᾳ, ajoute Georges le Moine [7]); διεπέρασαν ἐν τῇ Ἱερείᾳ, reprend Léon le Grammairien [8]). Un siècle plus tard, deux entrées en campagne de Romain Diogène amènent ses historiens à nous raconter son double passage à Hiéria. La première fois, c'était avant Pâques, c'est-à-dire avant le 12 avril 1069. Attaliate écrit: Εἰς τὸν ἀντιπέρας κείμενον βασιλικὸν οἶκον καὶ λεγόμενον τῶν Ἡρίων ἀπέπλευσεν [9]) et Skylitzès répète: Εἰς τόν ἀντιπέραν τῆς πόλεως οἶκον τῶν Ἡρίων ἀπέπλευσεν [10]). La seconde fois, c'était le 12 mars 1071. Nous lisons dans Attaliate: Διαπεραιωθεὶς . . . εἰς τὰ τῶν Ἡρίων παλάτια . . . . . προσώρμησε [11]); dans Skylitzès: Διαπεραιωθεὶς εἰς τὰ τῶν Ἡρίων παλάτια [12]); dans Glycas: Διαπεραιοῦτο εἰς τά τῶν

---

[1]) *Chronogr.* Ed. de Boor, I, 397, 8.
[2]) **Migne** *P. G.* t. CXXII, col. 1280 a-b.
[3]) *Opuscula Historica,* Ed. de Boor, 74, 27.
[4]) **Zonaras** *Epitome historiarum* XVI, 13, Ed. L. Dindorf. Lipsiæ, IV, 44, 23.
[5]) **Theoph. contin.** IV, 24. Ed. Bonn. 371, 5.
[6]) *Annales: Leo Basilii filius,* 19. Ed. Bonn. 709, 15.
[7]) *Vit. Rec. Impp.: Imp. Leonis filii Basilii,* 35. Ed. Bonn. 865, 20.
[8]) *Chronographia,* Ed. Bonn. 279, 22.
[9]) **Mich. Attal.** : *Hist.* Ed. Bonn. 122, 16.
[10]) **Skylitzes**: *Compend. hist.* Ed. Bonn. 678, 13.
[11]) *Op. cit.* 142, 23–143, 5.
[12]) *Op. cit.* 688, 21.

Ἱερείων παλάτια [1]). C'est durant cette dernière traversée: διαπεραιομένου... αὐτοῦ, disent Attaliate et Skylitzès [2]), que l'empereur reçut la visite d'une colombe de mauvais présage.

III. — *Hiéria occupait la rive asiatique du Bosphore ou de la Propontide.*

Ici, je ne m'appuierai pas sur le sens du mot ἀντιπέραν, comme semble le faire Du Cange, et je ne dirai pas avec lui: „Ea enim vis est vocis ἀντιπέρα quâ Asiaticum littus denotant interdum scriptores Byzantini, cum πέρα illud quod ultra Fretum est appellarent“ [3]). Tout bien pesé, ἀντιπέρα ne désigne pas plus la rive d'Asie que la rive d'Europe. Comme πέραν, dont il est aux yeux des Byzantins le simple synonyme, il s'applique à tout lieu d'Europe ou d'Asie voisin de Constantinople et situé soit sur la rive opposée de la Corne d'Or ou de la Propontide, soit sur l'une des deux rives bosphoréennes. Du Cange lui-même a réuni dans sa *Constantinopolis christiana* [4]) et dans son *Glossaire* [5]) bon nombre de textes où ἀντιπέραν accompagne le nom de προάστεια riverains du Chrysokéras et par suite européens. Ce mot ne prouve donc d'aucune façon que Hiéria fût en Asie.

En revanche, une page du patriarche Nicéphore le démontre avec la dernière évidence. Cette page nous dit que, pour ne pas avoir à passer la mer, Héraclius, à son retour d'Orient, refusa d'entrer à Constantinople et s'établit dans le château de Hiéria: ηὐλίζετο ἐν τῷ παλατίῳ τῷ καλουμένῳ τῆς Ἱερείας· ἐδεδίει γὰρ ἐπιβῆναι θαλάσσῃ [6]). Elle nous raconte ensuite comment, plus tard, le pauvre empereur parti de Hiéria traversa le Bosphore à cheval, sans le savoir, et finit par atteindre sa capitale en contournant la Corne d'Or [7]). Que peut-on désirer de plus clair?

VI. — *Hiéria se baignait dans la Propontide ou, tout au plus, dans les eaux méridionales du Bosphore.*

Deux textes permettent de l'affirmer sans crainte d'erreur. Le premier se rapporte à la flotte d'Héraclius en partance pour le golfe actuel d'Alexandrette: Georges Pisidès y rappelle à son

---

[1]) **Mich. Glycas**: *Chronic.* Ed. Bonn. 609, 10.
[2]) *Op. cit.* 143, 8. — *Op. cit.* 689, 2.
[3]) IV, 13, 2. Ed. Ven. p. 123.
[4]) IV, 10, 3. Ed. Ven. p. 117.
[5]) Sub verbo.
[6]) *Opuscula hist.* Ed. de Boor, 25, 10.
[7]) *Op. cit.* 26, 1.

héros comment, en quittant Constantinople, il rangeait, ou, plus exactement, dépassait Héræa: καὶ δὴ παρέπλεις εὐθὺς Ἡραίας τόπους [1]). Pour aller des ports constantinopolitains dans la Méditerranée, l'on ne remonte pas le Bosphore. Le second passage est de Nicéphore le patriarche. Il place en toutes lettres le palais de Hiéria à l'est de la capitale: ἐν τῇ Ἱερίᾳ ... ἀντιπέρα πρὸς εὖρον ἄνεμον τοῦ Βυζαντίου [2]). La côte où Scutari a remplacé Chrysopolis est la seule partie du rivage bosphoréen qui regarde Constantinople de l'Est, et Scutari, nul ne l'ignore, marque la limite Sud du Bosphore. Il nous faut donc placer notre προάστειον soit à cette extrémité du détroit, soit en dehors du détroit, c'est-à-dire sur la Propontide.

V. — *Hiéria comptait parmi les* προάστεια *voisins de Chalcédoine.*

L'historiographe de Constantin Porphyrogénète représente Hiéria comme le vieux cimetière des Chalcédoniens: πρότερον οὖσαν τοῖς Χαλκηδονίοις εἰς ταφήν [3]). Le fragment déjà cité de Lambecius l'appelle également ταφεῖον . . . τῆς πόλεως Χαλκηδόνος [4]). Les villes d'autrefois n'établissaient jamais leurs nécropoles bien loin des murs: il est donc impossible de chercher notre προάστειον ailleurs que dans les alentours immédiats de l'antique cité, ailleurs par conséquent que dans le voisinage du Cadi-keuï moderne.

Cette conclusion trouve son *confirmatur* dans un passage de Michel Attaliate relatif à Romain Diogène. L'historien nous a dit que son empereur διαπεραιωθεὶς . . . ., εἰς τά τῶν Ἡρείων παλάτια κατὰ τὸ ἔθος προσώρμησε. Revenant sur un détail de la traversée, il ajoute, διαπεραιουμένου δ'αὐτοῦ τὸν Χαλκηδόνιον πορθμὸν . . . . [5]). Par les deux mots Χαλκηδόνιος πορθμός, il désigne nécessairement le bras de mer qui sépare Constantinople de Chalcédoine. S'il fallait naviguer dans ces eaux pour aborder à Hiéria, c'est que la ville de Chalcédoine et le προάστειον de Hiéria n'étaient pas très distants l'un de l'autre.

VI. — *Hiéria se trouvait au-delà, c'est-à-dire à l'est, de Chalcédoine.*

---

[1]) *De expeditione persica*, Acro. I, Vers. 157. Ed. Bonn. p. 9.
[2]) *Op. cit.* 74, 26.
[3]) **Theoph. contin.** VI. 26. Ed. Bonn. 451.
[4]) Note à Codinus, **Migne** *P. G.* t. CLVII, col. 600 a.
[5]) **Mich. Attal.** *op. cit.* 143, 8.

Les *Patria* le mentionnent entre l'église St Georges qui s'élevait à Chalcédoine et le palais de Bryas qui s'étalait sur la côte bithynienne en face des îles [1]). Cette place intermédiaire assignée à Hiéria serait une preuve absolument péremptoire de sa position à l'est de Chalcédoine, si l'Anonyme suivait toujours dans ses énumerations l'ordre topographique. Comme il s'en écarte quelquefois, tâchons de nous appuyer sur d'autres données.

Théophane et Constantin VII nous ont conservé toute une liste de προάστεια maritimes échelonnés sur la côte septentrionale du golfe de Nicomédie. A la première année de Léon III l'Isaurien, nous dit le Chronographe, une flotte arabe chassée de Constantinople par la perspective du feu grégeois προσώρμισεν εἰς τὸν Σάτυρον καὶ Βρύαν καὶ ἕως Καρταλιμένος [2]). Toutes les fois, déclare le Porphyrogénète, que l'empereur vient d'Orient, le préfet de la ville se rend à sa rencontre εἴτε ἐν τῷ Σατύρῳ, εἴτε ἐν τῷ Πολεατικῷ, ἢ ἐν Ῥοφηνιαναῖς, ἢ ἐν τῇ Ἱερείᾳ [3]). Les deux auteurs, on le voit, suivent dans leur énumération une marche contraire: celui-ci va de l'Est à l'Ouest; celui-là de l'Ouest à l'Est. Leurs textes se complètent l'un l'autre. Combinés ensemble, il nous montrent que les voiles parties de Constantinople à destination de Nicomédie laissaient successivement sur leur gauche Hiéria, Rufinianes, Poléatikon, Satyre, Bryas et Kartalimèn.

A quel endroit du golfe rencontraient-elles ces προάστεια? Etait-ce à l'entrée? au milieu? dans le fond? Ici, la réponse est facile. a) *Kartalimèn* existe encore: c'est un gros bourg auquel les Grecs ont conservé son ancienne dénomination et que les Turcs appellent Kartal. — b) *Bryas*, lui, n'existe plus, mais son nom légèrement transformé servait encore, au XVIe siècle, à désigner un hameau que Pierre Gilles signale en ces termes: „Villam sitam in ora maritima, quam Græci vocant *Obriam* sive *Abriam*, Turci appellant eam Maltepet [4])". Transporté sur un emplacement voisin, le hameau d'alors est devenu le village de Mal-Tépé. — c) Comme Bryas, *Rufinianes* a disparu de toutes les lèvres; mais un de ses habitants du Ve siècle a pris soin

---

[1]) **Migne** *P. G.* t. CXXII, col. 1080.
[2]) *Chronogr.* Ed. de Boor 397, 4.
[3]) *De Cerimoniis* l. I, *Appendix*. Ed. Bonn. 497, 6. — Ῥοφηνιαναί est une forme corrompue de Ῥουφινιαναί.
[4]) *De Bosporo Thracio,* l. III c. 11

de nous indiquer sa position. Ce vieux témoin, nommé Callinique, est le biographe de l'higoumène Hypace qui s'établit, peu après la mort du ministre Rufin, à côté de son *Apostolæum* et de son monastère pour repeupler les cellules désertes. Callinique a une phrase extrêmement claire pour raconter comment le futur restaurateur passa de Constantinople à Rufinianes. Il écrit: Περάσας οὖν ἐν Χαλκηδόνι ὥδευεν ἐπὶ ἀνατολὰς . . . . καὶ ἐλθὼν τρία σημεῖα εὑρίσκει Ἀποστολεῖον καὶ μοναστήριον.[1]) On ne peut rien exiger de plus précis. Rufinianes se trouvait du côté du soleil levant, à une distance de trois milles. Ces trois milles mesurés dans la direction prescrite conduisent au moderne Djadi-Bostan.

Djadi-Bostan, Mal-Tépé, Kartal s'allongent à l'est de Chalcédoine. Leur identification avec Rufinianes, Bryas et Cartalimén force à rejeter au-delà de Chalcédoine tout le groupe des προάστεια énumérés par le chronographe Théophane et par Constantin Porphyrogénète. Hiéria qui fait partie de ce groupe ne saurait se placer en-deçà.

VII. — *Hiéria formait un promontoire en face de Chalcédoine.*

Les auteurs le déclarent sans détours. Non content d'écrire: Ἡραία, ἄκρα οὕτω λεγομένη, καταντικρὺ Χαλκηδόνος, Etienne de Byzance emprunte à Démosthène le Bithynien sept vers qui débutent ainsi:

Ἔστι δέ τις προπάροιθε κλυτῆς Χαλκηδόνος ἄκρη
Ἡραία.[2]).

De son côté, le fragment de Lambecius porte ces mots: Τὸ τῆς Χαλκηδόνος ἀκρωτήριον τὸ παλαιὸν Ἤριον . . . . et plus bas: Ἰουστινιανὸς ἀνακάψας τὸ ὅλον ἀκρωτήριον[3]). Il n'y a donc pas à douter.

VIII. — *Hieria est remplacé aujourd'hui par le Féner-Bagtché des Turcs et le Phanaraki des Grecs.*

Pas à pas, d'étape en étape, nous en sommes arrivés à circonscrire notre προάστειον en des limites fort étroites. Localité maritime, assise en face de Constantinople, sur la rive asiatique, au sud du Bosphore, près de Chalcédoine, à l'orient de cette ville, sur un cap, Hiéria n'a plus à choisir son emplacement. Cet emplacement s'impose: c'est Phanaraki, Féner-Bagtché.

---

[1]) **Callinici:** *De vita S. Hypatii.* Ed. Teubner. p. 18.
[2]) *Sub Verbo* Ἡραία.
[3]) Loc. cit.

Que faut-il en effet pour fixer Hiéria?

Pour fixer Hiéria, il faut un promontoire qui, de l'Est, regarde tout ensemble Chalcédoine et Constantinople. Féner-Bournou, la pointe de Phanaraki, répond seul à cette exigence.

Pour fixer Hiéria, il faut un promontoire piqué dans la Propontide au-delà de la vieille Chalcédoine mais en-deçà de l'antique Rufinianes, c'est-à-dire entre Cadi-keuï et Djadi-Bostan. Le seul promontoire que la nature ait jeté entre Cadi-Keuï et Djadi-Bostan est celui de Féner-Bagtché.

La conclusion se tire d'elle-même. La presqu'île que nous appelons Phanaraki en grec et Féner-Bagtché en turc est celle-là même que les anciens appelaient Héræon ou Héræa Acra et les Byzantins Hiéria.

II. Opinions contraires.

En dépit des textes, il s'est trouvé des auteurs pour ne pas adopter l'identification soutenue dans le chapitre qui précède. De ces contradicteurs, le dernier en date est M. Tryphon Evanghélidès et le plus connu est Hammer. Je ne puis me dispenser d'examiner leurs dires et d'en montrer les points faibles.

Commençons par Mr Tryphon Evanghélidès. Son volume sur les Saints contient une immense note couchée, par tranches de dix lignes, au bas de quatre-vingt-neuf pages. C'est au beau milieu de cette note que se cache une mention du conciliabule tenu, sous Constantin Copronyme, ἐν τῷ ἐπὶ τῆς ἀσιατικῆς ὄχθης τοῦ βοσπόρου ἀνακτόρῳ τῆς Ἱερείας παρὰ τὴν Χαλκηδόνα, et c'est là, entre deux parenthèses, que l'on voit Hiéria devenu σήμερον ἴσως ὁ Χαϊδάρ-Πασᾶς [1]).

Ces quatre ou cinq mots qui dépouillent timidement Phanaraki au profit de Haïdar-Pacha, seraient faits pour nous émouvoir, s'ils étayaient leur dire sur une preuve quelconque; mais ils se présentent seuls, sans le moindre texte à l'appui de leur assertion, et, par suite, ils ne doivent pas nous inquiéter outre mesure. Les réfuter longuement serait laisser croire qu'on attache quelque importance aux données géographiques fournies par M. Tryphon Evanghélidès. Or, au moins en ce qui regarde les environs de Chalcédoine, la géographie de M. T. Evanghé-

---

[1]) Οἱ βίοι τῶν ἁγίων, Athènes, 1896, p. 57.

lidès est trop souvent en défaut pour être prise au sérieux. Faut-il relever les contradictions étalées dans son ouvrage? Le cap Acritas y est placé, une fois, παρὰ τὴν Χαλκηδόνα,[1]) c'est-à-dire sur la Propontide, et, une autre fois, πέραν τῆς Χηλῆς[2]), c'est-à-dire sur le Pont-Euxin[3]). Le saint Auxentios du V° siècle y est signalé, dans tel passage, comme ayant fondé τὴν ὑπεράνω τῆς Χαλκηδόνος μονήν[4]). et, dans tel autre, il est relégué εἰς τὸ ὄρος Ἀργανθώνιον, ὅπερ ἐκτείνεται ἐκ Κίου καὶ Νικομηδείας εἰς τὴν Προποντίδα καὶ καταλήγει εἰς τὸ Ποσειδώνειον ἀκρωτήριον ἀντικρὺ τῆς Βισβύκου (Καλωνύμου) νήσου[5]). Une plume qui sème de pareilles bévues ne mérite pas qu'on s'attarde à discuter ses affirmations.

D'ailleurs, s'il fallait absolument réfuter M. T. Evanghélidès, la chose ne serait pas très laborieuse. Il suffirait de faire observer que, pour s'être appelé Hiéria durant la période byzantine, le cap Héræa ne s'est jamais transformé en golfe. Haïdar-Pacha est sur un golfe: son identification avec Hiéria est inadmissible. Elle demeurera inadmissible tant que les mots ἀκρωτήριον et κόλπος ne seront pas considérés comme synonymes.

Un ouvrage qui va nous arrêter un peu plus que les Βίοι τῶν ἁγίων, c'est le *Constantinopolis und der Bosporos*. Le grand nom de l'auteur demande que l'on discute avec soin tout ce qu'il avance, d'autant que son opinion a parfois trouvé de l'écho parmi les savants de l'Europe. Hase, par exemple, a montré beaucoup de sympathie pour elle dans une de ses notes aux *Historiens grecs des Croisades*. „De Ἡρείων, écrit-il, sive Ἡραίου, sive Ἱερείας (in scribendo nomine variant auctores) suburbano palatio abundat, ut solet, Ducangius CPli christiana, IV, 13, 2. De situ ambigitur. Gyllius, De Bosporo Thracio, III, 11, in littore locat orientali promontorii Propontidis quod suo tempore Joannis Calamoti vocitatum hodie Fener Burni nomen invenit; gravissimus auctor Josephus de Hammer, *Constantinopolis und der Bosporos*, vol. II, p. 349, magis septentriones versus collocat,

---

[1]) p. 45.

[2]) p. 1019.

[3]) Le cap Acritas était déjà l'objet d'une double localisation dans le Συναξαριστής de Nicodème, qui dit blanc au 5 janvier (Syn. de saint Grégoire, Ed. de Zante, 1868, t. II, p. 16.) après avoir dit noir au 26 décembre (Syn. de saint Euthyme, t. I, p. 409); M. T. Evanghélidès qui adopte, en les copiant, les contradictions de son devancier n'est pas plus excusable que s'il les commettait lui-même.

[4]) p. 861.

[5]) p. 197.

in recessu sinus inter Kavak et Molla Burni, ubi perennis existit fons, olim Hermagoræ, nunc Haïder pascha nominatus. Quæ opinio, sita fuisse Herea pæne e regione Urbis, mihi quidem propius videtur ad veritatem accedere".[1])

Comme on le voit déjà par ces lignes, Hammer ne veut point que Phanaraki soit l'antique Héræon. Il ne le veut à aucun prix. Parvenu à la baie de Calamich qui se creuse entre Cadi-Keuï et Féner-Bagtché, il écrit: „Gyllius und nach ihm sein Nachtreter Chevalier irren, wenn sie diesen Hafen für den Hafen des Heräum, und die Spitze von Fener Baghdschessi für das Vorgebirge Heräum halten, welches das heutige *Kawak-burnu,* d. i. das *Platanenvorgerbirge* ist . . . . . Der Hafen von Heräum, den Gyllius in der Bucht, welche das Vorgebirge Molla burnu [2]) und das Vorgebirge Fener Baghdschessi bilden, suchte, ist daher nicht hier, sondern zwischen den beyden Vorgebirgen Molla burnu und Kavak burnu zu suchen, nähmlich in der Bucht, wo die Quelle des *Hermagoras* (heute Heider-Pascha) fliesst[3])". Voilà qui est affirmatif: Gilles se trompe; Féner-Bournou n'a rien à faire avec Héræa acra; Kavak-Bournou est le seul héritier du vieux Heræon.

Pour s'exprimer ainsi, l'illustre savant doit sans doute avoir de bonnes raisons. De fait, il expose des preuves, et des preuves qu'il croit sans réplique. A nous de voir s'il ne s'est pas exagéré leur valeur. Pour plus de clarté, je me permettrai de réduire en forme les divers arguments qu'il apporte contre Phanaraki et je les examinerai l'un après l'autre.

I. — *Héræon devait son nom à un temple de la déesse Héra. Or Féner-Bagtché portait autrefois un temple de Vénus. Donc Féner-Bagtché n'est pas Héræon.*

Féner-Bagtché portait autrefois un temple de Vénus. Voilà qui est vite dit, mais qui n'est pas du tout démontré. Au lieu de l'établir, Hammer préfère se donner les airs d'en avoir longuement parlé ailleurs: il renvoie son lecteur à un autre de ses ouvrages, à son *Umblick auf einer Reise von Constantinopel nach Brussa und dem Olympos*[4]). Ayons la patience de courir

---

[1]) *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Grecs,* t. I. p. I, p. 136 c.-d.

[2]) Molla-Bournou est, avec Manda-Bournoû, l'ancien nom turc du promontoire chalcédonien devenu aujourd'hui Moda-Bournou.

[3]) **I. von Hammer:** *Constantinopolis und der Bosporos,* 2 vol., Pesth, 1822, t. II, p. 349.

[4]) Paru à Pesth, en 1818.

à la recherche du volume indiqué, ayons surtout la bonne chance de le découvrir en quelque rayon de bibliothèque amie. Tenez, le voici, ouvrons-le à la page dite et lisons.

„Das nah vor Chalcedon gelegene Vorgebirg *Fanarbaghdschessi,* d. i. der *Garten des Leuchtthurmes,* wo an der Stelle des alten Aphroditen geweithen Tempels sich zwischen lieblichen Baumpflanzungen ein Leuchtthurm erhebt, beschliesst den nicomedischen Meerbusen und unsere Reise.

„Als Opfer für die glückliche Vollendung desselben sey hier, wo sich der alte Tempel der *See-Venus (Venus Marina)* erhob, und nun der Leuchtthurm steht, der Reisestab aufgehangen und die dieser Göttinn von *Horaz* gedichtete Weihe als Votivtafel hierher gesetzt.

„Nunc arma defunctumque bello
Barbiton hic paries habebit,
Lævum Marinæ qui Veneris latus
Custodit. Hic, hic ponite lucida
Funalia“ [1]).

Suit la traduction de ces quatre vers [2]), et l'ouvrage prend fin sans un mot de plus. Est-ce là ce qu'on appelle une démonstration? L'auteur estime-t-il qu'une affirmation absolument gratuite peut acquérir une valeur plus grande lorsqu'on la répète deux fois?

Hammer ici ne prouve rien de ce qu'il avance. Non certes, ce n'est pas à cause des *flambeaux* suspendus par l'imagination d'Horace *à la muraille du temple de Vénus marine,* que le phare de Féner-Bagtché doit occuper l'emplacement d'un édifice consacré à cette même déesse. Les deux demi-strophes du poète latin fournissent peut-être une finale heureuse au livre du voyageur allemand; elles ne prouvent pas du moins que l'identification proposée par ce dernier soit basée sur autre chose que le caprice et la fantaisie. Cette constatation nous suffit. Elle nous autorise à rejeter l'argument de Hammer sans autre forme de procès, car, suivant le vieil adage, *quod gratis asseritur, gratis negatur.*

Et, pourtant, faut-il se contenter de cela? Après avoir montré que Hammer n'apporte aucune preuve, ne convient-il par d'apporter une preuve contre lui?

---

[1]) *Op. cit.* p. 165—166,
[2]) *Odes,* III, 26.

Au dire de certains auteurs modernes, le temple chalcédonien de Vénus serait devenu avec Constantin la basilique de sainte Euphémie. Cette opinion, pour si répandue qu'elle soit, reste douteuse. Ceux-là même chez qui on la trouve se permettent parfois d'hésiter et parfois aussi de se contredire. Skarlatos Byzantios hésite. Ἐπὶ τῶν θεμελίων, dit-il[1], καί πιθανῶς ἐκ τῶν ἐρειπίων αὐτοῦ (sc. τοῦ τῆς Ἀφροδίτης ναοῦ), ἐὰν οὐχὶ μᾶλλον τῶν τοῦ μαντείου (sc. τοῦ Ἀπόλλωνος) ἐκτίσθη ἡ ἐκκλησία τῆς ἁγίας Εὐφημίας. Le patriarche Constantios se contredit [2]. Il termine la page 202 par ces mots: Εἰς τοῦτον αὐτὸν τὸν πρὸ τῆς Χαλκηδόνος τόπον ἦτό ποτε ἱδρυμένον εἰδωλεῖον τοῦ Ἀπόλλωνος διάφημον, ἐπὶ τὰ θεμέλια τοῦ ὁποίου ἀνηγέρθη ἔπειτα ὁ ὑπὸ τοῦ Σχολαστικοῦ Εὐαγρίου περιγραφόμενος περρικαλλέστατος ναὸς τῆς ἁγίας Εὐφημίας, καὶ ἔνδον τούτου συνεκροτήθη ἡ τετάρτη Οἰκουμενικὴ Σύνοδος. Et quelques lignes plus bas, presque au début de la page 204, il écrit: Ὁ δὲ μεγαλοπρεπὴς καὶ πολυθρύλλητος ἐκεῖ Ναὸς τῆς ἁγίας Εὐφημίας, ὁ εἰδωλεῖον πρότερον ὢν τῆς Ἀφροδίτης, καὶ παρὰ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου μετὰ ταῦτα εὐμεγέθης φιλοτεχνηθεὶς, καὶ εἰς μνήμην τῆς Μεγαλομάρτυρος ταύτης ἀφιερωθεὶς, εἰς τὸν ὁποῖον καὶ ἡ τετάρτη συνεκροτήθη Σύνοδος . . . . . De pareilles hésitations, des contradictions pareilles ne sont pas faites, je le reconnais, pour inspirer une confiance inébranlable dans l'identification dont il s'agit, mais elles n'empêchent pas que Hammer, partisan de cette identification, ne soit en fort mauvaise posture vis-à-vis des textes anciens.

Hammer écrit: „Wurde . . . . . der Tempel der Venus in eine Kirche der heil. Euphemia verwandelt. Diese Kirche lag in der Vorstadt Δρῦς, d. i. *zur Eiche,* wo Ruffinus einen Palast und eine grosse Kirche, den heil. Aposteln Peter und Paul geweiht, gebaut hatte“ [3]. Ces indications ne sont que trop claires: l'auteur du *Constantinopolis und der Bosporos* identifie le sanctuaire de Vénus avec l'église de sainte Euphémie et il fixe l'emplacement de cet édifice unique au faubourg du Chêne.

N'y a-t-il rien à redire à cela? On peut y reprendre et beaucoup. Tout d'abord, comment se fait-il que le temple de Vénus soit en même temps au προάστειον du Chêne et sur le

[1]) *Op. cit.* II. 263.
[2]) *Op. cit.* 202 et 204.
[3]) *Constantinopolis und der Bosporos* II, 347.

promontoire de Féner-Bagtché? Féner-Bagtché remplacerait-il le Chêne? S'il en est ainsi dans la topographie de Hammer, il en va tout autrement dans la topographie véritable. Celle-ci, basée sur les textes, nous montre avec la dernière évidence que le faubourg du Chêne, plus connu sous le nom de Rufinianes, occupait le site du moderne Djadi-Bostan [1]). Il faut donc que Hammer en prenne son parti: si Vénus habitait à Δρῦς, elle habitait à Djadi-Bostan; si elle habitait à Djadi-Bostan, elle n'habitait pas à Féner-Bagtché. Que Hammer choisisse entre les deux!

Se prononcera-t-il pour Djadi-Bostan? Il ne le peut d'aucune façon. Du moment qu'il regarde le temple de Vénus et la basilique d'Euphémie comme un seul et même édifice, il doit fixer le temple là même où se trouvait la basilique. Or la basilique ne se trouvait pas à Djadi-Bostan. De ceci les preuves abondent: 1°. La distance de trois milles intermédiaire entre Kadi-Keuï et Djadi-Bostan est de beaucoup supérieure à celle que tous les textes font supposer entre Chalcédoine et l'église de sainte Euphémie. — 2°. Djadi-Bostan est assez éloigné du Bosphore, même en étendant cette dénomination au bras de mer qui baigne Chalcédoine. Or, nous dit Evagre, Ste Euphémie ἀπῴκισται.. τοῦ Βοσπόρου σταδίοις οὐ πλείοσι δύο [2]). — 3°. De Djadi-Bostan la vue ne s'étend que sur la Marmara et que sur des côtes parfaitement semblables entre elles. Or, ajoute Evagre, de Ste Euphémie le regard embrassait πελάγη διάφορα [3]).— 4°. Djadi-Bostan n'est pas en face de Constantinople et n'a pas vue sur elle. Or, le même Evagre écrit à propos de Ste Euphémie: Ἀντικρὺ δὲ τῆς Κωνσταντίνου τὸ τέμενος, ὥστε καὶ τῇ θέᾳ τῆς τοσαύτης πόλεως τὸν νεὼν ὡραΐζεσθαι [4]). 5°. Au milieu du Ve siècle, l'emplacement du moderne Djadi-Bostan ne portait, comme édifice religieux, que l'*apostolæum* des saints Pierre et Paul et le monastère de l'higoumène Hypace; il ne portait pas l'église Ste Euphémie. On n'a qu'à lire, pour s'en convaincre, le petit ouvrage composé par Callinique quelque mois à peine avant le IVe Concile général [5]).

---

[1]) Sur la position du Chêne ou de Rufinianes, voir **J. Pargoire**: *Rufinianes*, dans la *Byzantinische Zeitschrift*, 1899, p. 429

[2]) *Hist. Eccl.* II, 3. **Migne** *P. G.* t. LXXXVI, col. 2492 ^c^.

[3]) *Op. cit.* col 2493 ^a^.

[4]) *Ibidem.*

[5]) *Vita S. Hypatii.*

Reste Féner-Bagtché. Est-il bien vrai qu'il ait offert l'hospitalité à Vénus? Les écrivains anciens ne le disent pas. Pour parler plus exactement, il en est un parmi eux qui dit très positivement le contraire. C'est Denys, l'auteur de *l'Anaple.* L'avant-dernière phrase de son ouvrage ne laisse aucun doute: elle fixe le sanctuaire de la déesse entre Chrysopolis et Chalcédoine. Gilles [1]) s'est basé sur ce précieux renseignement pour indiquer la place du vieux temple du côté de Haïdar-Pacha[2]). Si Hammer, son contradicteur, l'avait imité, s'il avait pris la peine de jeter un simple regard sur le géographe officiel du Bosphore antique, il n'aurait jamais écrit de Féner-Bagtché: "Auf derselben steht der Leuchtthurm an der Stelle des alten Tempel der Venus Marina" [3]), et il n'aurait pas dressé contre l'identification de Phanaraki avec Héræon un argument aussi fragile que celui que nous venons d'examiner. Passons au suivant.

II. *Héraeon et Acritas étaient deux caps distincts. Or Féner-Bagtché s'appelait autrefois Acritas. Donc Féner-Bagtché n'est pas Héraeon.*

A ce deuxième argument je n'ai qu'une chose à répondre, mais capitale et décisive, c'est que Féner-Bagtché n'a jamais porté le nom d'Acritas.

---

[1]) *De Bosporo Thracio,* III, 10. Ce chapitre s'ouvre par le passage de Denys reproduit tout au long.

[2]) Même pour qui néglige l'identification du temple de Vénus avec l'église de sainte Euphémie, la place de ce dernier édifice est bien au moderne Haidar-Pacha, au sommet de la petite colline aujourd'hui couronnée de maisons. Cela résulte: 1° du fait que le sanctuaire euphémien se trouvait en dehors de Chalcédoine; 2° de la description que nous en fait Evagre. Mr J. Miliopoulos, je le sais, vient d'écrire dans le *Servet* à la date du 28 juillet 1899: „L'emplacement de cette église est occupé actuellement par la gare du chemin de fer de Haïdar-Pacha"; mais Mr J. Miliopoulos se trompe du tout au tout, bien qu'il prétende émettre ses opinions topographiques en se „basant absolument sur les indications des historiens". En effet, le seul historien qui s'étende sur la situation de l'église Ste Euphémie est Evagre et les données d'Evagre ne s'appliquent d'aucune façon à l'emplacement de la gare. Qu'on en juge: 1° Evagre place l'église à quelque chose comme deux stades du rivage. Or la gare est au bord de l'eau. 2° Evagre place l'église sur une hauteur, sur une hauteur que l'on gravit insensiblement, il est vrai, mais que l'on gravit tout de même: ἔν τινι τῶν εὐφυῶν χωρίων ἠρέμα προσάντει, ὥστε τοὺς περιπάτους ἀνεπαισθήτους εἶναι τοῖς εἰς τὸν νεὼν ἀπιοῦσι τῆς μάρτυρος, ἐξαπίνης τε μετεώρους εἶναι εἴσω τῶν ἀνακτόρων γενομένους. (*Hist. Eccl.* III, 2). Or la gare est dans un trou. 3° Evrage place l'église en un point d'où les regards du spectateur peuvent se promener sur les champs couchés à ses pieds: ὥστε τὰς ὄψεις ἐκχέοντας ἐκ περιωπῆς ἅπαντα θεωρεῖν ὑπεστρωμένα πεδία, ὁμαλῆ καὶ ὕπτια τῇ πόᾳ χλοάζοντα, λητοίς τε κυμαινόμενα καὶ παντοδαπῶν δένδρων τῇ θέᾳ ὡραϊζόμενα *(loc. cit.)* . . . Or, en fait de plaine, la gare ne domine que la plaine liquide, où, comme on sait, l'herbe, les moissons et les arbres n'abondent pas.

[3]) *Op. cit.* II, 350.

Le nom d'Acritas signalé par les géographes anciens n'a pas disparu immédiatement après eux. Il s'est maintenu dans l'usage à travers toute la période byzantine et les Grecs de Constantinople l'employaient encore au XVIIIe siècle en parlant du promontoire qu'Artémidore désignait ainsi cent ans déjà avant notre ère. La Παναγία τοῦ Ἀκρίτα se trouve mentionnée dans une petite note écrite à la main vers 1700 sur un exemplaire du Παρακλητική édité à Venise en 1537.[1]) Le monastère τοῦ Ἀκρίτα apparu dans l'histoire au IXe siècle reçoit en 1730, à la suite d'une restauration, le privilège de stavropégie.[2]) De là à conclure que le cap Acritas était connu au XVIe siècle, il n'y a pas, je crois, grande hardiesse. Or, c'est au XVIe siècle que Pierre Gilles vint explorer Chalcédoine et ses environs. Il visita Phanaraki, il s'enquit de ses noms présents et passés, il examina jusqu'aux moindres vestiges de ses constructions. Y trouva-t-il, en usage parmi les Grecs, le nom d'Acritas? Y vit-il, florissant ou ruiné, le monastère d'Acritas? Son *De Bosporo Thracio* répond à ces deux questions et il y répond, comme on sait, par la négative. Il est donc parfaitement faux, n'en déplaise à Hammer, que le cap Acritas soit le moderne Féner-Bagtché.

Je pourrais à la rigueur m'en tenir à cette conclusion. Pour rendre la démonstration plus éclatante et surtout pour fixer un nouveau point de topographie, je me permettrai d'établir que le promontoire si malencontreusement placé par Hammer à Féner-Bournou ne peut se trouver ailleurs qu'à Touzla-Bournou. Bien restitués et bien compris, tous les textes relatifs à sa position se prononcent d'un commun accord dans ce sens. Examinons-les un instant, et, sans reproduire ici toutes les explications données ailleurs en détail,[3]) montrons qu'ils s'élèvent à l'envi contre l'affirmation de Hammer.

C'est par le géographe Ardémidore que nous devons commencer notre examen. Le géographe Artémidore écrit: Ἀπὸ δὲ τοῦ Ἀκρίτου παραπλεύσαντι (*) ευρον στάδια ἑκατὸν δέκα, ἄκρα κεῖται Ὑρὶς καλουμένη, καὶ νῆσος ταύτῃ παράκειται Πιτυώδης, καὶ ἄλλη νῆσος καλουμένη Χαλκίτης, καὶ ἄλλη Πρῶτα λεγομένη. Ἀπὸ

[1]) M. Γεδεών· Ἀκρίτας καὶ Τοῦζλα dans l' Εἰκονογραφημένον Ἡμερολόγιον τοῦ 1896, p. 201.

[2]) *Ibidem.* Cf. Βυζαντινὸν Ἑορτολόγιον, p. 49.

[3]) *Etienne de Byzance et le cap Acritas*, dans les *Echos d'Orient*, II 1899, page 206.

δὲ ταύτης εἰς τὴν Χαλκίτην λεγομένην πόλιν στάδια τεσσαράκοντα. En lisant ce passage dans Etienne de Byzance,[1]) les critiques n'ont pas manqué de voir que sa première ligne avait souffert et aussitôt, sans plus de retard que de réflexion, ils ont rétabli παραπλεύσαντι πρὸς εὖρον. Cette correction n'est rien moins qu'heureuse: elle fait voyager Artémidore de l'Ouest à l'Est et par là même elle contredit le contexte. Le contexte en effet suggère ou, pour mieux dire, impose la direction diamétralement opposée, la direction de l'Est à l'Ouest. Les noms propres qu'il renferme sont d'une application facile: Χαλκίτης πόλις s'identifie avec Chalcédoine et Χαλκίτης νῆσος avec Khalki. Πιτυώδης et Πρῶτα représentent les îles Prinkipo et Proti; Ὑρὶς ἄκρα, en face de Πιτυώδης, est Dracos-Bournou, en face de Prinkipo. Avec ces points de repère absolument sûrs, il suffit d'un simple regard sur les lieux ou sur une carte pour constater que notre géographe tourne le dos au soleil levant. Il commence par un cap situé à l'orient et termine par une ville assise à l'occident: il signale, entre deux et dans l'ordre même de leur position de l'Est à l'Ouest, les trois principales îles de l'archipel intermédiaire. C'est donc, à n'en pas douter, qu'il se dirige vers le couchant; c'est donc que le παραπλεύσαντι πρὸς εὖρον imaginé par les critiques doit faire place à quelque autre chose, à παραπλεύσαντι τὴν ἤπειρον par exemple. Du même coup, nous sommes forcés de reporter Acritas à 110 stades au-delà d' Ὑρίς. Calculés dans cette direction et en suivant les sinuosités du rivage, comme le demande παραπλεύσαντι τὴν ἤπειρον, les 110 stades nous conduisent exactement à Touzla Bournou. Acritas, d'après Artémidore, n'a donc rien à faire avec Phanaraki.

Si vous tenez malgré tout à conserver le malencontreux παραπλεύσαντι πρὸς εὖρον, vous devrez rechercher Acritas à 110 stades à l'ouest de Drakos-Bournou. Essayez de cette recherche, mesurez ainsi vos 110 stades et vous tomberez Dieu sait où, dans le Bosphore peut-être, mais sûrement pas à Féner-Bagtché. Ici donc, pas plus que là-haut, dans le texte communément reçu pas plus que dans le texte rectifié, rien ne favorise l'opinion de Hammer.

Après Artémidore, Ménippe se présente avec une phrase ainsi conçue: Ἀπὸ Ἱεροῦ Διὸς οὐρίου καὶ τοῦ στόματος τοῦ

[1]) Περὶ πόλεων, sub verbo Χαλκίτης.

Πόντου . . . . εἰς Χαλκηδόνα τὴν πόλιν, εἰσὶ στάδια ἑκατὸν εἴκοσιν. Ἀπὸ δὲ ταύτης ἕως τοῦ Ἀκρίτου, στάδια ξʹ[1]) Les 60 stades qu'il indique entre Chalcédoine et Acritas ne cadrent avec rien dans la réalité des choses. N'est-ce pas ρξʹ qu'il faut lire au lieu de ξʹ? La distance de 160 stades conduit en effet à Touzla-Bournou, tandis que celle de 60 ne conduit à aucun promontoire. D'ailleurs, que l'on accepte la correction ou qu'on la rejette, ce n'est pas Ménippe qui voudra se porter garant de Hammer. Chalcédoine et Féner-Bagtché sont à 8 stades l'un de l'autre: il y a loin de ce chiffre à celui de Ménippe. Acritas, au témoignage de Ménippe, n'a donc rien à faire avec Phanaraki.

Hammer, je dois le dire, n'a jamais prétendu s' appuyer sur les deux géographes précités; il se contente de mettre en avant le nom du grand géographe alexandrin. Ptolémée parlerait-il en sa faveur? Ptolémée rencontre Chalcédoine à 56° 5′ de longitude, Acritas à 56° 30′ et Nicomédie à 57° 30′. En d'autres termes, il place le cap entre les deux villes, 25′ à l'est de la première et 60′ à l'Ouest de la seconde[2]). Cette position convient-elle à Féner-Bagtché? Pour mieux nous convaincre du contraire, réduisons les minutes en kilomètres. Les deux méridiens de Chalcédoine et de Nicomédie que Ptolémée sépare par 25′ passent en réalité à quelque 80 km. l'un de l'autre. S'il en est ainsi, si les 85′ indiquées entre les deux villes correspondent à 80 km., les 25′ signalées entre Chalcédoine et Acritas doivent donner en chiffres ronds 23 km., 500. Cela revient à dire que le cap doit nécessairement se trouver sous un méridien passant à 23 km., 500 de la cité. Touzla-Bournou ne répond-il pas très parfaitement à cette condition? Féner-Bournou y répond-il tant soit peu? Jetez les yeux sur la carte et vous répondrez. Evidemment, l'illustre Hammer ne s'est pas donné la peine de faire le moindre calcul avant d'invoquer le témoignage de Ptolémée.

Ajouterai-je que ce même Hammer n'est pas plus heureux avec Pline? Il déclare en note que Féner-Bagtché, ancien Acritas du géographe, correspond en même temps au vieux Leuca du naturaliste. Ouvrons Pline et nous y lirons: „Leucatas promunturium quo includitur Astacenus sinus a Nicomedia XXXVII Dp. rursusque coeuntibus terris angustiae pertinentes usque ad Bos-

---

[1]) **Etienne de Byzance:** Περὶ πόλεων, sub verbo Χαλκηδών.
[2]) **Ptolémée:** Γεωγραφία lib. V, cap. 1. Éd. Nobbe, Lipsiae, 1845, t. II. p. 2.

porum Thracium. In his Chalcedon libera a Nicomedia LXII Dp."[1]) S'il est un texte qui ne favorise point l'opinion de Hammer, c'est bien celui-ci. Nous y voyons deux choses: 1° Que Nicomédie s'élevait environ à 92 km. de Chalcédoine; 2° que Leucatas s'allongeait environ à 55 km. de Nicomédie et à 37 de Chalcédoine. Que nous faut-il de plus pour transporter le cap de Pline à Yelken-Kaya-Bournou? pour l'écarter à tout jamais de Phanaraki? Entre ce dernier et Moda-Bournou, promontoire de Chalcédoine, la distance à vol d' oiseau ne dépasse pas un kilomètre et demi. Oui, c'est 1500 mètres d'un côté et 37000 de l' autre, 1500 de Chalcédoine à Féner-Bagtché et 37000 de Chalcédoine au Leucatas de Pline: la différence vaut la peine d'entrer en ligne de compte et Hammer, bien qu'il n'y regarde pas de très près, aurait dû tout de même s'en apercevoir.

Les détails qui précèdent n'ont peut-être pas convaincu les esprits difficiles. Pour les persuader, il me reste à dire que deux auteurs byzantins nous fournisent un renseignement topographique devant lequel toute hésitation doit tomber. Le continuateur de Théophane écrit: τὴν νῆσον Ἀνδρέου τοῦ ἀποστόλου καθ' ἣν ὁ Ἀκρίτας ἐγγειτονεῖ[2]) et Génésius répète: τὴν νῆσον Ἀνδρέου τοῦ ἀποστόλου καθ' ἣν ὁ Ἀκρίτας ἐγγειτονῶν ἐμφανίζεται[3]). Ce double témoignage fixe notre cap à côté d'une île. Existe-t-il une île dans le voisinage de Phanaraki? On n'y trouve que l'écueil nommé par les Turcs Yelan-Adassi, mais ce rocher, minuscule et inhabitable, ne saurait s'identifier avec l'île St André que Macaire Chrysokéfalos appelle μικρὰν μὲν τὸ μέγεθος, τὴν δὲ θέαν χαρίεσσαν[4]) et qui porta durant de longs siècles une église et un monastère[5]). Pour trouver, auprès d'un cap, une île qui réponde à la description de Macaire et qui ait jamais pu fournir l'emplacement d'une maison religieuse, il faut s'avancer jusqu' aux îlots qui émergent aux flancs de Touzla-Bournou.

Du reste, pourquoi ne pas le dire sans détours? l'île St André n'a pas encore perdu, au jour d'aujourd'hui, le nom

---

[1]) **C. Plinii Secundi**: *Naturalis Historia*, V, 43. Ed. Detlefsen, Berolini 1866. t. I, p. 229.
[2]) **Theoph. Cont.** II Michael. Ed. Bonn. p. 48, 12.
[3]) *Regum* II. Ed. Bonn. p. 50, 15.
[4]) Vie de S. Mélèce le Galésiote dans le Νέον Ἐκλόγιον, 10 Janvier.
[5]) M. Γεδεών. Ἀκρίτας καὶ Τοῦζλα dans l'Εἰκονογραφημένον Ἡμερολόγιον τοῦ 1896, p. 189 et 190.

qui la désignait au moyen âge.[1]) Elle est parfaitement connue: elle sort des eaux tout auprès de Touzla-Bournou.

Ce fait indéniable et brutal ne permet pas de chercher plus longtemps Acritas ailleurs. En confirmant les conclusions que nous avons tirées d'Artémidore, de Ménippe et de Ptolémée, il renverse de fond en comble et pour toujours le deuxième argument échafaudé contre l'identification de Féner-Bagtché avec Héraeon.

III. *Héraeon, au dire de Procope, possédait un rivage où les rochers se dressaient à pic. Or, Féner-Bagtché n'a rien de pareil. Donc Féner-Bagtché n'est pas Héraeon.*

Ce troisième argument de Hammer pèche par la base: Hammer n'a point compris son Procope. Je regrette que l'étendue du texte grec m'interdise de le transcrire. On peut du moins s'y reporter:[2]) l'on n'y trouvera pas une ligne, pas un mot, qui justifie de près ou de loin les affirmations de l'auteur viennois. Dans quel passage de Procope Hammer a-t-il découvert son *Felsenwand des Ufers?* Dans quel paragraphe du *De Ædificiis* a-t-il rencontré quelque chose qui lui permette d'écrire: *Die von Procopius gegebene Beschreibung des steilen unterhöhlten Felsenufers?* Est-ce le πέτρας ἀποτόμους qu'il traduit ainsi? Mais pareille traduction constitue ici le plus grossier des contre-sens: les pierres que Procope mentionne sont les matériaux employés par Justinien dans la partie supérieure de ses deux jetées; elles n'ont rien de commun avec une falaise, rien de commun avec les rochers de la côte. Le troisième argument de Hammer ne repose donc sur rien.

Et pourtant cet argument peut trouver ailleurs un semblant de base. A défaut de Procope, Démosthène de Bithynie se charge de lui fournir une majeure équivalente. Démosthène a composé les sept hexamètres suivants:

Ἔστι δέ τις προπάροιθε κλυτῆς Χαλκηδόνος ἄκρη
Ἡραία, τρήχουσα, πολυσπιλάς. Ἔνδοθε δ' αὐτῆς
Λαΐνεον περὶ τεῖχος, ἰὼν κοιλαίνεται εἴσω
Κόλπος ἁλὸς, φαίνησκεν ἰδὼν βαθυδινέα πάντῃ

[1]) *Ibid.* p. 188.
[2]) *De Ædificiis* l. I, cap. 11, p. 207, 3—208, 5.

Ἔμμεναι. Εἰαμένη δὲ καὶ οὐ βάθος ἐστὶ θαλάσσης,
Ἔνθάτε νῆας ἀνῆγον ὀϊόμενοι σκέπας εἶναι
Αὐτοφυοῦς ὅρμοιο. Κακῷ δ' ἐνέκηρσαν ἑτοίμω[1])

Je cite ici les sept vers, du premier jusqu'au dernier, parce que j'aurai à m'en servir dans un instant. Pour le moment, il suffit de noter le participe τρήχουσα, l'adjectif πολυσπιλάς et l'expression λαΐνεον περὶ τεῖχος. Ces quatre ou cinq mots rendent toute sa force à l'argument de Hammer: il convient, par suite de le discuter comme si Hammer avait pensé lui-même à s'en prévaloir.

Une remarque pour commencer. Démosthène le Bithynien n'attribue pas nécessairement son λαΐνεον τεῖχος au promontoire même de Héraeon. Il déclare simplement qu'un golfe se creuse en deçà du cap, autour d'un mur de rochers. Cette falaise régne-t-elle d'un bout à l'autre du golfe? se dresse-t-elle seulement à l'extrémité de droite ou à l'extrémité de gauche? Il ne le dit pas.

Avec ces deux mots d' explication, le texte du poète ne présente aucune difficulté sérieuse. La première partie de sa description se rapporte aussi bien à la baie de Calamich qu'à la baie de Haïdar-Pacha. Si les rochers de Kavak-Bournou bornent celle-ci, les rochers de Moda-Bournou ferment celle-là. Sans doute le fond de Calamich est une plage, mais en va-t-il autrement à Haïdar-Pacha pour la moitié des côtes qui forment la baie? Le moins qu'on puisse dire, c'est qu'il y a parité parfaite entre les deux vis-à-vis du λαΐνεον τεῖχος. Quant aux deux épithètes τρήχουσα et πολυσπιλάς, elles ne concordent que trop, même aujourd'hui, avec l'état réel de Féner-Bagtché, malgré les nombreux changements que, depuis Démosthène, les travaux de vingt empereurs ont fait subir à la physionomie primitive et à l'ancien aspect de la presqu'île. Voilà pour les premiers vers du poète.

Les derniers, on peut le dire sans crainte, s'appliquent infiniment mieux à la baie de Calamich qu'à la baie de Haïdar-Pacha. A choisir entre les deux, ce n'est pas celle-ci que l'on prendra la première pour un port naturel: σκέπας .... αὐτοφυοῦς ὅρμοιο. Ce n'est pas d'elle non plus que l'on dira: εἰαμένη

[1]) **Etienne de Byzance:** *De Urbibus et populis,* sub verbo Ἡραια.

δὲ καὶ οὐ βάθος ἐστὶ θαλάσσης. Formée par deux rivages qui se rencontrent à angle droit, la baie de Haïdar-Pacha reste ouverte à l'Ouest et au Sud, tandis que sa voisine se creuse dans les terres entre deux promontoires assez rapprochés. Par ailleurs, Haïdar-Pacha a des eaux relativement profondes et les gros bateaux de Hambourg se promettent bien d'y accoster dans un avenir prochain; à Calamich, au contraire, par suite des apports continuels du Chalcédon, les maraichers sont réduits à laisser leurs barques loin du rivage et condamnés à charger leurs légumes en marchant plus de cinquante mètres dans l'eau.

On le voit, le troisième argument de Hammer a la même force probante que les deux premiers. Les explications qu'il a nécessitées montrent une fois de plus que Pierre Gilles ne s'est pas mépris lorsqu'il a donné sa préférence *der Bucht, welche das Vorgebirge Molla burnu und das Vorgebirge Fener Bagdschessi bilden,* au lieu de jeter son dévolu, comme l'a fait Hammer, *zwischen den beyden Vorgebirgen Molla burnu und Kavak burnu.*

Somme toute, les trois arguments développés dans le *Constantinopolis und der Bosporos* ne signifient rien. Et ce n'est pas la page fantaisiste et poétique dont ils sont accompagnés qui peut leur donner une plus grande valeur. Cette page serait à citer tout entière. L'auteur a placé le temple de Héra à Kavak-Bournou, le temple de Vénus à Féner-Bournou, le temple de Poseidôn à Bos-Bournou; il jette un regard en arrière, un regard de souveraine complaisance, il trouve que son œuvre est parfaite, que sa distribution de temples ne laisse rien à désirer, que ses trois identifications défient toute critique: satisfait, triomphant, il déclare, que le hasard ne fut pour rien, au temps jadis, dans l'assignation des trois caps à leur divinité respective. La nature des lieux, semble-t-il dire,[1]) cadre trop bien avec le naturel des trois dieux, la caractéristique des promontoires concorde trop bien avec le caractère de leurs trois patrons, pour que l'intelligence de l'homme n'ait présidé à ce triple choix. Kavak-Bournou est altier comme Héra, Féner-Bournou est gracieux comme Aphrodite, Bos-Bournou est imposant comme Poseidôn......

---

[1]) *Op. cit.* p. 350.

Voilà ce qu'il faudrait considérer comme le quatrième argument de Hammer! C'est de la phrase et du sentiment, mais ce n'est pas, tant s'en faut, une preuve qui puisse infirmer la démonstration faite tout à l'heure. Cette démonstration reste, et Procope qu'on prétendait employer contre elle va nous servir à la corroborer.

En terminant sa liste des monuments élevés à Héraeon par Justinien, Procope relate la construction d'un port ἐν τῇ ἀντιπέρας ἠπείρῳ, ἐν τοῖς Εὐτροπίου ἐπωνύμοις, τοῦ Ἡραίου τοῦδε οὐ πολλῷ ἄποθεν[1]) Il nous indique très clairement par là que le port d' Eutrope se trouvait à proximité du cap Héraeon. Cette donnée se dresse devant nous comme un jalon: si nous découvrons la position du port, nous aurons découvert par le fait même celle du cap.

Le port d'Eutrope, grâce à Dieu, se laisse aisément retrouver. Théophylacte Simocattas le mentionne en ces termes: Εἰς τὸ ἀντιπέρας τῆς βασιλίδος τῶν πόλεων, ἐν ᾗ καὶ ἡ Χαλκηδόνος πόλις καθίδρυται .... εἰς τὸν λεγόμενον Εὐτροπίου λιμένα.[2]) Le *Chronicon pascale* dit à son tour: Τὸν μῶλον τῶν Ευτροπίου, πλησίον Χαλκηδόνος.[3]) Zonaras résume d'un mot: Τὸν ἐν Χαλκηδόνι τοῦ Εὐτροπίου λιμένα.[4]) Ces trois passages nous obligent à fixer notre port aux flancs de Cadi-Keuï, soit au nord soit à l'est de Moda-Bournou. Le mettre au Nord, c'est tomber dans la baie de Haïdar-Pacha; le placer à l'Est, c'est tomber dans le petit golfe de Calamich. Nous pourrions balancer peut-être entre les deux, si nous en étions réduits aux seuls textes cités ici, mais un autre monument existe qui supprime toute hésitation: j'ai nommé la pierre tumulaire de l'éponyme Eutropios. Ce marbre de 0^m^, 84 de haut sur 2^m^ de long cache, à l'heure qu'il est, ses trois distiques élégiaques dans la modeste église grecque de St Jean Chrysostome, à Calamich, et ce n'est certainement pas de Haïdar-Pacha qu'on s'est amusé à l'y transporter. Le port créé par Justinien ἐν τοῖς Εὐτροπίου ἐπωνύμοις occupait donc une partie de la baie de Calamich. S'il attendait les voiles byzantines tout auprès de l'embouchure du Chalcédon, il faut conclure, que le cap voisin, que la presqu'île

[1]) *De Ædificiis*, lib. I, cap. 11. p. 208, 3.
[2]) *Hist.* VIII, 11. p. 336, 1.
[3]) Ed. Bonn. I. 696, 10.
[4]) *Epitome historiarum* XIV, 14, Ed. L. Dindorf, III, 300, 8.

d' à côté, que Phanaraki, en un mot, représente nécessairement le Héraeon placé par Procope οὐ πολλῷ ἄποθεν.

Je crois inutile de pousser plus avant la réfutation de Hammer. Peut-être aurais-je dû commencer par dire que son Kavak-Bournou n' est pas un promontoire suffisamment accusé pour s'être imposé à l'attention des géographes anciens. Ces écrivains-là n'avaient pas coutume de s'arrêter aux moindres boursouflures de la côte: il leur fallait des pointes hardiment lancées dans la mer ou des caps fortement accentués. Quelque chose comme Féner-Bournou méritait de pénétrer dans leurs descriptions, quelque chose comme Kavak-Bournou ne le méritait pas.

Ceux de mes lecteurs qui vivent à Constantinople et connaissent les environs de la grande ville comprendront ce que je dis ici très facilement: les autres le comprendront aussi, pourvu qu'ils veuillent bien jeter les yeux sur une carte quelque peu exacte. Celle de Von der Goltz pacha,[1]) par exemple, leur permettra d'apprécier facilement la différence qui existe, au point de vue de l'empiètement sur les flots, entre la bosse de Kavak et la pointe de Féner. A défaut de carte, le modeste croquis qui accompagne ces pages peut donner une idée de la chose.

Qu'est-il besoin d'ajouter? Personne, j'aime à le croire, ne protestera si je conclus: 1° Hammer, en dépit de ses affirmations tranchantes, s'est abusé du tout au tout; 2° Pierre Gilles a fait preuve de sagacité en plaçant Héraeon où il l'a placé; 3° Hiéria n'est autre chose que Phanaraki.

III. Noms de la presqu'île.

Notre προάστειον se trouve en possession de sa véritable assiette: revenons en arrière et tâchons de fixer au juste comment il s'appelait au temps d'autrefois.

Son nom, je l'ai déjà dit, a revêtu dans le cours des siècles des formes nombreuses. Certains commentateurs, comme Holstenius,[2]) Lambecius[3]) et Reiske,[4]) certains topographes, comme

---

[1]) *Karte der Umgegend von Constantinopel.*
[2]) *Notæ et Castigationes . . . in Steph. Byz.* 'Εθνικά. Lugd. Batavorum, 1684, p. 130.
[3]) Note à **Codinus:** *De Ædificiis* dans **Migne,** *P. G.* t. CLVII, col. 599.
[4]) Note à **Const. Porphyrog.:** *De Ceremoniis,* I, 78. Ed. Bonn. II, 353.

Gilles[1]), Du Cange[2]) et Skarlatos Byzantios[3]), ont réuni de droite et de gauche celles de ces différentes formes qu'ils avaient rencontrées ou cru rencontrer dans les écrivains de Byzance. Grâce à leurs travaux, il est relativement facile aujourd'hui de reconnaitre Hiéria à peu près partout où Hiéria se cache. Leurs nomenclatures pourtant ne sont pas complètes: on y remarque des lacunes qu'il importe de combler autant que faire se peut.

Voici donc, avec leurs variations de lettres, d'esprit, d'accent, de genre et de nombre, le catalogue considérablement allongé des anciens noms de la presqu'île.

1	ἡ	Ἀερία
2	τὸ	Ἀέριον
3	ἡ	Εἰρία
4	ἡ	Ἔρεια
5	τὸ	Εὔριον
6	τὸ	Εὖρον
7	ἡ	Ἠρεία
8	ἡ	Ἠέρεια
9	ἡ	Ἡέρεια
10	ἡ	Ἠερία
11	ἡ	Ἠέρια
12	τὸ	Ἠέριον
13	ἡ	Ἡραία
14	ἡ	Ἡραία ἄκρα
15	ἡ	Ἥραια
16	τὸ	Ἡραῖον
17	τὸ	Ἥραιον
18	τὰ	Ἡρεῖα
19	ἡ	Ἠρία
20	ἡ	Ἡρία
21	τὰ	Ἡρία
22	τὸ	Ἠρίον
23	τὸ	Ἡρίον
24	τὸ	Ἤριον
25	τὸ	Ἥριον
26	ἡ	Ἱερεία

[1]) *De Bosporo Thracio*, III, 11. Ed. Venise, 272.
[2]) *Constantinopolis christiana*, IV. 13, 2. Ed. Venise, 122.
[3]) Ἡ Κωνσταντινούπολις, II, 275.

27 ἡ Ἱέρεια
28 τὸ Ἱερεῖον
29 ἡ Ἱερία
30 τὰ Ἱερία
31 ἡ Ἱέρια
32 τὸ Ἱερόν
33 ἡ Ἰρία
34 ἡ Ἱρία
35 τὸ Ἰρίον
36 ἡ Ὀνέρια
37 ἡ Συρία
38 ἡ Ὕρις

En intitulant ceci: *liste des anciens noms de la presqu'île* je me suis trompé. J'aurais dû, pour être exact, en présenter les quatre cinquièmes comme une collection de cacographies introduites par le parler vulgaire, par l'itacisme, par les copistes, par les éditeurs. Si l'on y regarde en effet tant soit peu de près, l'on ne tarde pas à s'apercevoir que les trente-huit formes notées ci-dessus représentent seulement trois ou quatre noms. Pour mieux dire, elles découlent toutes des quatre mots suivants: Ἥρα, ἠρίον, ἀήρ et ἱερός.

A) Ἥρα. — A la déesse honorée sur le cap se rattache l'appellation la plus ancienne, la plus complète et la plus correcte: Ἡραία ἄκρα, *pointe de Héra.* Cette dénomination nous a été conservée par Démosthène le Bithynien. Des deux mots qui en font partie, le second, le substantif, ne tarda pas à tomber: Etienne de Byzance au Ve siècle et Pisidès au VIIe n'emploient que l'adjectif. Pris *substantive et absolute,* cet adjectif, nous dit le *Thesaurus.,* cesse d'être paroxyton pour devenir proparoxyton. La bonne graphie est donc Ἥραια et non Ἡραία.

Un ἡραῖον, ou temple de Héra, s'élevait sur le promontoire: c'est du moins ce qu'affirment deux auteurs malheureusement tardifs, l'Anonyme des *Patria* et son fidèle Codinus. Bien que la presqu'île soit pour lui Ἱέρεια, l'Anonyme n'hésite pas à dire: Εἴρηται δὲ οὕτως ὅτι τῆς Ἥρας ἦν ἐκεῖ ὁ ναός[1]), et Codinus reprend: Ἡραῖον δὲ ἐκλήθη ὅτι πάλαι τῆς Ἥρας ἦν ὁ ναὸς ἐκεῖ[2]). D'après cette dernière phrase, *Héraeon* ne serait, semble-t-il,

[1]) *loc. cit.*
[2]) *loc. cit.*

que le nom du temple étendu à la presqu'île entière. Je crois plus naturel, toutefois, de supposer la forme primitive Ἡραῖον ἀκρωτήριον, à côté de Ἡραία ἄκρα. Dans l'usage, Procope nous le prouve[1]), on sous-entendait le terme ἀκρωτήριον et l'adjectif restait seul. Mais, ici comme là haut, le *Thesaurus* demande qu'on accentue sur l'antépénultième: Ἥραιον et point Ἡραῖον.

B) Ἠρίον — La nécropole de Chalcédoine avoisinait, dit-on, l'autel de la déesse. Assurément les pierres tombales que l'on découvre de nos jours à la presqu'île ne sont pas contemporaines des siècles païens, mais l'on y trouverait peut-être des tombes remontant à cette haute antiquité, si les πολλὰ μαρμάρινα κιβούρια dont parle Codinus n'avaient depuis disparu. Quoi qu'il en soit, les Byzantins en vinrent de bonne heure à faire du mot ἠρίον la source première des formes nominales corrompues de Ἥραιον. Etienne de Byzance, le biographe de Constantin Porphyrogénète, Codinus et le fragment de Lambecius témoigment de cette étymologie[2]). L'auteur du *De Urbibus* la signale sans l'accepter: le verbe μυθοποιοῦντες qu'il emploie à son égard donne même à penser qu'il la condamne. Si l'on veut, malgré lui, que l'idée de *tombeau* soit pour quelque chose dans la dénomination du promontoire, il faudra l'appeler Ἤριον. Toute autre graphie serait mauvaise, témoin Suidas qui écrit: Ἤριον, ὄνομα τόπου, ἠρίον δὲ ὁ τάφος. L'esprit rude, comme le paroxyton, est à supprimer des formes où on l'a inscrit par suite d'une confusion très compréhensible avec le thème Ἥρα.

D'après Brunet de Presle, Bekker et Nathan Rosenstein, d'après leur manière de traduire et d'éditer un passage de Michel Attaliate, ἠρίον devrait céder la place à ἔαρ contracté en ἦρ. Attaliate nous dit que Romain Diogène, en route pour l'Orient, se rendit comme deuxième étape ἀπὸ τῶν Ἠρίων εἰς Ἑλενόπολιν[3]), et que le fait de prendre terre à cette ville misérable, plaisamment nommée Ἐλεεινόπολις, parut de mauvais augure aux superstitieux Byzantins. Bekker et ses deux collaborateurs n'ont rien trouvé de mieux pour rendre la pensée de l'historien que d'écrire ἠρίων, sans majuscule, dans le texte grec, et *vernis*, de même, dans la traduction latine. En introduisant le *printemps* dans le nom de la presqu'île, ne se sont-ils pas

---

[1]) *De Ædificiis* I, 3 et 11. Ed. Bonn. p. 185, 11 et 207, 4.
[2]) J'ai cité leurs textes au début de cet article.
[3]) **Mich. Attal.** *Hist.* Ed. Bonn. 144, 9.

montrés trop ingénieux? N'ont-ils pas prêté aux contemporains de l'empereur Diogène une idée que ceux-ci n'avaient pas? D'après le récit de Michel Attaliate, tout semble s'expliquer par la situation peu brillante de la bourgade où l'on débarque et par la dénomination d' Ἐλεεινόπολις substituée à celle d' Ἑλενόπολις. Le mauvais présage se tire suffisamment du nom que l'on trouve au point d'arrivée sans qu'il soit besoin de faire intervenir celui que l'on a laissé au point de départ. Je crois donc que le traducteur a trop raffiné, d' autant que l'adjectif ἤριος, *vernus, printanier,* n'a jamais encombré les recueils lexicographiques. Si l'on veut cependant se rallier au sentiment de Bekker, il faudra dire que l'intrusion du thème ἦρ dans l' étymologie des noms propres qui nous occupent, est due aux mêmes causes que celle du thème ἀήρ.

C) Ἀήρ. — Lorsque la presqu'île devint un lieu de plaisance où l'on se rendit pour changer d'*air*, les esprits ingénieux firent subir à son nom primitif de nouvelles métamorphoses. Le fragment de Holstenius et de Lambecius nous le déclare en termes exprès. Ἰουστινιανὸς . . . . βασίλεια ἔκτισε περιφανέστατα, καὶ Ἡερία ὁ τόπος μετωνομάσθη ἢ Ἁερία. Holstenius écrit lui-même au sujet du palais bâti par Justinien: „Excitavit poetarum illius temporis ingenia ad sui celebrationem, appelarique etiam locus ab istis aliter paullo, ac olim, caepit"[1]. Je ne sais trop à quelles formes nominales cette dernière ligne fait allusion; mais il est bien certain que l'existence des mots Ἀερία, Ἡέρεια, Ἡερεία et autres semblables appliqués à la presqu'île ne s'explique guère, si l'on ne recourt à un jeu de mot dont ἀήρ aura fait les frais. Ἀερία nous est fourni par le fragment de Lambecius; Ἡερεία, Ἡέρεια, etc. par le *De Urbibus*, l'*Etymologicum* et ce même fragment de Lambecius. On pourrait, je le sais, justifier l'existence de presque toutes ces formes par le thème Ἱερός, en invoquant l'itacisme qui aurait tiré Ἡέρεια de Ἱέρεια, et en supposant une erreur dans la direction graphique ultérieurement donnée à l'esprit; mais comment, avec ce système, rendre compte de Ἀερία? Pour elle, au moins, ne faut-il pas réclamer le secours de ἀήρ?

Un fait que je ne dissimulerai point se dresse contre mon hypothèse. Etienne de Byzance a plutôt précédé les faiseurs

[1]) *Op cit.* p. 130.

d'épigrammes du IVe siècle: un nom propre réellement inventé par ces poètes ne devrait donc pas se lire dans son ouvrage. Ἠέρεια cependant y figure N'y a-t-il pas là une difficulté des plus sérieuses? Si je tenais absolument à conserver un rôle au thème ἀήρ, je répondrais que l'introduction du mot Ἠέρεια dans le *De Urbibus* doit être simplement attribuée à la retouche de l'abréviateur Hermolaos.

Ἥρα, disaient naguère encore des étymologistes aujourd'hui peu suivis, Ἥρα est la simple métathèse de ἀήρ. A ce compte, la presqu'île Ἥραια n'aurait fait que remonter à son origine étymologique en devenant Ἡέρεια avec l'esprit rude, Ἠέρεια avec l'esprit doux, puis Ἠερία, puis Ἀερία Je ne relève ici, comme on le voit, que des formes féminines: la raison en est dans ce fait que les neutres Ἀερίον et Ἡέριον ne se rencontrent pas, que je sache, dans les auteurs byzantins, bien que Lambecius les leur attribue.

D. — Ἱερός. — Avec l'itacisme, Ἠέρεια, qui s'écrit aussi Ἡέρεια, devait fatalement devenir Ἱέρεια,[1]) et cela d'autant que Ἱερεῖον, Procope nous le prouve,[2]) avait déjà pénétré dans l'usage au VIe siècle. Ἱέρεια finit, en effet, par s'imposer aux Byzantins. Il apparaît pour la première fois dans l'Anthologie,[3]) en tête d'une épigramme destinée au palais de Justinien. Peut-être, sous la forme où nous le possédons, ce titre est-il l'œuvre d'une main plus tardive. Il semblerait en effet que le nom de Ἱέρεια, destiné à représenter la presqu'île comme une chose sainte et sacrée, ne se généralisa pas avant le VIIe siècle. Héraclius l'introduisit le premier dans l'usage, ou, tout au moins, lui donna sa consécration. A mon avis, les vers de Georges Pisidès ne signifient pas autre chose:

Καὶ δὴ παρέπλεις εὐθὺς Ἡραίας τόπους·
Οὕτω γὰρ αὐτὴν ὠνόμαζον ἐκ πλάνης
Τῆς πρὶν κρατούσης διαδοχὴν δεδεγμένοι,

---

[1]) Ceci, bien entendu, au cas où l'on admette que Ἠέρεια a vraiment précédé Ἱέρεια. Si l'on regarde, au contraire, Ἠέρεια comme une simple cacographie de Ἱέρεια, l'apparition de ce dernier nom, tantôt paroxyton et tantôt proparoxyton, devra s'expliquer, semble-t-il, par le pluriel de la forme Ἱερεῖον déjà courante au temps de Procope et venue elle-même soit directement de ἱερός, soit, par corruption, des thèmes Ἥρα et ἤριον.

[2]) Procope dit: τῷ Ἡραίῳ ὅπερ Ἱερεῖον καλοῦσι τανῦν (*De Ædificiis*) I, 3, p. 185, 11), et ailleurs: τῷ Ἡραίῳ, ὃ νῦν Ἱερεῖον ὀνομάζουσιν (*Op. cit.* I. 11, p. 207, 4).

[3]) Lib IV. **Banduri,** *Imp. Orient.* I, 118.

Ἕως ἔτρεψας εὐσεβῶς μεθαρμόσας
Τὸ τῆς πλάνης ἄδοξον εἰς εὐδοξίαν.
Τρέμω δὲ τούτων μνημονεύσας τῶν τόπων
Σιγῇ παρελθεῖν ἣν ἐν αὐτοῖς εἰργάσω
Ἔναγχος εὐσέβειαν· ἔσται γὰρ τάχα
Καὶ τοῖς μεθ' ἡμᾶς ἡ σιωπὴ ζημία [1]).

De ces iambiques, le cinquième est d'un vague désespérant et les quatre derniers ne donnent que des espérances trop vite déçues. On croirait, à les lire, que le poète va, sans plus tarder, nous fournir des explications très claires; mais point. En dépit du tort prévu que la postérité doit éprouver de son silence, il se tait.

Suppléer complètement à ce qu'il ne dit pas et traduire par quelque chose de concret cette εὐσέβεια que l'empereur a précédemment accomplie, n'est point chose facile. On peut toutefois affirmer avec beaucoup de vraisemblance que l'adaptation de Ἥραια en Ἱέρεια semble seule répondre d'une manière satisfaisante au distique:

Ἕως ἔτρεψας εὐσεβῶς μεθαρμόσας
Τὸ τῆς πλάνης ἄδοξον εἰς εὐδοξίαν.

Cette appellation de Ἱέρεια, c'est donc Héraclius qui l'aurait, sinon trouvée, du moins officiellement imposée. Il aurait agi de la sorte, nous déclare son panégyriste, pour extirper définitivement le souvenir de Héra, vieux legs du paganisme. Avec de pareils sentiments, le prince n'aurait pas dû s'arrêter là: il aurait dû cesser lui-même de répondre au nom de Ἡρακλεῖος et trouver d'autres patrons à ses deux fils Héraclius et Héracléonas. S'il n'en fit rien, c'est peut-être que le diacre poète est le seul à voir dans le changement accompli le motif qu'il en donne. Quoi qu'il en soit, à partir de son époque, Ἱέρεια devient le nom le plus ordinaire de la presqu'île.

De lui dépendent toutes les formes qui nous restent à examiner. Le Ἱερεῖον de Procope disparut à son profit, sauf à reparaître une fois sous la plume du patriarche Nicéphore qui en fait un pluriel: Ἱερία. — Zonaras nous présente Ἰρία et Ἱρία [2]): cette forme s'explique par la chute d'un ε si l'on veut

[1]) *De Expeditione persica* Acr. I, vv. 157—165. Ed. Bonn. p. 9.
[2]) *Epitome historiarum* XVI, 13. Ἰρία dans l'édition de L. Dindorf; Ἱρία dans les anciennes.

y reconnaitre Ἱερία, par l'itacisme si l'on préfère le rattacher à Ἡρία. — Dans Constantin Porphyrogénète un chapitre[1]) qui débute par Ἱέρεια se termine sur Ἔρεια. Faut-il, avec Reiske, prendre ce dernier mot pour un des noms réels du προάστειον? Ne serait-ce pas plutôt simple inadvertance de copiste qui aura laissé dans son écritoire l'iota du commencement? — Le Porphyrogénète mentionne encore la presqu'île au cours de son *De administrando imperio*. A cet endroit,[2]) les éditions modernes donnent Ἱέρεια; mais le texte consulté par Lambecius[3]) portait Εἰρία. C'est une simple transposition de lettres qui ne doit pas nous arrêter. — Ἱερόν se lit dans une pièce patriarcale du XIIe siècle.[4]) A cause du contexte, M. Gédéon n'hésite pas à l'entendre de notre presqu'île.[5]) Cette application, très vraisemblable, ne laisse pas que d'être incertaine et nous y reviendrons. — De Ἡρεῖα j'ai peu de chose à dire: c'est la leçon adoptée par Hase dans un extrait de Michel Attaliate,[6]) mais, comme l'indiquent les *Addenda et Corrigenda* de Miller,[7]) l'ε ne figure pas dans les manuscrits. Ἡρία, la forme qu'ils donnent au génitif, se rattache donc par son esprit à Ἥρα et pour le reste à ἠρίον. — Les deux mots Ὀνέρια et Συρία s'étalent, celui-ci dans l'Histoire de Cedrenus[8]), celui-là dans l'*Orthodoxorum invectiva contra hæreticos.*[9]) L'auteur anonyme de cette dernière oeuvre avait probablement sous les yeux une pièce qui logeait le synode iconoclaste de 754 dans un palais οιεριαλεγεται = ὃ Ἱερία λέγεται Ne connaissant pas du tout la topographie de Constantinople, il aura mal lu et n'aura pas supposé qu'il torturait son texte en lui faisant dire: ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰς τὸν τόπον λεγόμενον Ὀνέρια. Peut-être aussi faut-il innocenter l'écrivain et tout expliquer par un doublet: quelque scribe postérieur, placé en face des deux mots λεγομενονερια pour λεγομενονιερια, aura bien pu répéter les deux lettres finales du participe et grossir d'une syllabe initiale indue un

---

[1]) *De Cerimoniis* I. 78.

[2]) Cap. LI.

[3]) Note à **Codinus**, *loc. cit.*

[4]) Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ. Σύνταγμα τῶν . . . κανόνων, V, 77.

[5]) M. Γεδεών. Βυζαντινὸν Ἑορτολόγιον p. 105.

[6]) *Recueil des historiens des Croisades: Hist. grecs*, tom. I. pars I, pag. 30 b. Cf. *ibidem*. p. 136 c.

[7]) *Op. cit.* pars II, pag. 664 d.

[8]) *Hist. Compendium*. Ed. Bonn. II. 10, 15.

[9]) № 3, **Migne**, *P. G.* t. CIX. col. 505 a.

nom propre qu'il ne connaissait point. — C'est le même conciliabule de Copronyme que Cedrenus place ἐν τῷ τῆς Συρίας παλατίῳ. Ici encore la Syrie n'est transportée au portes de la capitale que par une faute de lecture imputable soit à la source consultée par Cedrenus, soit à Cedrenus en personne, soit à quelque copiste de Cedrenus. En 754, les prélats courtisans se réunirent dans le château de Hiéria: trois ou quatre auteurs et les actes mêmes de leur assemblée nous le déclarent formellement. Contre tant de témoignages Ὀνέρια et Συρία ne peuvent rien. — Les deux formes Εὖρον et Εὔρον se lisaient, paraît-il, dans le texte du Περὶ πόλεων que Pierre Gilles avait sous les yeux.[1]) Depuis, Ἥριον y a pris leur place et à bon droit. Skarlatos Byzantios,[2]) qui les a copiées dans le *De Bosporo Thracio,* n'aurait pas dû y joindre Ἶρις que Gilles mentionne, sans doute, mais dont il ne fait pas un nom de la presqu'île.

La leçon Εὖρον-Εὔριον a eu pour conséquence d'ajouter une étymologie de plus aux étymologies qui précèdent. Au XVIe siècle Gilles écrivait: „Forsan ita Heræum promontorium appellatum est Εὖρον ab olla defossa“, et il appuyait son dire sur le texte fautif d'Etienne de Byzance.[3]) Au XIXe siècle, Skarlatos Byzantios n'a rien trouvé de mieux que d'accentuer, en écrivant sous les mots Εὖρον et Εὔριον la note suivante: Ὅπερ ὁ Στέφανος ἐτυμολογεῖ ἀπὸ τῶν εὑρεθέντων, ὥς φασιν, ἐνταῦθα καὶ ἀνορυχθέντων χυτρῶν καὶ ὀστέων.[4]) N'aurait-il pas mieux fait de se reporter à une bonne édition du *De Urbibus?* Il ne paraît pas douteux en effet que la leçon vraie ne soit Ἥριον et que ce terme ne doive s'expliquer, dans la pensée du lexicographe,[5]) par le sens d'ἠρίον qui veut dire *tombeau* et par la découverte à la presqu'île de *restes funéraires.*

L'histoire ne dit pas à quelle époque le nom de Hiéria déserta le promontoire. Pierre Gilles ne l'y trouva plus au moment de son voyage, mais il eut assez de perspicacité pour identifier le vieux cap mentionné par Démosthène avec le *promontorium quod hodie vocant acram Joannis Calamoti.* Il eut aussi le bon esprit de nous donner la raison de cette appellation nouvelle en décrivant la baie voisine. *Canarum sylvis,* dit-il,

[1]) *Op. et loc. cit.*
[2]) Ἡ Κωνσταντινούπολις II, 275.
[3]) *Loc. cit.*
[4]) *Loc. cit.*
[5]) Sub verbo Ἥραια.

herbisque frequens ejus ora cernitur: unde nomen templum proximum divi Joannis Chrysostomi Calamoti invenit. Aujourd'hui, les roseaux et les herbes inutiles ont disparu; mais le petit golfe s'appelle encore *Calamich* et la chapelle de saint Jean Chrysostome y marque toujours l'emplacement d'une plus grande église détruite. De son côté, l'*acra Joannis Calamoti* est devenue, comme nous le savons, Phanaraki et Féner-Bagtché.

IV. Localités homonymes.

Dans les pages qui précèdent, beaucoup de lecteurs l'auront sans doute observé, je n'ai pas introduit tous les textes que d'autres ont cru devoir appliquer à Phanaraki. C'est que ces applications ne sont pas toutes également heureuses. De ce que la presqu'île répond à quantité de noms assez différents les uns des autres, il ne s'ensuit d'aucune façon qu'il faille l'affliger d'appellations étrangères, ni surtout qu'il faille dépouiller à son profit certaines localités homonymes ou quasi homonymes situées dans les environs plus ou moins immédiats de Constantinople.

On ne s'est pas toujours suffisamment gardé contre les confusions de cette nature. Une étude sur Hiéria doit contenir, pour être complète, quelques mots sur les différents textes que l'on a eu le tort d'appliquer à Féner-Bagtché, quelques mots également sur les textes dont l'application à Féner-Bagtché peut sembler douteuse, ou dont l'application, quoique certaine, lui a été déniée. Je diviserai cette partie de mon travail en neuf paragraphes d'inégale longueur.

I. — Pierre Gilles dans son *De Bosporo Thracio* [1]), Alemannus dans ses *Notes à l'Histoire Secrète* [2]) et Du Cange dans sa *Constantinopolis christiana* [3]) déclarent que l'évêque arien Démophile, chassé de Constantinople par Théodose Ier, convoqua ses fidèles à Hiéria. Tous trois prétendent appuyer leur dire sur une phrase de Sozomène: ils se trompent. L'historien dit: εἰς τὴν ὑστεραίαν πρὸ τῶν τειχῶν ἐκκλησιάζειν [4]); il ne dit pas: εἰς τὴν Ἱέρειαν.... Ce nom de la presqu'île étant postérieur au Ve siècle, il serait malaisé de le trouver sous la plume de Sozomène. De plus, l'expession πρὸ τῶν τειχῶν ne saurait s'appli-

[1]) Lib. III, cap. 11. Ed. Ven. p. 272^{b-c}.
[2]) Note au chap. XV. Ed. Bonn. p. 481.
[3]) Lib. IV, 13, 2. Ed. Ven. p. 122^{a}.
[4]) *Hist. Eccl.* lib. VII, cap. 5. **Migne** *P. G.* t. LXVII, col. 1425^{c}.
[5]) Ἡ Κωνσταντινούπολις, t. II. p. 276–277.

quer à la position de Hiéria. Gilles, Alemannus et Du Cange ont donc mal lu, ou du moins le texte qu'ils avaient sous les yeux portait une leçon fautive.

II. — Skarlatos Byzantios place à Phanaraki les Σοφιανά ou Σοφιαναί suburbains? L'Anonyme et Codinus, je le sais, veulent que Justin II et sa femme aient partagé l'amour de Justinien pour la presqu'île et l'aient embellie; mais les embellissements, pour si considérables qu'on les suppose, n'entraînent pas toujours un changement de nom. Le seul palais asiatique dont Sophie, l'impératrice, ait voulu devenir l'éponyme, se trouvait sur le Bosphore, au-dessus de Chrysopolis. D'après Mr Boutyras, [1]) Tchenguel-Keuï ou ses environs immédiats en occupent aujourd'hui l'emplacement. Cette identification a toutes les vraisemblances pour elle. D'ailleurs, à défaut de tout autre argument, il suffirait de Codinus pour nous forcer à laisser Hiéria de côté. Codinus écrit: Αἱ Σοφιαναὶ τὰ παλάτια πέρα τοῦ Στενοῦ.[2])
Or, jamais le mot Στενόν n'a désigné les eaux qui baignent la côte bithynienne au-dessous de Chrysopolis et surtout de Chalcédoine. Il est donc faux, malgré l'affirmation toute gratuite de Byzantios, que la formule πέραν ἐν Σοφιαναῖς nous tranporte quelquefois à l'impériale villa située ἐπὶ τοῦ Ἡραίου.[3]) M. Gédéon [4]) et Curtis [5]) auraient dû se tenir en garde contre cette erreur.

III. — A la suite de la *Constantinopolis christiana*[6]), les auteurs de la Κωνσταντινιάς[7]) et de la Κωνσταντινούπολις[8]) élèvent une église de saint Procope dans notre presqu'île. Il y a là une méprise dont la source est facile à déterminer. Quand saint Théophane fut mort dans son exil de Samothrace et que Michel II fut monté sur le trône, les disciples de l'illustre proscrit voulurent posséder ses reliques. Ils

[1]) Conférence lue au Syllogue hellénique de Constantinople le 15 mai 1893 et publiée dans la Νεολόγου ἑβδομιαία ἐπιθεώρησις, 2e année, nos 29 et 30. Cf. spécialement les pages 582—584.

[2]) **Migne** *P. G.* t. CLVII, col. 597 c.

[3]) **Skarlatos Byzantios:** *op. cit.* p. 277.

[4]) Article Κωνσταντινούπολις dans le Λεξικὸν ἱστορίας καὶ γεωγραφίας, III, 978.

[5]) **K. G. Kurtis.** Κωνσταντινούπολις κατὰ τὴν ἑλληνικὴν ἀνθολογίαν, traduction grecque de Π. Κοντογεώργης, Constantinople, 1880, p. 16. Je n'ai pas le texte original anglais sous la main.

[6]) IV, 13, 2. Ed. Ven. p. 123 a.

[7]) [Κωνστάντιος]· Κωνσταντινιάς, 2e édit., Constantinople, 1844, p. 206.

[8]) Σκάρλατος Βυζάντιος· Ἡ Κωνσταντινούπολις, 3 vol. Athènes, 1851—1869, t. II, p. 279.

allèrent les prendre en effet, mais avant de les introduire dans leur monastère, ils les déposèrent durant une douzaine de mois, ou tout au moins de Noël à Pâques, dans l'église du martyr Procope, en un lieu nommé Ἱερεῖα ou Ἱέρεια. Ainsi parlent deux biographes. Veulent-il nommer notre προάστειον? Point du tout. Théophane a vécu sa vie de moine, partie dans l'île de Kalonymos et partie à l'ouest du Rhyndakos, sur la côte bithynienne. Son Hiéria ne doit pas être cherché ailleurs. La *Vie* récemment publiée par Mr K. Krumbacher en parle d'une manière très vague. Elle dit simplement: Οἱ μαθηταὶ τὸν μέγαν ἀπό Σαμοθράκης ἀράμενοι πρῶτα μὲν εἰς τὸ τῆς μονῆς κτῆμα τοῦτον, ὁ Ἱερεῖα λέγεται, κομίσουσιν [1]). Mais l'ancienne *Vie* fournit une indication précise: Τὸ . . . . σῶμα σὺν τῇ λάρνακι κομισάμενοι ἐπανάγουσιν εἰς τόπον τινὰ, σημείοις ἀπέχοντα τῆς μονῆς δύο καὶ δέκα. Ὄνομα τῷ τόπῳ φασὶν Ἱέρεια [2]). Le Hiéria doté d'une église St Procope s'élevait donc à douze milles [3]), ni plus ni moins, du monastère de saint Théophane. Phanaraki, je n'ai pas besoin de le dire, se trouve à une tout autre distance des parages sanctifiés par le Chronographe. C'est donc qu'un Hiéria différent du nôtre florissait alors soit à Kalonymos, soit entre l'embouchure du Rhindakos et le territoire de Cyzique. L'église St Procope n'a rien à faire auprès de Chalcédoine.

M. Gédéon l'y plaçait autrefois [4]), tout comme Du Cange et Constantios et Byzantios: depuis, il s'est ravisé et son Βυζαντινὸν Ἑορτολόγιον s'abstient de la citer parmi les édifices du culte élevés aux portes de la capitale. Tout le monde lui en saura gré [5]). On regrettera longtemps, par contre, que M. C. de Boor, d'ordinaire si exact, n'ait pas songé à distinguer les deux

---

[1]) *Sitzungsberichte . . . . der Academie der Wissenschaften zu München*, 1897, p. 398.

[2]) *Chronograph.* Ed. de Boor, II, 26, 5.

[3]) La traduction latine reproduite par **Migne**: *P. G.* t. CVIII, col. 42 ^c, écrit: *duodecim* stadiorum *intervallo*. Pourquoi parler de *stades* au lieu de *milles*?

[4]) Λεξικὸν ἱστορίας καὶ γεωγραφίας, III, 978.

[5]) Mr M. Gédéon, je l'ajoute avec déplaisir, n'a pas su persévérer dans la bonne voie. Le *Supplément archéologique aux tomes* XXIV—XXVI *de l'* Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος récemment paru avec la date de 1896 contient les différentes Vies de saints destinées à former la troisième partie de son Βυζαντινὸν Ἑορτολόγιον. L'une d'elles, celle de Théophane, est précédée d'une préface qui identifie encore une fois le Ἱερεῖα du Chronographe avec Φενὲρ-μπαγτζέ (p. 82). On ne pardonnera pas facilement à Mr Gédéon de rééditer cette vieille erreur, car le texte même qu'il publie fixe, lui aussi, à 12 milles du monastère de Théophane l'église St Procope qui s'élevait dans son Ἱερεῖα (p. 85).

Hiéria dans son index de la *Chronographie*. Ranger sous la même rubrique et sans la moindre remarque les références relatives à deux points si éloignés et si distincts l'un de l'autre, indiquer l'église St Procope à Hiéria sans aucun autre détail,[1]) n'est-ce pas s'exposer à tromper le lecteur et le pousser à confondre deux localités en une seule?

Cette confusion, M. Ed. Grosvenor n'a pas manqué de la commettre. Il ne conduit ses lecteurs jusqu'à Féner-Bagtché que pour leur dire à propos de je ne sais plus quel empereur: „On the promontory he dedicated three churches, — one to the Holy Virgin, one to the Prophet Elijah, and one to the Martyr Procopios.[2]) Ici, l'église du martyr Procope est vraiment de trop.

IV. — Une page avant de citer notre προάστειον, l'Anonyme écrit quelques lignes περὶ τὰ Ἰερείου et Ἡρείου;[3]) de même, une page après avoir mentionné notre προάστειον, Codinus nous parle περὶ τῶν Ἡρίων.[4]) Que signifient ces deux passages? Désignent-ils un quartier, un faubourg, un lieu quelconque, différent de la presqu'île, ou bien la presqu'île elle-même?

Lambecius,[5]) Banduri[6]) et d'autres ont commis la faute de se prononcer dans ce dernier sens. Ils ont vu qu'il s'agissait ici comme là de tombeaux,[7]) et cette remarque, jointe à la similitude des noms, les a tout de suite induits en erreur. Ils auraient dû cependant observer que les inhumés d'Iérion[8]) n'appartiennent pas à la même ville que les morts ensevelis à Hiéria. Ceux-ci proviennent de Chalcédoine, ceux-là de Constantinople. Codinus lui-même le prouve en nous présentant le cimetière St Luc comme le champ des morts qui prit la place d'Iérion. St Luc, nul ne l'ignore, était destiné, dans la pensée de sa fondatrice Irène, à recevoir la dépouille mortelle des pauvres décédés à Constantinople. C'était un cimetière de la capitale.

---

[1]) *op. cit.* t. II, p. 622.
[2]) **Edwin A. Grosvenor**: *Constantinople*, London, 1895, p. 261.
[3]) *op. cit.* col 1276 [c].
[4]) *op. cit.* col. 601 [b].
[5]) Note à **Codinus** *op. cit.* col. 599 [d].
[6]) *Imperium Orientale*, Ed. Ven. t. II, p. 535 [a].
[7]) On connaît déjà les textes qui placent des tombes à Hiéria. Voici les passages où l'homonyme de Hiéria est présenté comme un cimetière: 1° Λέγεται δὲ καὶ Ἡρείου, διὰ τὸ τὰ μνήματα πολλὰ εἶναι, **Anonyme,** *loc. cit.* 2° Περὶ δὲ τῶν Ἡρίων λέγεται ὅτι οἱ ἀποθνήσκοντες τῶν πολιτῶν πρὸ τοῦ κτισθῆναι τὸν ἅγιον Λουκᾶν ἐκεῖσε ἐθάπτοντο, **Codinus,** *loc. cit.*
[8]) Qu'on me permette d'appeler ainsi, avec l'Anonyme, le προάστειον à distinguer de Hiéria.

Iérion, qu'il remplaça, devait donc appartenir également à Constantinople.

En l'identifiant avec Hiéria, Lambecius et Banduri se mettent en contradiction formelle avec les deux ouvrages qu'ils prétendent éclairer. L'Anonyme cite Ἱερεῖον au moment où il décrit la rive septentrionale de la Corne d'Or; Codinus mentionne Ἡρία après avoir fini de parcourir la côte asiatique. En agiraient-ils de la sorte s'ils pensaient réellement au site du moderne Phanaraki? Pourquoi, d'ailleurs, consacreraient-ils, à quelques lignes de distance, deux passages différents à une seule et même localité? Ils ne méritent pas grand crédit, assurément, lorsqu'ils nous racontent l'origine des monuments construits aux deux ou trois premiers siècles de la Nouvelle Rome ou qu'ils nous donnent l'étymologie des noms plus ou moins curieux employés dans la topographie de leur ville; mais il serait excessif de les prendre pour des aveugles et de ne pas écouter leur dires lorsqu'ils énumèrent purement et simplement des édifices ou des quartiers encore existants sous leurs yeux.

Que l'Anonyme veuille indiquer ici un lieu distinct de Hiéria, cela ressort avec la dernière évidence de la manière même dont il explique les noms de l'un et de l'autre. Pour Hiéria, il a invoqué, l'on ne l'a pas oublié, le souvenir de Héra. Ici, au contraire, il écrit: Ὅτι τὰ Ἱερείου πέραν ἱερέως τινὸς ἐσέβετο στήλη τοὔνομα Ἶρος. Le prêtre Iros d'un côté, la déesse Héra de l'autre: nulle identification possible par conséquent.

Il n'est pas très difficile du reste de retrouver, à peu de chose près, l'emplacement ou plutôt le quartier dont Iros fut l'éponyme[1]). Il suffit pour cela de comparer quelques textes relatifs au séjour légendaire de saint André le Protoclite sur les rives de la Corne d'Or. L'Anonyme et Codinus fixent la résidence de l'Apôtre au point qui nous occupe. Dans la notice relative à τὰ Ἱερείου et τὰ Ἡρείου l'Anonyme déclare: Πρῶτον δὲ ὁ ἅγιος Ἀνδρέας ὁ ἀπόστολος ἐκάθισεν ἐκεῖσε καὶ ἐδίδασκεν· εἶθ' οὗτος ἐχειροτόνησε τὸν Στάχυν. Sous la rubrique περὶ τῶν Ἡρίων Codinus reprend: Ἰστέον ὅτι καὶ πρῶτον εἰς τὸ Βυζάντιον ἐλθὼν ὁ ἅγιος Ἀνδρέας ἐκεῖσε ἐκάθισε καὶ ἐδίδασκεν, εἶτα ἐχειροτόνησε τὸν ἅγιον Στάχυν εἰς τὴν ἁγίαν Εἰρήνην τοῦ

---

[1]) En m'exprimant ainsi, je n'entends nullement me porter garant de l'étymologie consignée dans les *Patria*: je parle comme l'Anonyme, sans me prononcer en sa faveur.

Γαλάτου πέραθεν. De son côté, le patriarche Nicéphore écrit: "Ανδρέας ὁ ἀπόστολος ἐν Βυζαντίῳ τὸν λόγον κηρύξας, εὐκτήριον οἶκον πέραν ἐν Ἀργυροπόλει δειμάμενος, χειροτονεῖ ἐπίσκοπον τῆς αὐτῆς πόλεως Στάχυν....[1]) La mise en regard de ces trois passages nous force à placer côte à côte Galata, Ἱερεῖον et Argyropolis. De là à fixer Iérion, il n'y a qu'un pas.

Le site de Galata est connu de tous. Celui d'Argyropolis également: au témoignage de Socrate, qui l'appelle προάστειον Κωνσταντίνου πόλεως, il s'élevait κατάντικρὺ Χρυσοπόλεως, en face du Chrysopolis debout ἐν ἀρχῇ τοῦ Βοσπόρου.[2]) C'est donc vis-à-vis du moderne Scutari, à l'est de Galata, là même où le Bosphore et la Corne d'Or se donnent la main, que le prêtre Iros avait sa statue. Par suite, Iérion ne peut que refuser de s'identifier avec Hiéria.

Sa position, telle que je l'indique ici, cadre fort bien avec la place que l'Anonyme lui réserve dans les *Patria:* il le mentionne au beau milieu de constructions situées sur la rive septentrionale de la Corne d'Or.

Ajouterai-je, comme dernière preuve, qu' Iérion conservait encore son nom dans ces parages à l'aurore du XVe siècle? Un acte patriarcal délivré au mois de septembre 1400 nous montre les moines du Pantocrator concédant au prêtre Mélèce τὸ ἐν τῷ Γαλατᾷ περὶ τὴν χώραν τοῦ Γερίου κάθισμα αὐτῶν, τὸ ἐπάνω τοῦ τείχους καὶ εἰς ὄνομα τιμώμενον τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ καὶ ἐπικεκλημένον τοῦ Χαλκήτου[3]). Cette région τοῦ Γερίου, mise en connexité si étroite avec Galata, n'est autre que le τὰ Ἱερείου ou Ἡρείου des *Patria*. Tel manuscrit de cette œuvre anonyme présente lui-même l'orthographe vicieuse adoptée en 1400 par la chancellerie du patriarcat. *Cod. Reg. 2,* écrit Banduri,[4]) *eadem habet quæ Colbertinus, nisi quod pro* Ἡρείου *habet* Γερίου.

Ainsi Galata se pose en rival de Féner-Bagtché.

Mais alors, me dira-t-on, s'il existe si près de Constantinople deux localités homonymes, comment reconnaître dans les écrits byzantins celle des deux que les auteurs ont en vue? A cela je répondrai que les deux προάστεια ne sont pas homo-

---

[1]) **Nicephori** *Opuscula*, Ed. C. de Boor, p. 112.
[2]) *Hist. Eccl.* VII, 25, **Migne** *P. G.* t. LXVII, col. 796a-b.
[3]) **Miklosich et Müller:** *Acta et diplomata* t. II, p. 429.
[4]) *Imp. Orient.* t. II, p. 535.

nymes pour toutes les formes de leur nom: celles qui servent le plus ordinairement à désigner le faubourg asiatique ne s'appliquent jamais au faubourg européen. Et puis, il y a le contexte et les narrations parallèles. Qui recourt à ce triple criterium arrive presque toujours à pouvoir se prononcer sans crainte d'erreur. Voici pourtant deux ou trois cas où l'hésitation me paraît plus ou moins de mise.

A). — La biographie de saint Euthyme signale, en passant, la disgrâce finale de Photius et le séjour forcé que ce patriarche fit πέραν . . . . . τοῦ ἄστεος ἐν τοῖς καλουμένοις Ἱερίοις.[1]) M. de Boor, le savant éditeur, n'hésite pas à reconnaître dans ce nom propre le faubourg de la côte asiatique.[2]) A-t-il raison? Je le crois, sans en être absolument sûr. Si rien n'autorise à dire que sa manière de voir est certaine, tout porte cependant à la considérer comme très probable et le mieux est encore de l'adopter jusqu'à plus ample information.

B). — Le doute serait un peu plus justifié, peut-être, pour un passage de Théophane. En mai 799, écrit le Chronographe, Irène malade apprend les complots qui se trament, parmi les puissants eunuques, autour de son lit. Furieuse, elle se lève et court s'enfermer ἐν τῷ παλατίῳ τοῦ Ἱερείου.[3]) Quel est ce palais? Pour toute réponse, l'Index de M. de Boor renvoie son lecteur à Hiéria.[4]) A Hiéria, l'on ne refuse certes point de s'y transporter, mais une petite remarque empêchera peut-être certains esprits de le faire avec conviction. Le Chronographe rencontre plusieurs fois[5]) la presqu'île au cours de son ouvrage, jamais il ne l'appelle autrement que Hiéria. La forme Ἱερεῖον ne serait-elle pas réservée, chez lui, au quartier riverain du Chrysokéras?

En posant cette question je n'entends nullement la résoudre. Si l'habitude qu'a Théophane de ne pas varier l'orthographe du προάστειον asiatique me pousse à jeter les yeux sur le προάστειον européen, l'ignorance où l'on est touchant l'existence d'un palais impérial au προάστειον européen m'incite à ne pas détacher le regard du προάστειον asiatique. Je ne me prononce donc ni dans un sens ni dans un autre. Il me suffit d'insinuer

[1]) *Vita Euthymii* Ed. C. de Boor, Berlin, 1888, p. 5.
[2]) *op. cit.* pp. 142 et 209.
[3]) *Chronogr.* I, 474, 16.
[4]) Cf. P. **Adam:** *Princesses byzantines*, Paris, 1893, p. 84.
[5]) *Op. cit.*I, 328, 4; 397, 8; 427, 31; 439, 4; 4 et 444, 17.

que les esprits timides, mis en présence de ce texte, peuvent avoir à la rigueur quelque motif de balancer entre Galata et Phanaraki.

C). — Une phrase de Codinus me paraît également faite pour engendrer quelque perplexité. L'empereur Maurice, y est-il dit, construisit τὸ λωβῶν γηροκομεῖον εἰς τὰ Ἡρίου, τὸ λεγόμενον ζωτικοῦ ἐγχόρηγον.[1]) Hiéria posséda-t-il cet hospice? Du Cange le dit, mais je crains fort que son opinion ne soit erronée.

Avant de l'établir, tâchons de jeter un peu de lumière sur les deux points obscurs que renferme la phrase de l'historien.

a). — En premier lieu, de quels vieillards y s'agit-il? Est-ce de lépreux? est-ce d'estropiés? Parmi les commentateurs, les uns tiennent pour ceux-ci, les autres pour ceux-là; mais, en dépit de leurs divergences, il n'y a pas lieu d'hésiter. Toutes les fois en effet que les auteurs byzantins nous expliquent ce qu'ils entendent par λωβοί, c'est de lépreux et non d'estropiés qu'ils nous parlent. Tel le Synaxaire de saint Zotique: la maladie dont il y est question s'appelle la ἱερὰ νόσος, la νόσος τῆς λελωβημένης λέπρας, et les victimes de cette maladie y sont désignées quatre fois sous le nom de λωβοί.[2]) Un autre exemple non moins frappant nous est fourni par l'histoire de Romain Argyre: tel établissement restauré par ce prince nous apparaît dans Cedrenus comme un λωβοτροφεῖον,[3]) tandis que Zonaras le nomme ἀνδρῶνες, . . . διαιτητήριον . . . τοῖς τὰ σώματα λελωβημένοις ἐκ τῆς νόσου τῆς ἱερᾶς καὶ λελεπρωμένοις.[4]) Il me semble difficile après cela de ne pas prendre le λωβῶν γηροκομεῖον de Maurice pour une léproserie.

b). — Reste à fixer le sens des quatre mots λεγόμενον τοῦ ζωτικοῦ ἐγχόρηγον. Les annotateurs ont déclaré le passage peu clair et l'ont rendu aussi mal que possible. Xylander a écrit: *vivarium sumptuosum,* et Goar: *sumptuum ad vitam necessariorum penum.* Du Cange, en partie mieux avisé, a transformé le texte en λεγόμενον τοῦ Ζωτικοῦ, ἐγχώρηγον; mais il a sombré dans l'explication de l'adjectif final.[5]) Le sens de ce dernier, qu'il rendait par *ex materia ibi sumpta,* n'est plus à chercher depuis la dernière édition du *Thesaurus:*[6]) ἐγχόρηγος signifie

[1]) *Hist. Compend.* Ed. Bonn. I, 698, 24.
[2]) Ménées, 31 décembre. Ed. de Venise, 1880, p. 242.
[3]) *Op. cit.* II, 504.
[4]) *Epit. hist,* XVII, 12. Ed. L. Dindorf. IV, 133, 10.
[5]) *Const. christ.* IV, 13, 2. Ed. Venise, p. 123 b.
[6]) Sub. verbo ἐγχόρηγος et ἐγχώρηγος.

purement et simplement *voûté, construit avec des voûtes*. Les quatre mots de Cedrenus doivent donc s'écrire comme le veut Du Cange, mais ils doivent se traduire différemment. Ils désignent, à n'en pas douter, la léproserie St Zotique.

Voilà, je crois, notre texte quelque peu éclairci. Revenons maintenant d'un pas en arrière et cherchons le site de l'établissement hospitalier qu'il mentionne. A mon avis, cette maison ne se trouvait pas au moderne Phanaraki.

La nature même de la maladie, contagieuse et repoussante, ne donne guère à penser que l'on ait soigné ceux qu'elle atteignait, dans le coin de terre le plus fréquenté par la cour. L'hôpital St Zotique remonte pour le moins au règne de Justin II et c'est lui très probablement que Romain III reconstruisait encore. Est-il croyable que ces deux princes et que les empereurs intermédiaires aient jamais consenti à fixer des lépreux sur le sol de leur petite presqu'île aimée, au seuil même de leur villa favorite?

D'ailleurs, Constantinople n'avait qu'une léproserie St Zotique et cette léproserie, souvent détruite et souvent restaurée, s'est toujours perpétuée aux mêmes parages. L'Anonyme et Codinus, d'accord pour la mentionner parmi les travaux de Justin II,[1]) n'indiquent pas sa situation. Zonaras, qui la signale sans nommer son patron, la fixe au bord de l'eau, en face de Byzance: οἱ ἀντίπορθμοι τῆς Βυζαντίδος ἀνδρῶνες.[2]) Plus complets que ces trois auteurs, les Ménées contiennent une indication précise. En nous disant quel fut le champ d'action de Zotique, ils suppléent au silence de l'Anonyme et de Codinus et remédient au vague de Zonaras. Ils nous montrent le saint ἐν τῷ Ἐλαιῶνι ou, pour parler plus explicitement, πέραν τοῦ Βυζαντίου ἐν τῷ ὄρει, κατὰ τὸν τότε καιρὸν, Ἐλαιὼν λεγομένῳ.[3]) Ce lieu semble correspondre à la partie haute de Galata. Il ne correspond très certainement pas à notre promontoire chalcédonien puisque Ἐλαιών était une hauteur, un ὄρος, et que notre cap ne l'est pas. C'est donc plutôt près de la Corne d'Or qu'il faut placer la maison restaurée par Maurice.

Une autre raison de l'y placer nous est fournie par Cedrenus. L'hospice, nous dit ce dernier, était auparavant cou-

[1]) **Anonyme.** *Op. cit.* col. 1233 c. — **Codinus,.** *Op. cit.* col. 568 a et 597 b.
[2]) *Op. et loc. cit.*
[3]) *31 décembre, loc. cit.*

vert en bois et les Slaves l'avaient brûlé; pour le mettre à l'abri de l'incendie, le restaurateur fit une construction voûtée, une construction en pierres: Ἔκτισε . . . , ἐγχόρηγον, διὰ τὸ ὑπὸ τῶν Σθλαβίνων καῆναι ξυλόστεγον ὄν. A quelle invasion faut-il attribuer ce désastre? L'intervalle n'est pas assez grand entre Justin II, qui bâtit St Zotique, et Maurice, qui le rebâtit, pour que l'on puisse égarer ses recherches. Le seul règne intermédiaire est celui de Tibère, et c'est précisément durant ce règne qu'une tradition recueillie par l'Anonyme [1]) et répétée par Codinus [2]) fait élever du côté de Galata une construction nécessitée par les incursions des Barbares. Les Barbares, nous dit l'Anonyme, étaient venus ἐμπρῆσαι, καὶ κατακαῦσαι, καὶ κατασφάξαι ἅπαντα τὰ Θρακῷα μέρη μέχρι πορτῶν. Ici l'histoire ne s'inscrit pas en faux contre la tradition: elle signale de fréquentes irruptions de Slaves sous Justin II et sous Maurice lui-même. Victorieux, les envahisseurs du Nord purent fort bien une fois ou l'autre promener le fer et le feu dans les Θρακῷα μέρη μέχρι πορτῶν. Auraient-ils pu ravager aussi facilement la presqu'île de Hiéria, située de l'autre côté de la mer, par delà les galères grecques?

Ces diverses considérations me déterminent à dire que le passage de Cedrenus doit s'appliquer, avec son τὰ Ἡρίου, au προάστειον voisin de Galata et non pas à celui de Chalcédoine.

V. — Je ne m'attarderai pas longtemps sur Hiéra. Cette île fit parler d'elle au jour où des phénomènes sismiques la grandirent tout à coup. Nicéphore et Théophane, qui la nomment Ἱερὰ [3]), la placent dans l'Archipel. Si le texte du chronographe est peu clair, celui du patriarche ne laisse rien à désirer: περὶ τὰς νήσους τῆς τε Θήρας καὶ Θηρασίας καλουμένας συμβέβηκεν, αἳ πρὸς τῷ κρητικῷ πελάγει κεῖται [4]). Comment après cela Goar peut-il écrire: *Principus, Prœconesus, Panormus, Prote, Daphnusia,* Hiéra, *Platea, Oxea, et aliæ, Propontidis et Cyziceni sinus ad CP. insulæ* [5])?

Quoi qu'il en soit de cette phrase, notre προάστειον n'a rien de commun avec l'île Hiéra. Matthieu Raderus l'avait-il en

[1]) *Op. cit.* col. 1276 c.
[2]) *Op. cit.* col. 596 c.
[3]) **Nicephori** *Opuscula historica.* Ed. de Boor, 57, 13. — **Theoph.** *Chronogr.* Ed. de Boor, 404, 27.
[4]) *Op. cit.* 57, 5.
[5]) *Note à la Chronographie,* **Migne** P. G. t. CVIII, col. 834 A.

vue lorsqu'il rendait par *insulam Hieriam* le τὴν λεγομένην Ἱέρειαν de Nicétas David? [1]) Peut-être. Peut-être aussi le bon traducteur ne pensait il à rien du tout, en dehors de son texte. De ces deux hypothèses, la dernière me paraît la plus vraisemblable. J'ai cru bon toutefois de signaler Ἱερὰ νῆσος comme la cause possible, sinon probable, de son erreur.

En tout cas, Raderus a déteint sur Le Quien. Lorsqu'on lit dans l'*Oriens Christianus* que le patriarche Ignace fut exilé *in Hieriam insulam* [2]) et que le patriarche Nicolas fut déporté *in Hieriam insulam*, [3]) l'on ne peut s'empêcher de dire que cette persistance à présenter Hiéria comme une île ne s'expliquerait pas, si l'on ne supposait que l'auteur s'en est purement et simplement rapporté, pour la *Vita S. Ignatii,* au texte latin de Raderus [4]).

VI. — Procope, on l'a déjà vu, nous a laissé une description assez détaillée des travaux accomplis à la presqu'île par Justinien. L'auteur de la *Constantinopolis christiana* s'en est inspiré pour dire: „Justinianus ... innumeris ac grandioribus arcis quas κιβώτους appellant, saxorum plenis, aliis supra alias continenter aggestis, geminas moles maritimas inter se oppositas excitavit ..... A quibus arcis seu cibotis, portus ipse et adjunctum castrum, et κιβώτου appellatione demum innotuit ..." [5]). Cette dernière phrase, si je la comprends bien, identifie Hiéria avec le Κίβωτος d'Anne Comnène [6]) et le Civitot des historiens occidentaux des Croisades. [7]) Du Cange ne parlait pas ainsi dans ses *Observations à l'histoire de Geoffroy de Ville-Hardouin* [8]). „Le nom, disait-il, le nom de *Civizus* ou *Civizena civitas* que Guibert .... donne à la ville de Civitot, me fait croire que c'est le lieu qui est appelé *Geivise* dans les Annales des Turcs." Je me garderai bien de dire que cette dernière opinion a quelque vraisemblance pour elle; mais ce que j'affirmerai sans crainte, c'est que Civitot ne s'élevait pas sur l'emplacement de Hiéria.

---

[1]) *Vita S. Ignatii,* **Migne,** *P. G.* t. CV, col. 513 b.
[2]) t. I, col. 246 a.
[3]) t. I. col. 251 a.
[4]) Raderus donna l'édition princeps de la *Vita S. Ignatii* dans ses *Acta concilii octavi*, Ingolstadt, 1604, pp. 78—193.
[5]) *Op. cit.* VI, 13, 2. Ed. Ven. p. 123 b-c.
[6]) *Alexias.* Ed. Bonn. II, 69, 2; 279, 5; 279, 8; 309, 19.
[7]) *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens occidentaux.* Cf. les tables des vol. I, III, IV et V.
[8]) Dans le *Corpus historiæ byzantinæ*. Ed. de Venise, p. 175.

De ceci les preuves abondent. 1° Il faut deux heures au maximum pour se rendre à force de rames de la Corne d'Or à Féner-Bagtché. Le 11 avril 1207, Henri, l'empereur latin, en mit près de vingt-quatre pour atteindre Chivetot, et cependant, remarque son historien [1], il pressa la traversée tant qu'il put, afin de secourir au plus vite la place étoitement assiégée par Lascaris. — 2° Hiéria n'est pas situé sur le golfe de Nicomédie: si l'on veut toutefois le considérer quand même comme une localité baignée par les eaux de ce golfe, il faut tout au moins reconnaître qu'il n'en occupe pas la rive méridionale. Or cette rive méridionale est celle-là même qui portait Κίβωτος. Villehardouin ne permet pas d'en douter: „Chivetot, qui siet sor le goffre de Nichomie *d'autre part, devers Nike* [2]". — Ces deux preuves suffisent: Κίβωτος ne fut jamais le nom de Phanaraki. Du Cange a eu tort de le dire et tel collaborateur du Λεξικὸν ἱστορίας καὶ γεωγραφίας a eu tort de le répéter [3].

VII. — Féner-Bagtché, je le disais tout à l'heure, semble avoir reçu Photius au lendemain de sa dernière chute. Quelques années plus tôt, saint Ignace avait entrevu le même faubourg dans les circonstances les plus douloureuses. Son biographe [4] et Siméon Magister [5] nous montrent l'illustre patriarche entre les mains de bourreaux qui le traînent tout enchaîné de l'île Terebinthos εἰς τὴν Ἱέρειαν et qui l'enferment, là, dans une étable à chèvres [6]. Leurs textes sont précis et clairs. Mr Schlumberger n'en conduit pas moins Ignace „à l'extrémité septentrionale du Bosphore, sur la côte d'Asie, à ce célèbre promontoire d'Hiéréion si fameux dans les fastes du détroit, au pied duquel était établie la douane impériale pour les régions du Pont et de la mer Noire" [7]. La méprise est considérable. L'auteur connait fort bien l'ancien nom de Phanaraki, il n'est pas homme à le confondre avec l'ancien nom d'Anadolou-Kavak; mais il écrit vite

---

[1]) **Villehardouin:** *De la Conqueste de Constantinople*, ibid. № 243, p. 78.
[2]) *Op. cit.* № 240, p. 76.
[3]) Sub Verbo Χαλκηδών, IX, 520.
[4]) *Vita S. Ignatii*, **Migne,** *P. G.* t. CV, col. 513 b.
[5]) *Annal.: Michael et Theodora*, 28. Ed. Bonn. 668, 8.
[6]) Dans le texte de Siméon magister, le Corpus de Bonn a imprimé εἰς μάνδραν Αἰγῶν et traduit *in Caprarum mandra*, le tout avec une majuscule, comme s'il s'agissait d'un nom propre. L'absence de l'article en grec rend imposible une pareille supposition. Le palais, debout sur la presqu'île proprement dite, n'empêchait pas qu'une bergerie ne pût exister à un point quelconque des environs.
[7]) *Les Iles des Princes*, Paris, 1884, p. 274.

et que ne tombe-t-il des plumes savantes lorsqu'elles marchent rapides et distraites!

Avant Photius, avant Ignace, en 766, un autre patriarche déchu, Constantin II, était passé de Constantinople à Hiéria et de là dans l'île Prinkipo. Copronyme, nous dit Théophane, le relégua ἐν τῇ Ἱερείᾳ καὶ πάλιν ἐν τῇ Πριγκίπῳ [1]). Sous la plume de Le Quien cette phrase est devenue: *In Hierum, deindeque in Principum insulam deportatus* [2]). Evidemment, l'illustre dominicain n'avait jamais jeté les yeux sur la remarque ajoutée par son confrère Goar à ce passage de la Chronographie. *Distingue,* écrit l'annotateur, *distingue* . . . . Ἱέρειαν ἀπὸ τοῦ Ἱεροῦ. *Hoc ad Propontidis fauces et mare superius, Hieria ad urbem sita* [3]). Il est regretable que Le Quien n'ait pas su mettre à profit cette observation de son devancier.

Je n'ai pas à démontrer ici l'existence d'un Ἱερὸν à l'entrée septentrionale du Bosphore, ni à m'appesantir sur la nécessité de ne pas le confondre avec Hiéria. Son nom, moins polymorphe que celui de la presqu'île, reste à peu près toujours le même durant la période byzantine: il jouit d'une orthographe trop arrêtée, il revient trop fréquemment dans les écrits historiques pour se prêter à une confusion quelconque avec le promontoire chalcédonien. En dehors des deux auteurs cités ci-dessus dont l'erreur n'est qu'une distraction, personne, à ma connaissance, n'a pris formellement les deux caps l'un pour l'autre.

Peut-être conviendrait-il de relever ici un passage où Curtis semble placer Hiéria sur le Bosphore [4]). Comme ce texte est vague et très peu clair, au moins dans la traduction grecque que j'ai sous les yeux, je m'abstiendrai de m'y arrêter et j'examinerai sans retard deux passages dont l'application à Phanaraki reste encore douteuse. Si je ne les ai pas signalés, comme je l'ai fait pour trois autres, à propos du προάστειον voisin de Galata, c'est que ce προάστειον n'y est plus en cause.

VIII. — Un acte patriarcal du mois de mai 1140 parle de certains moines τῇ κατὰ τὸ ἱερὸν τοῦ κυρίου Νικολάου λεγο-

---

[1]) *Chronograph.* I, 439, 4.

[2]) *Oriens christ.* I, 238 c. Dans l'*Historia miscella,* lib. XXII, **Migne,** *P. G.* t. XCV, col. 1104 a), Ἱέρεια est devenu *Iberia.* Il est vrai que la leçon correcte se trouve en note. L'*Historia tripartita,* **Migne** *P. G.* t. CVIII, col. 1384 e), transcrit *Hiéria,* sans erreur.

[3]) **Migne** *P. G.* t. CVIII, col. 886 d.

[4]) *Op. cit.* p. 17.

μένῃ ἐνασχολουμένων μονῇ[1]) Cet mots ont frappé M. Gedéon qui n'hésite pas à dire en les relevant: Βεβαίως διὰ τῆς λέξεως ἱερὸν ἐννοεῖται τὸ Ἡραῖον, τὸ Φενὲρ-μπαγτζὲ τῆς σήμερον.[2]) Son opinion, si je ne me trompe, est basée sur ce fait que Nicolas Ier le Mystique possédait un monastère auprès de Hiéria.

Nicolas, rien n'est plus vrai, nous apparaît partout comme le possesseur et le fondateur de Galacrènes, et Galacrènes, rien n'est plus vrai non plus, avoisinait Hiéria d'assez près.

Pas un chroniqueur quelque peu détaillé ne parle du prélat, de sa déposition et de sa mort, sans nous présenter comme son propre couvent le couvent qui lui fournit une retraite et un tombeau. Dans la Vie de Saint Euthyme nous lisons: . . . τῇ αὐτοῦ μονῇ τῇ ἐν ταῖς Γαλακρήναις;[3]) dans les Annales de Syméon Magister: . . . ἐν τῇ μονῇ αὐτοῦ τῶν Γαλακρηνῶν;[4]) dans l'Histoire du règne de Romain Lacapène: . . . ἐν τῇ ὑπ' αὐτοῦ κτισθείσῃ μονῇ τῶν Γαλακρηνῶν[5]). Sur ce point donc, pas de doute.

La question de voisinage entre le monastère et la presqu'île n'est pas moins certaine. Cette proximité, d'ailleurs mal définie, ressort de l'itinéraire suivi par Nicolas déchu, le jour où les satellites de Léon VI le conduisirent dans son couvent. Trois auteurs nous déclarent l'un après l'autre que, pour la circonstance, Hiéria servit de débarcadère et de port à Galacrènes. Le premier nous dit: . . . πλοίῳ μικρῷ ἐμβιβάσαντες ἐν τῇ Ἱερείᾳ διεπέρασαν, ἀφ' ἧς μέχρι Γαλακρηνῶν μόλις ἀπῄει χιόνος ἐπικειμένης πολλῆς.[6]) Le deuxième nous redit: . . . . εἰς μικρὸν πλοιάριον ἐμβιβάσαντες εἰς τὴν Ἱέρειαν περῶσιν, ἀφ' ἧς πεζῇ μέχρι Γαλακρηνῶν μόλις ἀπῄει, χιόνος ἐπικειμένης πολλῆς.[7]) Le troisième nous répète: ἐν πλοίῳ μικρῷ τοῦτον ἐμβιβάσαντες διεπέρασαν ἐν τῇ Ἡρίᾳ, ἀφ' ἧς μέχρι Γαλακρηνῶν μόλις ἀπῄει, χιόνος ἐπικειμένης πολλῆς[8]) Cette phrase, si elle ne fixe pas la distance entre Hiéria et Galacrènes, ne prouve pas du moins qu'ils fussent aux antipodes l'un de l'autre.

---

1) Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ. Σύνταγμα τῶν κανόνων, V, 77.
2) M. I. Γεδεών. Βυζαντινὸν Ἑορτολόγιον p. 105.
3) *Vita Euthymii*. Ed. C. de Boor, XIII, 15 p. 47.
4) *Annales:* Const. Porphyrog. et Rom Lacap. 32, p. 739, 15.
5) **Theoph. Cont.** VI *Romanus Lacapenus* 19, p. 410, 10.
6) **Theoph. Cont.** VI *Leo Basilii filius* 24, p. 371, 4.
7) **Symeo Magister:** *Annales – Leo Basilii filius* 13, p. 709, 14.
8) **Georgius Monachus:** *Vitæ recent. Impp.* — Imperium Leonis 36, p. 865, 19.

Suit-il de là, comme le veut M. Gédéon, que le couvent mentionné dans l'acte de 1140 représente celui de Galacrènes? que l'expression: ἡ κατὰ τὸ ἱερὸν τοῦ κυρίου Νικολάου λεγομένη μονή revienne aux quatre mots: ἡ τῶν Γαλακρηνῶν μονή? Sans le nier, je ne l'affirmerai pas avec une conviction profonde. Ἱερὸν se rencontre assez fréquemment comme terme géographique, et les Nicolas ne sont pas rares qui peuvent avoir construit des cellules. De plus, en aucun des nombreux textes relatifs à Féner-Bagtché, le nom, pourtant si variable de la presqu'île, ne revêt la forme Ἱερόν: le document patriarcal du XIIe siècle nous en fournirait le premier exemple. Ces deux considérations me conseillent de rester en suspens: l'identification proposée me sourit, je ne la condamne point; elle ne me paraît pas certaine, je le dis.

IX. — Je ne trancherai pas davantage la question que soulève une des signatures du concile tenu à Constantinople en 536. C'est bien d'un monastère τοῦ Ἱερίου *in Diœcesi Chalcedonensi,* comme l'écrit Du Cange [1]), qu'il y est question; mais rien ne prouve malheureusement l'identité de ce Hiérion avec notre presqu'île. Aucun écrivain byzantin ne signale de moines à Hiéria. Si jamais la vie religieuse s'y introduisit, il faut dire qu'elle n'y prospéra point et que son établissement n'y fut que de courte durée. Cet établissement, même passager, même borné au VIe siècle, n'a pas beaucoup de vraisemblances pour lui. L'année 536 appartient en effet à cette partie du règne de Justinien qui vit les premiers grands travaux d'embellissement s'accomplir à Héræon. Or, Procope, leur chantre officiel, encore qu'il indique assez minutieusement le détail des édifices debout sur la presqu'île, Procope ne fait nulle part la moindre allusion à l'existence d'un monastère. Ce silence n'est-il pas de mauvais augure? On hésite, en le constatant, à suivre Du Cange avec confiance et à placer comme lui à Hiéria le couvent τοῦ Ἱερίου *in Diœcesi Chalcedonensi.*

V. Histoire de Hiéria.

Mise en possession de son emplacement exact et de ses noms multiples, notre presqu'île restait la victime de confusions regrettables qui lui attribuaient parfois le bien d'autrui

---

[1]) *C/polis christiana,* IV, 13. 2. Ed. de Venise, p. 123 a.

et qui parfois aussi la dépouillaient de son bien propre. Elle n'a plus à craindre ces inconvénients désormais, ou, du moins, elle n'a plus à les craindre dans une aussi large mesure. Profitons-en pour résumer en quelques pages les événements de l'histoire byzantine dont elle fut le théâtre.

Les jours de gloire commencent pour elle avec Justinien. Jusqu'à cet empereur, ses destinées sont à peu près inconnues. Habitée par la déesse qui lui donnait son nom, peuplée peut-être par des tombes, elle n'était pas un séjour recherché des vivants. Arrien mentionne, il est vrai, une Ἡραία parmi les bourgs de Bithynie,[1]) mais est-ce bien d'elle qu'il entend parler? Je ne le crois pas, car les bourgs n'avaient pas coutume au temps jadis de s'élever à cinq minutes des grandes cités. Avant Arrien, Xénophon connaissait τὸ Ἡρακλεῖον τὸ τῶν Καλχηδονίων : il le cite dans ses *Helléniques*,[2]) à propos de Pharnabaze; malheureusement son texte ne renferme aucune indication topographique assez explicite pour nous être de quelque utilité.

La presqu'île, à raison de sa petitesse, ne pouvait songer à devenir elle-même l'assiette d'un centre important; elle devait s'attendre à subir, dans le cours des siècles, le contre-coup direct des prospérités ou des infortunes réservées à ses puissantes voisines. Et de fait, il en fut ainsi.

Son rôle fut nul, tant que Byzance et Chalcédoine, conservant leur caractère de villes commerçantes et de cités antiques, vécurent uniquement de la vie du port et de l'agora. Ce caractère se modifia peu à peu. Peu à peu le monde byzantin finit par s'élever sur les ruines du monde grec et, avec lui, l'usage entra dans les mœurs de joindre aux plaisirs que l'on trouve au dedans des murs ceux que la campagne procure. Dès ce jour, la presqu'île était promise au plus brillant avenir.

Justinien, sur les conseils de Théodora, l'embellit comme il savait le faire. Avec un château magnifique, il y construisit une église, des galeries, des places, des bains publics.[3]) L'église reçut pour patronne la Théotokos: Procope se déclare impuissant à décrire sa splendeur.[4]) Le reste des édifices ne le cédait en rien aux palais impériaux de la capitale.[5]) Un pli du rivage

[1]) **Etienne de Byzance,** sub verbo Μεγαρικόν.
[2]) Ed. Otto Keller, Lipsiæ, 1891, I, 3, 7.
[3]) **Procope:** *De Ædificiis,* I, 11. Ed. Bonn. 207.
[4]) *Op. cit.* I, 3, p. 185.
[5]) *Op. cit.* I, 11, p. 208, 1.

devint à grands frais [1]) le débarcadère de l'auguste villa. Deux môles puissants jetés dans la mer au devant des flots y formaient un port merveilleusement abrité contre les vents du large. [2]) Là, quelle que fût la saison, des eaux tranquilles attendaient toujours les trirèmes.

Théodora ne laissa pas inoccupées les vastes constructions élevées par son mari. Elle s'y transporta presque chaque année au premiers jours de la belle saison et la presqu'île reçut avec elle, nécessairement, l'empereur et toute la cour. Héræon remplaça de la sorte Constantinople à la tête de l'empire et du monde. Pendant plusieurs mois, toutes les affaires se traitaient à l'ombre de ses jardins.

La marche des services publics en fut entravée quelquefois. Plus souvent encore, le personnel de la cour en eut à souffrir. Il faut lire à ce propos les récriminations de Procope contre Justinien et Théodora, ces deux êtres sans entrailles, aux yeux de qui les souffrances de l'humanité tout entière ne comptaient pas, du moment qu'ils y trouvaient le moyen de jouir. Eh! oui, la passion de Théodora pour les villégiatures allait jusqu'à „priver les siens du nécessaire", jusqu'à les exposer sans cesse „aux périls de la mer". Que n'avaient-ils pas à redouter, les malheureux, durant leurs traversées perpétuelles de la capitale au προάστειον! Ils étaient le jouet des tempêtes subites, des coups de vent inattendus. Chose plus grave! des cétacés féroces les guettaient au passage pour renverser leur barque et les déchiqueter. Ainsi parle Procope. [3]) Cet homme sait pousser au noir.

Les poètes, ses contemporains, se turent sur les inconvénients du séjour à Héræon, mais on peut bien conjecturer qu'ils rivalisèrent de zèle à chanter ses splendeurs et ses avantages. Leurs dithyrambes plus ou moins officiels n'ont pas survécu: seul, un distique inséré dans l'Anthologie, [4]) a traversé les siè-

---

[1]) Bien que pour ses constructions Justinien soit entré plusieurs fois en lutte avec la mer, ses travaux de Héræon ne doivent pas être les derniers visés dans cette phrase de l'*Histoire secrète;* Πολλὰ δὲ (χρήματα) ῥίπτειν καὶ ἐς θαλαττίους οἰκοδομίας τινὰς ἠξίου, βιαζόμενος τὸ τῶν κυμάτων ἐσαεὶ ῥόθιον, ἐκ γὲ τῆς ἠϊόνος ταῖς τῶν λίθων ἐπιβολαῖς, ἐπίπροσθεν ᾔει φιλονείκως ταῖς ἐκ τοῦ πόντου ἐπιῤῥοαῖς, καὶ καθάπερ ἐξουσίᾳ πλούτου πρὸς τὴν τῆς θαλάττης ἀντιφιλοτιμούμενος δύναμιν (*Hist. arc.* VIII.)

[2]) *De Ædificiis* I, 11, p. 207, 20.

[3]) *Hist. arcana* XV. Ed. Bonn. p. 95.

[4]) *Lib. IV, cap.* IV.

cles[1]). Il était gravé sur le marbre, à la porte même du palais, et l'on y félicitait Justinien d'avoir ajouté de nouveaux charmes aux charmes anciens de la terre et des eaux. Le voici d'ailleurs avec son titre:

Εἰς τὴν εἴσοδον τῆς Ἱερείας
Τοῦτον Ἰουστινιανὸς ἀγακλέα δείματο χῶρον
Ὕδατι καὶ γαίῃ κάλλος ἐπικρεμάσας.

Au temps où l'on s'amusait à rendre les vers grecs par des vers latins, un traducteur préféra chasser Justinien de ce distique et le remplacer par son neveu plutôt que de ne pas sacrifier à l'usage. Il écrivit:

Has rex præclaras *Justinus* condidit ædes
Ornatumque undis addidit atque solo.

Ne l'en blâmons pas avec trop de sévérité, car Justin II mit la main, lui aussi, aux constructions de la presqu'île. Ὁ δὲ ἀνεψιὸς αὐτοῦ Ἰουστῖνος καὶ Σοφία ἐκαλλώπισαν αὐτά, dit l'Anonyme [2]); et Codinus reproduit son information, sauf qu'il laisse de côté le nom de Sophie [3]). Ces deux auteurs, il est vrai, ne sont pas des témoins oculaires.

Le 27 novembre 602, Héræon épouvanté assistait à la tragédie sanglante où Maurice périt avec ses fils Tibère, Pierre, Paul, Justin et Justinien. Héræon ne but pas leur sang, mais il le vit couler à grands flots dans le port d'Eutrope.[4]) Il vit le glaive s'abattre sur la tête des cinq jeunes princes et, à chaque tête qui tombait, il entendit le malheureux basileus s'écrier avec force: *Vous êtes juste, Seigneur, et vos jugements sont droits.* Maurice redisait encore ces paroles quand il reçut lui-même

---

[1]) P. Gilles *(loc. cit.)*, copié par le patriarche Konstantios *(op. cit.* p. 206), fait honneur à l'ancien Phanaraki d'un second distique:

Κοίρανοι, ὑμετέρην ἀρετὴν, κάρτος τε καὶ ἔργα
Αὐδήσει χρόνος αἰὲν, ἕως πόλος ἀστέρας ἕλκῃ.

De son côté, Alemannus *(Notes à l'Hist. Secrète,* XV), suivi en partie par Konstantios (*op. cit.* p. 208), complètement par Byzantios (*op. cit.* II, 277 et 278) et par d'autres, applique à notre presqu'île deux épigrammes de Paul le Silentiaire et une troisième d'Agathias le Scholastique. De ces diverses pièces, la dernière n'a rien à faire avec Hiéria, puisqu'il y s'agit de Δάφνη, localité toute différente. Quant aux deux autres, étant donné la facile exagération des poètes et le grand nombre de προάστεια maritimes, leur application à Hiéria ne sort pas du domaine des hypothèses.

[2]) *Op. cit.* **Migne,** *P. G.* t. CXXII, col. 1280 [b].

[3]) *Op. cit.* **Migne,** *P. G.* t. CLVII, col. 600 [a].

[4]) **Theophyl. Simocattas,** *Hist.* l. I, c. 11.

le coup mortel. De sa postérité mâle, un représentant restait. C'était son fils aîné, Théodose, alors en fuite. Phocas ne tarda malheureusement pas à le saisir: il le fit mettre à mort comme son père et ses frères. La veuve de Théodose fut enfermée dans un couvent avec sa belle-mère, Constantina, et ses belles-sœurs, Anastasie, Théoctiste et Cléopâtre. Quelques années plus tard, à la suite d'une tentative malheureuse, les cinq princesses arrivaient à leur tour dans le port d'Eutrope et cinq têtes de plus roulaient sur cette grève ensanglantée.[1])

Les victimes de Phocas trouvèrent un vengeur dans Héraclius. Héræon y trouva un de ses hôtes les plus fidèles.

C'est un lundi, le 6 octobre 610, que le patriarche Sergius posa sur le font d'Héraclius et sur le front de son Eudocie la double couronne des Augustes et des mariés.[2]) Le premier été de leur règne s'écoula presque tout entier à Hiéria: Epiphanie, leur fille aînée, y naquit le 7 juillet 611.[3]) L'été suivant les vit au προάστειον sophien: Fl. Héraclius, surnommé le nouveau Constantin, y vint au monde le 3 mai 612.[4])

A cette date, les armées persanes préparaient l'invasion. Elles traversèrent l'Asie byzantine, atteignirent le Bosphore et campèrent durant de longues années sous les murs de Chalcédoine. Vainqueurs, point du tout inquiétés, les officiers de Chosroès durent mal résister à la tentation d'établir leur quartier général dans les riantes villas du voisinage, et la famille impériale en fut réduite à ne plus voir que du haut des murs ces coins de terre fortunés, ces délicieux châteaux de la rive asiatique, où tant de charmes s'unissaient à tant de fraîcheur.

Je n'ai pas à dire ici les résolutions viriles que l'insolence des Perses finit par inspirer à l'empereur, ni comment une flotte grecque sortit des ports de Constantinople en 622 pour déplacer le théâtre des hostilités. Au jour de son départ, la presqu'île répondait encore, semble-t-il, au vieux nom qu'elle tenait de siècles païens. Héraclius, si l'on en croit Drapeyron, profita de la circonstance pour le changer. Drapeyron écrit: „Lorsqu'on eut laissé à gauche Chalcédoine, on passa devant le promontoire d'Héra, où s'élevait autrefois un temple consacré à cette

[1]) *Chronicon pascale*, p. 696.
[2]) **Theoph.** *Chronograph.* Ed. Boor I 299, 10.
[3]) *Chronicon pascale*, p. 702, 11.
[4]) *Ibidem.*

grande divinité de l'Olympe grec. Dominé par un enthousiasme religieux, qui jamais n'avait été aussi ardent et aussi expansif, l'Empereur supprima ce nom, dernier vestige du paganisme, et lui substitua une appellation chrétienne, sans doute celle de la Vierge Marie". [1]) Cette manière d'entendre les vers de Pisidès [2]) est-elle irréprochable d'un bout à l'autre? Je ne l'affirmerai point: un fait bien avéré, pourtant, c'est que l'ancienne dénomination se trouvait officiellement abolie quand le diacre poète composa les trois *acroaseis* de son Εἰς τὴν κατὰ Περσῶν ἐκστρατείαν. Ainsi baptisée, la presqu'île était digne de l'honneur qu'Héraclius victorieux devait lui faire à son deuxième retour, une fois la paix conclue avec Siroès.

C'est en effet dans le château de Justinien, laissé debout par les Perses, que leur vainqueur vint préparer les fêtes de son triomphe. Théophane le Chronographe nous a dépeint les transports d'allégresse qui l'accueillirent au moment de son arrivée sur la côte asiatique. Le peuple tout entier se porta au devant de lui, avec des flambeaux et des rameaux d'olivier à la main, des larmes de joie dans les yeux, des cris de victoire sur les lèvres. Le nouveau Constantin conduisait cette manifestation, de concert avec Sergius. Il se jeta aux genoux de son père, mais celui-ci le releva pour l'embrasser et les deux Augustes se tinrent longtemps serrés l'un contre l'autre en pleurant, tandis que la foule chantait des hymnes d'action de grâces. [3]) Jamais, aux siècles passés, la presqu'île n'avait rien vu de pareil.

Le soir de ce grand jour la foule repassa le Bosphore, mais Héraclius s'arrêta sur la côte d'Asie. Il avait reconquis la Vraie Croix, il ne voulait pas entrer à Constantinople sans elle. L'insigne relique arriva d'Orient à la fin de l'été: elle sanctifia par sa présence le vieux promontoire qui la posséda, semble-t-il, durant les quelques jours consacrés aux derniers préparatifs. Le 14 septembre 628, elle pénétrait dans la capitale par la Porte Dorée, aux côtés de l'empereur, au milieu des pompes triomphales.

La Vraie Croix fut rendue à Jérusalem en 629, mais elle était destinée à revoir Hiéria et Constantinople en des cir-

---

[1]) **L. Drapeyron:** *L'Empereur Héraclius et l'empire byzantin au VII siècle*, Paris, 1869, p. 151.

[2]) *De Expeditione persica*, acroas. I, vers. 157 seq.

[3]) *Chronograph.* Ed. de Boor, I, 328. Cf. **Georg. Hamartol.**, *Chronicon*, IV, *Regn. Heraclii*, 24.

constances douloureuses. L'Islamisme venait de paraitre. A sa voix, les Arabes fondirent, cimeterre au poing, sur l'Empire, et les provinces du Sud devinrent leur proie. Après Aïznadin Héraclius désespéra. Il s'élança vers la Ville Sainte, arracha le Bois Rédempteur à la basilique de la Résurrection, remonta vers Antioche, et de là, précipitamment, courut dans la direction du Bosphore.[1] Lorsqu'il y arriva, il était fou.

Hiéria, sa villa favorite, celle qu'il avait habitée en 611, après son joyeux avènement, et en 628, après ses glorieuses campagnes, Hiéria eut le triste honneur d'abriter la poignante agonie de cette pauvre intelligence qui s'éteignait. Le vaincu de Syrie ne voulait pas entrer à Constantinople. Un astrologue du nom d'Etienne lui avait dit: „Empereur, méfie-toi de l'eau; c'est l'eau qui sera cause de ta mort"; [2] et lui, singulièrement affecté déjà par l'âge et les défaites, s'était tout à coup senti pénétré de terreurs folles et d'invincibles répulsions vis-à-vis de cet élément. Rien n'aurait pu le décider à franchir le mince détroit qui le séparait de sa capitale. Persuadé, nous dit Suidas,[3] de sa fin prochaine, il attendait la mort τοῖς εἰς τὰ Ἡρία παλατίοις. Les jours de fête, pour répondre aux pressantes sollicitations du peuple et des grands, il envoyait ses fils assister aux cérémonies de Ste Sophie ou présider les jeux du Cirque, mais, pour lui, il restait confiné dans sa villa, obstinément.[4]

Plût à Dieu qu'il n'eût pas écouté durant cette crise les conseils toujours mauvais de la crainte et de la douleur! Athalaric, son fils naturel, et Théodose, son neveu, furent accusés de comploter sa perte: sans jugement, sans examen, il leur fit couper le nez, puis les mains, puis il les envoya dans l'exil. Le premier fut interné dans l'archipel des Princes; le second, relégué dans l'île Gozzo, près de Malte, n'y arriva que pour laisser encore un de ses pieds sous la main du bourreau. Ainsi l'avait ordonné le solitaire de Hiéria.[5]

Pour tromper ses terreurs, pour l'arracher à sa retraite, il fallut user de stratagème. Un pont de bateaux, jeté sur le moyen Bosphore, entre une double haie de branches touffues, prit l'aspect d'une route ombreuse, d'une allée tirée au cordeau

---

[1]) *Chronograph.* I, 337, 3.
[2]) **Theoph. Cont.** V. *Basilius Macedo*, 92, p. 338, 10.
[3]) Sub verbo Ἡρακλεῖος.
[4]) **Niceph. Constantinopolitani:** *Hist.* Ed. de Boor, p. 25.
[5]) *Ibidem.*

parmi d'épaisses forêts. Héraclius ne refusa pas de s'y engager. Parti à cheval de sa presqu'île asiatique, il se trouvait quelques heures plus tard sur terre d'Europe et le soir même il entrait à Constantinople en contournant la Corne d'Or, sans avoir quitté sa monture.[1])

Quelques années s'écoulèrent encore dans la tristesse et la honte, puis une maladie grave se déclara et l'empereur mourut, en mars 641, emporté par l'hydropisie. C'est bien l'eau qui l'avait tué. A quoi donc lui avait servi de faire combler toutes les citermes des palais impériaux, à Constantinople et à Hiéria?[2])

Héraclius disparu, l'histoire tait le nom de la presqu'île pendant trois quarts de siècle. Théophane la mentionne en 717, mais à propos d'un fait qui n'intéresse en rien son histoire.[3]) Un événement de 754 s'y rapporte, au contraire, très directement. A cette date, Constantin Copronyme rassemble dans sa villa chalcédonienne les trop nombreux prélats qui règlent leur doctrine et leur conscience au gré du caprice impérial. Ils se trouvent, dit-on, jusqu'à 338 dans ce palais de Hiéria, prêts à confirmer la théologie du maître, prêts à signer, avec Théodose d'Ephèse et Pastillas de Pergé, toutes les décisions prises par la cour.[4]) Un patriarche iconoclaste, homonyme de l'empereur, monte sur le siège de Constantinople au lendemain du conciliabule. Copronyme, son créateur, le supporte pendant une douzaine d'années. A la fin, il se lasse de lui, et des clercs parjures se font, pour lui plaire, un devoir d'écraser leur pasteur sous la calomnie. Chassé de Ste Sophie, Constantin II est enfermé à Hiéria,[5]) puis à Prinkipo, d'où l'empereur ne le retire que pour le soumettre aux pires outrages, aux pires tortures et à la mort.

Constantin II arrivait à Hiéria en 766. Au IXe et au Xe siècle, trois persécutés, patriarches comme lui, mais plus intéressants que lui, passent de même par la presqu'île. C'est d'abord Ignace que des bourreaux inhumains arrachent à l'île de Térébinthos pour l'enfermer là, tout enchaîné, dans une étable

---

[1]) *Ibidem.*
[2]) **Theoph. Cont.** V. *Basilius Macedo*, 92, p. 338.
[3]) *Chronograph.* Ed. de Boor, I, 397, 8.
[4]) **Theoph.** *Chronogr.* I, 427, 31.
[5]) **Theoph.** *Op. cit.* I, 439, 4. — **Niceph. C/politani** *Op. hist.* Ed. de Boor, p. 74.

à chèvres [1]). C'est ensuite Photius que Léon VI y relègue pour quelques jours, à moins toutefois qu'il ne s'agisse de quelque localité homonyme [2]). C'est enfin Nicolas Ier qu'une barque dépose sur le promontoire, en plein hiver, et que des séides poussent à pied, malgré la neige, jusqu'à Galacrènes [3]).

Bien avant la déposition de Nicolas, bien avant la seconde chute de Photius et les persécutions subies par Ignace, la presqu'île avait reçu la visite d'une des princesses les plus célèbres de Byzance. Je veux parler d'Irène, la contemporaine de Charlemagne. Quand elle arriva d'Athènes pour devenir la belle-fille de Constantin V Copronyme, on la conduisit directement au palais de Hiéria [4]). „De là, écrit Paul Adam [5]), il lui fut loisible de contempler la ville de Constantin élevant entre les plaines bleues de la mer et du ciel l'étincellement de ses dômes, les dorures des flèches aux édifices, les courbures de ses rues en pavois au long des grèves mangées par la bave des flots éternels. Elle allait y régner dans la splendeur des robes aux quadratures de joyaux, des mantes traînantes qu'on relève sur la main gauche soutenant le globe de l'univers asservi. Comme elle s'enivra de voir les préparatifs de fête pour son entrée dans la ville conquise par la seule force de son esprit, de sa beauté.“ Cette entrée coïncide avec le début de la huitième indiction: elle provoqua, le 1er septembre 769, des réjouissances telles que le sobre Théophane lui-même a cru devoir en toucher un mot. Nicétas, patriarche iconoclaste, présida aux fiançailles le surlendemain: les fêtes du couronnement et celles du mariage eurent lieu en décembre.

Irène, si fine et si spirituelle, si éprise des beaux spectacles et des belles choses, Irène fréquenta beaucoup, on peut le conjec-

---

1) **Nicetas David** *Vita S. Ignatii.* **Migne,** *P. G.* t. CV, col. 513 b. — **Symeo Mag.** *Annal.: Michael et Theodora,* 28. Ed. Bonn. p. 668, 7.

2) *Vita Euthymii.* Ed. de Boor, cap. II, p. 5.

3) **Leo Grammat.** *Chronographia.* Ed Bonn. p. 279, 22. — **Theoph. Continuat.** VI *Leo Basilii filius,* 24. Ed. Bonn. p. 371. — **Symeo Mag.** *Annal.: Leo Basilii filius,* 19. Ed. Bonn. p. 709. — **Georg. Monach.** *Vita Rec. Impp. Imp. Leonis fil. Basilii,* 35 Ed. Bonn. p. 865, 20.

4) *Chronograph.* I, 444, 16.

5) *Princesses byzantines,* p. 11. La phrase précédente est ainsi conçue: „Une galère la conduisit jusqu'au palais d'Hiéria sis sur le promontoire Sorténien qui, de l'Asie, fait face à la colline de Byzance“. Quel est ce promontoire Sorténien? Faut-il lire Sosthénien? Mais Sosthène est un golfe et point un cap, mais Sosthène est en Europe et point en Asie, mais Sosthène est loin de faire face à la colline de Byzance. A part ce détail, l'auteur a parfaitement décrit la situation de Hiéria.

turer sans crainte, cette presqu'île de Hiéria où l'avenir lui était apparu sous de si brillantes couleurs parmi les rêves enflammés de ses dix-sept ans. L'histoire a cependant négligé de nous le dire: elle note les fréquents séjours de l'Athénienne dans son palais d'Eleuthère; mais elle semble ignorer le nom de notre villa. Nous ne pouvons même pas affirmer, en toute sécurité, que cette villa soit le château, le παλάτιον τοῦ Ἱερείου, [1]) où l'impératrice malade courut s'enfermer pour déjouer les calculs et les trames de ses ministres ambitieux.

Après Irène, c'est Théophile que nous rencontrons le premier au faubourg chalcédonien: il l'habita, nous dit Constantin Porphyrogénète, [2]) à son retour de Cilicie. A cette occasion, tout le monde officiel de Constantinople s'était rendu à Hiéria pour l'y recevoir en grande pompe et lui faire compliment de sa campagne. Dès qu'il fut signalé sur la route d'Orient, les sénateurs et autres dignitaires se portèrent au devant de lui dans la direction de Rufinianes. Seule, pour obéir au protocole, Théodora ne bougea point: elle attendit son mari à la villa même et ne se présenta pour le saluer que lorsqu'il eût sauté de cheval sur le seuil du triclinium inférieur. Ce jour-là, au lieu de pousser directement jusqu'au palais sacré, Théophile invita les sénateurs à rester en villégiature à ses côtés. Les sénateurs s'inclinèrent et leurs femmes, mandées en toute hâte, accoururent au προάστειον pour tenir compagnie à Théodora. La semaine suivante, tandis que le préfet de la ville mettait la dernière main aux préparatifs du triomphe, les hôtes de Hiéria se jetèrent, avec l'empereur, dans une flotille et mirent le cap sur la rive septentrionale de la Corne d'Or où le château St Mamas les attendait en face des Blakhernes. [3]) Ils avaient sé-

---

[1]) *Chronograph.* I, 474, 16.

[2]) *De Cerimoniis* lib. I, Appendix Ed. Bonn. p. 504, 3.

[3]) Les empereurs, ainsi que l'a judicieusement remarqué Paspati (Τὰ Θρᾳκικὰ προάστεια τοῦ Βυζαντίου dans l'Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, XII, 41), possédaient un palais St Mamas sur la Propontide, entre Makri-Keuï et San Stefano, dans la vallée qui conserve encore aujourd'hui le nom du saint martyr. Ce palais, où les historiens placent les exploits équestres et l'assassinat de Michel l'ivrogne (Genesius, *Regum,* IV. Ed. Bonn. 102; Theoph. Cont. IV *Michael Theophili filius,* 43. Ed. Bonn. 210; V *Basilius Macedo,* 21 et 27. Ed. Bonn. 243 et 254, est identifié par Paspati (*loc. cit.* note 1) avec celui que les Bulgares incendièrent sous Léon l'Arménien (Sym. Mag. *Annales; Leo Armenus,* 9, Ed. Bonn. 614). Il semble pourtant, d'après le contexte de Siméon Magister, que le château ravagé par les Bulgares se trouvait sur la Corne d'Or, près du fameux monastère St Mamas. C'est là que je conduis Théophile de préférence: la suite de son itinéraire me le montre en effet qui se rend par mer de St Mamas aux Blakhernes (Const. Porphyr.

journé près de huit jours à la presqu'île, preuve éclatante que la presqu'île, pour être mentionnée plus rarement par les historiens, n'en était pas moins restée dans un réel état de prospérité.

Avec la dynastie macédonienne, les beaux jours de Justinien et d'Héraclius resplendissent de nouveau à son horizon. Le fondateur de cette famille fut un bâtisseur acharné. Parmi les édifices qu'il construisit, on compte plusieurs églises ou chapelles dédiées, comme dit Ephrem,

Ἡλίᾳ τῷ Θεσβίτῃ,
Ὃν ἐξόχως ἦν καὶ τιμῶν καὶ σεμνύνων
Πομπαῖς ἑορταῖς δαψιλῶς ταῖς δι' ἔτους [1]).

Un de ces sanctuaires, et non le moindre, fut élevé dans le palais de Hiéria. Le biographe du prince ne s'attarde pas à décrire le προφητεῖον ainsi annexé à l'ancienne basilique de la Théotokos, mais il déclare d'un mot qu'il ne le cédait en rien à aucun autre: οὐδενὸς τῶν ἄλλων ἐν κάλλει καὶ ὡραιότητι κρινόμενον δεύτερον [2]).

Là ne se borna pas l'œuvre de Basile. La vaste citerne creusée par Justinien tout auprès de la villa n'avait pas su trouver grâce devant les terreurs d'Héraclius. Ce prince, au jour de sa folie, avait exigé qu'on en fît un jardin. L'ordre s'était exécuté. Depuis, l'on n'avait cessé d'y cultiver des légumes et d'y entretenir des arbres fruitiers. Cet état de choses parut anormal à Basile. „En vérité, pensa-t-il, la presqu'île, malgré ses dimensions restreintes, ne manque pas de terrains susceptibles de se transformer en vergers ou en potagers. L'eau douce au contraire y fait absolument défaut. Le bon sens ne réclame-t-il point que l'on remette en état le réservoir de Justinien"? Cette réflexion faite, les dépenses n'arrêtèrent point l'entreprenant Macédonien. Il arracha les arbres, enleva l'énorme quantité de terre accumulée entre les quatre murs, et la citerne se remplit à nouveau d'eau potable, comme avant la folie d'Héraclius [3]).

De Cerimoniis, loc. cit.), et cette traversée qui s'explique d'elle-même s'il s'agit d'un palais situé sur le Chrysokéras paraît beaucoup moins naturelle dans l'hypothèse contraire.

[1]) *Cæsares*, vers. 2580—2583. Ed. Bonn. p. 113.

[2]) **Theoph. Cont.** V. *Basilius Macedo*, 91. Ed. Bonn. p. 337.

[3]) *Ibidem*, p. 338. — Cf. **Cedrenus**, Hist. Compend. Ed. Bonn. II, 412, 4.

Si Basile embellit Hiéria [1]), ce fut assurément dans l'intention de l'habiter quelquefois. De fait, ses historiens nous prouvent qu'il y séjourna.

L'expédition plus ou moins heureuse de Téphrika et de Germanikia lui valut, au rapport de son petit-fils, les honneurs d'une réception triomphale. En cette occurence, Hiéria lui servit comme à Théophile de palais d'attente. Seulement, pour entrer en ville, Basile ne prit pas, à l'exemple de son prédécesseur, le chemin des écoliers: il n'alla point se promener dans la Corne d'Or et n'obligea pas son cortège à longer les remparts terrestres sur presque tout leur parcours du Chrysokéras à la Propontide. Au jour fixé pour le triomphe, des embarcations le transportèrent directement de Hiéria à l'Hebdomon, et de là, sans retard comme sans détour, la grande voie Ignatienne le conduisit à la Porte Dorée.[2]) Je n'ai pas à dire ici d'après quel cérémonial ni en quel équipage il pénétra dans sa capitale: ce sont là détails consignés tout au long dans le *De Cerimoniis aulæ byzantinæ.*[3])

Que l'on ne s'étonne pas du rôle joué par notre προάστειον lors de ces entrées solennelles de Théophile et de Basile Ier. Constantin Porphyrogénète nous donne quelque part le nom des quatre villas où le basileus s'arrêtait, au retour d'Orient, pour déposer ses habits de voyage et revêtir son costume d'apparat. Ces villas sont Satyre, Poleatikon, Rufinianes et Hiéria.[4]) Celle-ci, la plus rapprochée de toutes, devait être choisie de préférence aux trois autres, et nul doute que nous n'y vissions, au lendemain des expéditions contre l'Orient, la plupart des triomphateurs, si les documents historiques dont nous disposons n'étaient généralement si avares de menus détails.

Basile respirait l'air frais de Hiéria,[5]) lorsque le demi-traître Apostypès lui fut expédié. Il le déféra au tribunal du magister Manuel qui condamna l'accusé à perdre l'un de ses yeux et l'une de ses mains. Après l'exécution de cette sentence, relativement douce pour l'époque, Apostypès borgne et manchot alla vieillir en exil à Mésembrie.

Nous n'avons aucun autre renseignement sur les séjours

[1]) **Cedrenus,** *op. et loc. cit.*
[2]) *De Cerimoniis,* lib. I Appendix, Ed. Bonn. 498, 17.
[3]) *Loc. cit.*
[4]) *Op. cit.* p. 497, 6.
[5]) **Theoph. Cont.** *Basilius Macedo,* 67. Ed. Bonn. p. 307.

de Basile au promontoire, mais nous savons par son petit-fils[1]) comment il s'y rendait. C'est un ἀγράριον qu'il prenait pour la traversée de Constantinople à Hiéria. Il usait de cette même embarcation pour aller à Πηγαί, à l'Hebdomon, à Bryas, à toutes les villas rapprochées de la capitale. Avant lui, les *dromons* ne servaient pas aux déplacements impériaux. Il en fit construire deux pour se transporter aux bains chauds des Brousse et au pont de Rhéghion. Dès cette époque, les dromons ne quittèrent plus le service de le cour. Réservés sous Basile aux voyages les plus importants, il furent affectés par son fils Léon le Philosophe à toutes les traversées impériales sans distinction.

Chaque automne ramenait à Hiéria la fête des vendanges à laquelle prenaient part toutes les autorités civiles et religieuses, à commencer par l'empereur et le patriarche. Cette solemnité s'accomplisait suivant un rit fixé jusque dans ses détails les plus infimes. Le basileus et le pontife, revêtus du costume prescrit par le cérémonial, sortaient du palais à la tête du sénat et des fonctionnaires. Il se rendaient ensemble dans la campagne, en un lieu favorable où l'on avait préalablement disposé sur une table de marbre plusieurs corbeilles emplies de raisins. Là, devant toute l'assemblée, le patriarche récitait une prière de circonstance: il prenait ensuite une grappe et l'offrait à l'empereur. Celui-ci en prenait une autre et l'offrait au prélat. Aussitôt, les dignitaires s'avançaient par rang de préséance et chacun d'eux recevait une grappe de la main du basileus, tandis que les deux factions, d'abord silencieuses, chantaient ensemble les deux ou trois strophes assez mal tournées qui se lisent au *De Cerimoniis.*[2]) Après la distribution des raisins, l'empereur faisait des largesses aux deux factions et les congédiait. Il retenait au contraire le patriarche et les sénateurs, et quelques instants plus tard un festin les réunissait dans les triclinia du château.

Les renseignements qui précèdent, on l'a remarqué, sont empruntés à Constantin VII Porphyrogénète. Ce prince témoigna personnellement d'un intérêt très vif pour la presqu'île. Les travaux qu'il y entreprit paraissent avoir été considérables: par malheur, ils nous sont rapportés dans une phrase, incorrecte ou mutilée, dont certains membres se laisseraient malaisément

[1]) *De administrando imperio.* Cap. 51, p. 234, 4.
[2]) Lib. I, cap. 78 p. 217.

traduire. Les textes imprimés la donnent ainsi: Περὶ δὲ τῶν παλατίων τῶν Ἡρία ἀναλογίζομαι τῇ διανοίᾳ ὁποίοις ὁ Πορφυρογέννητος ἐδείματο ἤδεσι καὶ τερπνοῖς, πρότερον οὖσαν Χαλκηδονίοις εἰς ταφήν. Νῦν δὲ τέτρασιν ἁψῖσιν ἐπιδεδηκυῖα, καὶ τὰς τούτων γωνίας ἑτέρας βασιλικὰς οἰκίας ἀποτελοῦσα, ταῖς τῶν θερινῶν ἀνέμων καὶ πνευμάτων περικυκλουμένων πνοιαῖς, οὐκ ἔστιν εἰπεῖν εἰς πόσην θυμηδίαν καὶ χαρὰν ἐμβάλλει τὸν ἐκεῖσε ἀναπαυόμενον [1]).

Comment se fait-il que l'historien nous présente encore la presqu'île comme un cimetière? La villa fréquentée par Basile et ses prédécesseurs s'élevait-elle au milieu des tombes? Faut-il dire que la propriété impériale n'occupait qu'une partie du terrain et que le reste servit de nécropole jusqu'au règne de Constantin VII? Les débris funéraires découverts à Phanaraki ne sont pas faits pour rendre cette hypothèse invraisemblable.

Quant à fixer la nature des constructions du Porphyrogénète, il faut y renoncer. Pour ma part, du moins, je renonce à comprendre la disposition de ces édifices et je me résigne à ignorer l'endroit précis où se tenaient l'empereur et ses courtisans, lorsque les brises de l'été venaient leur apporter un souffle d'air et de fraicheur.

Quatre ans après la disparition de Constantin Porphyrogénète, à la mort de son fils Romain le Jeune, Hiéria voit les débuts d'un règne qui compte parmi les plus glorieux de Byzance. Nicéphore Phocas y conduit l'armée d'Orient dont il est alors généralissime. Son frère Léon s'échappe de Constantinople et vient l'y rejoindre [2]). En même temps, le peuple tout entier se déclare pour lui. Sans coup férir, Nicéphore a conquis la couronne: il n'a plus qu'à passer la mer et à recevoir les hommages de sa capitale. Il quitte la presqu'île au matin du 16 août 963, il aborde, environ deux heures plus tard, au monastère des Abrahamites et, le soir même, il entre à Constantinople par la Porte Dorée, avec la pourpre des empereurs sur les épaules [3]).

A la suite de cet événement, Hiéria nous dérobe ses destinées pendant un siècle. Romain Diogène y passa en 1069, à

---

[1]) **Theoph. Cont.** VI. *Const. Porphyrogenitus*, 26. p. 451, 17.
[2]) **Léon Diacre** *Hist.* III, 7. p. 46, 1.
[3]) Sur cet avènement de Nicéphore Phocas, cf. G. **Schlumberger**: *Un empereur byzantin au dixième siècle*, p. 296 et suivantes.

la fin de mars ou au commencement d'avril.[1]) Il y coucha aussi le 12 mars 1071 et les jours suivants,[2]) à la veille de partir pour cette campagne contre les Turcs qui devait lui coûter le trône et les yeux. Un premier présage de futurs malheurs lui fut envoyé, durant la traversée de Constantinople au promontoire, sous la forme d'une colombe presque toute noire qui s'en vint on ne sait pourquoi voleter autour de sa trirème et qui finit par se poser sur sa main. L'empereur à peine débarqué envoya la colombe à sa femme Eudocie qui, malgré l'usage, était restée en ville, plus occupée de ses plaisirs que de son mari. „Mauvais augure! s'écrièrent les Byzantins; mauvais augure pour le basileus et la basilissa!" Leurs craintes superstitieuses ne tardèrent pas à se réaliser. On sait en effet quelles furent les suites de cette expédition et comment Romain Diogène en revint.

Avant de quiter Hiéria, Romain IV avait fini par y recevoir la visite de sa peu fidèle Eudocie. Cette princesse est la dernière que les auteurs nous signalent au προάστειον. A cette date, en effet, un hiatus se creuse dans l'histoire de la presqu'île, un hiatus plusieurs fois séculaire et que pas une donnée positive ne permet de combler.

Au XIIIe siècle, Villehardouin nous parle d'*un palais l'Empereor Alexis, dont li leus estoit appellez Calcedoines; et fu endroit Constantinople d'autre part del Braz devers la Turchie.*[3]) S'agit-il ici de notre villa? Skarlatos Byzantios l'a pensé. Περὶ αὐτοῦ μᾶλλον τοῦ Παλατίου, écrit-il, ἢ τοῦ ἐν τῷ ἀκρωτηρίῳ τῆς Δαμάλεως φαίνεται λαλῶν ἐν τῷ Χρονικῷ αὐτοῦ καὶ ὁ Βιλλαρδουῖνος.[4]) Il est fort possible, je l'avoue, que les Croisés dont le chroniqueur français nous raconte le débarquement aient pris terre au port de Hiéria, en face du château; mais rien ne les empêche, il faut l'avouer aussi, d'avoir abordé en quelque autre point des environs de Chalcédoine, devant quelque autre palais impérial. On ne saurait donc affirmer avec certitude que le texte de Villehardouin se rapporte à notre villa.

On ne saurait davantage indiquer à quelle date les constructions impériales disparurent de la presqu'île. S'y trouvaient-

---

[1]) **Mich. Attal.**: *Hist.* 122, 16. — **Skylitzès**: *Compend Hist.* 678, 13.
[2]) **Mich. Attal.** *op. cit.* p. 142 et 143. — **Skylitzès**, *op. cit.* p. 688. — **Mich. Glycas**: *Chron.* p. 609.
[3]) *De la Conqueste de Constantinople*, 68. Ed. Venise, p. 21.
[4]) *Ἡ Κωνσταντινούπολις*, II, 277.

elles encore au moment de la conquête musulmane? Avaient-elles succombé quelques années ou quelques siècles plus tôt? Aucun texte, au moins à ma connaissance, ne permet de répondre catégoriquement à ces deux questions. Il me semble toutefois que la prospérité de Hiéria ne se prolongea point jusqu'aux derniers temps de l'empire byzantin. A défaut de toute preuve formelle, le silence des auteurs nous fournit un grave indice de sa décadence et de son abandon. Un autre indice encore plus grave, c'est la situation même où Pierre Gilles trouva le promontoire au commencement du XVIe siècle. Ce qu'il en écrit donne l'impression d'une ruine complète, d' une ruine consommée depuis très longtemps.

Sous la domination turque, la presqu'île faillit revoir les splendeurs qu'elle avait admirées sous les premiers *basileis*. Au milieu du XVIe siècle, peu de temps après le passage de Pierre Gilles, Soliman le Magnifique y fit construire une maison de plaisance[1]), qu'il appela *Féner-Kiosk*, c'est-à-dire *Villa du Phare, Kiosque du Phare*. On ne sait à peu près rien sur l'histoire de ce palais turc. Peut-être se conservait-il encore au début du XVIIe siecle: il est du moins représenté, majestueux et vaste, avec la légende *Fanarikiosk* et *fanarikiosc*, sur une des cartes et sur un des plans si primitifs qui accompagnent *l'Imperium Orientale* de Banduri[2]).

VI. Situation actuelle.

En dépit du titre qu'on vient de lire, il n'entre pas dans mes intentions de consacrer ce dernier chapitre à la description complète du moderne Phanaraki, de ses couvents, de ses maisons, de ses hôtels, de son phare, de ses ombrages, de ses promenades. Cette description ne serait d'aucune utilité. Pour saisir les causes qui firent la fortune de la presqu'île, pour s'expliquer l'attraction qu'elle exerça durant la période byzantine et se rendre compte des charmes qui l'embellissaient sous le règne d'un Justinien ou d'un Basile, il faut la visiter en personne, il faut la connaître soi-même et la fréquenter.

Le temps en effet ne l'a point dépouillée de tous ses avantages. Tandis que la même brise y réveille parmi les fleurs les

[1]) **Skarlatos Byzantios** *op. cit.* II. 279.
[2]) Ces deux planches sont la tabella VI post pag. 348, et la tabella II *post pag. 708, dans l' Ed. de Venise.*

mêmes parfums, le même flot y chante la même chanson, tantôt douce et tantôt plaintive, sur le même sable et le même roc. Le visiteur y trouve toujours le même plaisir des yeux: les mêmes spectacles, ou peu s'en faut, s'y déroulent encore sous le regard dans le même horizon, cercle magique et varié, fait d'une ville majestueuse et de ses faubourgs, d'une mer sans rides et sans immensité, d'un archipel qui émerge entre un double azur, d'une plaine qui ondule et se brise aux collines prochaines, de campagnes qui montent insensiblement avec leurs villas et finissent bientôt par marier leur verdure changeante au bleu d'un ciel toujours resplendissant. De ce cadre Féner-Bagtché occupe le centre. Il voit, à peu de chose près, tout ce que voyait Hiéria: la bouche de la Corne d'Or qui s'ouvre au Nord-Ouest; puis Constantinople avec ses édifices dominés par Ste Sophie; puis la côte qui cherche à fuir par l'Hebdomon vers Héraclée de Thrace; puis la Propontide, vrai miroir qui scintille sous le soleil; puis les sommets bithyniens avec le front neigeux du Mont Olympe; puis le petit archipel aux îlots nus, aux îles vêtues de pins; puis le golfe de Nicomédie qui troue l'orient; puis l'Aétos avec son premier rempart de collines chauves; puis le fouillis des maisons disséminées parmi les arbres; puis Chalcédoine debout sur les noires falaises de son cap; puis les constructions de Galata qui s'étagent. Tel est, en fermant les yeux sur des différences légères, le merveilleux panorama que le cour de Byzance venait contempler autrefois dans sa presqu'île chalcédonienne.

Elle n'y trouverait plus aujourd'hui pour la recevoir les somptueux palais d'alors. Non, les modernes bâtisses de Phanaraki ne songent pas à rivaliser avec leurs aînées. Elles sont .... Mais pourquoi dire ce qu'elles sont? Que nous importent ces constructions neuves, en pierres ou en bois, si différentes des vieux monuments? Elles n' appartiennent ni à l'histoire ni à la topographie byzantines et nous y attarder serait peine perdue.

Ce qui nous intéresse dans la presqu'île moderne, ce qu'il nous importe d'y recueillir, ce sont les traces du passé, les débris de l'antiquité morte. Au premier abord, quand on pense à la grandeur et au nombre des édifices plantés sur le sol du vieux promontoire, on ne doute point que la cueillette à faire là ne soit abondante; mais bientôt, lorsqu'on réfléchit à sa position si voisine de lieux toujours habités et que l'on

se rappelle comment toutes les ruines placées à portée de la main sont devenues de simples carrières, on désespère d'y trouver quoi que ce soit d'important.

De fait, presque tout a disparu.

Même du palais de Soliman rien ne reste. Vers le milieu de la presqu'île, au point le plus étroit de l'isthme qui l'étrangle et la coupe en deux, sommeille un modeste bassin alimenté, au moyen de canalisations, par une source lointaine. Des poissons rouges jouent dans ses eaux et des platanes touffus le couvrent de leur ombre. Ce bassin représente seul l'œuvre de Soliman à Fanarikiosk: ses marbres sculptés y attestent seuls encore l'artistique bon goût du fameux Damad-Ibrahim-pacha. Sk. Byzantios, à qui j'emprunte ce double renseignement,[1]) mentionne également les poissons rouges, mais il ne les représente pas comme les contemporains du sultan magnifique. Quand bien même ils remonteraient si haut, ils ne pourraient guère nous renseigner sur les constructions du XVIe siecle.

Si le temps a détruit de fond en comble l'œuvre de Soliman, il n'a pas respecté davantage celle des autocrates chrétiens. Le seul temoin de leurs travaux est la grande citerne dont j'ai déjà parlé plusieurs fois. Quand il la vit avec ses vastes dimensions, P. Gilles n'hésita pas à identifier cette *cisterna maxima* avec celle qui nous est signalée dans l'histoire de Basile Ier le Macédonien,[3]) mais, déjà, il n'en restait plus que les quatre murs. Bâtis à la Justinien, avec un ciment presque indestructible, ces quatre murs existaient naguère encore, à peine entamés, à peine veufs de leur revêtement. Quand il a fallu, durant l'été 1897, en sacrifier une partie à d'impérieux besoins de construction, des mines laborieusement préparées ont seules réussi à les détruire. Les pans conservés derrière le couvent des Oblates de l'Assomption témoigneront longtemps encore, il faut l'espérer, que les éloges prodigués dans le Περὶ κτισμάτων aux constructions de la presqu'île n'étaient pas immérités. Si tout y rivalisait avec la citerne, pour la solidité et pour la grandeur, Procope avait parfaitement raison d'écrire au sujet de ces bâtisses: ὧν δὴ οὐδὲ τὸ μεγαλοπρεπὲς σὺν τῷ ἐς τέχνην ἠκριβωμένῳ, οὐδὲ τὸν ὄγκον ἂν σὺν τῷ εὐπρεπεῖ λόγῳ

---

[1]) *Op. cit.* II, 279 et 280.
[2]) *Op. cit.* 272[a].
[3]) **Theoph. Contin.** V. *Basilius Macedo*, 92, Ed. Bonn. p. 337 et 338.

φράσαι ποτὲ ἱκανῶς ἔχοιμι· ἀλλ' ἀποχρήσει ταῦτα εἰπεῖν βασίλειά τε εἶναι, καὶ πρὸς Ἰουστινιανοῦ γεγονέναι παρόντος τε καὶ ἐπιτεχνωμένου, καὶ οὐδενὸς ἀπεριόπτου, ὅτι μὴ χρημάτων, καθισταμένου· ταῦτα γὰρ οὐχ οἷόν τε ἐστὶ καὶ λόγῳ κρατεῖν[1]).

Chose curieuse! Procope ne cite point notre citerne dans l'énumération qu'il donne des travaux accomplis à Héraeon. La considère-t-il comme un détail négligeable en regard de l'ensemble, ou bien en fait-il une annexe sous-entendue des bains publics, λουτρῶνας ἐν δημοσίῳ, auxquels il consacre une mention spéciale? Je ne saurais dire. Quoi qu'il en soit, l'immense réservoir n'en conserve pas moins le droit de revendiquer Justinien pour son créateur. L'historien de Basile écrit: δεξαμένην . . . ., μεγάλην τε καὶ εὐρύχωρον, ἔργον καὶ πόνημα τοῦ καλλύναντος βασιλέως κατ' ἀρχὰς τὸ προάστιον[2]) Or, le premier basileus qui se dévoua à l'embellisement de la presqu'île, c'est Justinien. Si nous ne le savions par le *De Ædificiis*, nous l'apprendrions par le fragment de Lambecius qui porte: Ἰουστινιανὸς . . . . ἀνακαθάρας τὸν τόπον βασίλεια ἔκτισε περιφανέστατα καὶ Ἥρια ὁ τόπος μετωνομάσθη.[3])

Au XVIe siècle, écrit P. Gilles, la citerne était *spoliata tecto testudinato et columnis testitudinem sustinentibus*. Au XIXe, elle a fait la même impression à Sk. Byzantios qui l'a regardée, il faut bien le dire, avec les yeux de Gilles et à qui, par suite, elle est apparue, comme à lui, ἀφῃρημένη τήν τε ψαλιδωτὴν αὐτῆς σκέπην καὶ τοὺς ὑπανέχοντας αὐτὴν κίονας.[4]) Sont-ils bien sûrs, l'un et l'autre, que la citerne fût primitivement un réservoir couvert et voûté? N'était-ce pas plutôt un grand bassin à ciel ouvert?

Le seul auteur byzantin qui nous la signale avec quelque détail, mentionne en même temps deux citernes de Constantinople qui, elles, n'étaient certainement pas voûtées, puisqu'elles servaient aux délassements et aux pêches des empereurs, puisqu'elles nourrissaient, nous dit l'historien, ἰχθύας πρὸς τέρψιν καὶ ἄγραν τῶν βασιλέων.[5]) Si les deux citernes de Constantinople étaient à ciel ouvert, il faut dire que celle de Hiéria l'était aussi. La parité établie entre elles, relativement aux me-

---

[1]) *De Ædificiis* I, 11.
[2]) *Loc. cit.*
[3]) *Loc. cit.*
[4]) *Op. cit.* II. 280.
[5]) **Theoph. Cont.** V. *Basilius* Macedo, loc. cit.

sures et aux travaux dont elles furent l'objet, ne permet pas d'en douter. Elles perdirent leur première destination toutes trois de la même manière. A Hiéria, pour remplir la citerne d' arbres et de légumes, δένδρων τε καὶ λαχάνων, Héraclius n'eut pas de voûtes à démolir: une fois qu'il eut mis de la terre à la place de l'eau, une fois qu'il eut comblé la citerne, συγχωσθεῖσαν καὶ γεωσθεῖσαν, celle-ci se trouva devenue un jardin, tout comme celles de Constantinople ἠπειρωθεῖσαι εἰς παραδείσων κατασκευὴν ἐχρημάτισαν. Pour l'aménager à nouveau, il suffit à Basile de faire enlever la terre: ἐκφορήσας τὸν χοῦν . . . εἰς τὸ ἀρχαῖον σχῆμα μετήγαγε. A défaut de cette preuve fournie par le Continateur de Théophane, les craintes mêmes d'Héraclius démontreraient la même chose: ce pauvre fou, qui traversa le Bosphore dès qu'on lui eut dérobé la vue des flots, aurait-il redouté le voisinage d'une citerne voûtée et fermée?

Lorsque Gilles fit son pèlerinage scientifique à Hiéria, il n'y trouva debout que les murs d'une église: *aedificiorum*, dit-il, *vestigia funditus delata sunt, exceptis parietibus aedis sacrae.*[1]) Moins heureux, Sk. Byzantios eut toutes les peines du monde à distinguer leurs traces: οἱ τοῦ ναοῦ τοῖχοι, τῶν ὁποίων μόλις σήμερον διακρίνονται τὰ ἴχνη.[2]) Aujourd'hui, ces derniers restes eux-mêmes ont disparu complètement.

La mer n'a pas mieux gardé ses monuments antiques. Si le grand voyageur du XVIe siècle avait attendu jusqu'à nos jours pour visiter la baie de Calamich et ses deux ports d'Eutrope et de Héraeon, il n'aurait pu écrire: „Horum amborum portuum usque ad hanc diem molium et brachiorum vestigia extant magna quidem ex parte diruta, sed quae nonnullam stationem navibus accommodent".[3]) Il y a quatre vingts ans, le patriarche Konstantios disait encore en parlant des jetées construites par Justinien: τούτων δὲ τὰ ἴχνη μέχρι τούτου φανεροῦσιν αἱ διασκορπισμέναι παρὰ τὸ ἀκρωτήριον ἔνδον τοῦ κόλπου παράλιοι πέτραι.[4]) Rien de pareil ne frappe les regards à l'heure présente. Sous l'eau, pourtant, les mariniers continuent à reconnaître des bas-fonds artificiels.

---

[1]) *Loc. cit.*
[2]) *Op. cit.* II, 280.
[3]) *Loc. cit.*
[4]) *Op. cit. p. 206.*

Devant la prequ'île, planté comme un point sur un i, un roc émerge, un roc de quelques mètres carrés que les Turcs ont nommé Yelan-adasse, *île des serpents*, et que les mouettes seules visitent parfois. Cet écueil, sur lequel la main de l'homme a laissé des traces de son activité, n'a jamais cependant servi de base à la tour du phare. Deux planches de Banduri dressent la tour à l'endroit même qu'elle occupe aujourd'hui, en terre ferme, à l'extrémité du cap.[1]) Une troisieme la dessine à cette même place, confirmant ainsi les deux autres, bien que le mot *Fanal* s'y lise au milieu des flots, loin du promontoire et près de l'écueil.[2])

Yelan-Adasse, nous disent Konstantios[3]) et Byzantios[4]), s'appelait aux temps anciens Ἥρας Ὕφαλος. Sur quoi s'appuie cette affirmation, je l'ignore. J'ignore aussi le contenu et les destinées de l' inscription grecque longtemps conservée sur une stèle quadrangulaire, au-dessus de l'écueil. Le patriarche, qui imprimait son ouvrage en 1824, nous déclare que des Européens s'emparèrent de cette pierre vers 1816;[5]) l'auteur de la Κωνσταντινούπολις répète la même chose après lui, mais sans donner de date[6]) Il est dommage que ni l'un ni l'autre n'ait connu le texte de ce précieux monument.

En fait d'inscriptions, Phanaraki n'offre plus que des épitaphes, et encore ces épitaphes sont-elles modestes et peu nombreuses.

Je n'ai pas à m'étendre sur la pierre qui recouvrait les restes mortels d'un certain Eutrope et qui git aujourd'hui à Calamich. D'autres en ont déjà parlé[7]) Les dimensions du marbre et le soin donné à la gravure prouvent que le défunt n'était pas le dernier venu; mais les six vers que son parent Pierre lui a consacrés n'en valent pas mieux. Si l'on y supprime le jeu de mots entre Εὐτρόπιος, εὔτροπος et Ἄτροπος, il n'y reste qu'un renseignement bon à retenir, c'est que la mort a frappé Eutrope à 36 ans.

---

1) *Imp. Orient.*, tabellis citatis.
2) *Op. cit.* tab. IV post. pag. 348.
3) *Op. et loc. cit.*
4) *Loc. cit.*
5) *Loc. cit.*
6) *Loc. cit.*
7) Par exemple les *Mitheilungen des Deutschen archäologischen Instituts in Athen, IV, 11;* le *Bulletin de Correspondance hellénique*, VII, 517; le *Cosmos, XXXIV, 211.*

Sarapata est la région qui s'étend à la base de la presqu'île mais du côté opposé à Calamich, c'est-à-dire vers l'orient. Avec une borne milliaire plantée sur la voie romaine de Chalcédoine à Nicomédie par les soins de la tétrarchie qui se partageait l'empire au début du IVe siècle[1]), Sarapata possède un monument funéraire païen long de 2^m, 80 et haut de 0^m, 80. On y lit simplement, au milieu de palmes, de couronnes, d'armures et d'objets de ménage, les mots suivants: Ἀρίστων Ἀρίστωνος Γ. Γυκεία.[2])

Les pierres tombales de la presqu'île proprement dite sont de dimensions infiniment moindres et d'une gravure généralement peu soignée. Elles appartiennent toutes aux siècles chrétiens et leur orthographe laisse presque toujours à désirer. Je ne parlerai pas ici des innombrables fragments trop incomplets pour se prêter à une restitution. Par contre, les épitaphes entières ou peu mutilées ont leur place tout indiquée dans ces lignes. Publiées presque toutes ailleurs[3]), il serait inutile de les reproduire ici en caractéres épigraphiques; mais il convient de donner leur texte, d'un intérêt très médiocre en lui-même, ne serait-ce que pour montrer la vérité des allégations contenues dans les textes anciens qui nous représentent la presqu'île, ou tout au moins une partie de la presqu'île, comme un cimetière.

I. — Ἐνθάδε κατάκιτε Σολομῶν διακῶν σὺν τῇ συνβίῳ Ἐλπιδίῃ χωρίου Πινγάλων.

II. — Ἐνθάδε κατάκιτε Ἀσυνκριτία γαμετὴ Ἱμερίου.

III.— Ἐνθάδε κατάκιτε Δόμνος Προνέου χορίου. Peut-être προ est-il à séparer de νέου et le village s'appelle-t-il simplement Νέον χωρίον.

IV.— Ἐνθάδε κατάκιτε Οὐράνις πιστός.

V. — Ἐνθάδε κατάκιτε Σύνετος πιστός.

VI. — .....νος πιστὸν .... ησιμου λινο.... χω(ρίου) Κροννέων [τελευ]τᾷ μη(νὶ) Ἰουλίου [κ]β', Ἰνδ(ικτιῶνος) ς̅.

VII. — Ἔνθα κατάκιτε ὁ τῆς μακαρίας μνήμης Μαρινιανός.

VIII.— Ἐνθάδε κατάκιτε Ἡρακλία ἡ θυγάτηρ Βιταλ[ι]ανοῦ.

IX. — ...ητατ.... [δι]άφερον τ[οῦ] διακόνου..... στατινοῦ.

X. — Ἐνθάδε κατάνιτι (sic) Τρύφων τοῦ Ὑνικι (sic).

---

1) **Germer-Durand,** dans le *Cosmos* XXXVI, 588. Le nom de Chalcédoine y est encore écrit d'après l'orthographe ancienne *Calchedonia.*

2) **Germer-Durand.** *op. cit.* 587.

3) **Germer-Durand,** *Antiquités de Chalcédoine*, dans le Cosmos, 1896, XXXIV, *212–215, et 1897, XXXVI,* 588.

XI. — Ἐνθάδη (sic) κατάκιτη (sic) ὁ μνίμις (sic) ἄξιος Ἀλέξανδρος.

XII. — Ἐνθάδε κατάκι[ται] Ἐλπίδις Δέκνος.

XIII. — Ἐνθάδε κατάκιτε ὁ τῆς μακαρίας μνήμις (sic) Τρόφιμος.

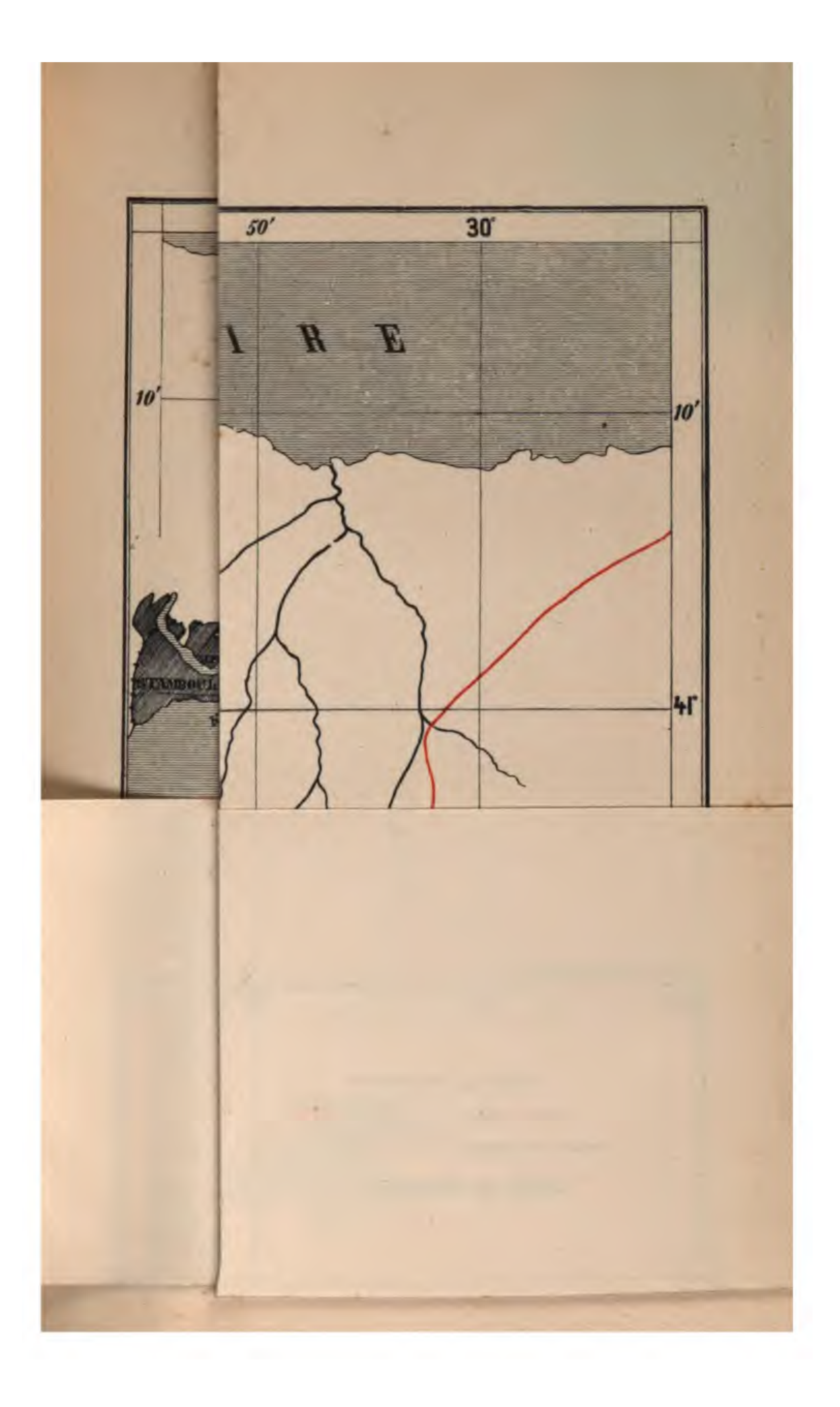
XIV. — [Ἐνθάδε κατάκειται X..... ὁ τῆς μακαρίας μνή]-μης ἀ[ρχι]μανδ[ρ(ίτης)] τοῦ ἁγίο[υ] Τρύφονο[ς]. On sait que le grand monastère de S[t]. Tryphon s'élevait, durant le moyen-âge, auprès du cap Acritas.

XV. — Ἐνθάδε κατάκιτε Ἰωάννες (sic) πιστὸς, ὑεὸς (sic) Στεφάνου, ὑποκίμενος (sic) τοῦ θείου παλατίου τῶν (sic) διητα-ρίον (sic). L'épitaphe de ce militaire qui servait parmi les διαι-τάριοι du palais sacré est la plus intéressante que nous four-nisse Phanaraki.

Il est vrai qu'on n'a pas encore trouvé toutes les pierres ensevelies dans la presqu'île. Celles qui précèdent proviennent toutes d'un même point soigneusement fouillé par le R. P. Jacquemier. Cet ami de Hiéria connait en outre, près de la station du chemin de fer, l'existence de plusieurs sarcophages que la mer, au jour de ses plus violentes tempêtes, découvre en partie quelquefois. Leur position ne permet pas de les dégager. Le peu qu'ils montrent quand le sable se déplace laisse mal préjuger de l'intérêt qu'ils présenteraient. On peut affirmer cependant qu'ils n'appartiennent pas à la série des sépultures vulgaires dont nous avons donné ci-dessus les quinze monuments les mieux conservés.

Les promeneurs qui envahissent Phanaraki durant la belle saison, surtout le dimanche et le vendredi, ne se doutent certainement point des tombes qu'ils foulent aux pieds. Quand ils s'arrêtent à l'ombre des cyprès et des térébinthes, ils ne supposent point que ces arbres plongent leurs racines parmi les restes des vieux morts. Soupçonnent-ils davantage le rôle glorieux joué par la presqu'île aux siècles passés, alors que Justinien et Théodora ou leurs successeurs s'en venaient l'habiter avec leur cour brillante?

Kadi-Keuï, le 19 mai 1899.


50′
30′
I R E
10′
10′
41°

Константинопольскій эпархъ.

Ѳ. И. Успенскаго.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ учрежденій, охранявшихъ общественный строй и порядокъ въ столицѣ Византійской имперіи, былъ приказъ эпарха города. Со времени перенесенія столицы имперіи въ Константинополь и до самаго турецкаго завоеванія, эпархъ города съ подчиненнымъ ему приказомъ оставался чуть ли не единственнымъ учрежденіемъ, пережившимъ всѣ потрясенія и пощаженнымъ царскими реформами. Само собой разумѣется, что такое устойчивое учрежденіе, бывшее свидѣтелемъ многовѣковой исторіи и стоявшее на стражѣ внутренняго порядка, благоустройства, политическаго и соціальнаго положенія всего населенія столицы, заслуживало бы особаго вниманія и всесторонняго изученія. Къ сожалѣнію, по исторіи византійскаго устройства не имѣется даже предварительныхъ работъ, и ни объ одномъ учрежденіи, кромѣ развѣ церкви, наука не владѣетъ хотя сколько нибудь удовлетворительными свѣдѣніями.[1])

Эпарху столицы (ἔπαρχος τῆς πόλεως) принадлежали совершенно ясно опредѣленныя права и обязанности, которыя тѣмъ болѣе доступны изученію, что должность эпарха столицы, ведя свое начало отъ римской имперіи, просуществовала до поздне-византійской эпохи. По византійской табели о рангахъ эпарху столицы въ раннiй періодъ имперіи принадлежало первое мѣсто за начальниками военныхъ округовъ, т. е. за стратигами

---

[1]) Эпарху посвящены двѣ страницы въ сочиненіи *Zachariae v. Lingenthal*, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, S. 365—367, 3e Auflage. Berlin. 1892.

азіатскихъ и европейскихъ ѳемъ, а по обряднику Константина Порфиророднаго онъ поставленъ уже выше стратиговъ европейскихъ ѳемъ, между которыми стояли выше его только стратиги Ѳракіи и Македоніи. Что касается гражданскихъ чиновъ, между ними эпархъ столицы занималъ безспорно самое первое мѣсто во всѣ времена византійской имперіи.

Не можетъ быть сомнѣнія, что константинопольскій эпархъ есть прямой преемникъ и замѣститель римскаго praefectus urbi. Если при томъ поставить въ связь извѣстія древнихъ о значеніи въ Римѣ власти префекта преторіи,[1]) что она практически немногимъ была ниже императорской — съ неменѣе категорическими заявленіями византійскихъ писателей насчетъ величія власти городскаго эпарха,[2]) то нельзя не приходить къ заключенію, что константинопольскій эпархъ съ теченіемъ времени соединилъ въ себѣ права и привилегіи префекта преторіи и префекта города. О цѣли учрежденія префектуры города Рима и о правахъ соединяемыхъ съ званіемъ префекта свѣдѣнія можно находить въ превосходномъ трудѣ Моммсена *Römisches Staatsrecht*. Префектура города Рима учреждена была съ цѣлью охраны Рима и его ближайшихъ окрестностей, для чего префекту предоставлена была уголовная юрисдикція и обширная полицейская власть. Во 2 и 3 вв. къ нему постепенно перешла и судебная власть на сто миль отъ стѣнъ города.[3]) Особенно важнымъ характеромъ отличалась полицейская власть префекта. На его обязанности лежало блюсти порядокъ на многолюдныхъ собраніяхъ, на зрѣлищахъ, въ баняхъ, равно какъ собирать свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ разныхъ частяхъ города. Кромѣ того, ему подчинены были торговые рынки, мѣра, вѣсъ и мѣняльныя лавки.[4]) Для достиженія всѣхъ подобныхъ задачъ префектъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отряды военныхъ людей. Но что еще тѣснѣй сближаетъ римскаго префекта съ византійскимъ эпархомъ, это одинаково тамъ и здѣсь отнесенныя къ ихъ компетенціи дѣла

---

[1]) *Mommsen*, Römisches Staatsrecht II. S. 1117 (3e Aufl).

[2]) ὁ τῆς πόλεως ἔπαρχος ἐν τῇ πόλει μείζων πάντων ἐστὶ μετὰ τὸν βασιλέα, ap. *Migne*, Patrol. Gr. t. CXIII col. 468; *ср.* Σαθα, Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη IV p. 28: τὸ τοῦ ἐπάρχου ἀξίωμα . . . . βασίλειος δὲ αὕτη ἀρχὴ εἰ μὴ ὅσον ἀπόρφυρος.

[3]) Ulpianus l. VIIII (coll. 14, 3. 2) iam eo perventum est constitutionibus, ut Romae quidem praefectus urbis solus super ea re (Menschenraub) cognoscat, si intra milliarium centesimum sit in via commissa, ap. *Mommsen* II. S. 969.

[4]) *Mommsen*, S. 1059, 1063, 1067.

о рабахъ, дѣла по опекѣ надъ сиротами и дѣла по политическимъ преступленіямъ.[1])

Общее положеніе византійскаго государственнаго права усвояло за эпархомъ значеніе *первой особы послѣ царя.*[2]) Практически это положеніе осуществлялось всякій разъ, когда царю нужно было выѣхать изъ столицы; въ этомъ случаѣ верховная власть временно переходила на коллегію изъ трехъ сановниковъ: на препосита, магистра и эпарха, которые становились временными царями.[3]) Въ разное время права константинопольскаго эпарха то ограничивались, то расширялись; въ періоды смутъ и общественныхъ движеній онъ облекаемъ былъ неограниченными полномочіями.[4]) Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что эпархъ игралъ весьма важную роль въ исторіи Константинополя и что онъ былъ то популярнѣйшимъ, то ненавистнѣйшимъ органомъ правительственной власти, и въ томъ и другомъ случаѣ былъ особой хорошо извѣстной всему населенію, которое или превозносило его похвалами, или безпощадно осмѣивало и порицало. Какъ особа высшаго ранга и какъ блюститель благочинія, эпархъ принималъ обязательное участіе во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ, при чемъ онъ не былъ здѣсь пассивнымъ лицомъ, какъ большинство присутствовавшихъ, но исполнялъ служебную роль.

Когда освобождалось мѣсто эпарха, самъ царь искалъ замѣстителя изъ числа наиболѣе извѣстныхъ и вѣрныхъ лицъ. Въ большинствѣ случаевъ намѣченный кандидатъ происходилъ изъ важныхъ чиновниковъ и состоялъ въ санѣ патрикія, или же получалъ этотъ санъ по утвержденіи въ должности эпарха.[5]) Производство въ чины и назначеніе въ высшія должности со-

---

[1]) Въ Византіи часть этихъ дѣлъ отнесена была впослѣдствіи къ компетенціи квестора.

[2]) Какъ видно изъ приведеннаго выше мѣста Ἐκλογὴ τῶν νόμων, ap. Migne t. CXIII col. 468.

[3]) *Constantini* de Cerimoniis p. 503.$_{10}$ καθὼς τὸ παλαιὸν ἐκράτει τοῖς βασιλεῦσιν ἔθος, ἐξερχομένου τοῦ βασιλέως ἐπὶ φοσσάτου τὸν πραιπόσιτον παρεῖν τὴν ἑαυτοῦ ἀρχῆς ἐπικράτειαν, καὶ τῷ μαγίστρῳ καὶ τῷ ἐπάρχῳ τὴν τῆς πολιτείας καὶ τοῦ κοινοῦ τὴν διοίκησιν. — Приведенное мѣсто служитъ превосходнымъ комментаріемъ извѣстія первоначальной Русской лѣтописи подъ 6374 годомъ. „Цесарю же отшедшю на Огаряны (Орифонта въ Константинѣ градѣ остави) . . . . вѣсть эпархъ посла къ нему, яко Русь идетъ на Царьгородъ“. Тогдашній эпархъ Никита Орифа, хорошо извѣстный въ Византійской лѣтописи, былъ временнымъ замѣстителемъ царя по случаю похода на Агарянъ, въ которомъ царь принялъ личное участіе.

[4]) *Ecloga*, lib. I—X Basil. VII, 5: ὁ ἔπαρχος τοῖς συγκλητικοῖς ἀπρόσφορος δικαστὴς ἄνευ διορισμοῦ βασιλέως.

[5]) De Cerimoniis, p. 246. 6.

проваждалось особой церемоніей частію гражданскаго, частію церковнаго характера. Обрядовая сторона этой церемоніи сохраняла до извѣстной степени символическій характеръ и служила указаніемъ круга обязанностей, соединяемыхъ съ чиномъ или должностью. Въ обрядникѣ Константина Порфиророднаго есть отдѣлъ, занимающійся церемоніей производства въ эпархи.[1]) Начало этого отдѣла нужно, однако, считать или въ значительной степени попорченнымъ, или пропущеннымъ, ибо сохранившійся текстъ вводитъ насъ прямо во вторую часть обряда, представленіе эпарха городскимъ сословіямъ. Первая часть церемоніи должна была заниматься изложеніемъ акта, посредствомъ котораго царь жаловалъ избранному лицу власть эпарха города;[2]) этотъ актъ долженъ былъ происходить въ Хрисотриклинѣ, въ присутствіи царя и штата придворныхъ чиновниковъ. Трудно дѣлать догадки о томъ, въ чемъ заключалась пропущенная часть;[3]) можно выставить лишь то предположеніе, что обрядъ выпущенъ потому, что онъ былъ подобенъ предыдущему (производство препосита) и что составитель обрядника не захотѣлъ повторять подробностей, которыя только что изложилъ. Представленіе сословіямъ, какъ характерная часть чина производства въ эпарха, изложена съ большими подробностями. Самый актъ происходитъ въ Оноподѣ, гдѣ собираются гражданскія сословія города и куда вновь назначенный эпархъ направляется въ сопровожденіи препосита, получившаго приказъ царя „ввести его въ должность эпарха города“. Пока гражданскимъ сословіямъ сообщается приказъ собраться въ Оноподѣ, препоситъ и эпархъ дожидаются въ залѣ Августея и потомъ, когда всѣ приготовленія будутъ окончены, эпархъ входитъ въ Оноподъ и обращается къ собравшимся съ рѣчью, имѣющей предметомъ обязанности гражданскаго долга.[4]) Затѣмъ, тоже при обрядѣ, который не сохраненъ

---

[1]) De Cerimoniis, p. 263—268.

[2]) Ibid. 263.10 προσκαλεῖται ὁ βασιλεύς, ὃν ἂν βούλεται προβαλέσθαι ὕπαρχον, προσκαλεῖται καὶ τὸν πραιπόσιτον, καὶ λέγει πρὸς αὐτὸν „ἄπελθε καὶ παράδος αὐτὸν ὕπαρχον πόλεως“. Что наша догадка о пропускѣ первой части обряда имѣетъ основаніе, это видно между прочимъ изъ начала слѣдующей главы de Cerimoniis: τῆς συνήθους τάξεως τελουμένης ἐν τῷ παλατίῳ ἐπὶ τῇ τοῦ ὑπάρχου προαγωγῇ, но, какъ мы видѣли, этого τάξις въ обрядникѣ не сохранилось.

[3]) Обрядъ пожалованія власти состоялъ, по всей вѣроятности, въ передачѣ каламарія эпарху, de Cerim. 268.8; см. Insignia præfecti urbis Romæ, *Seeck* Notitia dignitatum p. 113. О значеніи каламарія см. превосходное мѣсто *Joannis Lydi*, de magistratibus, p. 179.20 θῆκαι, οὕτω δὲ τὸ λεγόμενον τῷ πλήθει καλαμάριον . . . . πρὸς ὑποδοχὴν κοινοῦ μέλανος ἐξυπηρετεῖται τῷ δικαστηρίῳ.

[4]) *De Cerim*, p. 264.7. λέγει αὐτοῖς ἃ ἐδιδάχθη παρὰ τοῦ βασιλέως λέγειν νουθεσίας ἕνεκα καὶ νομίμων διακράτησιν.

въ нашемъ источникѣ, препоситъ совершаетъ актъ ввода въ должность новаго эпарха и отца города.[1]) Облачившись послѣ того въ парадное облаченіе (καμήσιον, πελώνιον и λῶρον), новый эпархъ въ сопровожденіи городскихъ сословій и штата преторіи проходитъ черезъ палату экскувитовъ и школы къ храму св. Софіи, чтобы здѣсь исполнить церковныя церемоніи. На пути происходятъ актологіи димовъ. Въ этихъ актологіяхъ выражаются привѣтствія и благожеланія эпарху, высказываются похвалы и признательность царю, что онъ назначилъ эпархомъ такого чистаго и достойнаго человѣка, вѣрнаго слугу царскаго, благороднаго по своему происхожденію и по заслугамъ возведеннаго въ высшія почести. — Между тѣмъ процессія доходитъ до Халки и св. Кладезя. Здѣсь эпархъ возжигаетъ свѣчу и входитъ въ св. Софію, гдѣ патріархъ совершаетъ молитву *по обычному типу*, какъ при возведеніи въ патрикіи.[2]) Выходя изъ храма, эпархъ садится на приготовленнаго бѣлаго коня или на парадную колесницу и торжественной процессіей, въ преднесеніи каламарія, отправляется въ свой приказъ, сопутствуемый и отрядомъ полицейскихъ чиновъ (οἱ ταξαιῶται). Здѣсь, сидя на своемъ тронѣ, онъ принималъ поздравленія отъ чиновъ подчиненнаго ему приказа и отъ городскихъ представителей и затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ какъ прибылъ, отправлялся въ свой домъ.

Не всегда однако эпарху удавалось благополучно провести свой первый день. Если населеніе не сочувствовало новому назначенію и если эпархъ не принадлежалъ къ популярнымъ чиновникамъ, то на улицахъ начинали происходить шумные протесты противъ наваго эпарха, раздавалась ругань и порицаніе. Такъ, при Юстиніанѣ I, когда вновь назначенный эпархъ Андрей совершалъ обычный путь изъ дворца въ преторію, возсѣдая на парадной колесницѣ, народъ встрѣтилъ его ругательствами, насмѣшками и бросаніемъ камней, вслѣдствіе чего произошло въ городѣ движеніе, не утихавшее нѣсколько дней.[3])

Попытаемся теперь взглянуть на константинопольскаго эпарха при исполненіи имъ обязанностей. Византійскіе импе-

---

[1]) Παραδίδωσιν ὁ πραιπόσιτος πατέρα πόλεως τὸν προβληθέντα ὕπαρχον, de Cerim. $264._{12}$ и $265._{10}$.

[2]) De Cerimoniis p. $268._{3}$.

[3]) Theophanis chronogr. (ed. De Boor) p. 239.8 ἐξερχομένου αὐτοῦ . . . καθημένου ἐν τῷ ὀχήματι ἤρξαντο αὐτὸν ὑβρίζειν καὶ λιθανίζειν . . .

раторы, внеся нѣкоторыя реформы въ устройство городской префектуры, по существу стремились къ усиленію власти городскаго эпарха. Одной изъ важнѣйшихъ реформъ было въ этомъ отношеніи то, что эпарху константинопольскому подчинено было самостоятельное какъ прежде въ Римѣ, такъ и въ Константинополѣ, вѣдомство префекта преторіи. Замѣчено спеціально о патрикіи Кирѣ, современникѣ Ѳеодосія Великаго, что онъ былъ избранъ сразу на двѣ должности — префекта города и префекта преторіи — и оставался въ этомъ званіи четыре года.[1]) Такъ какъ въ вѣдомствѣ префекта преторіи находились городскія тюрьмы, то легко понять, какъ увеличилось значеніе константинопольскаго эпарха со времени подчиненія ему префектуры преторіи.

Главныя обязанности эпарха города, какъ и римскаго префекта, состояли въ охраненіи общественной безопасности и тишины въ столицѣ имперіи. Ему предоставлены были широкія полномочія; онъ имѣлъ право суда и ограниченія личной свободы гражданъ, могъ заключать въ темницу и высылать изъ города подозрительныхъ лицъ. Въ его непосредственномъ завѣдываніи находились торговыя и промышленныя заведенія, ремесленныя корпораціи, мѣста общественныхъ собраній; отъ него же зависѣла городская полиція; отъ него исходили распоряженія по благоустройству города, содержанію его въ чистотѣ и украшенію его по случаю торжествъ и парадныхъ царскимъ выходовъ. Для исполненія лежащихъ на немъ обширныхъ обязанностей онъ нуждался въ сотрудникахъ и помощникахъ и въ штатѣ полицейскихъ служителей. Онъ имѣлъ для этого свою канцелярію или приказъ съ опредѣленнымъ штатомъ чиновниковъ; этотъ приказъ съ утра до ночи осаждаемъ былъ просителями. Въ зависимости отъ приказа эпарха была городская тюрьма или преторія, въ которой содержались государственные преступники и подозрительные для правительства люди. Не всѣ сферы дѣятельности эпарха одинаково раскрыты въ источникахъ, но за то общій характеръ учрежденія можетъ быть представленъ въ ясныхъ чертахъ. Всего опредѣленнѣй въ сохранившихся памятникахъ выставляется

[1]) Chron. paschale 1. p. 588. Κῦρος προεβλήθη ἔπαρχος πραιτωρίων καὶ ἔπαρχος πόλεως, καὶ προῆει μὲν ὡς ἔπαρχος πραιτωρίων εἰς τὴν καροῦχαν τῶν ἐπάρχων· ἀνεχώρει δὲ καθήμενος εἰς τὴν καροῦχαν τοῦ ἐπάρχου τῆς πόλεως· ἐκράτησεν γὰρ τὰς δύο ἀρχὰς ἐπὶ χρόνους τέσσαρας, διότι καθαρὸς ἦν πάνυ; cp. p 571.5; *Theoph. p. 239.*

судебная власть эпарха. Тѣмъ любопытнѣй воспользоваться здѣсь всѣми имѣющимися данными, что въ общемъ мы весьма мало знаемъ о судебной организаціи и судебной процедурѣ, хотя именно въ этой области византійское правительство наиболѣе проявляло свою гуманную дѣятельность. Въ законѣ судебная роль эпарха опредѣлена весьма ясно. Эпарху города подлежатъ всѣ дѣла по преступленіямъ, онъ разслѣдуетъ обо всемъ, что случается въ столицѣ. Эпархъ города имѣетъ право лишать жительства въ столицѣ и ограничивать извѣстнымъ мѣстомъ право жительства. Эти два пункта уже ясно показываютъ почти абсолютную судебную власть эпарха въ городѣ. Но слѣдуетъ присоединить, что къ его компетенціи принадлежали еще нѣкоторыя спеціальныя дѣла, которыя мы укажемъ ниже. Само собой разумѣется, лице, обладавшее такой обширной властью не могло пройти безслѣдно въ исторіи, и такъ или иначе въ лѣтописи должны были сохраниться свѣдѣнія о чиновникѣ, отъ котораго зависѣла судьба каждаго жителя Константинополя.

О судебной власти эпарха имѣются дѣйствительно довольно обильныя свѣдѣнія у писателей. Сопоставляя эти свѣдѣнія, нельзя не видѣть, какъ высоко стояло въ Византіи судебное дѣло, и какъ идеально смотрѣли на правосудіе во все время. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода.

Царь Іустинъ выражаетъ предъ сенатомъ жалобу на то, что всѣ его усилія поднять въ странѣ правосудіе встрѣчаютъ преграду въ алчности и подкупности чиновниковъ и что онъ усталъ принимать карательныя мѣры и желаетъ отказаться отъ власти. Тогда одинъ изъ присутствующихъ сановниковъ говоритъ ему. „Государь! избери меня въ эпархи города, разрѣши никому не давать пощады и наконецъ позволь безпрепятственно входить къ тебѣ для докладовъ по дѣламъ, и я завѣряю, что не пройдетъ и тридцати дней, какъ не будетъ болѣе ни обижающаго, ни обиженнаго. Если же кто донесетъ о какомъ либо дѣлѣ, что оно было у меня и я его не рѣшилъ, то я отвѣчаю головой“. — Іустинъ согласился на его предложеніе и назначилъ его эпархомъ. Показавъ на одномъ случаѣ съ высокопоставленнымъ лицемъ, что у новаго эпарха слово съ дѣломъ не расходится, онъ дѣйствительно скоро успѣлъ поселить уваженіе къ закону и сдержалъ свое слово

передъ царемъ. Въ награду царь возвелъ его въ санъ патрикія и назначилъ пожизненнымъ эпархомъ.[1])

Есть еще прекрасный разсказъ о квесторѣ Исокасіѣ, точно также рисующій весьма блестящими красками судебную систему. Царю Льву I донесено было, что квесторъ Исокасій придерживается языческихъ мнѣній. Лишивъ его сана, царь сдѣлалъ распоряженіе о преданіи его суду у провинціальнаго судьи, хотя по своему сану и занимаемой должности Исокасій долженъ былъ судиться предъ эпархомъ съ депутатами отъ сената. Въ Константинополѣ начали хлопотать за Исокасія и побудили царя, отмѣнивъ первое распоряженіе, предоставить обвиняемому право судиться согласно его сану. Когда онъ явился на судъ со связанными назадъ руками, то эпархъ Пусей сказалъ ему: въ какомъ видѣ ты предсталъ сюда, Исокасій! — Не удивляюсь, отвѣтилъ подсудимый, я человѣкъ, и меня постигло людское горе, но ты суди меня такъ, какъ бы произносилъ приговоръ въ моемъ сообществѣ.[2]) — При этомъ вспоминаются намъ прекрасныя и гуманныя мысли, выраженныя въ новеллахъ императоровъ X и XI вѣка въ защиту мелкой поземельной собственности, въ которыхъ законность и справедливость въ судахъ также ставятся на идеальную высоту и выставляются въ качествѣ особенно важной задачи императора.

Отъ общихъ наблюденій о судебной дѣятельности эпарха переходимъ къ частностямъ.

Участіе суда эпарха засвидѣтельствовано въ слѣдующихъ случаяхъ:

Во — первыхъ, въ дѣлахъ политическаго характера: заговоры на жизнь государя, попытки произвести государственный переворотъ, бунты, политическіе доносы и т. п. Въ царствованіе Фоки сдѣланъ былъ доносъ, что семья царя Маврикія питаетъ надежды на переворотъ. Разслѣдованіе по этому дѣлу (съ пыткой) поручено эпарху Θеопемпту.[3]) Тотъ же Фока, когда разъ въ Ипподромѣ нанесено было ему оскорбленіе, ἐπέτρεψε Κοσμᾶν τὸν ἔπαρχον τῆς πόλεως καὶ πολλοὺς ἠκρωτηρίασε . . . ἄλλους δὲ ἀπεκεφάλισε.[4]) Суровыя мѣры эпарха

---

[1]) *Cedreni* 1. p. 681—682.
[2]) Chron. paschale p. 595—596; сравни Theoph. p. 115.10.
[3]) Theophanis chronogr. p. 294.34.
[4]) *Ibidem.* p. 296.27.

вызвали взрывъ народнаго негодованія, которое выразилось въ бунтѣ, при чемъ Прасины подожгли преторію и сожгли приказъ, архивъ и тюрьму, и выпустили на свободу узниковъ.[1]) Въ другой разъ Фокѣ было донесено о заговорѣ на его жизнь, разслѣдованіе также поручено эпарху.[2]) При Юстиніанѣ эпархъ Прокопій разбиралъ дѣло о политическомъ заговорѣ.[3])

Во-вторыхъ, въ дѣлахъ по нарушенію общественнаго порядка въ Константинополѣ. Имѣя въ виду, что отъ эпарха зависѣли всѣ распоряженія по городскимъ дѣламъ, недовольныхъ имъ было много, и часто раздраженіе противъ него обнаруживалось въ формѣ уличнаго бунта. Такъ какъ во всѣхъ дѣлахъ этого рода судъ принадлежалъ эпарху, то со времени Анастасія вошло въ обычай, чтобы эпархъ обязательно присутствовалъ на всѣхъ выходахъ царя, гдѣ собирается толпа.[4]) Извѣстное возстаніе „Ника" послѣднимъ поводомъ имѣетъ казнь трехъ человѣкъ, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ.[5]) Разъ при Юстиніанѣ, во время цирковаго представленія по случаю прибытія персидскихъ пословъ, народъ сталъ требовать пониженія цѣнъ на жизненные припасы, приказано было эпарху перехватать крикуновъ и наказать.[6]) При царѣ Анастасіи, также во время цирковаго представленія, Прасины обратились къ царю съ просьбой выпустить изъ тюрмы уличныхъ бунтовщиковъ, схваченныхъ эпархомъ.[7]) Когда же требованіе не было уважено, то поднялся бунтъ, при чемъ народъ сталъ бросать камни въ царя и поджигать въ разныхъ мѣстахъ городъ.

Въ-третьихъ, всякое нарушеніе права, вздорожаніе хлѣба, увеличеніе налоговъ и проч. сопровождалось народными движеніями, которыя приходилось усмирять эпарху города.[8])

Не говоря здѣсь о спеціальныхъ дѣлахъ, отнесенныхъ къ компетенціи эпарха, и приведеннаго достаточно, чтобы судить о широтѣ и важности судебной роли эпарха.

---

[1]) Ibid. p. 297.3.

[2]) Ibid. 297.28.

[3]) Theoph. p. 238.10.

[4]) Theoph. p. 150.$_8$ τὸν ἔπαρχον ἐν ταῖς συνάξεσι καὶ ἐν ταῖς λιταῖς τότε ἐπενόησεν ἀκολουθεῖν ὁ βασιλεὺς . . . καὶ ἐγένετο εἰς ἔθος.

[5]) Ibid. 184.

[6]) Ibid. 230.$_{20}$ καὶ ἀγανακτήσας ὁ βασιλεὺς κελεύει Μουσωνίῳ τῷ ἐπάρχῳ κρατῆσαι τοὺς τοῦτο ποιήσαντας, καὶ ἐκολάσθησαν.

[7]) Chronic. paschale p. 608.$_8$ ἀπολυθῆναί τινας συσχεθέντας ἀπὸ τοῦ ἐπάρχου τῆς πόλεως λιθοβόλους.

[8]) Ibid. p. 571.$_8$ ἐκάη τὸ πραιτώριον Μοναξίου ἐπάρχου πόλεως ἀπὸ τοῦ δήμου — διὰ τὴν ἔνδειαν τοῦ ἄρτου καὶ ἐσύρη ἡ καροῦχα αὐτοῦ . . .

Мало сохранилось данныхъ о томъ, какъ достигались эпархомъ его задачи. Прежде всего, конечно, ему необходимо было имѣть значительный штатъ подчиненныхъ чиновниковъ. Мы уже видѣли, что онъ имѣлъ свой приказъ называемый то σηκρέτον, то πραιτώριον. Въ царствованіе Юстиніана отрѣшенъ былъ эпархъ города Прокопій и вмѣсто него назначенъ Андрей, бывшій прежде логоѳетомъ. Объ немъ замѣчено, что, когда онъ вышелъ изъ дворца, то отправился на парадной колесницѣ въ *преторій*.[1]) Во время возмущенія Ники народъ также пошелъ въ преторій, т. е. въ приказъ эпарха, чтобы просить объ освобожденіи заключенныхъ.[2]) Вообще, всякій разъ какъ вспыхиваетъ народное неудовольствіе противъ эпарха, подвергается опасности преторій.[3]) При царѣ Романѣ, сынѣ Константина Порфиророднаго, былъ сдѣланъ весьма удачный выборъ въ эпархи протоспаѳарія Сисинія, возведеннаго скоро въ санъ патрикія.[4]) По поводу его мудраго управленія городомъ замѣчено, что онъ украсилъ *священный преторій*.[5]) Въ числѣ его помощниковъ упоминается σύμπονος Ѳеофилактъ и логоѳетъ преторіи Іосифъ въ чинѣ спаѳарокандидата. По случаю одного пожара упоминается ταξεώτης τοῦ ἐπάρχου τῆς πόλεως.[6])

Но собственное названіе приказа эпарха было σέκρετον, какъ это доказывается мѣстами ἐπαρχικὸν βιβλίον.[7]) Этотъ приказъ по обряднику Константина Порфиророднаго состоитъ изъ 14 видовъ отдѣльныхъ чиновъ, которые составляютъ оффикій эпарха.[8]) А какъ въ томъ же обрядникѣ не упомянутъ оффикій или приказъ префекта преторіи, то ясно, что оба эти приказа слились и что названіе преторіи перешло и на приказъ эпарха города. Само собой разумѣется, что ближайшіе сотрудники эпарха: σύμπονος, логоѳетъ преторія и эксархъ и сами имѣли подъ своей властью канцеляріи съ опредѣленнымъ числомъ служащихъ. Подъ властью эпарха повидимому былъ и военный от-

---

[1]) Theoph. p. $239._{10}$.

[2]) Ibid. p. $184._{4}$.

[3]) Chronic. paschal. p. $695._{6}$. στάσεως δημοτικῆς γενομένης ἐκαύθη ἡ Μέση ἀπὸ τῶν Λαύσου καὶ τὸ πραιτῶριν τοῦ ἐπάρχου τῆς πόλεως.

[4]) Theoph. *Contin.* p. $470._{4}$ καὶ τὸν πρωτοσπαθάριον Σισίνιον ἔπαρχον πόλεως ἐχειροτόνησεν, ἄνδρα λόγιον καὶ πρὸς τὸ κοινὸν ἐπιτήδειον . . . .

[5]) ὅστις Σισίνιος τῇ ἐπαρχίᾳ διέπρεψεν εὐνομίᾳ καὶ δικαιοσύνῃ καὶ τὸ ἱερὸν πραιτώριον κατηγλάϊσεν.

[6]) Chron. paschale p. $701._{8}$; cp. *Zachariae*, Jus Graeco-romanum III. p. 259.

[7]) *Nicole*, Le livre du Prefet, p. 15, § 3 ἐν τῷ ἐπαρχικῷ σεκρέτῳ.

[8]) *De Cerimoniis* p. 717.

рядъ.[1]) Преторія, въ которой находилась и государственная темница, испытала нѣсколько разъ взрывы народнаго негодованія. У писателей находимъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о мѣстоположеніи этого довольно несимпатичнаго учрежденія, гдѣ производились пытки и разслѣдованія и гдѣ содержались политическіе преступники; это учрежденіе находилось на Месѣ, т. е. на главной улицѣ Константинополя.[2]) По соображеніемъ Скарлата-Византія[3]) положеніе преторіи соотвѣтствуетъ нынѣшней мѣстности Tachta-kale, т. е. равнинѣ близь мечети Султанъ-Баязитъ и Эски Сарая.

Какъ осуществлялъ эпархъ предоставленную ему судебную власть? Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія наши весьма скудны. Можно думать, что органы судебной власти въ столицѣ были поставлены въ зависимыя къ эпарху отношенія. Въ обрядникѣ Константина Порфиророднаго въ числѣ чиновъ, подвѣдомственныхъ эпарху, поставлены κριταὶ τῶν ῥεγεώνων, откуда можно заключить, что 14 городскихъ судебныхъ учрежденій въ Константинополѣ исполняли роль нашихъ участковыхъ мировыхъ судей; но какъ организованы были отношенія эпарха къ судебнымъ учрежденіямъ, объ этомъ трудно составить понятіе.

Административная власть эпарха простиралась на все городское населеніе, включала въ себѣ наблюденіе за общественной безопасностью, за чистотой города, украшеніемъ его общественными постройками, освѣщеніемъ и украшеніемъ его по случаю торжествъ, царскихъ выходовъ и праздниковъ. Разсмотрѣніе указанныхъ административныхъ обязанностей эпарха, въ настоящее время значительно облегчено появленіемъ любопытнаго памятника — переписи константинопольскихъ корпорацій или цеховъ, Этотъ памятникъ даетъ громадную массу новаго и свѣжаго матеріала, какъ для ознакомленія съ административными полномочіями эпарха, такъ и для исторіи городскаго промышленнаго и торговаго сословія. Имѣемъ въ виду найденный въ Женевской библіотекѣ и изданный въ 1893 году

---

[1]) Theoph. p. $184._{18}$; de Cerimoniis p. $449._{3}$. ἀπαριθμῆσαι τὸν λαὸν, ὅσοι τε ὑπὸ τὰ τάγματά εἰσι τῆς πόλεως καὶ ὅσοι ὑπὸ τὸν ὕπαρχον.

[2]) Chron. paschale p. $695._{7}$ ἐκαύθη ἡ Μέση ἀπὸ τῶν Λαύσου καὶ τὸ πραιτώριν τοῦ ἐπάρχου τῆς πόλεως ἕως τῆς Ἄρκας ἄντικρυ τοῦ φόρου Κωνσταντίνου. Выраженіе τῆς Ἄρκας должно быть исправлено, слѣдуетъ читать ἄρκλας и подразумѣвать казначейство эпарха. — Довольно подробное описаніе мѣстоположенія преторіи у Ѳеофана, въ разсказѣ о бунтѣ „Ника“ p. 184_{15}; сравни chron. pasch. p. $622._{10}$ и Theoph. p. $297._{8}$.

[3]) Κωνσταντινούπολις 1. p. 529—530.

уставъ 22 городскихъ корпорацій или πολιτικῶν σωματείων, который знакомитъ насъ съ правами и обязанностями этихъ корпорацій, съ ихъ внутреннимъ устройствомъ и отношеніями къ ближайшей власти, т. е. къ эпарху города.[1]) Безъ всякаго сомнѣнія памятникъ этотъ, хотя онъ не вполнѣ сохранился, представляетъ собой драгоцѣнное сокровище для исторіи внутренней жизни города Константинополя. На первомъ мѣстѣ въ Уставѣ стоитъ коллегія или общество тавулларіевъ, что вполнѣ подходитъ къ нашему термину стряпчій или нотаріусъ. Она организована какъ самостоятельное учрежденіе, вѣдающее свои внутреннія дѣла чрезъ спеціальныхъ чиновниковъ, во главѣ которыхъ находится *примикирій,* или старшина, зависящій прямо отъ эпарха. Общество тавулларіевъ, какъ коллегіальное учрежденіе, обладало правомъ самоуправленія и самопополненія. Такъ, избраніе новыхъ членовъ въ коллегію предоставлено было совѣту нотаріевъ и примикирія и утверждалось эпархомъ.

Уставъ даетъ подробныя и весьма любопытныя на этотъ счетъ указанія, которыми тѣмъ болѣе необходимо здѣсь воспользоваться, что онѣ вообще характеризуютъ византійскія коллегіи и корпораціи. Требуемыя отъ кандидата на должность тавулларія качества установлены весьма опредѣленно. Онъ долженъ имѣть достаточную подготовку въ законовѣдѣніи, отличаться хорошимъ почеркомъ и быть въ состояніи отличать подлинныя бумаги отъ поддѣльныхъ.[2]) Эти качества, а равно свидѣтельство объ окончаніи средней школы и спеціальныя знанія по законовѣдѣнію оцѣниваются примикиріемъ и совѣтомъ тавулларіевъ, отъ которыхъ зависитъ представленіе кандидата на утвержденіе эпарху.[3]) Можно думать, что кандидатъ долженъ былъ обнаружить требуемыя отъ него спеціальныя знанія посредствомъ экзамена, на которомъ ему предлагались вопросы изъ практическаго руководства по законовѣдѣнію и изъ Василикъ[4]). Одобренный совѣтомъ тавулларіевъ кандидатъ представляемъ былъ эпарху, при чемъ клятвенно подтверждалось, что

[1]) *Nicole* J., Le Livre du Préfet ou l'édit de l'empereur Leon le Sage sur les corporations de Constantinople. Genève 1893.

[2]) *Nicole*. Le livre du Préfet, p. 14 § 1. . . ὡς ἂν γνῶσιν καὶ νόμων εἴδησιν ἔχῃ καὶ χειρὸς γραφῇ τῶν λοιπῶν προτερεύῃ . . . . τοῦ μὴ ῥᾴστα ὧδε κἀκεῖσε περιφέρεσθαι εἴς τε τάς τῶν φαλσευμάτων γραφὰς καὶ τάς τῶν δελεασμάτων παραγραφάς.

[3]) Ibid. § 9. μετὰ τὴν διαμαρτυρίαν καὶ τὴν ἔρευναν ἐμφανίζεσθαι μετὰ τοῦ συλλόγου τῶν ταβουλλαρίων καὶ τοῦ πριμμικηρίου τῷ ἐνδοξοτάτῳ ἐπάρχῳ.

[4]) Ibid. § 2. ὁ προχειρισθησόμενος ὀφείλει ἐπὶ στόματος ἔχειν (т. е. знать *наустно)* τοὺς τεσσαράκοντα τίτλους τοῦ ἐγχειριδίου νόμου καὶ τῶν ἑξήκοντα τῶν

представленіе кандидата въ должность дѣлается не по чьей либо просьбѣ, ни по дружбѣ или родству, а взирая на способности и заслуги лица. Тогда эпархъ утверждаетъ представленіе своей печатью, и представляемый зачисляется въ коллегію тавулларіевъ. Изъ приказа эпарха новый нотаріусь въ сопровожденіи примикирія и корпораціи идетъ въ ближайшую церковь, гдѣ священникъ читаетъ положенную молитву, а отсюда направляется въ канцелярію, въ которой ему назначено служить, гдѣ принимаетъ поздравленія отъ сослуживцевъ, а затѣмъ идетъ въ свой домъ, гдѣ дается угощеніе товарищамъ.

Права и обязанности тавулларіевъ или нотаріевъ изложены въ Уставѣ весьма обстоятельно: они обязаны являться на всѣ царскіе выходы, на зрѣлища въ Ипподромѣ, на засѣданія совѣта тавулларіевъ, иначе подвергаются штрафу; обязаны исполнятъ порученія эпарха, иначе подлежатъ штрафу, а при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ дисциплинарному взысканію.[1])

Далѣе, точно опредѣляются условія платы за составленіе актовъ, договоровъ и проч., и опредѣляются права тавулларія, когда ему случится быть въ канцеляріи другóго нотарія. Въ случаѣ сомнѣній относительно платы за акты, дѣло переходитъ на рѣшеніе примикирія, а, если рѣчь идетъ о большой цѣнѣ, рѣшается эпархомъ. Въ случаѣ ссоръ между собою тавулларій жалуется примикирію, въ дѣлахъ большой важности эпарху.

При составленіи акта нотарій долженъ при свидѣтеляхъ и понятыхъ дѣлать надлежащую скрѣпу. Въ случаѣ нарушенія этого правила они подвергаюся тѣлесному наказанію по суду эпарха. Писцы (γραφεῖς) нотаріевъ не имѣютъ права составлять актовъ безъ разрѣшенія патроновъ. Въ случаѣ болѣзни примикирія обязанности его исполняетъ старшій изъ тавулларіевъ.[2]) Избраніе примикирія принадлежитъ эпарху. Эпархъ не долженъ назначать больше 24 нотаріевъ.[3]) Цѣна за составленіе актовъ:

Βασιλικῶν τὴν γνῶσιν, παιδευθῆναι δὲ καὶ τὴν ἐγκύκλιον παίδευσιν (т. е. пройти среднюю школу). Подъ выраженіемъ ἐγχειρίδιος νόμος нужно разумѣть одно изъ руководствъ по праву и всего вѣроятнѣй Πρόχειρος νόμος.

[1]) Ibid § 5. διὰ παιδείας παρὰ τοῦ ἐπάρχου σωφρονιζέσθω.

[2]) Ibid § 12 ὁ ταβουλλάριος ὀφείλει ἐνώπιον τῶν μαρτύρων καὶ τῶν προσκαλεσαμένων κύθωρὸν καὶ τὴν κόμπλαν ἐπιτιθέναι κατὰ τὸν νόμον καὶ τὸ συμβόλαιον ἐκπληροῦν. Ibid. § 21. αὐτὸς μὲν σχολαζέτω λαμβάνων τὰ ὀφειλόμενα αὐτῷ ὡσανεὶ ἀπὸ πριμμικηρίων ὤν. Послѣдняя прибавка, указываетъ, что названіе должности съ предлогомъ ἀπὸ (ἀπὸ στρατηγῶν, ἀπὸ δρουγγαρίων и др.) обозначаетъ титулярнаго чиновника.

[3]) § 23 ὅσαι στατίονες τοσοῦτοι καὶ συμβολαιογράφοι.

21 кератіевъ за актъ на 100 номисмъ, одна номисма за актъ свыше этой суммы. Въ случаѣ смерти тавуларія вся коллегія должна почтить своимъ присутствіемъ его погребеніе. Нарушитель платитъ 6 кератіевъ.

Въ уставѣ коллегіи тавулларіевъ, состоящемъ изъ 26 §§, есть нѣсколько статей, касающихся преподавателей юридическихъ наукъ: *παιδοδιδάσκαλος νομικὸς καὶ ὁ διδάσκαλος*, это §§ 13, 15 и 16.[1]) Любопытно здѣсь то, что преподаватели юридическихъ наукъ также находятся въ вѣдомствѣ эпарха города и состоятъ въ извѣстной связи съ коллегіей тавулларіевъ, которая оцѣниваетъ правоспособность кандидата на преподаваніе курса юридическихъ наукъ. Учителямъ запрещается брать такихъ учениковъ, которые бы захотѣли вступить къ нимъ изъ другой школы, не заплативъ прежнему учителю за преподаваніе; пріемъ новыхъ учениковъ вообще поставленъ въ зависимость отъ усмотрѣнія примикирія. Упомянутыя статьи о преподавателяхъ должны быть сопоставлены съ тѣми данными по тому же предмету, которыя находятся въ извѣстной новеллѣ Константина Мономаха, изданной около 1045 года, гдѣ находимъ довольно существенную реформу постановки преподаванія юридическихъ наукъ и подготовки нотаріусовъ и стряпчихъ.[2])

Второй § Устава занимается корпораціей серебренниковъ (οἱ ἀργυροπρᾶται). Уже то обстоятельство, что между нотаріусами и стряпчими съ одной стороны и продавцами серебряныхъ вещей съ другой существуетъ большое различіе въ соціальномъ и общественномъ положеніи, должно наводить на мысль, что Уставъ сохранился не въ цѣльномъ видѣ и что въ § 1 мы имѣемъ отрывокъ первой части, которая занималась корпораціями свободныхъ профессій, наприм. адвокаты, учителя. Всматриваясь въ редакцію § 1 и слѣдующихъ, нельзя не замѣтить и въ этомъ отношеніи большихъ различій. Въ то время, какъ въ первомъ подробно трактуется объ устройствѣ корпораціи, о правахъ членовъ и проч., въ послѣдующихъ все вниманіе обращается на предупрежденіе и пресѣченіе злоупотребленій, соединенныхъ съ занятіями промысломъ и ремесломъ. Серебренники имѣютъ право торговать золотомъ,

[1]) Отмѣтимъ здѣсь ради куріоза совершенно нелѣпый латинскій переводъ греческаго текста: ὁ παιδοδιδάσκαλος νομικὸς переведено Ludimagister pragmaticus!

[2]) *De Lagarde*, Abhandl. d. Goettinger Gesellsch. d. Wissenschaften, *histor. — philol.* Classe 28 (1881). Въ русскомъ переводѣ эта новелла сообщена *во II т.* Извѣстій Института стр. 19 и слѣд.

серебромъ и драгоцѣнными каменьями, запрещается имъ вести торговлю мѣдными издѣліями и льняными матеріями. Они обязаны слѣдить, чтобы никто изъ непринадлежащихъ къ ихъ корпораціи не занимался торговлей золотомъ, серебромъ и драгоцѣнностями и въ случаѣ появленія на базарѣ такихъ предметовъ доводить о томъ до свѣдѣнія эпарха, [1]) или представлять продавца старшинѣ своего цеха (τῷ προεστῶτι). Наконецъ, Уставъ требуетъ, чтобы мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ имѣли свои мастерскія на Месѣ, а не въ частныхъ домахъ.

3. Банкиры, или собственно мѣняльщики, обязаны не скоблить монету, не портить на ней изображенія, предъявлять по требованію эпарха свои ящики съ монетой и заявлять ему о фальшивой монетѣ.

4. Продавцы драгоцѣнной одежды (οἱ βεστιοπρᾶται). Это была довольно важная корпорація, занимавшаяся торговлей парадной одеждой изъ шелка, окрашеннаго въ разные цвѣта. Члены ея обязывались наблюдать, чтобы этотъ дорогой товаръ продавался только извѣстнымъ лицамъ и чтобы не попадалъ въ руки иностранцевъ. [2]) Правительство такъ заботилось объ удержаніи въ столицѣ этого товара, что требовало отъ продавцовъ предъявленія эпарху наиболѣе дорогихъ одеждъ (цѣной свыше 10 номисмъ); назначенный въ продажу за границу товаръ долженъ имѣть клеймо эпарха.

5. Коллегія прандіопратовъ или торговцевъ сирійской одеждой находится въ подчиненіи у эксарха, назначаемаго эпархомъ города. Привозимыя изъ Сиріи одежды, равно какъ сарацинскія и багдадскія ткани должны храниться въ одномъ складѣ (ἐν ἑνὶ τόπῳ τοῦ Ἐμβόλου). Сирійскіе купцы имѣютъ право оставаться въ Константинополѣ только три мѣсяца, по истеченіи коихъ непроданный товаръ предъявляется эпарху, который принимаетъ для сбыта его зависящія мѣры. [3]) Есть еще любопытная статья въ уставѣ этой корпораціи, которая, если мы не ошибаемся, говоритъ объ артельной продажѣ товаровъ всѣми членами корпораціи и объ разверсткѣ выру-

[1]) Ibid. p. 23 § 4 ἵνα μὴ τοῖς ἔθνεσι παραπέμπωνται (разумѣются издѣлія изъ золота и серебра).

[2]) P. 29 § 1. Ἀλλὰ μὴ δὲ τοῖς ἔξωθεν ἐκ τῶν κεκωλυμένων διδόναι, ἤγουν ὀξέων εἴτε καὶ πορφυραερίων μεγαλοζήλων, ὡς ἂν μὴ τοῖς ἔθνεσι παραπέμπωνται.

[3]) P. 30 § 5 ἀναγγελλέτωσαν τῷ ἐπάρχῳ τοῦ οἰκονομεῖσθαι ταύτην κατὰ τὸ ἁρμόζον.

ченной суммы между всѣми участниками согласно внесенной каждымъ долѣ. [1])

6. Торговцы шелковыми товарами (οἱ μεταξοπρᾶται). Уставъ предусматриваетъ главнѣйше, чтобы шелковыя матеріи продавались явно и въ опредѣленныхъ складахъ и не попадали въ посторонніи руки. Запрещается продавать этотъ товаръ евреямъ (§ § 13 и 16).

7. Занимающіеся обработкой шелка (οἱ καταρτάριοι).

8. Ткачи пурпуровыхъ тканей (οἱ σηρικάριοι). Производство этой корпораціи обставлено весьма строгими предписаніями и предупредительными мѣрами. Сирикаріямъ запрещается ткать матеріи неустановленныхъ образцовъ и цвѣтовъ, [2]) обыкновенный типъ тканей долженъ подражать персидскимъ пестрымъ матеріямъ, позволяется также выдѣлывать матеріи для славянскаго головнаго убора (славянскія факіоліи). Пурпуровыя же матеріи и ткани шириной въ двѣ четверти должны предъявляется эпарху, равно какъ и всѣ одежды цѣной свыше 10 номисмъ, хотя бы онѣ были и пестрыхъ цвѣтовъ. Преслѣдуется открытіе частныхъ мастерскихъ для производства пурпуровыхъ тканей, угрожаетъ строгое наказаніе тому хозяину мастерской, который бы воспрепятствовалъ входъ въ его заведеніе чиновнику для наложенія клейма и для ревизіи тканей (βουλλωτὴς ἢ μιτωτής), требуется, чтобы шелкъ покупался исключительно въ опредѣленныхъ заведеніяхъ, а не у частныхъ лицъ, запрещается безъ вѣдома эпарха продавать матеріи иностранцамъ.

9. Торговцы полотномъ (οἱ ὀθωνιοπρᾶται ἤγουν μιθανεῖς). Полотняный товаръ шелъ въ Константинополь изъ Македоніи и изъ Анатоліи (κἄν τε ἀπὸ Στρύμωνος κἄν τε ἀπὸ τοῦ Πόντου ἢ Κερασοῦντος) и былъ статьей покровительствуемой. Ткачи полотна имѣли обязательство продавать свой товаръ въ разноску на базарахъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну статью въ уставѣ этой корпораціи (§ 6). Можетъ случиться, что кто изъ

---

[1]) P. 30 § 3 πᾶσα ἡ κοινότης τοῦ συστήματος ἐν καιρῷ ἀγορᾶς καταβαλλέσθω, καθὼς εὐπορεῖ τις· καὶ οὕτως ἀναλόγως τῇ ἑκάστου καταβολῇ καὶ ἡ διανομὴ παρὰ τοῦ ἐξάρχου γινέσθω. Эта же статья встрѣчается въ уставахъ другихъ двухъ корпорацій (VI. § 8 и IX § 3). Дословный переводъ этой статьи: вся община въ ярмарочное время облагается сборомъ согласно имуществу каждаго и сообразно съ внесенной каждымъ долей производится экзархомъ раздѣлъ — не даетъ яснаго смысла.

[2]) P. 35 § 1 εἰργέσθωσαν βλαττία κεκωλυμένα ἐργάζεσθαι ἤτοι σκαραμάγγια ὁλόκληρα ἢ μεσόφορα.

иностранцевъ, изъ Болгаръ или изъ иныхъ народовъ, привезетъ ленъ или медъ и пожелаетъ обмѣнять на другіе товары. Тогда корпорація, занимающаяся торговлей полотномъ, имѣетъ право войти въ товарищество съ членами другихъ корпорацій, торгующими требуемымъ товаромъ и съ разрѣшенія эпарха сообща вести торгъ съ иностранцами, при чемъ члены другихъ корпорацій удерживаютъ для себя столько иностраннаго товара, сколько имъ требуется, остальное же все остается въ пользу корпораціи, занимающейся полотномъ, при чемъ эта послѣдняя выплачиваетъ членамъ другихъ корпорацій по одному кератію на номисму (т. е. около 4%).

10. Продавцы благовонныхъ товаровъ (οἱ μυρεψοί). Лари и столы этой корпораціи располагаются по порядку отъ Халки, гдѣ икона Христа, до Милія. Имъ вмѣняется въ обязанность покупать товаръ въ опредѣленное время, когда онъ приходитъ изъ Халдіи, Трапезунта или другихъ мѣстъ, не задерживать иностранныхъ купцовъ болѣе трехмѣсячнаго срока, которымъ они пользуются для пребыванія въ Константинополѣ.

11. Торговцы воскомъ (οἱ κηρουλάριοι). Они обязываются вести торговлю въ своихъ лавкахъ, а отнюдь не на ларяхъ, поставленныхъ гдѣ попало. Мастерскія ихъ должны стоять на разстояніи 30 саженъ одна отъ другой. Вѣсовые знаки (ὁ καμπανός) должны имѣть печать эпарха.

12. Торговцы мыломъ (οἱ σαπωνοπρᾶται). Кто безъ вѣдома эпарха и старшины (ὁ κατὰ τὴν ἡμέραν προστάτης) приметъ въ свое заведеніе лицо, не принадлежащее къ корпораціи, платитъ штрафъ въ 24 номисмы [1]). Запрещается открывать мастерскія въ близкомъ разстояніи одна отъ другой; новая отъ старой должна отстоять на 7 локтей и 12 стопъ, воспрещается торговать французскимъ мыломъ. Смертная казнь угрожаетъ тому, кто уличенъ будетъ въ тайной торговлѣ запрещеннымъ лѣкарствомъ (ὑγρὰ καταςταλλακτή, p. 46, § 7).

13. Поставщики съѣстныхъ припасовъ (οἱ σαλδαμάριοι) имѣютъ право открывать лавочки по всему городу, на площадяхъ и въ переулкахъ для удобства жителей. Вѣсы и мѣры должны имѣть печать эпарха, торговый барышъ ихъ опредѣляется въ двѣ миліарисіи на номисму.

---

[1]) Золотой имперіалъ, иначе номисма или иперпиръ (иначе перперъ) стоилъ около 4 р. на наши деньги.

14. Кожевники, занимающіеся выдѣлкой ремней (οἱ λωροτόμοι). Уставъ различаетъ три отдѣла между кожевниками: λωροτόμοι, μαλακατάριοι, βυρσοδέψαι или βυρσοποιοί. Мастера ремней зависятъ отъ эпарха лишь частію, по принадлежности ихъ къ кожевенной корпораціи, и имѣютъ во главѣ своей старшину (ὁ προστατεύων) по назначенію эпарха. Съ другой стороны они подчинены протостратору, т. е. начальнику царской конюшни, отъ котораго и получаютъ заказы на поставку сбруи для лошадей.

15. Мясники (οἱ μακελάριοι). Покупка товара производится на скотопригонномъ рынкѣ въ Стратигіѣ[1]) и по цѣнѣ установленной эпархомъ. Продажа мяса должна производиться согласно покупной цѣнѣ за голову; въ пользу мясника идутъ голова, ноги и внутренности животнаго. Мясникамъ возбраняется входить въ сдѣлку съ гуртовщиками, пригоняющими стада въ Никомидію и въ другіе города; константинопольскіе мясники должны покупать барановъ въ Сангаріи.

16. Свиноторговцы (οἱ χοιρέμποροι). Торговля производится на Таврѣ, внѣ этого мѣста запрещается входить въ сношенія съ хозяевами свиныхъ гуртовъ; старшина корпораціи (ὁ πρωτοστάτης) обязанъ всякій разъ при покупкѣ товара предъявлять его эпарху и не имѣетъ права продавать свиней въ разницу перекупщикамъ.

17. Рыботорговцы (οἱ ἰχθυοπρᾶται). Мѣстомъ рыбной торговли опредѣляются αἱ λεγόμεναι μέγισται κάμαραι τῆς πόλεως. Въ каждой лавкѣ рыбнаго рынка есть свой смотритель (ὁ προστατεύων), на обязанности котораго лежитъ наблюдать, чтобы продажа рыбы производилась соотвѣтственно съ покупной ея цѣной на морѣ. Покупка рыботорговцами товара производится на берегу моря, на пристаняхъ, съ подходящихъ къ пристани лодокъ; никоимъ образомъ рыботорговецъ не можетъ идти для покупки на мѣста рыбныхъ ловель, но ожидать прибывающихъ къ берегу лодокъ съ рыбой. Старшины рыботорговцевъ каждое утро являются къ эпарху и сообщаютъ ему свѣдѣнія на счетъ улова рыбы въ минувшую ночь; согласно съ этимъ эпархъ устанавливаетъ продажную цѣну рыбы для городскихъ жителей.

18. Хлѣбопеки (οἱ ἀρτοποιοί). Они покупаютъ жито по установленной эпархомъ цѣнѣ и, смоловъ жито, приготовляютъ

[1]) Такъ называлась большая площадь въ городѣ. Strategium in quo est *forum Theodosiacum* (ap. *Seeck*, Notitia urbis Constantinopolitanae).

хлѣбъ, продавая его съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждую номисму оставалась имъ прибыль въ одинъ кератій и двѣ миліарисіи[1]); кератій составляетъ чистую прибыль хлѣбопека, а двѣ миліарисіи идутъ на содержаніе рабочихъ, на расходы по топкѣ печей и прокормленіе лошади, смоловшей жито. Дабы предоставить этой корпораціи полный досугъ въ исполненіи столь важной общественной службы, она освобождена была отъ всякихъ другихъ общественныхъ повинностей. Хлѣбопекарни должны строиться въ удаленныхъ отъ жилыхъ помѣщеній мѣстахъ.

19. Содержатели питейныхъ заведеній (οἱ κάπηλοι). Старшина корпораціи (οἱ προεστῶτες) обязанъ дать знать эпарху, когда поступаетъ въ заведеніе новая партія вина, дабы онъ установилъ правила для продажи и указалъ законную мѣрку. Запрещается содержателямъ питейныхъ заведеній открывать кабаки въ большіе праздники и по воскресеньямъ ранѣе двухъ часовъ дня, по ночамъ же предписывается закрывать кабаки и тушить плошки[2]) съ наступленіемъ втораго часа (т. е. послѣ захода солнца), дабы не подать повода тѣмъ, которые привыкли проводить въ кабакахъ цѣлые дни, заходить туда и ночью въ опьяненіи затѣвать шумъ и драки.

20. Легатарій или уполномоченный. Эпархъ назначаетъ съ вѣдома царя легатарія, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за прибывающими въ Константинополь изъ разныхъ странъ купцами и доводить объ нихъ до свѣдѣнія эпарха, который долженъ осмотрѣть привезеные ими товары и указать способъ распродажи ихъ. По истеченіи опредѣленнаго срока и по окончаніи дѣла, легатарій снова доводитъ объ нихъ до свѣдѣнія эпарха и представляетъ списокъ закупленныхъ ими въ Константинополѣ предметовъ, дабы не было вывезено изъ столицы запрещеннаго къ выпуску товара. На обязанности эпарха лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы прибывающіе изъ за границы съ товарами купцы не оставались въ столицѣ больше трехъ мѣсяцевъ, но чтобы въ теченіе этого срока успѣли

---

[1]) Кератій — мелкая серебреная монета, на номисму полагалось 24 кератія, слѣдовательно цѣна кератія ок. 15 коп. Миліарисій — тоже серебр. монета вдвое большей стоимости, чѣмъ кератій (ок. 35 коп.). О монетной единицѣ въ Византіи см. статью *В. Г. Васильевскаго*, Матеріалы для исторіи Византійскаго государства (Журналъ Мин. Народн. Просв. августъ, 1880 стр. 385—387).

[2]) Р. 56 § 3 ἐν δὲ ταῖς νυξὶν ἅμα τῷ τὴν δευτέραν ἐπιέναι ἀσφαλίζειν ταῦτα καὶ σβεννύειν τὰ λεβήτια.

какъ продать привезенные товары, такъ и купить что имъ нужно и выбыть изъ столицы.

21. Посредники при покупкѣ лошадей (οἱ βόθροι). Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы при актѣ покупки лошади свидѣтельствовать ея доброкачественность[1]). Конный рынокъ долженъ быть въ опредѣленномъ мѣстѣ на площади Тавра (Ἀμαστριανός), и торговля должна производиться публично, дабы предупредить покупку и продажу заблудившихся или ворованныхъ лошадей. Въ случаѣ, если покупщикъ нашелъ у лошади порокъ, онъ можетъ отказаться отъ покупки въ теченіе шести мѣсяцевъ; по прошествіи же шести мѣсяцевъ это право удерживаетъ только покупщикъ военнаго сословія.

22. Ремесленники разнаго рода: столяры, мраморщики, лѣпильщики изъ гипса, живописцы и друг. Ремесленникъ, принявшій заказъ на какую нибудь работу, не имѣетъ права отказаться отъ нея, за исключеніемъ того случая, когда заказчикъ не доставитъ нужнаго матеріала для окончанія работы, или когда онъ не исполняетъ справедливыхъ требованій ремесленника. Въ этомъ случаѣ съ вѣдома и согласія эпарха договоръ можетъ быть нарушенъ. Но если ремесленникъ уклоняется отъ исполненія заказа по жадности или капризу, тогда заказчикъ имѣетъ право прогнать его, ничего не заплативъ за сдѣланный трудъ, и доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія эпарха, который подвергаетъ рабочаго тѣлесному наказанію. Особенно интересна четвертая статья устава о ремесленникахъ. Кто принялъ заказъ вывести стѣны или устроить цементированное зданіе со сводами (θόλους ἐγχορήγους) или арки, тотъ долженъ принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы фундаментъ былъ сдѣланъ крѣпкій, и постройка выведена по правиламъ строительнаго искуства (ἵνα μὴ γένηται τὸ κτιζόμενον λοξὸν ἢ καὶ ἄνισον). И если въ теченіе десяти лѣтъ постройка рухнетъ не по причинѣ воли Божіей (ἄνευ θεομηνίας, разумѣется землетрясеніе), то строитель обязанъ возстановить ее на собственныя средства. Въ томъ однако случаѣ, если бы расходы на возобновленіе превышали цѣнность золотой литры, подрядчикъ принимаетъ на себя работу безвозмездно, а хозяинъ — заказчикъ доставляетъ нужный для постройки матеріалъ. Постройки на глинѣ обязательно должны держаться шесть лѣтъ, если же до

[1]) p. 58 § 1 αὐτοὶ δὲ μαρτυρείτωσαν τὸ ζῶον ὁποῖον ἐστίν· ἐπὶ τούτῳ γὰρ καὶ ἡ τούτων ἐπιστήμη ἐστί.

истеченія этого срока постройка развалится, то подрядчикъ обязанъ возстановить ее на собственныя средства.

Разсмотрѣнныя здѣсь главы Устава константинопольскихъ двадцати двухъ корпорацій (σωματεῖον, σύστημα) бросаютъ совершенно новый свѣтъ на внутренній строй столицы и позволяютъ намѣтить въ этомъ громадномъ, но такъ мало изученномъ организмѣ тѣ живыя силы, которыя одухотворяли его и приводили въ движеніе. Приказъ эпарха города представляется могущественнымъ рычагомъ, дававшимъ направленіе дѣятельности промышленнаго и ремесленнаго населенія. Эпархъ посредствомъ зависящихъ отъ него органовъ не только проникаетъ во всѣ подробности городской трудовой жизни, но является еще отвѣтственнымъ предъ правительствомъ лицомъ за порядокъ и спокойствіе въ городѣ, даже за мысли и убѣжденія высшихъ классовъ столичнаго населенія.

По обряднику Константина Порфиророднаго въ приказѣ эпарха значатся слѣдующіе чины:

1, σύμπονος.
2, λογοθέτης τοῦ πραιτωρίου.
3, κριταὶ τῶν ῥεγεώνων.
4, ἐπισκεπτῆται.
5, πρωτοκαγκελλάριοι.
6, κεντυρίων.
7, ἐπόπται.
8, ἔξαρχοι
9, γειτονιάρχαι.
10, νομικοί.
11, βουλωταί.
12, προστάται.
13, καγκελλάριοι.
14, ὁ παραθαλασσίτης.

Къ этому можно еще присоединить отмѣченныхъ у Кедрина курсоровъ[1])

Нѣтъ сомнѣнія, что въ перечнѣ упомянуты не только чины, составляющіе собственно канцелярію эпарха, но и представители зависящихъ отъ него управленій и вѣдомствъ и старшины разныхъ корпорацій. Къ чинамъ приказа или канцеляріи можно причислить лишь: товарища эпарха (σύμπονος),

---

[1]) Cedreni I. p. 682., ἕνα τῶν αὐτοῦ κουρσώρων ὁ ἔπαρχος . . . ἔπεμψε.

протоканкелларіевъ и канкелларіевъ, инспекторовъ (ἐπισκεπτῆται), чиновниковъ для накладыванія клейма на товары (βουλωταί) и курсора. Остальные суть представители отдѣльныхъ управленій, или городскихъ корпорацій. Такъ, въ перечнѣ упоминается логоѳетъ преторія, какъ начальникъ тюремнаго вѣдомства, участковые судьи (κριταὶ τῶν ῥεγεώνων) — представители судебнаго вѣдомства, начальникъ военнаго отряда (κεντυρίων). Эксархи суть начальники нѣкоторыхъ корпорацій — по назначенію эпарха, сюда же относятся προστάται — старшины. Совершенно отдѣльно стоитъ παραθαλασσίτης, котораго можно сблизить съ comes riparum et comes portus въ Notitia dignitatum[1]). Вообще, сравнивая перечень чиновъ эпарха съ приказомъ префекта города Рима, можно приходить къ любопытнымъ заключеніямъ. Изъ этого сравненія прежде всего усматриваются черты общности римскаго и византійскаго учрежденія; особенности же въ организаціи префектуры города въ Константинополѣ показываютъ, что византійское правительство придало къ вѣдомству эпарха города новыя части. Самая важная отрасль — это судебная, выразившаяся въ рубрикѣ κριταὶ τῶν ῥεγεώνων, затѣмъ совершенно новая область подразумѣвается въ рубрикѣ νομικοί, подъ которыми разумѣются адвокаты, стряпчіе и нотаріусы. Но самую интересную подробность находимъ въ томъ, что въ числѣ чиновъ, записанныхъ въ вѣдомствѣ эпарха встрѣчаются Γειτονιάρχαι, т. е. vicomagistri, упоминаемые въ древнѣйшемъ описаніи Константинополя[2]). Этотъ терминъ вводитъ уже въ самое сердце городской жизни и служитъ доказательствомъ того, что эпарху были подчинены не только промышленныя и ремесленныя корпораціи, но все городское населеніе, ибо vicomagistri или γειτονιάρχαι суть чины городскаго управленія — квартальные надзиратели. Но интересъ, возбуждаемый этой рубрикой, возрастаетъ еще болѣе, если примемъ во вниманіе, что тѣ же самые чины оказываются въ числѣ принадлежащихъ къ оффикію димарховъ[3]). Такъ какъ димархи суть представители такъ называемыхъ димовъ въ ихъ политической организаціи, то, конечно, мы получили бы въ этомъ указаніе, что димы или партіи цирка суть тотъ же византійскій народъ, который состоитъ въ ремесленныхъ и промысловыхъ корпораціяхъ и

---

[1]) *Seeck*, Notitia dignitatum. Berolini, 1876, S. 114 (præfectus urbis Romae)
[2]) *Notitia urbis* Constantinopolitanae, ap. *Seeck* p. 230 squ.
[3]) *De Cerimoniis*, p. 720.$_{15}$.

который при томъ организованъ еще по димамъ въ политическомъ отношеніи. Эта мысль была нами развиваема въ другомъ мѣстѣ и здѣсь не будемъ на ней останавливаться[1]).

Законодательные памятники категорически ставятъ въ зависимость отъ эпарха все городское населеніе[2]). Ἐκλογὴ τῶν νόμων выражаетъ въ одиннадцати пунктахъ компетенцію эпарха города[3]). Соединивъ однородные пункты, можемъ представить полноту власти эпарха въ слѣдующихъ чертахъ:

1. Онъ судитъ всѣ дѣла по проступкамъ въ городѣ и на сто миль за чертой города

а) вѣдаетъ дѣла о рабахъ, выкупающихся на свободу и дѣла патроновъ съ вольноотпущенными

б) дѣла по опекѣ и о неправильномъ управленіи имуществомъ опекаемыхъ, и

в) дѣла о проституціи.

2. Вѣдаетъ дѣла банковскія, устанавливаетъ цѣны на мясо.

3. Слѣдитъ за порядкомъ въ городѣ и общественнымъ спокойствіемъ въ публичныхъ мѣстахъ.

4. Имѣетъ въ своемъ распоряженіи отрядъ военныхъ людей для содержанія порядка и полученія свѣдѣній о томъ, что гдѣ происходитъ[4]).

5. Имѣетъ право выселять изъ столицы, запретить временно или навсегда занятіе торговлей и ремесломъ, ограничить доступъ въ театры, лишить права адвокатской практики.

6. Его вѣдомству подлежатъ ремесленныя корпораціи.

Итакъ, въ памятникахъ мы нашли достаточно свидѣтельствъ о важной роли въ жизни столицы эпарха. Какъ правительственный органъ, находящійся въ ежедневномъ и непосредственномъ соприкосновеніи съ рабочимъ и ремесленнымъ населеніемъ столицы, эпархъ долженъ былъ тѣсно связать свое имя съ Константинополемъ. Къ сожалѣнію, сохранилось мало свѣдѣній для общей характеристики его, какъ хозяина города. Одно изъ лучшихъ извѣстій въ этомъ отношеніи связано съ именемъ эпарха Кира, современника Ѳеодосія Великаго. Правда,

---

[1]) Византійскій Временникъ I. Партіи цирка и димы въ Константинополѣ.

[2]) Basil. I. VI. tit. 4, 13 πάντα τὰ ἐν Κωνσταντινουπόλει σωματεῖα καὶ οἱ πολῖται καὶ οἱ ἀπὸ τοῦ δήμου παντὸς τῷ ἐπάρχῳ τῆς πόλεως ὑποκείσθωσαν.

[3]) Leonis et Constantini, Delectus legum, ap. *Migne,* Patrol. gr. t. CXIII col. 465—468.

[4]) Καὶ ἔχει στρατιώτας ἐπὶ τῇ εἰρήνῃ καὶ ἐπὶ τὸ ἀναφέρειν αὐτῷ τὰ πανταχοῦ κινούμενα (§ 8).

это былъ исключительный человѣкъ, обладавшій рѣдкими качествами образованія и ума; писатели придаютъ ему почетное прозваніе ὁ φιλόσοφος, ἀνὴρ σοφώτατος. Стóитъ указать здѣсь одну черту къ его характеристикѣ. Сдѣлавшисъ весьма популярнымъ въ городѣ, Киръ лишенъ былъ царемъ всѣхъ почестей подъ предлогомъ эллиномыслія, постриженъ въ монахи и назначенъ епископомъ въ городъ Смирну. Жители Смирны, желая испытать новаго епископа насчетъ его воззрѣній, настоятельно просили его сказать проповѣдь въ день Рождества Христова. Епископъ уступилъ ихъ настояніямъ и сказалъ слѣдующее: „Братіе, Рождество Бога и Спаса нашего Іисуса Христа молчаніемъ должно быть чтимо, ибо слухомъ только зачала во чревѣ Святая Дѣва Слово Божіе, Ему же слава во вѣки аминь“[1]). Это конечно нужно признать искуснымъ ораторскимъ пріемомъ, напоминающимъ знаменитое слово Иннокентія передъ плащаницей: „братіе, Господь и Спаситель нашъ во гробѣ, начнемъ же молиться и плакать“. Основное извѣстіе объ эпархѣ Кирѣ почерпается изъ Пасхальной Хроники, гдѣ отмѣчено между прочимъ, что съ него началось соединеніе двухъ отдѣльныхъ прежде управленій, префектуры города и преторіи, и что онъ былъ въ должности четыре года[2]). Большинство писателей, упоминающихъ о дѣятельности Кира[3]), восхваляетъ главнѣйше строительную его дѣятельность (постройка стѣнъ и возобновленіе всего города) и изобрѣтеніе особаго рода вечерняго и ночнаго освѣщенія для мастерскихъ. Эта послѣдняя сторона вопроса нуждается въ особомъ разсмотрѣніи.

Пасхальная хроника даетъ слѣдующее извѣстіе: καὶ αὐτὸς ἐπενόησεν τὰ ἑσπερινὰ φῶτα ἅπτεσθαι εἰς τὰ ἐργαστήρια, ὁμοίως καὶ τὰ νυκτερινά. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что выраженіе ἐπενόησε указываетъ дѣйствительно на открытіе или изобрѣтеніе чего либо новаго и доселѣ неизвѣстнаго. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ обыкновенномъ вечернемъ освѣщеніи мастеркихъ, такъ какъ способы ночнаго освѣщенія улицъ и публичныхъ мѣстъ были извѣстны и не составляли въ Константинополѣ необычнаго явленія. Въ статьѣ 3 устава питейныхъ заведеній, на которую выше обращено было вниманіе, говорится, что съ наступленіемъ ночнаго вре-

---

[1]) *Chron. pasch.* 589.$_{8}$, сравни Theoph. Chronogr. p. 97.$_{18}$ (ed. De Boor).
[2]) *Chron. pasch.* p. 588.
[3]) *Malalas*, p. 361,$_{18}$; chron. pasch., Theophanes, Cedrenus 1. 598.$_{22}$.

мени кабаки закрываются и плошки тушатся. Никакъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что освѣтительное масло и горѣніе его въ плошкахъ было употребительно въ Константинополѣ и въ эпоху эпарха Кира. Аммiанъ Марцеллинъ[1]) хвалитъ ночное освѣщеніе въ Антіохіи, которое будто спорило съ дневнымъ свѣтомъ. Историкъ Кедринъ, разсказывая о пожарѣ во время бунта, извѣстнаго подъ названіемъ Ники, истребившемъ множество зданій, упоминаетъ о погибели дома, называемаго фонарнымъ, потому что по вечерамъ онъ горѣлъ огнями[2]). Этотъ такъ называемый домъ λαμπτήρων, имѣющій склады шелковыхъ товаровъ, которые по всей вѣроятности въ немъ и изготовлялись, до извѣстной степени можетъ быть сближенъ съ изобрѣтеніемъ эпарха Кира для ночнаго освѣщенія мастерскихъ. Но въ чемъ заключается секретъ и новость изобрѣтенія, объ этомъ судить очень трудно. Что византійцамъ были извѣстны нѣкоторые искусственные способы освѣщенія и обогрѣванія, объ этомъ можно догадываться на основаніи извѣстія Кодина[3]) о баняхъ Зевксиппа, освѣщаемыхъ и въ то же время обогрѣваемыхъ посредствомъ особаго стекляннаго аппарата.

Въ качествѣ хозяина города эпархъ имѣлъ попеченіе объ украшеніи его красивыми зданіями, объ устройствѣ театральныхъ представленій. Одной изъ важнѣйшихъ его заботъ было иллюминовать и украшать городъ по случаю праздниковъ, парадныхъ процессій царей и встрѣчъ важныхъ иностранцевъ. Если о популярнѣйшемъ эпархѣ говорится, что онъ украсилъ свое правленіе εὐνομίᾳ καὶ δικαιοσύνῃ[4]), не менѣе того восхваляется и тотъ эпархъ, который заботился объ украшеніи города. Таковъ былъ эпархъ Ѳеодосій, строитель Августеона[5]), таковъ Киръ, построившій стѣны и возобновившій Константинополь.

Любопытное извѣстіе объ иллюминаціи Константинополя сохранилъ Кедринъ[6]). Однажды въ городѣ распространился

---

[1]) *A. Marcellini* lib. XIV, (1. 9) ed. Teubneriana.

[2]) Cedreni 1. p. 648.16 ᾤχετο τοίνυν σὺν τούτοις καὶ ὁ ἐκ τῶν φώτων τῶν κατὰ τὰς ἑσπέρας λαμπτήρων ἐπικαλούμενος οἶκος, ἐν ᾧ αἱ περιουσίαι τῶν ἐμπορευομένων τά τε σηρικὰ καὶ πολυτελῆ καὶ χρυσόπαστα.

[3]) Codinus, de Signis p. 36.16 ὁ δὲ Ζεύξιππος τὸ λουτρὸν ὑπὸ Σεβήρου κατεσκευάσθη καὶ ἐστοιχειώθη μετὰ κανδήλας ἅπτεσθαι ὑαλίνης, τὸ δὲ ὕδωρ ζέειν σφοδρῶς καὶ τὸν ἀέρα τοῦ λουτροῦ. ἀλόγιστοι δέ τινες ἐλθόντες τοῦτο κατέστρεψαν.

[4]) Theophanis Continuat. p. $240._{6}$.

[5]) Chron. paschale p. $593._{4}$.

[6]) 1. p. $678._{22}$.

слухъ, что царь Юстиніанъ заболѣлъ и никого къ себѣ не принимаетъ. Начался мятежъ и грабежи. Тогда эпархъ приказалъ зажечь иллюминацію (ἀνῆψε φῶτα εἰς ὅλην τὴν πόλιν) въ ознаменованіе того, что царь выздоровѣлъ, и своеволія прекратились.

Только эпархъ могъ располагать такими обширными средствами, чтобы въ короткое время привести городъ въ праздничный видъ по случаю торжественныхъ встрѣчъ и царскихъ выходовъ. Для этого у него были въ распоряженіи всѣ торговцы золотыми и серебряными вещами, всѣ фабрики и мастерскія, гдѣ изготовлялись шелковыя матеріи и наконецъ торгующіе этими предметами. Къ торжественнымъ случаямъ улицы Константинополя чистились и украшались зеленью и цвѣтами, парадные залы дворца также украшались восточными тканями и драгоцѣнными предметами, взятыми или отъ поставщиковъ, или изъ церквей и разныхъ богоугодныхъ заведеній. Такъ, по поводу торжественнаго пріема сарацинскихъ пословъ, дворцовыя помѣщенія эпархъ украсилъ пурпуровыми и шелковыми тканями, золотыми и серебряными предметами, эмалями и проч., при чемъ добавлено, что эти предметы доставлены были торговцами (δηλονότι τῶν ἀργυροπράτων ταῦτα παρεχόντων [1]); особенно подробно описано украшеніе города по случаю возвращенія Василія Македонянина изъ похода. [2]) Эпархъ города украсилъ городъ отъ Золотыхъ воротъ до Халки лавромъ, розмариномъ, миртомъ, розами и другими цвѣтами и кромѣ того разноцвѣтными скарамангіями и σενδὲς и паникадилами, весь путь усѣянъ былъ цвѣтами, а на долинѣ за Золотыми воротами были раскинуты шатры, гдѣ были плѣнники и разставлена военная добыча. Все подобное убранство города и украшеніе называлось ἡ κατάστασις τῆς πόλεως καὶ φιλοκαλία и украшенный такъ городъ сравнивался съ покоемъ новобрачныхъ. [3])

---

[1]) De Cerimoniis p. 572,$_{11}$ и выше ἐξώπλισεν ὁ ὕπαρχος ἀπὸ βλαττίων καὶ ἀπλωμάτων καὶ σενδὲς . . . Участіе городскаго торговаго сословія въ украшеніи города выяснено въ изслѣдованіи проф. Д. Ѳ. Бѣляева, Byzantina I, стр. 174—5, 46, 76—77.

[2]) De Cerimoniis 499.10.

[3]) De Cerim. 505.$_{5}$ δίκην νυμφικῶν παστάδων.

Межевой знакъ владѣній Дексикрата и Урвикія.

Г. П. Беглери.

Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ, при его открытіи, мною пожертвована была коллекція разныхъ предметовъ, которая легла въ основаніе музея древностей Института. Большинство этихъ предметовъ найдены или пріобрѣтены мной лично при развѣдкахъ въ предмѣстьяхъ Константинополя, или во время экскурсій за городскія стѣны. Моя коллекція составлялась постепенно, я имѣлъ случай слѣдить во многихъ мѣстахъ за постройкой новыхъ домовъ, за копаніемъ каналовъ и разными земляными работами, вслѣдствіе чего мнѣ попадались въ руки довольно разнообразные археологическіе предметы. Между прочимъ, у меня составилась коллекція кирпичей съ клеймами, монограммами и надписями, собрано нѣсколько монетъ, крестовъ, надписей на камняхъ и разныхъ остатковъ византійскаго христіанскаго искусства. Кромѣ того, я имѣлъ случай опредѣлить мѣстонахожденіе памятниковъ или мало извѣстныхъ, или совсѣмъ неизвѣстныхъ. Такова, напримѣръ, гробница эпохи Ѳеодосія Младшаго съ надписью, остатки мозаическихъ половъ VII и VIII вв., основанія св. трапезъ съ крестами и именами святыхъ, ваптистеріумъ превосходной работы X—XI в., остатки капителей и колоннъ и проч. — Сдѣланныя мной наблюденія сообщены Институту, который надѣется съ теченіемъ времени провѣрить ихъ и сдѣлать изъ нихъ свои выводы.

Предлагаемая ниже надпись входитъ въ число предметовъ, пожертвованныхъ мной Институту.

Надпись сдѣлана на мраморной плитѣ выс. 0.36 с., шир. 0.21 с. Нижняя часть плиты отбита, причемъ пострадало начало послѣдней строки. На одной изъ боковыхъ сторонъ находится углубленіе для скрѣпы плиты съ другимъ предметомъ. Но судить о первоначальномъ мѣстонахожденіи надписи нѣтъ возможности, такъ какъ она найдена на глубинѣ 3 метровъ отъ поверхности земли. Можно однако думать, что она первоначално составляла часть какого-либо памятника, какъ слѣдуетъ заключать по гладкой обработкѣ верхней и одной изъ продольныхъ сторонъ плиты. Мы нашли эту плиту въ прѣдмѣстьи Константинополя Кучукъ-кей, въ окрестностяхъ Эйюба. Согласно нашимъ топографическимъ изслѣдованіямъ этой загородной мѣстности (Аѳинскій журналъ Παρνασσός Т. XI кн. 11—12), здѣсь въ древности протекала рѣчка, по имени Ῥεῦμα, соединявшаяся съ рѣками Барбисъ и Кидаросъ, — обстоятельство, могущее служить къ объясненію наименованія этой мѣстности въ эпоху составленія надписи. Переходимъ къ чтенію надписи

ὅροι τῶν καλα-
μούσου διαφέ-
ροντες Δεξικρ-
άτου τῷ (вм. τοῦ), ἐνδο-
ξ(ωτάτου) πατρικίου
κ(αὶ) Οὐρβικίου τοῦ
ἐνδοξ(ωτάτου) ἀπὸ
πρεποσίτων
(ἀ)πὸ ὑπάτων

Въ палеографическомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайно характерныя для древнѣйшаго византійскаго письма особенности: продолговатое съ узкимъ вверху закругленіемъ Ρ, закругленный и не доходящій до верха лѣвый штрихъ у Δ, изогнутая и не доведенная до конца черта у Κ, наконецъ Ξ съ слѣдующимъ за нимъ знакомъ сокращенія, — все это опредѣленныя палеографиискія особенности для VI и VII в. Слѣдуетъ затѣмъ оговорить двѣ ошибки: въ третьей строкѣ членъ τῷ вмѣсто τοῦ и въ восьмой строкѣ πρεποσίτων черезъ ε *вмѣсто αι.*